

САБИР АБДУЛЛА
МУКИМИ

РОМАН

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1988

Уз 2
А15

Перевод с узбекского *С. Паластрова*
Под редакцией *М. Шевердина*
Перевод стихов *Рауфа Галимова*

Абдулла, Сабир.

«Мукими»: Роман / (пер. с узб. *С. Паластрова*; Под ред. *М. Шевердина*; Пер. стихов *Р. Галимова*). — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1988. — 384 с.

Роман «Мукими» («Скиталец») — документальное повествование об узбекском поэте-демократе Мухаммеде Амннходже Мукими, жившем во второй половине XIX — начале XX века, в период, когда Туркестан был царской колонией. Трудящиеся края подвергались эксплуатации местных баев и царских чиновников. Передовые люди выступали за освобождение своего народа, испытав на себе благотворное влияние русской революционной мысли.

Одним из таких прогрессивных деятелей, выразителем дум и чаяний трудового народа был поэт Мукими (1850 — 1903). О нем, о людях, его окружавших — поэтах, певцах, музыкантах, дехканах, ремесленниках, — рассказывает в своем романе Сабир Абдулла.

4702570200 — 6
А _____ 58 — 88
М352(04) — 88

Уз2

© Оформление. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСКРЫ ВО ТЬМЕ

Поздняя осень. По городу рыщет ветер, пронизывает до костей. Натянув на голову полы халата, по улочке бредет старик с вязанкой хвороста. Громко шлепают в тиши вечера его стоптанные козлиной кожи кавуши на босых ногах.

Навстречу вывернулся из-за угла молодой парень и насмешливо бросил:

— Эй, Мумин Ворчун, вы пропустили вечернюю молитву. А все из-за хвороста!

Весь город знал старика Мумина Хуноба, то есть Мумина Ворчуна. Немало Мумин хлебнул горя на своем веку. Жизнь издергала его всяческими невзгодами да бедами, и он стал вспылчивым, не в меру раздражительным и ворчливым.

Насупившись, старик искоса посмотрел на шутника и, не останавливаясь, поплелся дальше.

— Пропустил молитву! — ворчал Мумин. — Это легко поправить. А вот спастись от холода? Да простит господь слабого, немощного раба своего... Вознесение молитв к престолу аллаха придумали те, у кого дров, угля в очаге полным-полно, у кого котел лоснится от жира! А у меня? У меня всего-навсего одна вязанка хвороста. Что мне, старику, делать? Варить обед или подогреть воду для омовения?.. Лучше жариться на углях в аду, чем совершать омовение холодной водой!.. Вои властитель могущественный Худоярхан уж как старался, понастроил сколько мечетей всяких, медресе! А какое воздаяние получил он за все свои богоугодные дела? А разве я, ничтожный нищий, получу в том мире хоть что-нибудь за свои добрые дела?

Так и не переставая ворчать, шутник свернул в другую улицу.

Сзади Мумина Хуноба шел человек в добротном нарядном халате. Он отлично слышал брюзжание Мумина.

Обогнав старика, он прошел немного вперед и, презрительно оглядев его, грубо сказал:

— Из-за таких вот, как ты, нечестивцев, бесстыжих поганцев и свалилась беда на наши головы. Все мы оказались под игом нечестивого белого царя!.. Религия попрана, святыни осквернены, о аллах!

То ли Мумину Хунобу уже не раз приходилось выслушивать грубости, то ли он очень устал, но он не обратил внимания на слова незнакомца, пробурчал что-то себе под нос и повернул к Кальвак-гузару — маленькому базарчику с лавками, цирюльнями и чайханами.

— Во времена Худояра, — брюзжал Мумин Хуноб, — у меня едва силы хватило накопить на масляную коптилку. Теперь правит другой царь, а я все тот самый Мумин Ворчун, каким был. Таким и останусь. При белом царе хоть привезли и повесили в лавках лампы со стеклами. Светло в них горит керосин. А что мне пользы, если у меня не хватает, чтобы купить такую лампу? Будь у меня деньги, купил бы я такую светлую лампу и забрал бы с собой в могилу.

Тем временем хорошо одетый незнакомец вошел в медресе¹ Хазрат и по крытому проходу направился во двор. С минуту он постоял, пытливо разглядывая освещенное окно, заклеенное промасленной бумагой. Подойдя вплотную, резко постучал.

Дверь открыл седовласый безбородый старик с согнутым станом и продолговатым очень смуглым лицом. Через плечо его был перекинут поясной платок.

— Пожалуйте!.. — пригласил он гостя. — Пожалуйте!..

Оставив гостя в крошечной прихожей, старик поспешно вошел в худжру².

Незнакомец не спеша снимал верхний халат и чалму и внимательно разглядывал, что висит на колышках, вбитых в стену: на одном колышке красовалась шуба на меху из лисьих лапок и поверх нее — кашмирская чалма; на другом висели простой ватный халат из полосатой полушелковой ткани кустарного производства и чалма из кисеи.

— Хозяин лисьей шубы и кашмирской чалмы, конечно, Миён Сотыболдыхан, — пробормотал незнакомец, — а халат... вероятно, кто-либо из муллавачча — учащихся этого медресе...

¹ *Медресе* — высшее мусульманское духовное учебное заведение.

² *Худжра* — келья, маленькая жилая комната при медресе.

Рыжебородое продолговатое лицо незнакомца подергивалось. Крылья прямого длинного носа шевелились.

Поджав почтительно губы, он перешагнул порог. Перед ним посредине комнаты, сложив руки на животе, в почтительной позе стояли богатырского роста, широкоплечий, с острым взглядом Миён Сотыболдыхан и чуточку пониже ростом, белолицый, с большими красивыми глазами и едва пробивающимися усиками незнакомый молодой человек.

Все обменялись приветствиями и поклонами. Миён Сотыболдыхан пригласил гостя пройти на почетное место. Едва он сел и, прочитав краткую молитву, провел ладонями обеих рук по лицу, Миён, опустившийся на колени у самой двери, чуть приподнялся и, приложив обе руки к груди, сказал:

— Очень рады вас видеть!..

— И вам желаю доброго здоровья и радости!..— ответил гость.

Старик с платком на плече поспешно поставил медный кувшинчик с водой в огонь очага, а муллавачча, убрав с низенького столика исписанные листы бумаги, принялся расстилать дастархан¹. Гость взглянул мельком на бумаги, очутившиеся около него на подушках, спросил Миёна Сотыболдыхана:

— Кажется, вы увлекаетесь также и каллиграфией, господин Миён?

— Нельзя сказать, что нет. Ваш покорный слуга немного интересуется также и каллиграфией. Но каллиграфическое письмо, на которое вы, господин, изволили обратить внимание, это упражнения в чистописании. В свободное время их выполняет вот этот мой молодой друг Мухаммед Аминходжа. Каждый вечер, помимо каллиграфии, мы, ваш покорный слуга, друг мой Мухаммед Аминходжа и почтенный поэт Нохуш, — он указал глазами на безбородого, — проводим время в занятиях математикой, астрономией, литературой, а если после этого остается свободное время, играем в шахматы. Вот и сейчас...

Гость вдруг почему-то побледнел и долго не мог вымолвить ни слова. Лишь немного оправившись, он лицемерно улыбнулся.

— Вот это да! Великолепно!... Однако не рановато ли вы начали... заниматься светскими науками, к ним

¹ Дастархан — скатерть с яствами.

можно обратиться позднее, когда вы будете уже в летах. Неужели из-за всяких наук должно остаться позади учение о вере, о догматах? А впрочем, вы сами лучше знаете, вам виднее, господин Миён...

Сглотнув слюну, Миён Сотыболдыхан склонил голову в полупоклоне и сделал вид, будто он весь — внимание.

— Да, да... Так, господин,— проговорил он.— Благодарю за любезность...

Миён Сотыболдыхан держал себя с достоинством. Краешком глаза глянул он на Мухаммеда Аминходжу, и тот прочел в этом взгляде: «Вот, мол, как я избавился от его непрошенных советов». Тем временем Нохуш принес на подносе лепешки, сласти и чайник чаю.

Хозяева худжры принялись угощать гостя. Но кто такой этот незнакомый гость и почему он в столь неурочный час постучал в их дверь, они не знали.

А гость, прихлебывая чай, продолжал:

— Господин Миён, кто-нибудь из вас имеет склонность сочинять газели?..

Как видно, Миёну был неприятен этот разговор, и он ответил:

— Извините... Ваш покорный слуга не поэт, но вот они оба пишут стихи, а меня считают искренним почитателем поэзии...

Неприветливый взгляд гостя словно обшарил лица Нохуша и муллаваччи и остановился на Миёне.

— Хорошо,— сказал он.— Прекрасно!.. Значит, они пишут газели? Жители города Коканда давно уже, со времен эмира Умархана, привыкли к стихоплетству... Увлекаются поэзией. Даже конюхи Умархана были поэтами...

И столько желчи было в его словах, что всем стало не по себе. Нохуш резко встал и вышел из комнаты. Мухаммед Аминходжа опустил глаза и едва сдерживал себя.

Сдавленным голосом Миён Сотыболдыхан спросил гостя:

— Вы хотите сказать, что кокандцы не стоящие поэты, что ли?

— Поэзия — не игрушка, не забава, господин Миён...

— А если у наших кокандцев природный талант?..

— Может быть, у них и талант... Но мне это неясно. Господин Миён, вашего покорного слугу не интересовали имена этих людей. Но сейчас не время спорить. Я только что приехал в Коканд. Живу пока в доме уважаемого

Сулеймана Авганбая. А вам привез письмо от господинна Турахана-махзума¹. Я наслышан, будто медресе целиком в вашем распоряжении, господин Миён...

Порывшись в кармане, незнакомец извлек сложенную вчетверо бумагу и протянул ее Миёну. Пробежав глазами письмо, тот сложил его, перегнув несколько раз.

— Извините, — сказал он. — У нас в медресе все жилые худжры заняты. Прошу прощения, таксыр². Но примите во внимание, причина у меня уважительная. К тому же прежде чем обещать вам должность попечителя имущества, принадлежащего медресе, мой уважаемый брат, а также мой досточтимый тесть должны были бы получить разрешение от домоллы Зуфара-махзума, старшего преподавателя нашего медресе. Пока в медресе распоряжается уважаемый домолла,³ быть может, они согласятся, а может быть, и нет... Извините вашего покорного слугу, но сами видите причины. Прошу прощения.

— А если домолла Зуфар-махзум не изволят согласиться?

— Ну, тогда что же мы можем сказать?..

Ясный, прямой ответ, видимо, задел гостя. Он понял, что говорить больше не о чем. Раздраженно прочитав над дастарханом краткую молитву, он поднялся, холодно распрощался и вышел. Молча Нохуш проводил гостя. Вернувшись, он сказал:

— С вас суюнчи, Миён!.. Снег пошел!..

* * *

Поблизости с медресе Хазрат в тесном, невзрачном домишке жил известный учитель, содержавший мактаб, домолла Халил. Он был очень сведущ в разных науках. В жизни он много перенес трудностей и лишений, но тем не менее всегда стремился расширять свои познания. Все уважали его и почтительно называли: наш учитель, наш наставник.

Наиболее способных своих учеников Халил-домолла обучал светским наукам. Днем в этой школе все делалось напоказ: ученики зазубривали тексты из корана и декламировали религиозные стихи. А вечером собирались лучшие, отобранные домоллой Халилом, ученики и обучались каллиграфии, математике и другим наукам.

¹ *Махзум* — почтительное обращение к духовным лицам и их родственникам мужского пола.

² *Таксыр* — господин.

³ *Домолла (домла)* — учитель; почтительное обращение к человеку в знак уважения к его знаниям.

Однако многие отцы учеников не проявляли ни малейшего интереса к этим занятиям, а некоторые просто с ненавистью и подозрительностью относились к нововведению домуллы Халила.

Миён Сотыболдыхан и Мухаммед Аминходжа были здесь самыми способными учениками. Они и подружись вот в этом мактабе.

Чем же объяснить, что между Миёном, сыном святейшего имама Раббони Сохибзаде, и Мухаммедом, сыном пекаря, возникли искренняя симпатия и любовь? Произошло это потому прежде всего, что у них был мудрый наставник домулла Халил, который сумел наглядно раскрыть перед ними пользу науки. Кроме того, у юношей были сходные характеры. Оба отличались острым умом, отзывчивостью, сообразительностью, находчивостью, учтивостью.

Среди девятнадцати сыновей святейшего имама Раббони Сохибзаде Миён Сотыболдыхан выделялся уже в детстве. Воспитателем у него был Нохуш, которого привели в Коканд нищенская жизнь и скитания.

Странный был человек этот Нохуш. Не имея сам ни гроша, он избрал путь покровителя немощных и обездоленных, убогих, делясь с ними последним. В Миёне он воспитал скромность и сдержанность. Не позволяя ему кичиться своим происхождением и богатством. Именно потому Миён братски относился к сыну бедного многосемейного пекаря, своему товарищу Мухаммеду Аминходже.

Простодушный, неприхотливый и вместе с тем болезненно самолюбивый Мухаммед Аминходжа еще мальчиком умел держать себя с достоинством. Отличался выдержанностью, солидностью, твердо переносил невзгоды и лишения.

Дружба его с Миёном с годами крепла. Часто они сидели вдвоем в худжре, читали вслух книги, горячо спорили, «уцепившись» за какую-нибудь нелепую мысль в произведении того или иного поэта. А устав от споров о высоких материях, играли в шахматы или же состязались в остроловии.

Поэт Нохуш, сидя у порога, с интересом прислушивался к беседам друзей, к изящной, тонкой игре слов, иногда и сам вставлял острое словцо.

Как-то Миён Сотыболдыхан дал Нохушу серебряную теньгу¹, попросил:

¹ *Теньга* — монета достоинством в 20 копеек.

— Возьмите на себя заботу — купите все для ужина.

А Нохуш, улыбнувшись, показал ему свою монету и сказал:

— Спрячьте свою теньгу, Миён! У меня есть...

— Не верю! У вас на расход не хватит! Не берите на себя столько забот.

— Господин Миён! Вы увидели, что у меня в руке только одна монета, и потому говорите так! Но у меня сколько угодно... забот и без монет.

Старик Нохуш в шутку сказал так, но его шутка была слишком похожа на горькую правду. От Мухаммеда Аминходжи не укрылось, что глаза Нохуша наполнились слезами.

Нохуш через силу улыбнулся, взял небольшой хурджун и отправился на базар. А Миён молча встал, взял с полки первую попавшую книгу и, перелистывая ее, тихонько вздохнул. Мухаммед Аминходжа, уставившись в одну точку, думал. Мысленно он перенесся в далекую Индию, о которой он часто слышал от Нохуша.

Знойный летний день. По пыльной длинной улице города Калькутты двое вооруженных ведут закованного в цепи, избитого, окровавленного юношу. За ними, поднимая пыль, бежит стайка голых ребятишек. Прохожие останавливаются и с жалостью смотрят на закованного в цепи юношу, высказывают свои предположения: один приходит к мысли, что юноша убил человека, другой считает его вором. Грузчик средних лет сбросил со спины тяжелый груз на большой камень и, вытирая со лба пот, тихонько объясняет:

— Да бросьте вы! Юноша вовсе не вор, не лгун, а невиновый поэт! В одно его стихотворение «вкралась ошибочка». И за это ему вынесли приговор: «Посадить в тюрьму!»

Юноша этот был Нохуш, сын книготорговца средней руки. Он получил известность в Калькутте своими бунтарскими стихами. Простые люди, труженики читали его стихи. Но у богачей и знати дерзкие строфы Нохуша вызвали ненависть. За поэтом начали следить. Подвергли его преследованиям. Но мятежный Нохуш смело шел своим путем. В стихах он разоблачал жестокие законы английских колонизаторов. Его арестовали, били, истязали, в конце концов бросили в тюрьму.

Прошли годы. Каждый час из этих долгих лет казал-

ся Нохушу веком. Томясь в подземной темнице, он сочинял песни о солнце, о луне:

«Солнце, ты делаешь свое благое солнечное дело. Но, находясь далеко, очень далеко, ты посылаешь всем одинаково свои улыбки. Смотри, что происходит в мире! Приглядиись! Кто смеется, кто плачет! Кто живет при свете, а кто в подземной темнице! Сообрази, кто прав, кто неправ.

О Луна! Скажи мне! Было это несколько лет назад. Просидел я всю ночь напролет, писал стихотворение. И вдруг наступило утро, и мой взгляд упал на твой пожелтевший лик. Тогда у меня не было нужды расспрашивать, почему пожелтело твое лицо. Ибо я был свободен. А теперь я задаю тебе вопрос из подземной темницы. Скажи мне! Ты на себе, выше всех, а я ниже всех, под землей, и я лишен возможности видеть даже тебя, о Луна! Лицо мое пожелтело, тело в ранах и язвах, глаза мои полны слез. Скажи мне, почему пожелтело твое лицо, Луна? Что за причина?.. Или ты тоже пожелала добиться правды?..»

Когда Нохуша выпустили из подземной тюрьмы, его отправили в ссылку далеко от родной Калькутты.

Воспоминания Мухаммеда Аминходжи прервал громкий стук. В передней послышались голоса. Мухаммед Аминходжа вскочил и вышел в переднюю. Тут же вернувшись, он оживленно сказал:

— Пришли сам домулла с шахматами под мышкой и Юлдашали...

Едва Миён Сотыболдыхан успел подняться с места, как в хужру зашли седобородый старец домулла Халил в конусообразной ватной шапке дервиша и один из его любимых учеников Юлдашали... Миён поспешил навстречу с приветствиями, почтительно принял из рук учителя посох. Мухаммед Аминходжа взял шкатулку с шахматами и пригласил гостей пройти на почетное место.

— Захотелось сыграть партию, учитель?.. Но зачем трудились?.. Ведь вы же знали, что у нас тоже есть шахматы!

— Да мы вот дома играли в шахматы с муллой Юлдашали. Двигали-двигали фигуры, надоело. Захотелось куда-нибудь пойти. Давайте сыграем. Мы вдвоем, и вы вдвоем. А где мой друг Нохуш? Что-то его не видно.

Мухаммед Аминходжа ответил:

— Он сейчас придет. Понадобилось купить кое-что. Мулла Юлдашали, садитесь поудобнее...

Хотя Юлдашали был моложе Мухаммеда Аминходжи, но по части учения, смысленности, сообразительности несколько не отставал от него. Он также увлекался поэзией и сам писал стихи. Юлдашали изучил таджикский язык. Теперь он устроился учеником к китайскому табибу, ходил к нему по вечерам, учился делать лекарства, а вместе с этим изучил китайский язык.

Домулла Халил и Миён Сотыболдыхан уселись за шахматы. Мухаммед Аминходжа принялся готовить чай.

Домулла Халил взглянул на Юлдашали, следившего за игрой, и окликнул:

— Мухаммед Аминходжа!

Мухаммед Аминходжа быстро повернулся и спросил:

— Что изволите, учитель?..

— Ваш друг мулла Юлдашали не говорил вам, куда он ходил сегодня, что видел, что написал?

— Нет, учитель! Не говорил!..

Юлдашали покраснел и опустил голову. Миён Сотыболдыхан вставил слово:

— Не говорил, но теперь мы послушаем. Что вы говорили, мулла Юлдаш?..

Покопавшись в кармане, Юлдашали вынул лист бумаги и стал с увлечением рассказывать: вчера, в пятницу, он пошел в Новый город прогуляться и видел на улице Розенбаха, напротив строящейся гостиницы, вновь открытый магазин готового платья. В окне этого магазина выставлена замечательная красавица в шелковом платье, русоволосая, кудрявая-кудрявая, глаза бирюзового цвета, ресницы длинные-длинные. Кто бы ни шел мимо магазина, и стар и млад, все останавливаются и смотрят. Одни говорят, что это кукла, а другие спорят: «Да разве куклы такие бывают? Это живая девушка!..»

Затем Юлдашали многозначительно посмотрел на домуллу и засмеялся:

— Учитель тоже заинтересовались. В следующую пятницу они собираются пойти со мной посмотреть...

Услышав это, Миён и Мухаммед Аминходжа засмеялись.

— Отличное желание, домулла! — вполне серьезно сказал домулла Халил. — Я-то уже стар. Но удивляюсь, глядя на вас, молодых, Миён! Почему вы не ходите в Новый город прогуляться, не посмотрите? Русские воздвигают удивительные здания. В городе полно всяких

диковинок. А неживая красавица с лицом пери, которая поразила Юлдашали, разве не чудо?!

Как раз в том году западной части Коканда было дано название Новый город. В нем прокладывались широкие прямые улицы, по обеим сторонам которых воздвигались высокие дома и магазины. Хотя гарем Худоярхана и был пока оставлен неприкосновенным, позади него было построено мрачное здание тюрьмы, а перед ней укрепление, на стенах которого установили пушки. На площади между укреплением и каналом под вечер солдаты выстраивались в ряды и проводили занятия.

Жители Коканда с любопытством наблюдали перемены в родном городе. Их радовала постройка новых зданий, магазинов, но тюрьма и пушки на крепостном валу вселяли страх.

Домулла прервал свои размышления вслух, как он их называл. Пришел и его черед делать ход. Тогда Юлдашали вслух прочитал написанное им двустишие:

Стройный стан в окне увидев,
всяк влюбляется, сражен,
И, глаза подняв в томленье,
удержать не может стон.

— О,— заметил домулла,— эти строфы говорят о поэтической жилке, которой госпожа природа наделила вас, Юлдашали.— Протянув Мухаммеду Аминходже листок бумаги со стихами Юлдашали, он добавил: — А вы продолжьте!

Мухаммед Аминходжа почтительно принял листок и, сев в сторонку, задумался, а шахматисты продолжали азартно сражаться.

Немного погодя, Мухаммед Аминходжа встал и, пойдя к учителю, смиренно подал ему листок.

— Приношу извинения... Не видел ее ни разу... Но так... предположительно, по догадке...

Пробежав глазами написанные строфы, домулла похвалил:

— Подлинному поэту не надо видеть. Настоящий поэт, не сходя с места, может обойти, облететь весь свет, может познать настоящее и будущее. А теперь прочитайте сами, что вы написали!

Мухаммед Аминходжа прочел:

Цвет хризолита — цвет очей — нанес красе ее урон,
Но цветник — не в зелень разве, расцветая, окаймлен?

Золотом кудрей прелестных, вставши вровень с божеством,
Серебро лица венчает она золотом корон.
Сто улыбок расточила, не выдавши Мукими,
А увидела б — не знаю, чем я был бы ослеплен.

Дочитав, он опустил на колени и склонил голову. Домулла Халил безмолвно обнял поэта и поцеловал в лоб. Ибо только вчера он одобрил его псевдоним «Мукими» — «Постоянный», а сегодня этот псевдоним, включенный Мухаммедом Амнходжой в строфу сочиненного тут же стихотворения, заблестал жемчужиной в золотом перстне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАСТАВНИК ХАНА КОКАНДСКОГО

За несколько лет до описываемых событий город Коканд пережил большие перемены.

В одну из пятниц по издревле установившемуся обычаю верховный глава кокандского духовенства — шейх-уль-ислам, верховный судья ханства — казикуззот, многочисленные ученые-богословы — улемы, почтеннейшие имамы городских мечетей чинной толпой явились в ханский дворец приветствовать повелителя правоверных Амир-уль-Муслимина Худоярхана. После торжественной пятничной молитвы все они у входа во дворец поцеловали землю на пороге и хором пожелали Худоярхану долгой жизни, а затем принялись также хором читать молитвы. Молились они весьма долго и основательно о прочности и незыблемости Кокандского султаната на многие годы. Ханские слуги расстелили для всего уважаемого собрания дастархан, принесли всякой сфеди и лакомства. Во время угощения Худоярхан сделал рукой знак мунши — придворному писцу. Тот вынул из-за пояса бумагу, свернутую в трубочку, и с поклоном подал ее хану. Хан с самодовольной высокомерной улыбкой протянул бумагу шейх-уль-исламу.

Шейх-уль-ислам, низко кланяясь, принял письмо из рук хана, развернул и пробежал глазами. Пока он читал его про себя, всех охватила тревога. Ознакомившись с содержанием письма, шейх-уль-ислам поцеловал его, поклонился хану и, повернувшись лицом к присутствующим, объявил:

— Это письмо из Калькутты от святейшего имама Раббони Сохибзаде.

В письме написано:

«Великому эмиру Маверааннахра, острому мечу — защитнику мира ислама, великому султану Туркестанского края, его высочеству Худоярхану. В этот добрый час, когда дойдет до вас письмо, да станет вам известно, что мы слышали, как вы заочно назвали вашего покорного слугу своим духовным наставником. Эта честь, которую вы оказали нам, вознесла ввысь нашу главу до самого неба и, согласно вашему предложению, мы заявляем, что готовы усердно служить вашему высочеству в городе Коканде, в вашей прекрасной столице, подобной райскому саду, что мы согласны быть вашим наставником и под вашим великим покровительством вознестись молитвы о испослании на вас благодати. Но прежде чем собраться в этот священный путь, надо сказать вашему высочеству о нижеследующих крайне необходимых условиях, что и вызвало потребность написать это письмо. Нам необходимы средства на дорожные расходы, чтобы с нами могли приехать вся семья, жены, их родственники, мужчины и женщины, а также слуги, всего без малого сорок душ. Во-вторых, по приезде нужно место для остановки, а потом гарем для житья, внутренний и наружный сад, личное медресе и мавзолей, сарай для верблюдов, имение с орошаемой землей. А третье такое условие: если преступник, приговоренный к смерти, убежит из-под виселицы или вырвется из рук палачей и ему удастся перешагнуть через порог нашего дома, то его надлежит простить и снять с него всякие обвинения. Выражаю уверенность, что условия эти не затруднительны. Мы просили бы вас, чтобы к нам сюда, в Калькутту, приехали посланцы, человека два из числа почетных лиц, и сообщили бы нам о вашей любезности и благосклонности, а потом были бы нашими спутниками и указывали бы нам дорогу в столь далеком путешествии.

Ждем вашего благосклонного внимания и милости.

Имам Раббони Сохибзаде.

К а л ь к у т т а » .

Араб из города Медины имам Раббони Сохибзаде считал себя потомком пророка и был одним из самых высокочтимых и уважаемых духовных лиц в государствах ислама. По никому не известным причинам Раббони

Сохибзаде пересекл из Аравии в Калькутту. Здесь он разбогател и стал влиятельным духовным наставником среди индийских мусульман. Позднее между ним и высшим калькуттским духовенством начался разлад. Вести об этом дошли до кокандских улемов. Знатоки шариата объявили тогда хану Худояру: «Если столь высокочтимая особа согласится приехать в Туркестан и жить у нас и если хан сочтет за благо считать ту особу своим духовным наставником, тогда, во-первых, еще больше укрепится государственная власть хана, еще ярче будет сиять величие его султаната. Во-вторых, ни одно иностранное государство не сможет причинить ущерба ханству. В-третьих, в Туркестане еще больше расцветет религия ислама».

Представители высшего духовенства твердо стояли на своем. Худоярхан принял их предложение и направил имаму Сохибзаде в Калькутту письмо с приглашением.

Правда, условия, выдвинутые имамом Раббони Сохибзаде, несколько обеспоконили Худоярхана, но улемы предложили покрыть дорожные расходы путем сбора пожертвований на богоугодные цели и заверили, что из казны на это дело не будет потрачено ни копейки.

Духовенство Коканда благословило шейх-уль-ислама на поездку в Калькутту с тем, чтобы он лично передал приглашение имаму Раббони Сохибзаде.

Вскоре пришла весть, что имам Раббони Сохибзаде выехал. В Коканде поднялась суматоха. Худоярхан повелел выселить жителей из домов, расположенных в благоустроенных кварталах в центре города, начиная от Исфаринского базара вплоть до махалли¹ Беквачча. Дома сносились, рушились дувалы, появились толпы рабочих. Приступили к возведению большого здания с внутренним и наружным гаремами, домашней мечетью, медресе, а также к постройке сараев для верблюдов. Пригнали садовников и заставили их разбить на месте разрушенных домов большой сад.

Народ роптал. Многих особенно возмуцало решение строить новое медресе для какого-то чужестранца.

В Коканде, таком маленьком, тесном, густо населенном городе, было и без того много медресе. В новом Чорсу — на перекрестке, образованном пересечением главных улиц в центре города, — высилось здание медресе Нор-

¹ Махалля — квартал города.

бутахана, получившее название «Медресе Мир», на улице Чилчик — «Медресе ясаулов» и «Медресе хиштин» — кирпичное медресе; в табачном ряду на базаре еще четыре медресе: «Хан-ходжа», «Хакимтура», «Медресе Чалпак» и «Медресе Хомтама»; в восточной части Большого Чорсу возвышалось здание медресе «Мингойим», на юге — медресе «Хокимойим» и медресе «Султана Мурадбека», на юго-западе — медресе «Джами» при соборной мечети; в торговом ряду, где продавали гребни, расчески — медресе «Мохларойим», у кирпичного моста в центре города — медресе «Аминджона», на угольном базаре — медресе «Мадалихона», в торговом ряду — медресе «Хаккула» и немало других. Помимо того, чуть ли не в каждом квартале имелись «Корихона», в которых готовились чтецы корана. Но учиться в медресе и корихоне было очень трудно. Не только ученики, но и многие учителя не могли объяснить смысл написанного в книгах на арабском и персидском языках. Конечно, среди преподавателей медресе были и знающие, образованные люди, интересовавшиеся, помимо литературы, математикой и другими науками. Среди воспитанников также было много любителей литературы, и самые знаменитые кокандские поэты вышли из среды слушателей медресе.

В довершение всех бед по указу хана у дехкан ближайших к городу вилайетов¹ было отнято несколько сот танапов плодородных земель, садов и виноградников. Они предназначались в дар имаму Раббони Сохибзаде.

Знатные улемы — знатоки мусульманского права, ученые-богословы города — готовили торжественный прием имаму. Цвет кокандской знати выехал в Ходжент к нему навстречу.

Там имаму Сохибзаде устроили пышную встречу. Затем караван отправился в Коканд.

Худоярхан выехал из города, чтобы встретить духовного наставника. От ханского дворца до самых Ходжентских ворот улицы были устланы ковровыми дорожками.

Постройка дворца была уже закончена. Все это, включая расходы на приобретение обстановки и домашней утвари, было сделано на деньги, собранные с бедняков в виде дополнительного налога. За счет той же бедноты были построены медресе, фамильный склеп на случай смерти кого-либо из членов многочисленной семьи имама, а также сарай для верблюдов. В жилых помеще-

¹ *Вилайет* — область.

ниях разместились жены, дети Раббони Сохибзаде, родственники, слуги.

Правители Ферганского и Андижанского вилайетов преподнесли в дар святейшему имаму васики — купчие крепости на право постоянного владения выделенными ему землей и водой. Нашлись угодники из духовных лиц, которые захотели породниться со святейшим Сохибзаде и поспешили сделать по обету, данному ими с богоугодной целью аллаху, особо ценное подношение: привели духовному наставнику своих красивых дочерей. Вскоре у святейшего Сохибзаде стало восемь жен. И стоит ли удивляться, что семейство святого быстро увеличилось. Через несколько лет имам Раббони Сохибзаде стал отцом девятнадцати сыновей и девяти дочерей.

Молодой, еще мятежный тогда поэт Нохуш, вынужденный покинуть родную страну, очутился в числе людей, сопровождавших святейшего имама Раббони Сохибзаде в его дальнем путешествии. Только он был не в свите почтенных духовных лиц, путешествовавших верхом на отличных конях или в паланкинах. Увы, он шел пешком по раскаленному песку и твердой гальке босой вместе с рабами-погонщиками верблюдов. В Коканде он не обрел желанной свободы. Здесь, как и в Калькутте, равнодушно улыбавшееся солнце посылало на землю свои лучи с полным безразличием, а лик луны, тоже как и в Калькутте, был желтый, печальный.

Нохуш не изменил поэзии. В нем теплилась надежда, что когда-нибудь, не сегодня, не завтра, а в далеком туманном будущем исполнится его самое сокровенное, самое большое желание: он, поэт Нохуш, будет во весь голос читать людям свои стихи. Ведь говорил мудрый, великий Бедиль:

Не теряют надежд даже те, кто без рук и без ног,
Ведь они ждут добычу, поставив силки.

Поседели на чужбине волосы и борода у поэта Нохуша, согнулся стан. Но он никогда не падал духом.

Среди девятнадцати сыновей святейшего Сохибзаде приметил Нохуш Миёна, отличавшегося добрым нравом и любознательностью.

Сначала Нохуш водил маленького Миёна в школу, а когда он подрос и поступил учиться в медресе, вызвался стать его воспитателем и поселился с ним в худжере. Нохуш читал ему стихи персидских и других восточных поэтов и рассказывал об их жизни.

И в том, что Миней Сотыболдыхан вырос поклонником наук и отзывчивым человеком, была немалая заслуга бедняка и изгнанника, поэта и мудреца Нохуша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗМЕЯ ИЩЕТ ГНЕЗДЫШКО

Еще не закончился обед в михманхане достопочтенного казней¹ кокандского Халикджана, еще не был полностью съеден плов, как в двери тихонько проскользнул слуга и прошептал хозяину дома на ухо:

— Из Бухары приехал гость...

— Счастливчик этот гость,— усмехнулся Халикджан,— угодил к самому обеду. Ну, зови, пусть войдет!..

Когда бухарец перешагнул порог, гости, сидевшие за дастарханом, вытерев руки о полотенце, поднялись с мест. Казней Халикджан сразу узнал бухарца и поспешил навстречу. Сердечно поздоровавшись с ним, он пригласил всех вновь сесть за дастархан. Слуга полил из кумгана воды на руки гостю и подал ему полотенце. Только тогда казней познакомил присутствующих с новым гостем:

— Наш дорогой гость мулла Мухиддин родом из Ирана, но с молодых лет живет в Бухаре. Мы там с муллой Мухиддином учились вместе в медресе, жили в одной худжре. Я приехал в Коканд, а друг мой остался в Бухаре. Тогда он обещал приехать ко мне. Как видите, он верен своему обещанию. Не так ли, мулла Мухиддин?..

— Вы совершенно правы.

— Очень хорошо, что вы приехали! Вы сделали благое дело! Замечательно!.. Прошу, отведайте плова, прошу!... Эй, Шарифджан, налей-ка чаю и передай сюда.

Слуга наливал чаю в пиалы и передавал гостям. Когда плов был доеден и все вытерли руки, казней прочитал над дастарханом молитву о ниспослании здоровья и благодати. Затем слуга убрал блюда и дастархан, и все принялись ковырять в зубах.

— Теперь разрешите представить вам моих гостей, мулла Мухиддин,— сказал казней.— Все это мои друзья, кашгарцы. Они каждый год пригоняют сюда баранов из Кашгара.

¹ Казней — судья, судивший по шариаду.

Кивнув в сторону сидевшего в бобровой шапке, розлого, краснощекого, черноглазого и чернобородого гостя средних лет, он продолжал:

— Его имя Тухтаахунбай! Будьте знакомы, мулла Мухиддин! Помните, что еще в Бухаре я рассказывал вам о нем и воздавал ему похвалы. Это доверенное лицо, мой торговый агент. Года через два я пошлю вас в Кашгар вместе с ним. Правда, вы носите высокий сан. У вас, мулла Мухиддин, свои дела. И пусть эти дела идут своим чередом. Но, чтобы жить хорошо, надо быть купцом! Что вы скажете?

Все почтительно поддакивали казнию. Мулла Мухиддин приподнялся, приложив руки к груди, поклонился в знак благодарности.

Завязалась беседа о междоусобицах, происходящих в Кашгаре. Шел слух, что правитель Кашгара Якуббек, лишившись власти, отправился в Аравию, в Мекку.

Затем разговор опять зашел о Коканде.

— С тех пор как явились русские, Коканд постепенно меняет свой вид,— разглагольствовал казий.— Торговые дела тоже пошли хорошо. В мечетях и медресе многолюдно... В первые дни после вторжения русских наши трусливые муллы на всех наводили страх, запугивали людей, что вот, мол, теперь религия ислама будет попрана. Но русский царь, оказывается, справедливый, и болтовня об ужасах оказалась враньем.

Еще казий Халикджан не закончил свою речь, а Шарифджан опять расстелил дастархан и поставил на него два блюда с разрезанной вдоль на четыре части дыней умир-бокки. Мякоть была отделена ножом от дынной корки и порезана небольшими ломтиками. Гости с наслаждением ели дыню и нахваливали. Посев, они вознесли всевышнему благодарственную молитву и отправились в свой караван-сарай.

С того дня мулла Мухиддин Хакимзаде остался в доме у казния. Ежедневно по пять раз он вместе с Халикджаном совершал молитвы в установленные часы, здесь же завтракал, обедал и ужинал. Жители махалли Мирзаёдгор прозвали его «гостем-другом» казния. Всякий раз, когда Халикджан присутствовал на торжествах по случаю дня рождения, обрезания, на свадьбах, поминках, его «гость-друг» был рядом с ним, вместе с ним усаживался на почетное место и вместе с ним получал подарки: то халат, то тюбетейку, то поясной платок. Так мулла Мухиддин и жил у казния всю зиму.

Весной казий Халикджан позвал к себе садовода Хашима-суфи и дал ему такой наказ:

— Пусть мулла Мухиддин у вас поучится да, кстати, поможет вам в работе. И еще к вам просьба: у муллы язык путаный. Вы уж помогите ему, научите его хорошо говорить по-узбекски! А про остальное я потом скажу!..

Прошло месяца два. Казий пошел к Хашиму-суфи, отвел его в сторону и спросил:

— Ну как? Хорош? Не ленится?

— Нет,—ответил довольный Хашим-суфи,—способный он человек, прививку черенком сразу усвоил. Раз только посмотрел и сразу все сообразил. По вечерам читает собрания стихов, да и сам пишет газели. А слова стал выговаривать лучше, и речь у него уже довольно складная. А главное — вежливый, учтивый, воспитанный...

Казий принял важный вид и, подняв бровь, заговорил:

— Теперь, когда вы уже испытали муллу Мухиддина, проверили его, я скажу вам о своих намерениях... Вы, может быть, примете его к себе в дом зятем, а?.. Правоверный мусульманин, жаждущий знаний, и по книжной части тоже человек сведущий, лучше этого и не найдете, суфи!

— Да разве вы, господин, позволили бы причинить мне зло?! У меня две дочки, уже невесты, и мы со старухой дни и ночи ломаем голову, как бы подыскать себе в зятя способных, смирных, послушных людей. Раз уж вы считаете муллу Мухиддина подходящим, достойным, то какое же у меня, ничтожного, право ответить отказом?!

Мулла Мухиддин помогал Хашиму-суфи в саду все лето, а осенью повел разговоры, чтобы ему дали где-нибудь жилье. Его просьбу не оставили без внимания. При махаллинской мечети освободили одну худжру, где он и поселился. А в тех случаях, когда имам — настоятель мечети — прибаливал, мулла Мухиддин исполнял его обязанности. Теперь жертвоприношения, поминки, всякие угощения с богоугодной целью не проходили без участия муллы Мухиддина. Он сшил себе в портняжной мастерской длинный широкий полосатый халат. Его чалма делалась все больше и больше.

Несказанно радовался казий Халикджан жизненным успехам своего друга. Как-то в беседе с муллой Мухиддином он его спросил:

— Долго ли вы будете жить одиноко в темной сырой худжре, мулла Мухиддин? Пора вам жениться. Время-то уходит! Выбирайте себе любую из двух дочерей Хашима-суфи! Стоит вам только изъявить согласие — вот и все!

Мулла Мухиддин долго сидел молча, погруженный в свои думы, и вдруг прямо, начистоту выложил казию свое желание:

— Все, что вы считаете достойным, подобающим, я принимаю с удовольствием и верю этому. За вашу заботу спасибо вам тысячу раз. Но у вашего покорного раба другие намерения. Я не прочь жениться, но не на дочери бедняка Хашима-суфи. Не подождать ли еще? Не объявится ли какой-нибудь почтенный бай, который пожелает принять к себе в дом зятем такого образованного и одинокого молодого человека, как я?

Несколько опешивший казий Халикджан похлопал по плечу муллу Мухиддина:

— И чего только не пожелает ваше сердце?..

Тихоней казался по виду мулла Мухиддин, на самом деле был настоящим пройдохой. Говорили, что и в Бухаре он умел лестью угодить высокопоставленным мударрисам и жил потому безбедно. Едва он начал дышать воздухом Коканда, у него появились новые «качества», которые прекрасно сочетались с его прежними «достоинствами». Немного хитрости и коварства, немного восхвалений и славословий, чуть-чуть бахвальства и кичливости — все это пригодились ему теперь.

Он ловко прикрывался обликом маддаха¹ и, занимательно рассказывая священные истории, пересыпал свою речь чрезмерными восхвалениями власть имущих и безудержной лестью в честь хозяина дома, где ему приходилось гостить. Это позволяло ему добиваться своей цели и находить себе приют и пропитание в богатых особняках у баев, мулл, ишанов.

Иногда он отправлялся в ханаку — странноприимный дом ишана Хакима-халфа, высившийся на берегу речки, и собирал многочисленных слушателей у висевшего там большого чугунного котла.

Один из зажиточнейших кокандских баев Ходиходжа-ишан часто устраивал в ханаке религиозные чтения для мулл. В такие дни первым на эти сборища являлся мулла Мухиддин и во всеуслышание начинал читать

¹Маддах — уличный рассказчик житий святых, священных историй.

коран. Приглашали его на угощения и владельцы ремесленных мастерских.

Дела муллы Мухиддина пошли на лад. Оставалось обзавестись тепленьким гнездышком, своим домом и тестем, который встречал бы его с поклоном, почтительно сложив руки на груди.

Долго ходил мулла Мухиддин, расспрашивал, разузнавал и наконец нашел.

В махалле Бахмальбон жил мастер Хайдарали. В его обширной мастерской работали около сорока искусных умельцев-ткачей. Они ткали дорогие ткани, шелк, атлас. Работа кипела. Самому мастеру Хайдарали перевалило за шестьдесят. Он жил вдвоем с единственной дочерью Зубейдой в своем собственном очень хорошем доме, состоявшем из ташкари — мужской половины с прилегающим к ней просторным двором и ичкари — внутренней части дома с закрытым двором для женщин. Многие зажиточные мастера-ремесленники засылали в дом Хайдарали сватов, но неизменно получали отказ. Всем мастер повторял одно и то же: что он живет надеждой, быть может, найдется зять из образованных, одинокий молодой человек, который зажжет очаг в его доме, то есть станет продолжателем его рода. «Надеюсь, это будет стоящий человек, заслуживающий, чтобы я на него молился в дни великих праздников. Поэтому я не выдам Зубейду замуж куда-нибудь в другой дом!» — объяснял Хайдарали сватам.

Разузнав, что нужно, мулла Мухиддин отправился к своему приятелю казию Халикджану, подробно рассказал про богатую невесту.

— А теперь обо всем остальном вы сами, братец, проявите отеческую заботу!.. — добавил он просительным тоном.

— Только и всего?

— А разве это не великое счастье для меня?

На другой день к мастеру Хайдарали отправились два почтенных свата. Вернулись они в новых халатах. И вскоре в махалле был устроен свадебный пир. Муллу Мухиддина женили на дочери мастера Хайдарали Зубейде.

Свершилось то, чего желали, к чему стремились и мулла Мухиддин, и уста Хайдарали. Однако мулла Мухиддин был встречен девушкой холодно. Даже слишком холодно...

Прошел год после свадьбы, лед в сердце Зубейды так и не растаял. Зубейда часто плакала, мулла Мухид-

дин терпел до поры до времени, скрывая от всех нелады с молодой женой, а на людях выказывал преданность и усердие. Засучив рукава брался он за любую домашнюю работу, постепенно прибирая к рукам хозяйство и имущество тестя. Действовал хитростью и обманом, старался заворожить тестя.

Простодушный Хайдарали передал своему расторопному, образованному зятю в полное распоряжение станки и оборудование, поручил ему вести все денежные операции и сделки с лавочниками, а сам спокойно полеживал на одеяле. Ему казалось, что он живет в свое удовольствие. А мулла Мухиддин все твердил ему: «Вы старик. Ходите себе в мечеть, совершайте молитвы пять раз в день, прогуливайтесь, развлекайтесь, спокойно отдыхайте».

Плутни муллы Мухиддина скоро сказались. Ремесленники получали плату не вовремя, с перебоями. Постепенно они стали переходить к другим мастерам, в мастерской станки останавливались один за другим. От огорчения Хайдарали заболел и слег.

Однажды он позвал к себе муллу Мухиддина и долго объяснял, как надо наладить дела в мастерской, вернуть ушедших мастеров, уплатить долги и купить шелк-сырец. Он извлек из-под подушки кошелек с золотыми монетами и вручил их зятю:

— Будьте более расчетливым, сынок! Я даю вам золото, которое скопил себе на похороны и поминки!..

Выйдя во двор, мулла Мухиддин принялся украдкой рассматривать содержимое кошелька. Очевидно, золотые монеты долго лежали зарытыми в земле и поэтому сделались влажными.

— От этого они не стали хуже,—пробормотал мулла.

Его обуяла жадность. «Должно быть, у него еще есть золото! — думал он.— Даст бог, все будет моим!..» Обойти простодушного тестя ничего не стоило. Но ни сладкие речи, ни притворная любовь, ни лживые обещания не в силах были растопить лед в сердце молодой жены. Мулла Мухиддин не знал, что Зубейда отдала свое сердце другому.

Не найдя улады в семейной жизни, мулла принялся строить новые планы. Он заглядывал далеко-далеко в будущее, подготавливал почву. А пока что приходилось запастись терпением и выполнять волю тестя — приняться за дела мастерской. Надо было добиться, чтобы вернулись мастера, подмастерья и их подручные, обеспечить мастерскую шелком-сырцом, привести в порядок

станки, вернуть доверие кредиторов. Мастера, подмастерья и их ученики вернулись в мастерскую. На улице перед домом были протянуты основы. Мастера, изготавливавшие ремизки, привязали их к ткацким станкам, соединяя попарно нитяными петлями для подъема нитей. И снова работа закипела. Старый Хайдарали от души радовался.

Среди ремесленников, ушедших из мастерской, был маргиланец по имени Камильджан. Он был моложе всех ткачей. Своим добродушием и веселыми песнями, которые Камильджан распевал звонким, приятным голосом, он завоевал любовь и старых и молодых сотоварищей по ремеслу. Камильджан единственный не вернулся в мастерскую Хайдарали.

Однажды вечером все ткачи обратились к мулле Мухиддину с просьбой:

— Без Камильджана в нашей мастерской пусто и скучно. Просто терпения нет! Хозяин, послушайте! Мы попросим его вернуться сюда. Можно, а? И работа у него чистая, гладкая, и джигит он ладный, и песни у него складные!...

Мулла Мухиддин не возражал, и на другой день Камильджан вернулся. Работа в мастерской пошла веселее. Под шум сновавших взад и вперед ткацких челноков снова полились звуки песен. Но теперь в них слышались нотки печали и гнева. Все это заметили, кроме муллы Мухиддина, занятого своими делами...

До женитьбы муллы Мухиддина Камильджан жил тут же в мастерской. Вечером, едва ремесленники расходились по домам, он подметал двор, наводил чистоту. Закончив хлопоты, он принаряжался. Обуется в хорошо сшитые сапожки с двумя кантами разного цвета, прошитыми вдоль швов на каждом голенище, наденет летний халат, опояшется двумя бельбагами — поясными платками, сдвинет тюбетейку набекрень, а тюбетейка нарядная, с вышивкой — по голубому ластику стручки перца, — и перебросит через плечо черный шелковый халат с мелкой стежкой. Разрядившись, Камильджан направляется в сторону Кальвакского базарчика, чтобы провести время в чайхане в кругу друзей. Всю дорогу во весь голос он распевает «Фаргонача шахноз». Услышав доносящуюся с улицы песню, девушки, приоткрыв калитку, выглядывают в шелку и подолгу смотрят молодому ткачу вслед. Да и неспроста. Джигит он был видный, красивый.

В полночь из чайханы Камильджан возвращался домой и, напевая что-то себе под нос, зажигал светильник, стелил одеяло на карават — деревянных полотах — и готовился ко сну. Обычно в этот момент приоткрывалась дверь, и изящная рука ставила сначала плов в обеденной чашке, а затем чайник чая. Камильджан, встав с кровати, забирал плов и чайник чая и громко благодарил. В ответ из-за двери слышался вздох.

Задержавшись на минутку, Камильджан прислушивался к дробному стуку быстро удалявшихся каблучков.

Он знал, что эти изящные каблучки принадлежат прекрасной Зубейде.

С того самого дня, когда молодой ткач сел за станок и запел свою первую песню «Сад на улице», он занял прочное место в сердце Зубейды. А Камильджан, увидев однажды кипарисостанную круглолицую девушку с красивыми, как у джейрана, глазами, тоже был ошеломлен и очарован. При мысли о ней тоскливо сжималось сердце юноши, и тогда он принимался петь, чтоб звонкой песней утолить свою печаль. Но тайну свою он скрывал от всех.

За два дня до свадьбы Зубейда с подругами ходила к портнихе. Возвращаясь назад по безлюдной улице, она заметила, что следом за ней идет Камильджан. Отстав немного от подруг, она выронила узел. Подоспевший Камильджан поднял его и, отряхивая пыль, сказал потихоньку:

— Неужели вам ровня этот мулла?...

— Если отец ошибся, то я уж не ошибусь... Я руки ему не подам и не позволю к себе даже прикоснуться... А в случае чего убегу в горы...

Схватив узел, Зубейда поспешила за ушедшими вперед девушками.

Все в мастерской заметили, что Камильджан терпеть не может муллу Мухиддина, а тот тоже недолюбливал молодого ткача, ему не нравились и его песни, и то, как этот красивый джигит свободно расхаживает по двору и в мастерской. Частенько мулла с сомнением, ревниво поглядывал на Камильджана.

Не прошло и полгода, как мастер Хайдарали покинул бранный мир. Мастерская, все хозяйственные дела, начиная от взаимных денежных расчетов в части купли-продажи, — все перешло в руки муллы Мухиддина.

Держать мастерскую, нанимать мастеров, подруч-

ных, учеников, следить за их работой — кому нужна вся эта возня? И в самом деле, мулла Мухиддин скоро решил, что ткачество для него лишняя обуза. По многим соображениям было бы неправильно сразу закрыть мастерскую. Народ наверняка осудил бы его, люди обязательно сказали бы: «Сулейман-пророк помер, и дивы избавились от страха». Мулла Мухиддин крепился и терпел. Мастерская продолжала работать.

Приходилось проявлять терпение и в семейной жизни. Зубейда все еще стояла на своем. Она так и не пожелала положить голову на одну подушку с мужем.

— Бог даст, и вы станете поступать справедливо, по совести...— говорил мулла Мухиддин и всякий раз вечером с этими словами уходил в михманхану на мужскую половину. Зубейда, чтобы было не так одиноко, взяла к себе в дом вдову.

Однажды темным вечером мулла Мухиддин возвращался домой из мечети после пятой молитвы, как вдруг кто-то преградил ему дорогу. Это был сосед, торговец лошадьми, барышник.

— Я вышел, чтобы встретить вас,—сказал он.

— Ну?.. Что случилось?

— Зайдите ко мне потихоньку! Я вам покажу кое-что... Вам обязательно следует посмотреть!

Барышник, взяв муллу за руку, потянул его в узенький проулок, ведущий к его дому, и прошептал на ухо:

— Я залез на крышу, чтобы сбросить оттуда немного дров, смотрю — а у вас в доме мужчина. Я подумал, что это вы, потом смотрю — нет, молодой парень...

У муллы Мухиддина дыхание перехватило. Барышник повел его во двор. Мулла снял чалму и халат, взобрался по лесенке на крышу и сквозь виноградные листья посмотрел в окна своего дома. Действительно, молодой мужчина и Зубейда торопливо собирали в михманхане узлы. Кряхтя, цепляясь за искривившийся виноградный ствол, обдирая руки и ноги, мулла Мухиддин с помощью барышника спустился во двор. Отдышавшись, он схватил попавшую под руку палку и поплелся в дом. Рядом со своей женой он увидел Камильджана...

— Вот как!... Чужой!—закричал, задыхаясь, мулла.— Какое ты имеешь право входить в этот дом?!

Растерянно мулла топтался на пороге. Зубейда ничуть не испугалась. Наоборот, она улыбнулась. И это была первая улыбка, которую мулла Мухиддин увидел на лице жены.

— Заходите, домулла! — тихо проговорила Зубейда. — Хорошо, что вы пришли! Давайте поговорим. Пожалуйста, прошу!..

У муллы Мухиддина потемнело в глазах, палка выпала из его рук. Он и сам не заметил, как вошел в комнату. Камильджан подхватил его под руку и усадил на подстилку, а Зубейда подложила под спину подушку, налила чаю и, поднеся пиалу, сказала:

— По брачному договору, заключенному вами, я ваша жена. Может быть, у вас появились сомнения, когда вы увидели здесь этого юношу. Знайте, что мы уже давно любим друг друга. По вечерам, когда вы уходите в мечеть, Камильджан перебирается через дувал во двор. Мы вместе ужинаем, ведем приятную беседу, а когда вы возвращаетесь из мечети, он уходит к себе. Иногда, поддавшись искушению сатаны, Камильджан заводит разговор о чистоте нашей любви, но я каждый раз говорю ему: «Пока муж не даст мне развода, пока мы не вступим с вами в законный брак, вы даже к руке моей пальцем не прикоснетесь!» И вот что! Я ваша жена! Но жена по названию. Я вас не любила, не люблю, и пусть пройдет хоть вечность, все равно не полюблю! И прошу, пусть тайна останется между нами, чтобы никто не порочил нас и не пачкал наше доброе имя. Но завтра же принесите мне от казния разводную, забирайте вон тот кувшинчик, в нем золото... И отправляйтесь куда угодно...

По знаку Зубейды Камильджан снял с полки глиняный кувшинчик грубой лепки и поставил его на пол посреди комнаты, а сам, подчеркнуто соблюдая все приличия, опершись руками о колени, сел на пятки напротив все еще не вымолвившего ни слова муллы. Усмехнувшись, Зубейда продолжала:

— Мне нужно не золото, мне нужен друг. И по возрасту и по разумению. А золото... золото пусть будет вашим...

Только теперь мулла Мухиддин решил поднять глаза. При виде глиняного кувшинчика он встрепенулся. Надо сказать, что у него вдруг заколотилось сердце в груди. Но, чтобы не выдать себя, заговорил напыщенно и поучительно. Однако страх еще не прошел, и он заикался и путался:

— Можно было бы, жена... э... и не хвастаться... золотом... Что за важность... Золото! Надо было вам... э... э... сказать, что вы... э... любите другого. Этих слов

я давно уже ждал от вас... Вот, значит, как... Выходит, у нас нет другого выхода... Значит, надо расстаться. Если так... я и без золота уйду куда глаза глядят.

Поднимаясь с места, мулла Мухиддин искоса глянул краешком глаза на кувшинчик, а затем посмотрел на Зубейду. Лицо его было бледно. Он все еще не мог побороть страх. И молодая женщина даже пожалела его, и на глазах ее навернулись слезы. Все же он был не такой уж вредный человек, не бил ее, не насиловал ее чувство.

— Во всяком случае,— сказал, все еще заикаясь, мулла Мухиддин,— дабы мне не подвергнуться порицанию и упрекам, вам завтра у казия следуют сказать: «Я вовсе и не собираюсь выходить теперь замуж за кого-нибудь. Но, увы, наша супружеская жизнь не получилась!» И прошу вас, чтобы вы вот так же прослезились.

Он совсем расхныкался и выглядел жалким и несчастным.

— Ладно,— сказала довольная Зубейда. Она опять пожалела муллу Мухиддина.— Я сделаю, как вы сказали. Если хотите, то, кроме золота, заберите с собой и свое имущество...

А наутро мулла Мухиддин покинул дом ткача и вернулся к казию Халикджану.

— Нехорошо получилось! — бормотал казий, всячески стараясь показать, что очень огорчен всем случившимся.— Вы поступили плохо, мулла Мухиддин! Судя по тому, что говорят люди, ваша жена очень красивая женщина! А вы ее отдаете кому-то... И вдобавок ко всему вы упустили из рук богатство! Как расценить ваш поступок?.. Вы подобны гостю, пренебрегшему поданным ему угощением! Ведь это же неблагодарность за добро!

Все еще не оправившийся от страха мулла Мухиддин прикинулся сиротой:

— Все, что вы сказали, правильно! И то, что это неблагодарность за добро, тоже верно! Но что поделать? Как бы жена ни была красива, словно красавица пери, но если она не может родить!... Что ж, из-за ее богатства и красоты мне только и смотреть на ее красоту, а всю жизнь прожить без сына?.. Неужели мне так и умереть бездетным?!

— М-да, если она такая, то что же сказать?.. Может быть, дочку Хашима-суфи... Она пока все еще не...

Вытирая слезы, мулла Мухиддин завертел головой:

— Если вы хотите меня порадовать, отправьте меня в Кашгар. Я посмотрю эту страну, а потом пусть будет то, что на роду написано!

— Хорошо. Когда поедете в Кашгар, не забудьте, что там есть люди, которые вас ждут. В тот день, когда вы приехали из Бухары, они вместе с вами кушали плов. Среди них был Тухтаахун. Да он вас на руках носить будет. Окажет вам должный почет и уважение.

— Благодарю!— мулла Мухиддин, приложив руки к груди, отвесил поклон.— Как раз то, что мне нужно. Под вашим покровительством я совершу паломничество в город правоверных мусульман, древний Кашгар, поклонюсь святым местам!...

Казий, прервав разглагольствование муллы Мухиддина, положил ему руку на плечо и, придавив книзу, воскликнул:

— Эх, и бестолковый же вы! А еще мулла! Какие там святые места! Женитесь там и не возвращайтесь! Красавицы с глазами газели обитают в Кашгаре. Ваш покорный слуга два раза ездил туда и оба раза женился. Две из четырех моих жен привезены из Кашгара...

Хотя Кашгар в этом смысле не интересовал муллу Мухиддина — ему все еще мерещились суровые глаза Зубейды и Камильджана, — он сделал вид, что очень доволен, улыбнулся ради приличия и поблагодарил казия:

— Вы, господин казий, описываете Кашгар так, что перед моими глазами предстают замечательные картины! Ваш покорный слуга, господин казий, тоже, как и вы, привезет оттуда красавицу с глазами газели! Но... только мне хочется уехать туда сегодня же!...

— Нет, — засмеялся казий, — успокойтесь, возьмите себя в руки. Сейчас даже и думать нечего об этом. Где уж там зимой перебраться через высокие перевалы. Даже птицы, у которых крылья, и то не могут перелететь через них. Дорога закрыта. Откроется она только через шесть месяцев. Вот тогда вы и поедете...

Мулла Мухиддин расстроился. Он ни за что не хотел оставаться в городе, где жили эти Зубейда и Камильджан.

— Ну тогда я поеду в Ош, — сказал жалобно он. — Думаю, может быть, я проживу там, пока откроется дорога... Почему-то мне хочется выехать из этого города. Я странствующий дервиш и хочу жить по-дервишески.

Я не могу быть там, где меня постигло разочарование. И Бухару я покинул из-за таких вот неприятностей и разочарований.

— Вы и в нас разочаровались?

— Нисколько!.. Мне хотелось бы жить всю жизнь под вашим покровительством. Но позже... Благодаря вам я приобрел в этом городе почет и уважение, обзавелся друзьями... Я не из тех глупцов, которые, обозлившись на блоху, сжигают одеяло.

— А коли так, что же я могу вам сказать? Поезжайте не в Ош, а в Андижан. Там живет наш дорогой друг мулла Атабек, с которым мы вместе учились в Бухаре. Он богатый, щедрый, гостеприимный человек. Я могу написать ему письмо...

Мулла Мухиддин воспрянул духом и стал готовиться в дорогу. В среду он отправился на конный базар и купил там верховую лошадь и хурджун — переметную суму.

После ужина мулла Мухиддин достал перо, чернильницу, бумагу и объявил во всеуслышание:

— Не обращайтесь внимания, если увидите у меня огонь. Сегодня я просижу всю ночь до рассвета. Я буду писать хвалебную касыду в честь казия. Если можно, оставьте меня одного на эту ночь.

Мулла запер изнутри комнату на цепочку, распорол воротник ватного халата, кайму рубахи и конусообразную дервишескую тубетейку на ватной подкладке и принялся зашивать туда золотые монеты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВЯТОША СВЯТОШУ ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Атабек принял муллу Мухиддина сердечно, с гораздо большим вниманием и почетом, чем можно было ожидать. Впрочем, в своем письме казий Халикджан очень расхваливал муллу, расписал его достоинства и высокие поэтические качества. Длинная-предлинная хвалебная ода «Касыда о мулле Атабеке, казии андижанском», сочиненная в пути муллой Мухиддином, до того тронула сердце Атабека, что он велел зарезать барана и бросить его к ногам приезжего гостя.

Мулла Мухиддин удостоился уважения и почестей за большим дастарханом. Всю зиму прожил он в довольстве и сытости, а когда путь в Кашгар очистился

от снега, казий Атабек усадил гостя на лучшего своего иноходца и лично проводил до самого Оша.

Спутники муллы Мухиддина — уйгуры-купцы — постоянно совершали торговые поездки в Кашгар и Ош. Распевая песни, ехали они через горы и крутые, опасные перевалы на своих низкорослых, но выносливых иноходцах, много раз совершавших горные переходы. Караван неуклонно подвигался вперед, вытянувшись длинной цепочкой. Мулла Мухиддин, цепляясь за луку седла, с ужасом поглядывал на разверзающиеся пропасти и осторожно, чтобы не заметили спутники, нет-нет и ощупывал то воротник халата под шубой, то конусообразную тюбетейку под шапкой. У муллы Мухиддина было такое выражение лица, будто он волк с окровавленной пастью, вырвавшийся из лап пастухов и убежавший в лес, или, вернее, вор, который только что перелез через дувал и пустился наутек.

Перевалив через Терак-даван — самый высокий из перевалов на пути из Оша в Кашгар, — путники выехали на сравнительно широкую дорогу, но впереди их ждали другие высокие горы.

В журчании игривых ручейков, бежавших с гор, в плеске шаловливых струек мулле Мухиддину слышались звуки задорной песни ткача маргиланца Камильджана. Тогда он нервно оглядывался, и взгляд его шарил по горным склонам, поросшим зарослями арчи. Из древесной чащи доносились соловьиные трели, удивительно похожие на звонкий, словно колокольчик, голос Зубейды. И снова звенели в его ушах ее слова: «Мне нужно не золото, а друг. И по возрасту и по разумению. А это золото пусть будет вашим!...»

Рука муллы Мухиддина невольно тянулась к вороту халата и тюбетейке. Он с облегчением вздыхал и бормотал себе под нос:

— Дура!.. Подумаешь, любовь лучше, чем золото! Бестолочь! Не будь Зубейда дурой, где уж мне достать это золото!.. «Мне не золото нужно, а нужен друг». Ведь скажет тоже! Удивительно! Неужели нельзя за это золото приобрести и друга, и счастье, и уважение. И дурак знает, что золото — ключ ко всему.

Путники сильно измучились в пути, но, на свое счастье, ни разу не наткнувшись на разбойников, благополучно прибыли в Кашгар.

Мулле Мухиддину Кашгар показался более тесным, чем Коканд.

Улицы в Кашгаре узенькие. На базаре толкотня, давка. Люди ходят в красных халатах из грубой маты. Редко увидишь всадника на лошади. Ездят кашгарцы больше на ослах. Мулла Мухиддин решил не задерживаться в Кашгаре. Найдя доверенного казия Халикджана купца Тухтаахуна, он поделился с ним своими планами поездки в Индию, а оттуда — в Мекку, к святым местам. Тухтаахун не стал возражать. Оказывается, он знает надежных людей, тоже собиравшихся ехать через Тибет в Индию.

Услышав об этом, мулла Мухиддин отбросил мысль об отдыхе в Кашгаре. Теперь ему было не до того. Он засуетился. Надо было встретиться с попутчиками, сменить иноходца на мула, купить необходимое, словом, приготовиться к дальним странствованиям.

Прошла какая-нибудь неделя, и у путешественников все было готово к отъезду.

Вскоре караван двинулся в путь. Оставив позади степные просторы Хотана, путешественники вошли в горы. Но тут затаенное опасение, словно змея, опять начало грызть сердце муллы Мухиддина. Стоило только вспомнить ему о припрятанном золоте, как его словно бросало в огонь, и он принимался ощупывать ворот халата и тюбетейку.

В голову лезли неприятные мысли. Да что же это такое, в конце концов! Какой-то неотесанный ремесленник ставит свою честь и совесть превыше всего. А мулла Мухиддин свою жену, состоявшую с ним в законном браке, продал за золото, вместо того чтобы пнуть ногой кувшинчик с золотом и сказать: «Не надо мне золота, ты мне сама нужна!» Он проявил слабость, поддался соблазну, поклонился золоту!..

На полях у подножия гор Индостана пахали землю обнаженные до пояса крестьянские парни, распевая песни о любви.

И там, где девушки молотили пшеницу, тоже звенели песни о любви.

В тяжелом труде их утешало то, что выше всего в мире: их утешала любовь...

Муллу Мухиддина угнетала не история с неудачной женитьбой, не «глупость» Зубейды. Его угнетало другое. Когда ткач поставил перед ним кувшинчик, завернутый в тряпку, он насмешливо посмотрел на муллу Мухиддина. Это и причинило мулле сердечную боль. Стоило только вспомнить эту улыбку, как его охватыва-

ла ярость. В припадке гнева он готов был растерзать всех юношей и девушек, которые пели песни про любовь.

И когда мулла Мухиддин слушал в чужом краю эти песни, перед его глазами, словно живые, вставали ткач из Маргилана и прекрасная, гордая девушка Зубейда.

Он не понимал их, ведь можно было на худой конец оставить себе половину золота и лишь половину отдать ему, мулле Мухиддину. Он и этим был бы доволен, и за это мог тысячу раз выразить свою благодарность. Неужели какая-то простая, необразованная девушка из-за любви может быть такой великодушной и щедрой?!

Мулла Мухиддин теперь не мог спокойно слышать слово «любовь». Оно вызывало в нем злобу. Он поклялся, что в его стихах не будет ни слова о любви, ни намека на любовь. Все люди, которые пели о любви, все, кто слагал песни о любви, отныне являлись злейшими его врагами.

Ему казалось, что с ним происходит что-то странное: будто он сам превратился в кувшинчик с золотом, а вместо одежды на нем тряпка, снятая с кувшинчика.

Мысль, что он заполучил Зубейду по брачному договору, но, увы, на самом деле, так и не стал ее мужем, вызывала в нем горькую обиду и досаду. Иногда в дни, когда еще мулла Мухиддин был женат, он ухитрялся сложить стихотворение о любви, но все же ему не удавалось этим расположить к себе Зубейду. Все кокандцы, вплоть до казия, уважали муллу за его достоинства, ученость, знание корана, но для Зубейды он не стоил и капельки пота с обнаженной груди ее друга, босоногого ткача Камильджана.

Да что же это такое, в конце концов!..

...Мулла Мухиддин благополучно добрался до Мекки. Там он разыскал бывшего правителя Кашгара Якуббека. Он жил во дворце, купленном на привезенное в хурджунах золото. У Якуббека в услужении были десятки людей, работавших в лавках, харчевнях, караван-сараях, опекурильнях, которые обслуживали паломников. «Оказывая услуги» мусульманам из Туркестана, прибывавшим на поклонение святыням, Якуббек нажил уже немалое богатство.

Письмо андижанского казия Атабека и длинная-предлинная касыда, сочиненная муллой Мухиддином в честь Якуббека, сделали свое дело. Расчетливый и далеко-

видный Якуббек в нужных случаях не скупился выделять от своих щедрот на подарки и подачки тем людям, с помощью которых он рассчитывал извлечь выгоду. Тогда, как говорили, он превосходил тароватостью легендарного йеменского шаха Хотамтая, прославившегося своим великодушием и бескорыстием. Вот почему мулла Мухиддин нашел в Мекке почет, уважение и, что самое главное, бесплатное жилье и питание.

Такой человек, как Якуббек, который большую часть своей жизни был властелином государства, очень нуждался в умелом сочинителе хвалебных од и славословий вроде муллы Мухиддина. Якуббек знакомил с ним паломников, которые приезжали в Мекку, именуя его не иначе, как великий поэт Хаджи Мухи.

Однажды Якуббека посетили влиятельные духовные лица из Стамбула. В их честь ферганские повара приготовили разнообразные кушанья. Гостям очень понравились узбекские блюда. Заинтересовал их и Хаджи Мухи. Они пригласили его в Турцию. О такой поездке он давно мечтал.

В те времена Турция стонала под гнетом деспота Халифа султана Абдулхамида. Душилось малейшее проявление свободной мысли. Просвещенных людей сажали в тюрьмы, вешали, расстреливали как «вероотступников, сбившихся с истинного пути». Крестьян-бедняков, поднимавшихся против безудержного произвола землевладельцев, истребляли беспощадно именем священного шарната. Мулла Мухиддин, фанатик и ревнитель веры, прибыл в Стамбул. В Стамбуле быстро сошелся с членами объединения «Иттиходи ислам» — «Союза исламистов», требовавших воссоединения всех мусульманских государств под эгидой турецкого халифа. Если бы только мулла Мухиддин мог, то сейчас же поехал в Коканд и принял бы клеймить позором родителей, обучавших своих сыновей в русских школах, поэтов, пропагандирующих русское просвещение. Его ужасала занимавшаяся в Туркестане заря, пробуждавшая народы этой страны от вековой спячки.

Прошло не так много времени — всего около десяти лет. Мулла Мухиддин, наряженный в новый халат и именованный ныне новым именем — Хаджи Мухи, возвратился в Туркестан. То, что он увидел, крайне его поразило.

С приходом русских появились новые законы, новое просвещение. Пришельцы принесли с собой книги, науку, культуру и, как говорят поэты, «опять прилетели соловьи и сели на ветвях среди цветов. Музыканты и певцы снова взяли в свои руки сазы». В беспросветной тьме засияли лучи нового.

Многое изменилось в Туркестане. Многие ушло безвозвратно в прошлое. Ушел из жизни покровитель и друг муллы Мухиддина — казий Халикджан. И Хаджи Мухи, разыскивая себе прибежище, в глухую полночь постучался в ворота Сулеймана Авганбая, жившего в Гальчасае. Сулейман Авганбай искренне обрадовался, увидев ночного гостя. Сулейману Авганбаю были очень нужны защитники шарната вроде Хаджи Мухи.

Утром к завтраку в михманхане собрались ишаны, муллы и бан. До второго завтрака они слушали рассказ о приключениях Хаджи Мухи. В полдень наш странник вместе с Авганбаем и его друзьями совершил полуденную молитву, а затем отправился в махаллю Мирзаёдгор, в дом своего покойного друга казия Халикджана, прочитать заупокойную. На обратном пути ему захотелось пройтись по махалле Бахмальбоп, с которой у него было связано немало хороших и плохих воспоминаний.

Дул осенний ветер. Редкие прохожие спешили по улице. Только неугомонные ребятишки играли, гоняясь друг за другом. Из ткацкой мастерской со двора покойного Хайдарали доносился шум челноков. И вдруг слышались звуки бодрой, веселой песни. У Хаджи Мухи екнуло сердце. Нервно зажав уши, он быстро зашагал по обочине. На другой стороне улицы около столь знакомой Хаджи Мухи двухстворчатой калитки стоял мальчик лет восьми. Он вежливо поздоровался. Хаджи Мухи для приличия кивнул ему в ответ, но вдруг его пронизала дрожь: из калитки выглянула девочка лет шести с массой косичек и тоже поздоровалась с ним. Девчурка была — копия Зубейды. Дети беспечно побежали к ребятишкам, которые запускали бумажный змей.

Поспешно зашагал Хаджи Мухи дальше и вскоре свернул на большую улицу.

Позже ему удалось выяснить, что, получив разводную, Зубейда выждала стодневный срок, в течение которого по шарнату разведенной жене возбранялось вступать в новый брак, а затем вышла замуж за Камильджана. Опыт и знания помогли ткачу наладить работу и вернуть мас-

терской славу, которой она пользовалась при старом Хайдарали. У молодоженов пошли дети. За десять лет родилось четверо — два мальчика и две девочки. Мальчиков звали Алимджан и Фазильджан, а девочек Хурматой и Хикматой.

Узнав все это, Хаджи Мухи не мог найти себе места.

Вечером в михманхане Авганбая опять собрались старые друзья: домулла Хасанхан, казий Саадихан, ученый-богослов Зуфар-махзум, чтец корана, знающий всю священную книгу наизусть, Кутбитдин-кори, учителя медресе. Все оживленно сплетничали и злословили, осуждая новые времена. Кто-то рассказал, будто бы белый царь решил отбирать в свою казну половину доходов, получаемых духовенством с вакуфных земель и другого имущества, завещанного или переданного кем-либо мусульманским духовным учреждениям.

Но Ходжи Мухи с полным безразличием слушал эти сплетни и пересуды. Под конец беседы он заговорил о себе:

— Друзья! Я решил переехать на жительство в Андижан. Десять лет назад меня хотели назначить мударри-сом в медресе Мавлони шаха Хусейна. Но я уклонился от столь высокой чести, ибо тогда у меня было намерение совершить паломничество в священную Мекку. Ныне меня Андижан привлекает, как и в прошлые дни. Там живет мулла Атабек — щедрый и великодушный.

— Нет,— сказал обиженно казий Саадихан,— мы вас, достопочтенный Хаджи, никуда не пустим. Найдем спокойную доходную должность. Нам надо, чтобы вы поддерживали, ободряли мусульман, учили молодежь. Дайте же ей возможность пользоваться вашими знаниями, полученными в Стамбуле.

Хаджи Мухи глубоко вздохнул и обвел взглядом сидящих:

— Великие учителя Стамбула, мои наставники, дававшие мне знания, поучали меня, что весь мир ислама должен объединиться под одним знаменем, а все, кто попирает шариат, должны быть изгнаны. И я приехал в Коканд, дабы объединить всех приверженцев и защитников ислама и сделать все для нашей общей цели. Но, увы! Поистине жаль, что в этой стране наблюдается совсем другая картина! Я застал здесь совсем другой мир! Сколько здесь я вижу нерадивых людей, которые небрежно, без всякого внимания относятся к шариату. Но пока еще все можно поправить. Мне не нужно ни роскошного двор-

ца, ни семьи. Если мне будет дано убежище в медресе, где-нибудь на окраине города, я буду доволен. Мне не нужна должность мударриса. Достаточно, если меня назначат попечителем имущества. А там бы я уже знал, что мне делать...

Все присутствующие вздохнули с облегчением, домулла Хасанхан-махзум внес предложение:

— Для досточтимого Хаджи Мухи более подходящим будет медресе Хазрат! Там он сможет занять подобающее его достоинствам место. И на краю города, и вакуфного имущества много! Беда только, что в этом медресе бразды правления держит в своих руках Миён, один из сыновей святейшего. Удастся ли уговорить его?

Тогда Зуфар-махзум, как бы отвергая заключительную часть этих слов, беспечно махнул рукой:

— Хотя это медресе и находится сейчас в распоряжении моего зятя Миёна, это вовсе не препятствие. Тем более, что все городские медресе находятся в руках святейшего Ишанхана, но тут имеет голос также и ваш покорный слуга — главный мударрис Коканда. Следует обратиться с просьбой прямо к господину Миёну Сотыболдыхану. Но если возможно, то сначала лучше сходить к Турахану-махзуму и получить от него письмо на имя Сотыболдыхана...

На другой день Хасанхан-махзум, взяв с собой Хаджи Мухи, направился в дом главного имама соборной мечети Турахана-махзума проведать его, справиться о состоянии здоровья.

По пути Хасанхан-махзум рассказал:

— Белый царь дозволил светское образование, дал свободный доступ к обучению светским наукам, на которые наложили запрет наши ученые-улемы. Везде и всюду слухи, будто открываются новые школы, где будут обучать светским наукам. Как только святой имам, почтеннейший мударрис Турахан-махзум услышали об этом, им сразу занедужилось, и они перестали выходить на улицу. Многие наши духовные отцы так же, как и святой махзум, стали жить отшельниками взаперти и не выходят из дома...

ГЛАВА ПЯТАЯ

«СОБАКА ЛАЕТ И ЛАЕТ, А ЛУНА ВСЕ ПЛЫВЕТ ДА ПЛЫВЕТ СЕБЕ ПО НЕБУ»

В худжре Миёна Сотыболдыхана почти каждый вечер собирались его однокашники, товарищи по медресе. Беседовали, читали стихи, играли в шахматы. Заходил сюда нередко и их наставник домулла Халил и принимал участие в беседе молодых людей. Обычно устраивалось угощение в складчину. Каждый приносил что-либо из провизии, разводили огонь в очаге и готовили ужин.

Часто старый Нохуш читал присутствующим персидские и арабские стихи, которые выучил наизусть еще в годы своей юности, и тут же сам делал перевод.

На этот раз Нохуш продекламировал перед собравшимися газель персидского философа-поэта Салмана Саваджи из Багдада:

Что храм Каабы, что кумирня близ него — ведь все одно и то же,
И кудри черные — силки, и сотни четок — все одно и то же.
Вот на пути к Каабе вдруг из кабака донесся громкий крик:
«Куда идешь ты, эй, ходжа? Ведь храмы все одно и то же».

Никто не заметил вошедшего в этот момент в прихожую наставника домуллу Халила. Он остановился в дверях и слушал. Нохуш уже прочел стихотворение и обратился к молодым людям:

— Ну-ка, джигиты, теперь переведите!.. Кому какая строка понравилась, пусть ту и выбирает!..

Мухаммед Аминходжа выбрал первую строку, Юлдашали — вторую, Миён Сотыболдыхан — третью и еще один юноша записал себе последнюю. Каждый так и задумался, держа в руке тростниковое перо и лист бумаги с записанной строкой. Довольный тем, что заставил друзей взяться за дело, Нохуш вышел в прихожую за дровами. Здесь он увидел стоявшего в ожидании домуллу Халила.

— Э, да это вы! — удивленно воскликнул он. — Пожалуйте-ка в худжру!

— Боюсь помешать. Вдруг у кого-нибудь мысль обрвется...

— Вы давно пришли?

— Вы читали стихотворение Салмана. Я почел неудобным входить в такой момент... Идите, идите, а я постою тут чуточку... Зайду погодя...

Молодые люди засмеялись. Послышался голос Миёна:

— Заходите, отец Нохуш! Мы разгадали вашу загадку!..

Но домулла Халил вошел прежде, чем Нохуш.

— Давайте посмотрим, кто какую загадку разгадал? — сказал он.

Юноши почтительно поднялись с мест. Когда домулла усаживался на почетное место, Юлдашали попросил:

— Я тоже любил читать вслух это стихотворение! Садитесь, Мухаммед Аминходжа, и прочтите первую строку!..

Мухаммед Аминходжа пробежал глазами свою записку.

— Я понял так: если у обоих одна улица, то Кааба и церковь близки друг к другу...

Усмехнувшись, домулла взглянул на Юлдашали:

— А у вас что вышло?

— Силок из черных косичек и четки с сотней нанизанных бусинок — разве это не одно и то же?..

Учитель обратился к Миёну Сотыболдыхану:

— Очередь ваша!

Миён, почтительно поклонившись, прочел:

— Из питейного дома в храм Каабы донесся возглас.

Четвертый джигит подхватил:

— Эй, ходжа! Ты куда идешь? Разве все заведения не одно и то же?

Домулла Халил с похвалой отозвался об учениках и выразил благодарность Нохушу за интересную «загадку». Он пояснил, что и таким занимательным способом можно изучать знаменитых поэтов Востока. Но счел удобным указать на недостатки, допущенные в переводе.

Молодые люди переглядывались и тихонько подтакивали Юлдашали, потому что он был очень находчив и боек на язык. Наконец после долгих уговоров шепотом Юлдашали поднялся и, приложив руку к груди, сказал:

— Уважаемый учитель... вы обещали рассказать нам насчет игры слов и находчивости.

— Да, да, я помню. Но, кажется, уже поздно...

Поднявшись с места и поклонившись, Мухаммед Аминходжа позволил вставить слово:

— Если мы не послушаем ваш рассказ, не сможет уснуть.

Домулла Халил улыбнулся и закивал головой в знак согласия. Нохуш отошел от очага и подсел поближе.

— Придумывать остроумную игру слов не так-то легко.

Это требует от человека большого мастерства. Не всем оно одинаково дается, — начал домудла Халил. — Приведу пример замечательного остроумия. Как-то во времена эмира Умархана в Коканде собралось много поэтов, искусных мастеров газелей, писателей, певцов, музыкантов. Среди них выделялся старец из Уратюбе, известный поэт Кашаль.

Высокого роста, с длинной бородой и большим горбатым носом, Кашаль выглядел величественно и важно, но на самом деле был человеком простым, бесхитрым. Он жил в одной худжре с неким Абдулкаримом Фазли, прозванным «царем поэтов», очевидно за то, что он был попечителем имуществ этого медресе, а в нем проживало много поэтов. По своей бедности Кашаль был скорее слугой, чем другом весьма состоятельного и денежного Фазли.

Стояла холодная зимняя пора. У большинства поэтов, живших в медресе, карманы были пусты, дров не на что было купить, котлы лежали рядом с холодными очагами перевернутыми. Взгляды и помыслы всех устремились к эмирскому дворцу. Все ждали подарков. Однажды ночью прибежал в медресе один из поэтов и зашептал на ухо Фазли:

— Сегодня эмиру привезли мешок золота из Уратюбе. Я и побежал к вам.

Фазли поманил к себе домудлу Кашаля и дал ему поручение:

— Если на рассвете вы не предстанете перед лицом эмира, когда он будет выходить из мечети после утренней молитвы, и ничего не сумеете выпросить, то это золото уйдет в казну!..

Было еще темно, когда домудла Кашаль встал, заседлал осла и поехал в сад «Джахоноро», во дворец эмира. Осел был маленький, и у сидевшего на нем домудлы Кашаля ноги волочились по земле, поднимая пыль.

Слушатели живо представили себе забавную картину: длинный, рослый домудла Кашаль едет верхом. Осел семенит ножками, кавуши седока вздымают столбы пыли.

В худжре раздался дружный хохот.

Отхлебнув из пиалы глоток чая, домудла продолжал:

— Когда эмир совершал утреннюю молитву, поэт Кашаль вошел в ворота дворца, ведя за собой в поводу осла. Стража узнала поэта и пропустила его во двор. Там он прислонился к колонне и принялся ждать. Вско-

ре у выхода из мечети показался эмир. И сразу же взгляд его упал на Кашалья, эмир направился в его сторону. Тут осел словно по команде вытянул морду в сторону эмира и заорал во все свое ослиное горло. Насмерть перепуганный этой непристойной выходкой осла, Кашаль пал ниц. Подойдя поближе, эмир задал вопрос:

— Домулла Кашаль!... Что сказал ишак?

Не задумываясь, поэт ответил в рифму:

— Он кричал «ярмак!»¹.

Эмир понял намек и повелел выделить для поэтов часть золота, полученного из Уратюбе.

Молодые люди рассмеялись, а Мухаммед Амнходжа попросил наставника продолжить рассказ.

— Поэт Кашаль был очень беден. Как и все, кто родом из Уратюбе, он мечтал хоть раз в жизни обмотать голову чалмой из красной шалеовой ткани. Однажды верхом на своем осле он ехал по улице. На голове у него была рваная чалма, размахрившиеся концы ее спускались на шею и плечи. Повстречавшийся поэту эмир, увидев рваную чалму домуллы Кашалья, засмеялся и спросил:

— Кашаль! Что это за путаница у тебя на голове!

Не слезая с осла, поэт в тот же миг симпровизировал:

Обмотан, опутан приехал Кашаль

В надежде добыть здесь чалму или шаль.

По распоряжению эмира Кашалю была тотчас же выдана новая одежда и чалма из красной шалеовой ткани.

Но мало было поэтов, отличавшихся остроумием и находчивостью. Большинство составляли одописцы, писавшие хвалебные касыды в честь эмира в надежде добыть высоких милостей и щедрых подачек.

Прослышав о склонности эмира Умархана к поэзии, в Коканд съезжались «люди пера» — поэты и певцы из дальних и ближних городов и кишлаков. Некоторые из них, чтобы быстрее попасть на глаза эмиру и показать свои таланты во дворце, готовы были, как говорится, сесть на раскаленные угли. Они перепробовали все, не оттаиваясь ни перед чем. Иные терпели, довольствуясь малым, и скромно держались в стороне.

Эмир Умархан женился на андижанской девушке,

¹ Ярмак — монета.

талантливой поэтессе, прославившейся по всей Фергане под именем Надира. Стихотворения Надиры были изящны и прелестны, как и сама поэтесса. Владея поэтическим мастерством, она, словно солнце, излучающее свет, блистала среди поэтов того времени. О ней рассказывают поэтическую историю... Эмир подарил ей сад, которому было дано название «Джахоноро». Представьте себе этот сад утром. Блестит утренняя роса на лепестках цветов. Бутоны, равнодушно сменив сонный покой на улыбки, начинают раскрывать уста, и кажется, вот-вот зазвенит их смех.

В сад из гарема вышла молодая красавица. На ней белое шелковое платье. Она стройна, бела, круглолица, с большими прекрасными глазами. За ней следуют две рабыни. Одна несет маленький коврик тюльпанового цвета, другая на подносе бумагу, тростниковое перо, чернильницу. Они замерли в ожидании распоряжения красавицы. Молодая женщина обошла вокруг цветника, полюбовалась бутонами и лишь тогда сделала знак прислужницам. Те постелили коврик, поставили на него поднос и, почтительно поклонившись, удалились. Красавица сняла кожаные кавуши и ступила босыми ногами на коврик. Играя прядями своих длинных кос, она слушала долетавшие откуда-то издали соловьиные трели, затем, сев к арыку, опустила ноги в воду, зачерпнула пригоршню прозрачной воды и освежила лицо. Вытерев лицо и руки вышитым шелковым платочком, взяла бумагу и перо и начала писать.

Но не успела она написать и двух строф, как журчание в арыке умолкло. Вода перестала течь. Разобиженная красавица сердито вытащила ноги из арыка и повернулась к нему спиной. Вы уже догадались, что эта красавица — поэтесса Надира.

Эмир Умархан с удовольствием посматривал из беседки на свою любимую супругу. Увидев, что Надира огорчилась тем, что в арыке иссякла вода, эмир спустился в сад и приказал сейчас же разыскать человека, который запрудил воду.

Молодой садовник с кетменем на плече, пустив воду в урюковый сад, следил за поливом. Стражники набросились на него, связали руки за спиной и потащили во дворец.

— В чем моя вина? — взмолился перепуганный садовник.

— Поэтесса Надира, супруга великого эмира, сиде-

ла на берегу арыка, опустив ноги в воду, и писала стихи, а ты, болван, запрудил воду, высушил арык!

— Только и всего?! И в этом моя вина?..

— Да, в этом твоя вина! Эмир сильно разгневался!

— Ладно, ведите меня к эмиру. Я давно хочу встретиться с ним.

Стражники привели юношу во дворец. Эмир гневно спросил:

— Это ты запрудил воду?

— Да! Ваш покорный слуга запрудил воду, господин эмир!

— Зачем?

Тогда садовник вместо ответа прочел сочиненные экспромтом стихи:

Как кипарис, красавицу увидела вода,
Целует ноги голые бесстыдница вода.
Связав ей руки, в тот же миг я доступ преградил,
Кругом по саду воду ту проточную пустил¹

Эмир Умархан пришел в восторг от стихотворения и приказал надеть на садовника новый халат.

Садовник был родом из Рошидана. Звали его Абдугаффар. Пять лет он работал в саду, но никому не говорил, что сочиняет стихи. После этого случая эмир осыпал Абдугаффара милостями, в вечерние часы навещал его и заставлял читать вслух свои произведения.

С интересом слушавшие рассказ домуллы Халила молодые люди проводили его до самого дома и разошлись. Вернувшись в худжру, усталый Нохуш уронил голову на подушку и сразу уснул. А Мухаммед Амин-ходжа, подложив обе ладони под голову, предался грезам.

«Удивительно! — думал он. — Поэты сочиняют стихи ради того, чтобы удостоиться внимания эмира Умархана. Писать да читать хвалебные оды, а!.. Если бы Кашаль не сумел быстро срифмовать «ишак»—«сармак», то все поэты, жившие в медресе его высочества, так и сидели бы без дров, без пищи, уставившись голодными глазами на эмирский дворец в ожидании подачки. Если бы тот же Кашаль не сумел бы подобрать к своему имени рифму «шаль», пришлось бы ему и дальше наматывать на голову старую рваную чалму. Такому остроумию грош цена! Оно и могло привести в восторг тупой, ленивый ум

¹ Перевод С. Паластрова.

властелина. Нет! Нет! Я не хочу быть таким! Лучше вовсе не быть поэтом, чем возносить подхалимскую хвалу властелину и жить его подачками! Я бедняк и хочу помогать отцу, малоимущему пекарю!.. Ведь мы, бедняки, и таких, как мы, в городе полно! Мое желание, моя мечта — писать песни, которые могли бы помочь беднякам забыть хоть немного о своей нужде. Я хочу воспеть мечты, за-таенные в сердцах полунищих ремесленников, согнувших-ся в три погибели под тяжестью мучительной жизни, полной невзгод и лишений. Моя мечта — возвеличить искреннюю любовь. Нанизать на поэтическую нить проникновенные слова! Создавать стихи и песни о влюбленных, жаждущих встречи! О разбитых мечтах и неисполненных желаниях!.. Слагать песни про обездоленных, таких же, как я! Передать в этих песнях горе и печаль несчастных горемык!...»

Долго не мог уснуть Мухаммед Аминходжа. Растревоженный думами, он лежал, не смыкая глаз, ворочаясь с боку на бок.

И вдруг понесся над городом призыв к первой утренней молитве. Немного погодя и муэдзин соседней мечети неприятным визгливым голосом тоже провозгласил свое «Ля илля»... Потом послышался прерывистый кашель: кто-то шел по улице... И словно переключаясь с ним, закашлял старый Нохуш. Он проснулся, посмотрел на Мухаммеда Аминходжу и заговорил словно про себя:

— Даже не разделись как следует! Если так будете спать, никогда не быть вам ишаном, сынок! Эй, Мухаммед Аминходжа! — позвал он громким голосом. — Эй, Мукими! Вставайте, уже светает!

Мухаммед Аминходжа приподнялся и сел на постели. Сначала он протер глаза и зевнул. Ему хотелось скрыть от воспитателя, что он провел ночь без сна.

— Вы тоже хорошо спали, отец?

— Как положил голову на подушку, так ничего больше не помню. Приготовить, что ли, немного халвайтара¹ к завтраку. Возьму малость муки, подсыплю сахару и поджарю в масле. Что вы скажете на это, ишан?

— Халвайтаром вы поделитесь с Миёном, а я пойду. Сегодня пятница — день, когда я помогаю отцу.

— И то правда, — сказал Нохуш, махнув рукой, — я совсем забыл, что сегодня пятница. И Миён сегодня

¹ Халвайтар — сладость из вареного сахара с мукой.

тоже поздно придет. А я собирался сходить в баню. Значит, сегодня будут деньги и хлеб, так, что ли?

— В пятницу, воскресенье и среду отец печет сдобные лепешки — «ширмон» — на молоке и масле. Их берут нарасхват. Надо испечь на два-три тандыра¹ больше, чем в другие дни. Пятница и воскресенье — базарные дни для ремесленников, а среда — базарный день для дехкан. Если они хоть раз в неделю в чайхане за чайником чая не разломают сдобную румяную «ширмон» или пышную лепешку «гиджда», то и удовольствия не получат, как будто они и не приезжали на базар. Но я, кажется, уже опоздал!..

Наскоро прибрав постель, Мухаммед Аминходжа побежал домой. Его отец пекарь Мирзаходжа месил тесто, а мачеха Зиёда-биби просеивала муку. Мухаммед Аминходжа молча принялся за дело. Засучив рукава он стал раскатывать колобки теста в лепешки. Получалось это у него отлично. Ведь с раннего детства он помогал отцу.

Мирзаходжа всегда расхваливал жене мастерство сына:

— Когда раскатывает тесто Мухаммед Аминходжа, лепешки получаются пышные, румяные. На них очень много охотников на базаре. Расхватывают в один миг. Не успеешь оглянуться, а корзина уже пустая. А в иные дни ходишь-ходишь по улице с корзиной сдобных лепешек на голове. Ну хоть бы кто для приличия окликнул: «Эй, понвой²...» Или людям кажется, что сдобные лепешки дорогие, или... сам не знаю почему, но берут все кто одну, кто две штуки, не больше! А вот лепешками из кислого теста всегда торгуют бойко. Конечно, откуда у ремесленника да у крестьянина деньги на сдобную лепешку?..

Зиёда-биби, просеивавшая муку, вставила свое слово:

— Что же вы тогда не печете лепешки из кислого теста, раз они такие ходкие? Да и кислое тесто легче месить...

— Отец — мастер только сдобных лепешек, — перебил ее Мухаммед Аминходжа. — Об этом весь город знает.

— Как же?! Будто бы так уж и знает! Печь сдобные лепешки очень трудно! Эх, если бы их можно было быстро продать. А то приходится ходить с корзиной на голове до самого вечера, вставать в полночь, каждый день

¹ *Тандыр* — печь для выпечки лепешек.

² *Понвой* — пекарь, хлебопек.

хлопоты, суета. И отец измучился, и у меня сил нет... А у вас, сынок, одна отговорка: учиться да учиться. Из медресе совсем не выходите... Вон посмотрите, сколько у нас в Коканде народу учится. И все наши ученые домуллы ходят без дела, у каждого на голове пребольшущая чалма, а какой от этого толк? Ничего они не умеют. Нет у них никакого дела. Только и бродят по улицам да пылят. Разве вы не могли бы помогать отцу вместо того, чтобы ходить в медресе? Он выдал замуж двух дочерей, помощниц нет, чувствует себя плохо. Где же еще ему думать о вас?!

Не первый раз мачеха говорила так резко. Мухаммед Аминходжа опустил голову и продолжал раскатывать тесто. Мирзаходжа прикрикнул на жену:

— Как учится, так и будет учиться. Придет время, когда я не сумею печь лепешки, тогда аллах-кормилец даст хлеб насущный. А пока я обойдусь без помощи сына. Отец, выдавший замуж двух дочерей, сумеет и сына женить. И нечего тебе беспокоиться об этом!..

— Ах вот как?!

— Да, так!

Выронив сито, Зиёда-биби заплакала и ушла в комнату. И долго оттуда доносились ее причитания:

— О боже! И зачем только я на свет родилась! Ой, погибель моя! Я ему как своему сыну. Я считала его родным, как свое дитя родное. А он не родной, нет, не родной, а чужой, совсем чужой!

Отец и сын молча работали.

— Не обращай внимания,— шепнул Мирзаходжа.— Хватит раскатывать, этого достаточно, а остальное тесто заверни. Так... Теперь разведи огонь в тандыре. Такая уж она злоязычная, въедливая! И сестренкам твоим просто житья от нее нет, бедняжкам... Так уж мне на роду написано. Если бы не обозлилась на меня судьба, не умерла бы твоя мать, оставив вас малыми сиротками. Ну, хорошо, за все остальное вознагради аллаха.

Почтительно слушал отца Мухаммед Аминходжа. Обида сдвинула ему сердце, комок подкатил к горлу. Он дышал тяжело, точно воздуха ему не хватало. Сдерживая себя, он усердно работал.

Набросав в тандыр сухой верблюжьей колючки, сын развел огонь. С треском вырвалось из круглого отверстия пламя, казалось, оно вот-вот разорвет глиняные стенки тандыра. Заиграли знойные, багровые языки, обгоняя друг друга. От жара лицо, открытая грудь стоявшего

около печки Мухаммеда Аминходжи покраснели. Утирая катившиеся со лба прозрачные, словно стеклянные бусинки, капельки пота, он снова и снова бросал в раскаленное жерло тандыра колючку. Жар пламени утихомирил буйство сердца, и он почувствовал облегчение. С детства он сознательно приучал себя стойко и мужественно переносить обиды и невзгоды.

Отрывая от раскаленных стенок испеченные лепешки, Мирзаходжа с удовлетворением заметил, что сын улыбается. Положив одну на другую две горячие лепешки, он протянул их сыну и, пристально посмотрев ему в глаза, спросил:

— Почему ты вечером не приходишь ужинать?

— Мы ужинаем в худжре... Миёну не хочется расставаться со мной. Вы обо мне не беспокойтесь, отец. Я еще ни разу не оставался голодным.

— Я всегда возношу молитвы за Миёна Сотыболдыхана. Но раньше вы день и ночь были вместе, а теперь Миён обзавелся женой. Он уже не ночует в худжре. Ты вынужден оставаться с этим индийским слугой Нохушем. Но он уже не слуга Миёна?!

— Нохуш — вовсе не слуга, а наставник Миёна, воспитатель. Он и мой воспитатель. Нохуш — на редкость хороший человек. Жаль, что вы ни разу не беседовали с ним, отец.

— Кто бы ни был твой Нохуш, я не могу оставить тебя жить с ним в худжре. Ты не безродный чужеземец! Хотя я и беден, но так оставить я не могу. Построить тебе дом отдельно, в другом месте у нас не хватит сил. Хотя и тесновато сейчас у нас, но как только настанет весна, вот здесь, в углу двора, построю для тебя комнату с прихожей, так я решил. А потом женю. А сейчас не уходи в худжру с пустыми руками, возьми лепешки и там позавтракаешь вместе с этим своим Нохушем.

Вспомнив, что Нохуш хотел сходить в баню, Мухаммед Аминходжа не пошел в медресе, а заглянул к домулле Халилу. У него сидел Миён — печальный, разбитый. Домулла Халил тоже был в плохом настроении.

Вынув из-за пазухи сдобные лепешки, Мухаммед Аминходжа разломил их на подносе, а тем временем Миён разлил из чайника чай в пиалы и прочитал молитву над дастарханом.

Они долго молча пили чай. Наконец Миён, обращаясь к Мухаммеду Аминходже, сказал:

— Пойдемте... поговорим...

В худжре он бросился на ватную подстилку и тяжело вздохнул. Нохуш и Мухаммед Аминходжа истолковали плохое настроение Миёна по-своему и, не решаясь его расспрашивать, сидели оба с поникшими головами.

Наконец Миён заговорил:

— Придется мне отдать медресе. Помните того напыщенного гостя, который принес мне письмо от Турахана-махзума. Еще в тот вечер пошел первый мелкий снежок...

Нохуш вскочил.

— Что?! Что?! — сдавленным голосом воскликнул он. — Не может быть! Кто ему позволил?!

— Оказывается, бан и высокопоставленные мударисы, а также, к несчастью, и мой тесть приняли на себя посредничество. Они обратились с просьбой к моему брату Ишанхану. Брат не мог отказать и пожаловал этому неприятному человеку должность попечителя имущества нашего медресе. Придется мне освободить свое место и уйти отсюда.

Дрожь пробежала по телу Аминходжи. Будто на него вылили ведро ледяной воды.

— Если ваш брат уважаемый Ишанхан оказал ему столь высокую милость, если этот гость поднял на ноги именитых баев, высшее духовенство города, то кто же он такой? Неужто он ангел, спустившийся с небес?

— Он даже больше, чем ангел. Он прибыл из Стамбула! Из самой Мекки приехал!.. Он сам архангел аллахов! — Хотел было Миён сказать еще что-то, но, сдержав себя, понизил голос: — Наш учитель домолла Халил хорошо знает его. Отлично знает... Лет десять назад этот архангел был здесь в скромном обличье прихлебателя при господине казии Халикджане, да из-за семейных неурядиц вынужден был уехать в Кашгар. А теперь явился из Стамбула в другом обличье! Раньше он был просто Мухиддин, а теперь почтенный паломник хаджи. И имя свое Мухиддин на Хаджи Мухи сменил. Оказывается, ему понравилась эта худжра! Нет! Я повешу на дверь вот такой замок, а освободить свою любимую худжру для всяких там мухиддинов и мухи не буду.

Халвайтар, приготовленный Нохушем, остался в котле нетронутым. Раздраженный Миён Сотыболдыхан, хлопнув дверью, ушел. Нохуш печально уставился в землю. Мухаммед Аминходжа молча что-то писал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МУХАММЕД АМИНХОДЖА МИРЗАХОДЖА-ОГЛЫ
МУКИМИ

Ташкентский пекарь Мухаммед Фазил в молодые годы в поисках лучшей доли покинул родной город и переехал в Коканд. Поселился он в махалле Беквачча. Всю жизнь проработал он пекарем. Особенно удавались ему сдобные лепешки.

Умирая, завещал свою пекарню старшему сыну Мирзаходже.

Сдобные лепешки позволили Мирзаходже создать относительно благосостояние. Он женился на Ойша-биби, дочери ходжентца Саид Алима Надиршах-оглы. Ойша-биби была образованная женщина, умела играть на дутаре и даже сочиняла газели. В 1850 году у Ойша-биби родился сын. Ему дали имя Мухаммед Аминходжа. Едва мальчик начал ходить, его взял к себе на воспитание брат Ойша-биби Рахматулла, золотых дел мастер, большой любитель поэзии.

А семья пекаря Мирзаходжи быстро росла. Вскоре у Ойша-биби родилась дочь, ей дали имя Мехриниса. Через несколько лет появились еще три девочки: Улугбиби, Сайдинниса, Таджинниса. Ойша-биби оставалась жизнерадостной и общительной. Бывая в гостях, на семейных празднествах, она вслух читала газела, играла на дутаре. Говорили даже: «Когда нет нашей соловьиноголосой среди гостей, нет веселья». Поэтому женщины махалли дали Ойша-биби прозвище Хуморбиби.

Мать пятерых детей жила в нескончаемых трудах и заботах. Она очень любила своего мужа Мирзаходжу, заботилась о нем, помогала ему. Содержать большую семью для простого пекаря — дело не шуточное. Дом Мирзаходжи состоял из единственной сырой, темной комнаты. Тесный двор сплошь был покрыт виноградными лозами. Малые дети требовали внимательного ухода. Их надо было одеть, накормить. Но непосильные труды и заботы измотали веселую, жизнерадостную Хуморбиби. Она стала часто болеть. Ее мучили приступы кашля. Врачи нашли у Ойша-биби чахотку.

Узнав о болезни сестры, мулла Рахматулла навестил ее. Двух девчуток — Сайдиннису и Таджиннису — забрал к себе домой, а сам каждый день появлялся в доме пекаря, приносил сестре лекарства, водил табибов. Но время

было упущено, лекарства не помогли, и Хуморбиби скончалась, когда Мухаммеду Аминходже исполнилось всего лишь пятнадцать лет.

Убитый горем Мирзаходжа, потеряв свою радость и покой, с головой ушел в работу. Целый день он трудился в пекарне, а вернувшись домой, занимался домашними делами.

Друзья пекаря и особенно шурин мулла Рахматулла, видя, как трудно Мирзаходже, решил женить его. Они сосватали ему вдову Зиёду-биби, проживавшую с ребенком в махалле Шалдырамок. Но брак оказался неудачным. Зиёда-биби была безрассудной, ветреной женщиной. Первого своего мужа она буквально сжила со света. Пять лет она вдовствовала, вышивала тюбетейки и этим жила. И надо же было случиться этой женитьбе, будто у несчастного Мирзаходжи своих неприятностей не хватало.

Для Мирзаходжи настали тяжелые дни. Зиёда-биби привела в дом Мирзаходжи свою двенадцатилетнюю дочь Ойшу. Мачеха потребовала, чтобы Мухаммед Аминходжа не смел на нее смотреть. Отныне он обязан был, прежде чем войти в комнату, предупреждать криком: «Пошт! Пошт!»—«Посторонись!», чтобы Ойша успела закрыть свое лицо чачваном. Всю домашнюю работу Зиёда-биби свалила на падчериц Мехринису и Улуг-биби. А когда подходило время обедать, она совала каждой девочке в руку по куску лепешки — и все. В полночь усталый Мирзаходжа приходил из пекарни, Зиёда-биби, вместо того чтобы поприветствовать его и поухаживать за ним, принималась наговаривать на его дочерей, устраивала свары и скандалы.

Долго думал Мирзаходжа и решил: «Если так пойдет дальше, я потеряю своих дочек!.. Сын тоже измучен, бродит беспризорный по улицам!.. До каких пор он будет нахлебником своего друга Миёна?! Лучше поставлю сам у себя во дворе тандыр». Как подумал, так и сделал. Каждый день сам просеивал муку, сам месил тесто, сам пек лепешки и сам продавал их. Мухаммед Аминходжа помогал отцу. Вот так и стали они жить.

Между тем прошло три года. Мехринису выдали замуж за водоноса Дустмухаммеда, Улуг-биби — за мясника по имени Муллабай из кишлака Аччиккул. Двух дочек Мирзаходжи по-прежнему воспитывал мулла Рахматулла.

Раз в неделю Мухаммед Аминходжа ходил к мулле Рахматулле проведать сестренку. Дядя и его жена при-

ветливо встречали племянника. Он рассказывал о своих занятиях. Когда дело доходило до чтения стихов, дядя приглашал в михманхану свою дочь Хайринису.

Девушка приходила без всякого стеснения, садилась рядом с Мухаммедом Аминходжой и, превратившись вся в слух, старалась понять смысл каждой строфы, каждого двустипия. Когда ей очень нравились стихи, она хлопала в ладоши, и ее рукоплескания наполняли гордостью молодого поэта.

Однажды Мухаммед Аминходжа, по обыкновению завязав в платок четыре сдобные лепешки, пошел к дяде. Сестер он встретил на пороге калитки. Они собрались на свадьбу в соседнюю махаллу. Надо сказать, что мулла Рахматулла относился к племянникам так же хорошо, как к родной дочери. Все, что он считал подходящим и приличествующим для своей дочери, то же самое делал и для Сайдинисы и Таджинисы. Все три девочки одевались одинаково. Вот и сейчас у каждой голова была повязана цветной шелковой косынкой с тканым рисунком. Все были наряжены в красные платья из ходжентской полупелюшечной ткани.

Войдя в калитку, Мухаммед Аминходжа увидел посередине двора Хайринису. Девушка улыбнулась гостю, поздоровалась и бросилась в мастерскую к отцу. Вернувшись, она спросила Мухаммеда Аминходжу:

— Вы принесли новые стихи?

— А как же! Но вы, оказывается, уходите на свадьбу...

— Скажите-ка... Как жаль! Не можете ли вы оставить стихи отцу?

— Так и быть, оставлю.

Мулла Рахматулла возразил:

— Куда спешишь? Послушай стихи, а потом пойдешь на свадьбу. К вечеру там будет самое веселье!

Мать Хайринисы, резавшая на террасе морковь, поддерживала мужа:

— Если бы гости уже собрались, мы слышали бы звуки бубна. Помогите мне! В прошлый раз Мухаммед Аминходжа ушел, так и не дождавшись плова.

Прожаживавшийся по террасе мулла Рахматулла засмеялся:

— Если Хайриниса будет тебе помогать, то кто же тогда даст оценку стихам? Мухаммед Аминходжа, кажется, принес новые стихи.

Присев около двери, Хайриниса осторожно засучила

рукава до локтей, обнажив белые руки, на которых сверкали браслеты, и принялась вытирать пиалы полотенцем. Налив чаю, она подала сначала отцу, а после Мухаммеду Аминходже. Сделав вид, как будто он ничего не замечает, мулла Рахматулла с целью затеять приятную беседу заговорил сам:

— Пусть сегодня начнет Хайринниса! Что ты скажешь, Мухаммед Аминходжа? Эта тихоня тоже пишет стихи, только скрывает от нас.

Девушка покраснела до корней волос. Мухаммед Аминходжа сидел молча, не осмеливаясь посмотреть на нее. Хайринниса, запинаясь, ответила отцу:

— У меня... неумелые стихи. Пока я научусь писать стихи, семь раз поспеют дыни.

— Не хочешь читать, не читай! Мухаммед Аминходжа прочтет. Доставай, племянник! Хотелось бы мне сегодня послушать хорошую газель...

Мухаммед Аминходжа вернул пиалу девушке и, достав из кармана исписанный листок бумаги, сказал:

— А если стихи плохие?..

Не успел дядя ответить что-либо, как Хайринниса ввернула свое слово:

— Будто уж плохие! Чтобы вы написали плохие стихи! Так вам и поверили!

— Что же,—сказал мулла Рахматулла.— Сейчас мы послушаем «плохие» стихи...

Мухаммед Аминходжа пробежал глазами написанные на бумаге строки и начал читать отчетливо, тихим голосом:

Хотел бы тайну я раскрыть,
о доле горькой рассказать,
Хотел бы тайну затемнить,
Но разве сердце удержать?
Пришла весна, но ни на миг
мне счастье не дала познать.
Хотел бы об руку с тобой
весенним садом я ступать.
Хотел бы я... Но тайн любви
как подсмотреть чужим не дать?
Боюсь, что слезы я пролью —
и будет нечего скрывать.
Предосторожности встают,
восторг откидывая вспять.

И, как над розой — соловью,
дано беззвучно мне рыдать.
Одной лишь роднишке твоей
готов я душу всю отдать.
Я, Мукими, раскрыл глаза,
чтоб в них красу твою вобрать.

Прервав чтение, Мухаммед Аминходжа смущенно вытер выступивший на лбу пот. Его поразила пришедшая в голову мысль: «А прилично ли читать подобный любовный вздор моему дяде, да еще при его взрослой дочке? Нехорошо».

Явно посмеиваясь над смущением молодого поэта, мулла Рахматулла шутливо заметил:

— А конец? Разве мы не услышим окончание?

Ясный, словно бусинка, нанизанная на нить ожерелья, смысл строф Хайриниса приняла на свой счет. С волнением она слушала стихотворение. Пораженная, она украдкой посмотрела на отца и перевела взгляд на крышечку чайника, стоявшего на дастархане. Мулла Рахматулла ухмыльнулся в бороду:

— Складные стихи, любовные. Сочинять ты, племянничек, можешь чувствительно... Пусть твоя рука не знает болезни, будь здоров! А что еще там сочинил? Что еще там есть у тебя?

Но больше читать стихи в тот вечер Мукими не пришлось. В михманхану впорхнула Таджиниса и шепнула что-то на ухо Хайринисе.

— Подруги зовут меня! — сказала смущенно девушка.

— Ладно, ладно, дочка. Раз уж зашли за тобой, иди.

Мулла Рахматулла стал расспрашивать о делах:

— Я слышал, что в медресе назначен новый попечитель имущества. Это правда?

— Правда!

— А каковы его отношения с Миёном?

— Плохие. Миён очень расстроился. Теперь он редко приходит в худжуру.

— Да, хорошего мало. Гордый человек этот Миён.

— Кажется, он покажет себя, выкинет что-нибудь. Возможно, он уйдет и заберет с собой нашего наставника Нохуша. Тогда мне придется трудно! Вы знаете, что делается у нас дома? Не хотел бы злословить, но Зиёда-биби несправедливая, бессовестная женщина! Свою дочку Ойшу она заставляет прятаться от меня, словно я

чужой мужчина. А делает это только затем, чтобы я пореже ходил домой.

Поразмыслив немного, мулла Рахматулла спросил:

— Может быть, тебе перейти в медресе Хакимойим? Там есть худжра, за которую я когда-то заплатил. Я там жил.

— Хорошо бы...

— Лучше, конечно, если бы Миён взял и тебя в медресе, куда сам переедет: вы уже привыкли друг к другу. Но если же он слишком высоко ценит свое происхождение и не предложит тебе перейти к нему, не проси его. Для тебя худжра готова!

— Хорошо...

Их беседу прервала мать Хайринисы, принесшая большое блюдо с пловом.

Мухаммед Аминходжа вернулся в медресе затемно. Миён встретил его словами:

— Завтра мы с Нохушем увезем отсюда часть вещей. Остальное возьмите себе. Мы переезжаем в медресе Мадалибек. А вы оставайтесь здесь... с тем чтобы не отдать худжру этому наглецу Мухи. Пока я жив, никто не посмеет вас выгнать отсюда. Останетесь вы так... для вида... А будете всегда с нами.

Мухаммед Аминходжа, в знак благодарности приложив руки к груди, почтительно поклонился. Это медресе было близко от дома, и ему удобно было ходить помогать отцу печь лепешки. И самое главное! Исполнилось затаенное желание жить в тиши и одиночестве и заниматься своим любимым делом — писать стихи.

На другой день Нохуш погрузил на арбу часть вещей и увез. Мухаммед Аминходжа остался один. Новый почититель имущества, господин Мухи, при каждой встрече хмуро посматривал на поэта.

Худжра опустела. Теперь никто не собирался в ней по вечерам. Наставник домумулла Халил не приходил рассказывать интересные, поучительные истории. Потухли искры света, блеснувшие во тьме. Долгие вечера в опустелой худжре на старом паласе часто голодный молодой поэт с увлечением писал стихи. Они нравились его друзьям-сверстникам, а также дяде Рахматулле и его красивой дочери.

Редко-редко к Мухаммеду Аминходже закахивал домумулла Халил, совсем сгорбившийся, но, несмотря на свой преклонный возраст, все еще бодрый духом. Он внимательно следил за поэтическими успехами своего

ученика. Мухаммед Аминходжа всегда привлекал его свежестью своих взглядов, живыми способностями, своим талантом.

Но в последнее время домуллу Халила беспокоило душевное состояние ученика. Он вытягивал его к себе, старался отвлечь от мрачных мыслей, рассказывал ему о событиях, которые пережил сам.

— У нашего народа есть пословица: «Если ты обижен, огорчен, то пройдишь по кладбищу». Когда видишь могилы — много думаешь. Это пословица, может быть, и правильна. Но я тебе дам другой совет: в тот день, когда ты будешь удручен, не иди на кладбище, а прогуляйся среди живых людей! Поброди в толпе! Прислушайся к воплям и крикам! Живые люди расскажут тебе, что надо делать, о чем нужно писать.

Мухаммед Аминходжа прошелся по базару. Каждый спешил туда, куда ему хотелось. Каждый «подгребал горячую золу к своей лепешке». Мухаммед Аминходжа шел сквозь толпу, никого не узнавая. Никто в свою очередь как будто не узнавал его. Чуть ли не столкнулся с мужем сестры Мехринисы Дустмухаммедом. Тот нес на плече тяжелый бурдюк с водой. Воду он набирал в арыке Карасу и носил в чайханы, наполняя водой огромные корчаги.

Мухаммед Аминходжа поспешно свернул в сторону, и родственник не заметил его. И тут Мухаммед Аминходжа увидел женщину в парандже. Потрясая старинной книгой, она умоляла прохожих:

— Купите книгу! Нужда меня заставила, вот и вынесла продавать! Эта книга досталась мне на память от моего дедушки! Только из-за нужды продаю эту книгу!.. Осталась я без дров и без угля, вот и принесла сюда! Люди, умоляю, выручите меня!

Мухаммед Аминходжа протянул руку:

— Можно посмотреть?

— Смотрите! Если возьмете, я дешево продам! Сиротки мои дрожат от холода. Холод заставляет меня продать книгу! Это знаменитая книга стихотворений, своей рукой их написала Надира! Мой дедушка был стражником во дворце у эмира Коканда. В день, когда бухарский хан разграбил дворец, дедушка увидел в уличной пыли книгу. Мимо скакали воины с обнаженными мечами. И мой дед не побоялся... выхватил книгу из-под копыт коня. О, мой отец очень хвалил эту книгу!

Наудачу раскрыл. Мухаммед Аминходжа рукописный сборник, и взгляд его упал на стихотворные строки:

О своей не говори нужде,
Ведь народ вовек горит в нужде.
Не свободен от нужды никто,
Всякий жизнь свою творит в нужде.

Он читал, сам того не замечая, вслух, и не успел еще дойти до конца газели, как вокруг собрались слушатели. Даже те, кто не нуждался в книгах, тоже начали прицениваться:

— Ну-ка, старуха! Сколько вы просите?

— Дадите цену вязанки дров и корзинки угля. Ну и хватит...

— Ого! — насмешливо воскликнул один из покупателей, скривив лицо. — Мне-то ваша книга ни к чему, я просто хотел сделать доброе дело, выручить вас. Хотите теньгу?

Эх, были бы у Мухаммеда Аминходжи деньги, он отдал бы бедной женщине за рукопись и двадцать теньга, а потом сказал бы скупому покупателю все, что думал о нем... Но у поэта в кармане не было не только двадцати серебряных теньга, двадцати медяков не имелось.

Хорошо одетый молодой человек с родинкой на щеке отсчитал двадцать теньга, положил в открытую ладонь вдовы, взял книгу и пошел своей дорогой. В печальном раздумье Мухаммед Аминходжа зашагал по улице в сторону соборной мечети.

«Прогуляйся не по кладбищу, а среди живых!» — повторил он вслух слова домоллы Халила.

Мухаммед Аминходжа бродил среди людей. Он видел, как муж его любимой сестры согнулся под тяжестью бурдюка с водой. Видел нищего музыканта в халате с уймой заплат. Он вел за руку босоногого сынишку и, играя на тростниковой свирели, просил милостыню. И тут же на пароконном фаэтоне, чванливо развалившись на сиденье, ехал богат в шубе на меху из лисьих лапок, в шапке с бархатным верхом и широкой меховой оторочкой. А дальше он вдруг наткнулся на своего отца Мирзаходжу, несшего на голове корзину с лепешками и выкрикивавшего: «Подходите! Сдобные лепешки!».

Он шел уже по мосту Байбутабека. Около лавки бакалейщика Шермухаммеда стояли две арбы, груженные кожей, а два возчика горячо о чем-то спорили.

— Эй, уважаемый!— поманил Мухаммеда Аминходжу Шермухаммед.— Пожалуйста, помогите мне! Выручите вот этих приезжих!

Поэт подошел.

Возчики наперебой кричали так, что ничего нельзя было понять.

Мухаммед Аминходжа вопросительно посмотрел на бакалейщика: «В чем дело?».

Кое-как успокоив возчиков, бакалейщик стал объяснять:

— Купец Мирзараим купил в Ташкенте кожу и отправил на арбах в Коканд. Сам купец неграмотный, а поэтому устно указал адрес. Возчики пока доехали сюда, адрес-то и забыли. Вот и крутятся с утра по улицам, спрашивают встречных и поперечных, где дом Мирзараима. Но никто никакого Мирзараима не знает! Боюсь, что если бедняги будут так плутать до завтрашнего дня, то забудут имя Мирзараима. И сами-то замучались, до смерти устали! Просим вас, уважаемый, напишите, пожалуйста, аксакалу¹ кожевников, что так, мол, и так, эти кожи отправлены из Ташкента Мирзарайму, пусть аксакал скажет возчикам, где живет этот Мирзараим.

— Хорошо,— откликнулся на просьбу молодой поэт,— я напишу, только достаньте бумагу и перо!..

Тут же принесли перо и бумагу: поэт сел на корточки около лавки и написал:

Коканд, аксакалу кожевников.

Пятьсот из Ташкента отправлено кож,
Поближе к Коканду мой адрес найдешь.
И возчики тоже ведь мне не чужие,
Зять дяди, муж тети, чужой мне негож.
А сам я купец, грамотей-то плохой,
Но грамоты лучше пятак, даже грош!

И дом я и улицу им указал,
Кто в доме, кто главный... Ну как не поймешь?
Сгрузить поскорей! Кожа сморщится вся,
Усохнет, как я, пропадет ни за грош!

¹ Аксакал — старик.

В конце стихотворения Мукими добавил:

В каком лепрозории, трудно понять,
Где дом-то искать им, на кладбище, что ль?

Писать не умешь? Тем хуже тебе!
Такая уж неучей злая юдоль!
Нужды в объяснениях ведь нет, Мукими!
Начнешь объяснять — вдруг исчезнет вся соль!

Свернув бумагу вчетверо, Мукими вручил ее возничкам. Это было первое сатирическое стихотворение Мукими.

Под вечер подул холодный порывистый ветер. Над медресе потянулись полосы дыма: почти в каждой худжре топились печи.

В худжре попечителя имуществ горел свет. По теням, двигавшимся за промасленной бумагой, которой было заклеено окно, нетрудно было догадаться, что у Мухи собрались гости.

Мукими пошел к себе. В худжре было холодно, дрова кончились. Он вспомнил, что вчера догорела последняя свеча. Долго стоял Мукими, затем на ощупь нашел подстилку и сел. Взял одеяло, накрылся им, лег и погрузился в думы:

«Надо мной подсмеиваются. Говорят, что я похож на Хайриннису. Разве это плохо, если я похож на дочь своего дяди? Лишь бы ее счастье не было похоже на мое. Ладно! Пройдут и эти дни, будут у меня дрова и своя свеча! Вот тогда я буду сидеть до рассвета и напишу длинное-длинное стихотворение про Хайриннису. Прочитаю стихи только ей. Она несколько раз скажет мне «спасибо!», а листок со стихотворением сама возьмет у меня из рук... И дядя и жена его тоже любят меня. Быть может, у них есть какая-то затаенная мысль. Дядя, конечно, не зря сказал: «Приходи в свободное время, будешь у меня учиться ювелирному делу...»

Кажется, он хочет совершить паломничество! Ну что ж, у него есть золото. . Когда есть золото, можно объехать весь мир! Возьмет ли он с собой Хайриннису? Нет, пожалуй, не возьмет. Выдаст ее замуж и поручит смотреть за домом. За кого же он ее выдаст?.. А вдруг за меня? Какое было бы счастье! Нет, за какие достоинства он сделает меня

¹ Перевод С. Паластрова.

своим зятем? Я беден. А у отца моего сейчас нет средств, чтобы женить меня!»

Мысли Мукими спутались в клубок, и он никак не мог размотать конец нити. Глаза его смежила дремота, и он уснул так крепко, что проснулся только утром от стука в дверь.

Пришел Юлдашали сообщить, что заболел домулла Халил. Друзья навестили больного, а затем по тропинке добрались до Ходжибекского базарчика и оттуда направились к Юлдашали.

В доме Юлдашали была маленькая уютная михманхана, на полке в порядке были расставлены разные книги, сандал¹ был хорошо нагрет. Мукими обдало теплом.

— Сандал плох тем, что он согревает,— сказал он,— а когда человек согрется, то его клонит ко сну...

— Без сандала, без дров в худже такой холод, что по телу пробегает дрожь. Там не до сна...

Вошел Юлдашали с двумя касами чая с молоком и сливочным маслом, солью и перцем. Мухаммед Амин-ходжа сказал:

— Хорошо иметь друга, у которого есть родная мать. Если придешь к нему в утренний час, обязательно напьешься чая с молоком.

— А если у этого друга нет матери?

— У кого нет родной матери, тот не найдет себе места и в своем доме.

— Кажется, ваша мачеха злая женщина?..— осторожно спросил Юлдашали.

Мукими молча крошил лепешку в касу. И лишь спустя минуту-две веско сказал:

— Я о себе не говорю, мне жаль отца. Нашла Зиёда-биби себе смирного мужа и села ему на шею. Давайте поговорим о другом. Ну?.. Как идут у вас дела с медициной?

— Я научился готовить многие лекарства. Очень рад, что теперь знаю китайский язык. А мой китаец табиб рад, что нашел бесплатного переводчика. Теперь мне надо заняться русским языком, хоть я его уже знаю немного.

Не без зависти Мукими вздохнул:

— А я и не знаю, кем буду...

— Вы будете большим поэтом, у вас талант и могучая

¹ Сандал — столик над углублением с горящими углями.

сила! А из меня поэт не выйдет. Аллаху акбар! Аллах велик! Все! Конец! Ну-ка, вставайте, Мухаммед Аминходжа! Я хочу повести вас в дом, где теплый сандал, гораздо теплей, чем у меня! Мы оба приглашены.

— Когда много людей, особенно незнакомых, я... теряюсь.

Юлдашали усмехнулся:

— Когда много людей, я тоже не люблю. Но там, куда мы идем, бывают истинные почитатели поэзии. Они знают вас, и я обещал привести. Ну, вставайте же!..

За оживленной беседой друзья не заметили, как прошли через Чалчикский базарчик и оказались у Нового Чорсу. По дороге Муками рассказал про рукопись Надиры, а Юлдашали заинтересовался человеком, купившим рукопись.

Когда они от Нового Чорсу поднялись к медресе, там у главного входа их встретил молодой человек, почтительно приложивший руки к груди. Это был поэт Усманходжа Зори, вышедший из среды мастеров-сундучников.

Встретили Муками с большим почетом. Юлдашали поочередно представил находящихся в худжре людей: Насриддинходжа Нусрат из кишлака Сулейман, Мухаммедкул Мухаир из кишлака Окьер, Ермухаммед Ери из махалли Халакиджон и Усманходжа Зори. Муками был рад встрече с прославленными братьями по перу.

Простота убранства худжры вполне соответствовала скромности ее хозяев, учтивых, обходительных, благовоспитанных юношей. На дастархане были сушеные фрукты, кишмиш, черствые лепешки. Кроме того, особняком лежали стопкой румяные, пышные лепешки ширмой с базара Навбахор.

Мухаир занялся приготовлением халвайтара. А остальные расположились вокруг сандала, охотно отвечали на вопросы Муками.

Вдруг открылась дверь и в худжру ввалился толстый, обросший густой бородой человек в дервишеской шапке, в длинной рубахе светло-желтого цвета, с четками в руках. С выкриком он обратился к присутствующим:

— Запах халвайтара наполнил весь двор, медресе и худжры. Здравствуйте, джигиты!

Все встали и освободили почетное место. Это был один из чтецов корана Зуннун-кори, живший в медресе Мадалибека. Все его знали. Неграмотный, грубый человек, он любил ходить по гостям, чтобы поесть на дармовщину.

Зуннун-кори долго читал молитву, а когда кончил, вытянул шею к котлу и понюхал.

— Ах!.. А-ах!..— сказал он, причмокивая.— Как пахнет!

Мукими вскочил и вышел во двор. Юлдашали последовал за ним и заметил с усмешкой:

— Что с вами? У вас такое лицо, будто вам встретился сам господин Мухи.

— Что уж там говорить! Не лучше ли нам уйти...

— Обидятся. Лучше вернемся ненадолго. А еще лучше — сочините что-нибудь про Зуннуна-кори острое, смешное... Вы начнете, а другие продолжат. И что приперся сюда этот балбес кори! Говорят, он совсем неграмотный, а ведь называется чтецом корана...

Предложение друга пришлось Мукими по душе. Они вернулись в худжру, и поэт взялся за перо. Написав две строки, он передал, ни слова не говоря, листок бумаги сидевшему рядом с ним Ёри. Тот прочел про себя:

Халвайтар поспел, готов он,
только соль ему зачем?
Вот собрание поэтов,—
непристойность тут зачем?

Ни на минуту не задумываясь, Ёри приписал тут же:

В час, когда стихи слагались
гладкие, как бенарес,
Небо завистью зажглось
и в ткань шлагат суровый влез.

Листок со стихами тут же перекочевал к поэту Мухаиру. Он мгновенно сочинил:

Здесь собрались люди чести,
чтоб умом блистать своим,
Туполобый, словно стелька,
затесался шорник к ним.

Ухмыляясь, Зори быстро застрочил:

В худжру я ступил без спроса:
думал — жаром обоймет.
Но сандал погаснул, ибо
затесался в угли лед.

Дремавший рядом Нусрат вздрогнул, когда в руках у него оказался листок, но тут же принялся выводить:

Хорошо — лишь сам ступил,
 инных отринул до поры.
И однако ж — за тобою
 проскользнул Зуннун-кори.

Строфы были нескладные, но Мавлави Юлдаш, очередь которого подошла, не стал ничего исправлять и сам быстро дописал:

Высмотрев себе лазейку,
 чтоб полакомиться властью,
В огород свинья пролезла,
 в яствах утопила пасть.

Тем временем, ничего не замечая и ни на кого не обращая внимания, прожорливый Зуннун-кори выпил два чайника чая, съел все лежавшие на дастархане сдобные лепешки. Всем своим видом он показывал, что ждет не дождется халвайтара. Но тут в худжру заглянул какой-то человек и закричал во весь голос:

— Зуннун-кори здесь?!

— Здесь я!

— Эй, Зуннун-кори, вы что, забыли, сами назначили время... Должны читать сейчас коран... Народ вас ждет и ждет. Сами назначили и не идете. Пора расстилать дастархан, собираться вокруг него, ставить угощение, а вы запропастились, и мы не знаем, что делать. Расстилать, наконец, дастархан или нет?

— Вот тебе на! — удивился Зуннун-кори. — Ну тогда я пойду туда, а вы уж отложите мне мою порцию.

Он торопливо выкатился из худжры. Все на радостях закричали: «Спасибо человеку, разыскавшему кори! Спасибо его отцу!» — и спокойно принялись за халвайтар. Вечер прошел очень весело.

Мукими радовался, что приобрел новых друзей и, когда они возвращались, выразил Юлдашали свою признательность. Юлдашали воскликнул:

— Завтра я вас познакомлю еще с одним замечательным поэтом! Он просил меня устроить встречу с вами.

— Если каждый день будем знакомиться с одним достойным человеком, то за месяц мы познакомимся с

тридцатью! — сказал Мукими. — В конце концов я загоржусь и заважничаяю.

— Завтра я познакомлю вас с одним интересным юношей и его другом, русским доктором. Русский попал в наш Коканд в ссылку. Он дружески относится к писателям. Большой поклонник образованных людей. Дружба с такими людьми небесполезна.

— Скорей бы настал завтрашний день!

Дойдя до Исфаринского базарчика, друзья распрощались и разошлись.

Войдя в медресе, Мукими увидел около своей худжры почти полсажени джидовых дров и целый шерстяной кап¹ угля. Слухи о том, что в медресе привезут дрова, ходили уже давно, но кто привез древесный уголь, поэту было неясно. Записка, засунутая в петлю замка, позволила разгадать эту загадку. В ней было написано: «Уважаемый поэт Мукими! Мы, ремесленники махалли Навбахор, ваши друзья, пришли навестить вас, но вернулись, не повидавшись с вами. Будем живы-здоровы, опять придем. Ваше стихотворение «Не смотрит солнце, я как тень, кто скажет обо мне» понравилось нам, певцам-ремесленникам. Мы сами выбрали музыку, и все слушают эту песню с большим удовольствием. Положение ремесленника известно ремесленнику. Хотя мы и не знакомы, но знаем о ваших нуждах. Мы почувствовали, что песню свою вы написали в холодной худжре, закутавшись в одеяло! Поэтому мы, ваши друзья, приносим вам в дар дрова и уголь. Просим вас принять».

Теплое письмо обрадовало Мукими больше, чем дрова и уголь. Но поэта удивило, откуда ремесленники могли узнать про его стихотворение «Не смотрит солнце...», когда его еще никто и нигде не читал.

— А-а, вспомнил!..

Неделю тому назад Мукими ходил в парикмахерскую, что возле медресе Мадалибека. Там цирюльник уста Ковул побрил ему голову. Затем он закрыл дверь, разломал на подносе лепешку и, поднеся пналу чая, представился Мукими:

— Я брею и стригу. Такая уж у меня профессия. Но к тому же очень люблю стихи. Я искренний друг и почитатель поэтов. И потому считаю себя счастливым человеком. А теперь, когда вы знаете, что я один из ваших почитателей, прошу вас, прочтите мне что-нибудь из ва-

¹ Кап — мешок.

ших новых стихотворений. Я буду на седьмом небе от радости!

Пошарив в кармане, Мукими извлек лист бумаги.

— Достаточно ли будет, если я только прочитаю?

— Вполне достаточно. Читайте!

И Мукими прочитал мухаммас¹.

Не смотрит солнце, я как тень, кто скажет обо мне?

Увы! Настал мой черный день, кто скажет обо мне?

Мою бы книгу дали ей, кто скажет обо мне?

Я гибну, но взглянуть ей лень, кто скажет обо мне?

Горю в разлуке ночь и день, кто скажет обо мне?²

Мукими читал вслух, а уста Ковул то вскрикивал: «Эх, ты!», «Ай-ай-ай!», то, сморщив лицо, горестно восклицал: «Ох-ох-ох!», или умолял Мукими повторить строфу еще раз.

Прочитав мухаммас до конца, Мукими положил бумагу на коврик, отхлебнул из пиалы глоток чая и сказал:

— Спасибо, мастер! Не всем дано слушать с таким наслаждением, какое испытываете вы! Благодарю! Я ваш покорный слуга! Считайте, что я стал вашим искренним другом. Если нужно, мы можем переписать мухаммас для вас.

— Нет надобности! Я выслушал ваше произведение один раз, и этого достаточно. Оно останется в моей памяти с начала и до конца. Достопочтенный Мукими, у меня тоже есть свои слушатели, знатоки, как раз мне под стать. Они приходят ко мне будто побриться, постричься, а на самом деле, чтобы услышать от меня какое-нибудь стихотворение. Наверное, вы помните сатиру, что написали арбакешам, которые привезли кожи из Ташкента.

— Неужели вы и про это знаете?

— Не прошло и двух дней, как ваша сатира попала мне в руки, и в тот же день я запомнил ее. Ваши стихи пошли по городу, а вы и не знаете об этом...

— Конечно, не знаю! А вы, оказывается, интересный человек!

— Что и говорить! Я сам этому рад.

Об «интересном человеке» — цирюльнике Ковуле — вспомнил Мукими, когда, засучив рукава халата, склады-

¹ *Мухаммас* — стихотворная строфа, состоящая из пяти полустиший.

² Перевод С. Паластрова.

вал в прихожей дрова. Он усмехнулся. Ясно, его мухаммас «Я как тень...» дошел до тех молодых ремесленников через цирюльника Ковула.

Джидовые дрова горели в очаге с треском, ярким пламенем, таким же оранжево-огненным, как зрелые плоды этого дерева. Маленький кумганчик, опущенный в очаг среди дров, сначала засвистел, а потом тихонько затянул что-то вроде песенки. Постелив курпачу у очага, Мукими сел на нее и в колеблющихся отсветах пламени стал выводить на бумаге узоры строк. Время от времени он щипцами поправлял пылающие дрова и брал с подноса кусочек черствой лепешки, клал его в рот и, размяв зубами, сосал словно леденец. Затем опять брал перо и макал в чернильницу.

Скоро дрова прогорели. Набирая совком и перекладывая в сандал раскаленные угли, поэт думал: «Для молодых друзей я могу писать песни, которые вполне придутся им по душе. А они сами подберут мелодии и будут петь. Весь город заслушается. Песни услышат даже глухие и тугоухие в мечетях и медресе и надменные почитатели имущества! Вот будет хорошо!»

Часа три поэт поспал. Встав на заре, он пошел домой помогать отцу. В худжру он вернулся с двумя сдобными лепешками и уже собирался позавтракать, как пришел Юлдашали. Лицо его расплылось в улыбке:

— Знаете, ишан, чему я так рад? Не знаете? Ну тогда я сам расскажу! Прихожу к вам — худжра закрыта на замок. Я пошел навестить нашего наставника. Ему я рассказал, с кем вас познакомил и с кем еще хочу устроить встречу. Учитель заметил: «Мухаммеда Аминходжу народ знает под именем Мукими. Я хочу, чтобы и у тебя было поэтическое имя. Я даю тебе прозвище Мавлави. Пусть народ узнает, что ты поэт Мавлави Юлдаш!» Ну как? Нравится вам это прозвище?

— Поздравляю, друг мой Мавлави Юлдаш!

После чая Мавлави Юлдаш прочитал молитву и поднялся.

— Вставайте, поэт Мукими!

— А далеко мы идем, поэт Мавлави?

— Далеко ли, близко, что из того, дорогой Мукими.

Главное — путешествие будет приятным.

Выйдя из медресе, они прошли по улице Беквачча к Гышткуприку — к Кирпичному мосту, миновали торговый ряд гребенщиков и направились в сторону Большого Чорсу. Мукими не знал, куда и к кому они идут. Даль-

ше они шли мимо лавочек с мануфактурой, шелками, бязью. Было еще очень рано. Лавочники открывали свои лавки неторопливо, раскладывали отрезки разноцветного атласа.

У одной из лавочек Мавлави Юлдаш остановился и глазами показал Мукими на стоявшего к ним спиной молодого купца, как бы говоря: «Вот этот человек», а затем, приложив руки к сердцу, громко воскликнул:

— Ассалом алейкум!..¹

Лавочник повернулся и, увидев Мавлави Юлдаша, поспешно спрыгнул на землю.

— Добро пожаловать! Какими словами я должен выразить благодарность за эту встречу?

— Я привел к вам, мулла Закирджан, человека, до которого никак нельзя добраться.

— Разрешите мне обнять вас!

Раскрыв объятия, Закирджан шагнул к нему, и они обнялись и долго стояли так, прижимаясь друг к другу то одной щекой, то другой.

— Извините, что я до сих пор не пришел к вам! — сказал Закирджан. — На это есть причины. О них я расскажу вам. А сейчас пожалуйста! Милости просим!

Он усадил на курпачу Мукими и Мавлави Юлдаша и все восклицал:

— Мы вам рады, Мукими! И вам тоже рады, Юлдаш-шали-ака!

С интересом Мукими разглядывал хозяина лавки. Он был еще очень молод. Лицо его с правильными чертами, большими черными глазами, прямым тонким носом и только что пробившимися усиками было привлекательно и даже красиво.

— Меня уже можно не называть, как прежде, Юлдаш-шали, — улыбнулся Юлдаш. — Теперь можете величать меня по-другому — Мавлави... Наш учитель дал мне такой поэтический псевдоним.

— Очень хорошо! Я от души поздравляю вас!

— Благодарю! Раз вам нравится этот псевдоним... — Мавлави не договорил, заметив на себе взгляд Мукими, в котором прочел вопрос: «Ведь ты же еще не сказал, кто такой этот приятный владелец лавки». — О, я только сейчас понял, что допустил ошибку. Прошу прощения! — воскликнул Мавлави. — Я привел моего друга Мухаммеда

¹ *Ассалом алейкум* — здравствуйте; приветствие.

Аминходжу Мукими... сижу... разговариваю, а вас и не познакомил как следует.

— Не беда,— рассмеялся владелец лавки.— Вы уже оказали мне любезность, назвали меня муллой Закирджаном. Но какой я мулла? Я не получил образования, так что можно отбросить слово «мулла» и называть меня просто — Закирджан. Торговля мануфактурой вовсе не такое великое дело, чтобы добавлять звание муллы к имени вашего покорного слуги.

Закирджан вовсе не был похож на базарных торгашей, все помыслы которых сводились к тому, чтобы нажить копейку на копейку и во что бы то ни стало разбогатеть. Мукими приятно было видеть человека, считавшего торговлю в лавке недостойным делом, ставившего образованность выше торговли.

Из разговора выяснилось, что Мавлави Юлдаш и Закирджан познакомились недавно в новгородском сквере на танцевальном вечере, устраивавшемся для русской молодежи. Закирджан часто бывал на этих вечерах, причем предпочитал появляться там в европейском костюме. Многие юноши и девушки хорошо знали Закирджана, потому что он неплохо говорил по-русски. Мавлави Юлдаш сразу же приметил, что русские девушки охотно танцуют с Закирджаном, и даже позавидовал ему.

Когда Мавлави рассказал обо всем этом Мукими, Закирджан засмеялся и подтвердил его слова. Мукими тоже захотелось хоть издали посмотреть на танцевальный вечер. Однако он не решился высказать свое желание. Он только подумал: «Разве можно идти на гулянье в городской сад в такой одежде: в халате, чалме, ичигах?»

Говоря о том, что он человек необразованный, Закирджан скромничал. С малых лет он учился писать, много упражнялся в каллиграфии и писал так красиво, что люди любовались его письмом. Он и сам в красоте не уступал своему письму. «Хотите — любуйтесь его письмом, хотите,— говорили про него,— им самим». Семья Закирджана была очень бедной, и ему с юных лет пришлось заниматься писарем, чтобы помогать отцу. Потом он открыл лавку и стал торговать мануфактурой. И в самом деле, что оставалось делать в те времена таким молодым людям, как Закирджан, стремившимся к знанию, увлекавшимся наукой, литературой. Приходилось торговлей добывать себе на пропитание. По вечерам такие люди посещали медресе, изучали науки, читали

произведения великих мастеров литературы, стремились к высотам науки. А днем сидели в лавке и меряли аршином разные ткани.

Так как Закирджан занимался торговлей, ему приходилось водить компанию большей частью с такими же молодыми лавочниками, с юнцами, байскими сынками. Вместе с ними он катался на извозчиках по улицам Нового города, ходил в городской сад на гулянья, на танцевальные вечера, кутил в ресторанах.

Распроставшись с Закирджаном, два друга вышли из торгового ряда и пошли по улице, где находилась соборная мечеть, затем мимо шорных мастерских к Большому Чорсу.

— Беспечные, легкомысленные друзья, — говорил Мавлави, — не смогли вредно повлиять на Закирджана. Он чуткий, впечатлительный поэт. Стихи его отличаются законченностью и филигранной отделкой. Но в них мало души. Вернее, Закирджан болеет душой за горемык и несчастных. Но стихи его по своему содержанию далеки от народа. И я считаю своим долгом повести его к труженникам, которые терпят муки и страдания.

Спустившись в ложбину, друзья по узенькому переулку вышли на просторную площадь к квадратному зданию чайханы. Большое помещение, крестообразно положенные потолочные балки которого поддерживались одной колонной, было полно народу. В нескольких очагах у входа стояли кумганы, в которых клочкотал кипяток. Седовласый старик с окладистой бородой, расположившийся на супе, любезно возгласил:

— Пожалуйте, дорогие гости!

И тут же эти слова в точности повторил крикливо попугай, сидевший в клетке.

Седого старика звали Хашмира-байвачча. По его знаку мальчишка отвел Мукими и Мавлави на место в передней части помещения, постелил там ватную курпачу и пригласил гостей сесть. Другой парень принес на подносе чай и сдобные лепешки, сказав: «Мы вам очень рады!», он пятясь удалился. Два седовласых человека, сидевшие поблизости, говорили очень громко, не обращая ни на кого внимания.

— Раньше я искренне верил ему, — сердито сказал один из стариков. — А после того как услышал об этом от очень порядочных людей, я утратил веру и в четки, и в чалму, и в самого муфтия-агляма!¹ Ну и законовед!

¹ *Муфтий-аглям* — толкователь шарната, законовед.

— Что вы говорите!— удивился другой старик.— А я, бывало, где бы он ни встретился, всегда приветствовал его. Согнись обычно в три погибели да и семеню мимо! Так вот, значит, какой он?! Ах ты! Проклятье его отцу!

Горя от любопытства, Мавлави Юлдаш вмешался в разговор:

— О ком это вы, отец, говорите?

— Эх,— сказал первый старик,— оставьте, молодой человек.

Второй придавил собеседнику рукой колено и ответил сам:

— Вы знаете Хасанхана-агяма? Такой ва-ажный, солидный! Он и есть бесстыжий нечестивец!

— А-а!..

— Мы и говорим как раз об этом распутном агяме.

— А можно и нам послушать? Если мы вам не помещаем!

— У агяма в доме две жены, красивые, луноликне. А сам он, говорят, тайком путается с публичными женщинами!

Второй старик сказал с отвращением:

— Из-за этого мерзавца даже девушка в парандже не может спокойно пройти по его улице. Обязательно он заденет ее, наговорит ей сальностей.

— Кто скажет, что этот седовласый старец, ученый муж — знаток шариата?

— Э, хватит рассказывать о каком-то распутнике. Лучше послушаем песню. Смотрите, наш певец Райхан настраиает тамбур.

И в этот момент зазвенели струны, и Райхан запел песню Зебинисы, дочери Аурангзеба, «Вот здесь» из кокандского цикла классических мелодий «Шашмакома».

Беседы были прерваны. В просторной чайхане все стихло. Услышав приятный, сочный голос певца, Мукими встрепенулся. Каждая строчка бессмертной газели заставляла бурно биться сердце поэта.

Но песня была спета, и чаепитию пришел конец. Все стали расходиться. Мавлави Юлдаш и Мукими тоже поднялись и неторопливо направились по улице Ранс к Исфаринскому базарчику.

Впечатления дня также прились по душе Мукими. Он разжег в очаге костер из джидовых дров и, присев у огня, долго писал. Когда дрова прогорели, он положил угли в сандал, прилег, объятый сладкими мечтами, погрузился в сон.

Утром, распахнув двери худжры, он увидел во дворе медресе цирюльщика Ковула.

— Заходите, заходите! — сказал он мастеру. — Давно вы пришли?

— Да нет, только что. Вчера я не застал вас.

Они вошли в худжру. Мукими развел огонь в очаге и поставил в него кумганчик с водой. Ковул достал из платка две сдобные лепешки и завернутую в бумагу волокнистую белую халву — пашмак.

— Что-то вы, уважаемый Мукими, перестали ходить в нашу сторону! — сказал он, вытирая пиалы.

— Да все некогда... Но сегодня я хотел обязательно зайти к вам. Хорошо, что вы сами пришли. Посидим, чайку попьем.

— А я иду мимо медресе. Дай, думаю, зайду.

После чая Ковул поднялся:

— Теперь разрешите мне удалиться. Пойду открою парикмахерскую. Может быть, там я и дождусь вас, когда вы будете проходить по нашей улице. А вы еще ничего не написали? Какие-нибудь сердитые сатирические стихи, к примеру?..

— Ваша смелость не позволяет вашему покорному слуге сидеть сложа руки, — засмеялся Мукими, — я должен писать и писать...

И он передал Ковулу исписанный листок бумаги.

— О, стихи! — обрадовался Ковул. — И, вероятно, опять сатира. Стихотворение без перца и соли не соберет в мою мастерскую обиженных и обездоленных...

Уста Ковул читать не умел. Однако он скрывал это от Мукими. Поэтому, придя к себе, он позвал соседа, запер мастерскую изнутри и попросил его читать вслух, а сам сидел и внимательно слушал. Стихотворение было написано про агляма Хасанхана, о котором шла дурная слава по всему Коканду.

Эй, муфтий Хасанхан!
Чем считаться аглямом, умри!
Как прожорливый волк,
лучше, сверзившись в яму, умри!
Ты, завидев красотку,
что юностью нежной цветет,
В дяди ей не стремись
навязаться упрямо, умри!
Стоит мимо пройти
молодиче в густой парандже,

Ожидаясь — вернется.
 Недвижен, что камень,— умри!

С молодцами торчишь
 и болтаешь, кичась, как дурак,
 Чем топтаться без дела,
 ложись-ка ты прямо — умри!

Вся зазорность постунков
 лежит на твоей бороде,
 Чем водиться на улице
 с голью, с ворами,— умри!

Лишь четыре блудницы
 сойдутся, а ты уже тут,
 Чем отбросы искать,
 словно нищий у храма,— умри!

Дома жены твои
 в одиночестве тянут печаль,
 Так не лги ж пред людьми,
 что ты холост, и в сраме умри!

Уста Ковул пришел в восторг. Он заставил соседа несколько раз прочесть стихотворение. Выучив его наизусть, уста Ковул открыл мастерскую, перекинув в знак этого красный и белый платки через жердь, одновременно служившую вешалкой для халатов клиентов. Клиенты не заставили себя ждать. Одни за другим они заходили в парикмахерскую.

А Мукими засиделся у Мехринисы. Посадив к себе на колени племянника Рузимухаммеда, он делился с сестрой заботами и печалью.

Выйдя оттуда, Мукими направился к дяде-ювелиру.

На этот раз Хайриниса была очень печальна. Поздоровавшись, она убежала в михманхану и больше не возвращалась, так что с чтением стихов ничего не вышло. Дядя встретил племянника тепло и пригласил его к себе в мастерскую. Там они выпили по пиале чая.

— Скоро будет свадьба твоей старшей сестры Хайринисы,— сказал дядя,— на свадьбе ты будешь главным распорядителем, Мухаммед Амнходжа. Мы решили выдать ее за двоюродного брата моей жены. Жених тоже золотых дел мастер, очень способный мастер. Родители его хорошие люди. Моя жена давно хочет выдать дочку за него. Ну и я тоже дал согласие. Как по-твоему, будет неплохо?

На Мукими будто вылили ведро холодной воды. Он был так ошеломлен, что не нашелся сразу что и сказать. Ставя пустую пиалу на дастархан, он глянул на дядю и пробормотал:

— Нет, не плохо... Раз он сам золотых дел мастер...

— Мы возьмем его к себе. Он будет жить у нас в доме, займет мое место. А я отправлюсь в паломничество вместе с женой поклониться Мекке. Да, у меня для тебя есть еще одно приятное известие! Нашлись желающие взять за себя замуж твоих младших сестер. Два брата, оба ремесленника. Было бы неплохо выдать их замуж сразу и в один день устроить бракосочетание. Что ты скажешь на это?

Мукими сидел, низко опустив голову. Что он мог сказать? Только «спасибо» доброму, мудрому дяде, воспитавшему и вырастившему сироток, которым не нашлось места в родном доме!.. Если его сестренки выйдут замуж за этих ремесленников, обе будут жить в одном доме... Спасибо также и этим братьям-ремесленникам!

— Я не забуду, что вы сделали нам столько добра,— проговорил медленно Мукими.— Я скажу об этом отцу и уговорю его, чтобы он дал согласие. А теперь разрешите мне идти...

Выйдя за ворота, Мукими направился в медресе. У главного входа сидел какой-то человек. Подойдя поближе, Мукими увидел, что это его отец. Он ускорил шаг и, подойдя, поздоровался:

— Извините, отец. Уж не заставил ли я вас ждать? Я помнил, что сегодня день распродажи черствых лепешек, поэтому и не приходил к вам,— сказал Мукими.— А пошел проведать Мехринису. Вот иду от нее. Мехриниса просила передать вам свой дочерний привет и уважение.

Он проводил отца в худжру и усадил его поудобнее.

— Очень рад, что вы пришли, отец!

— Желаю тебе, сынок, здоровья и радости! У меня сегодня свободный день. Вот я и наведался. Кстати, есть о чем с тобой посоветоваться.

— Говорите, отец! Я вас слушаю со всем вниманием.

— Вот мы дожили уже и до новой весны. Скоро, надеюсь, придут солнечные дни, и мы начнем строить дом. Друзья, соседи, знакомые тоже хотят нам помочь.

— Пусть будет так, как вы сказали, отец. Я и сам засучу рукава и примусь месить глину. Ну и закончим постройку!.. Знаю-знаю... Вам не нравится моя одинокая жизнь

в худжре. Скажу откровенно: и мне надоело одиночество. А вдобавок и наш попечитель имущества господни Мухи не желает, чтобы я здесь жил. Делает все, чтобы ко мне никто не ходил: ни друзья, ни знакомые. Голова у меня пошла кругом. Не знаю, что и делать! Готов порадовать вас. Переберусь домой, только было бы ваше желание. Но вот как посмотрит на все это наша матушка?

— Вот об этом я и хотел посоветоваться. Твоя мачеха решила выдать за тебя замуж свою дочь Ойшу... — Мирзаходжа внимательно глянул на сына. Мукими молчал. — Но я подумал, — продолжал пекарь, — а вдруг ты скажешь: «Нет, она для меня не подходит!» Тогда мачеха обозлится и будет поступать во всем назло. Приведет какого-нибудь зятя в дом и посадит мне на шею чужого человека. В своем доме мне нигде будет полежать, отдохнуть. Что делать, и сам не знаю...

Мирзаходжа завздохнул и погрузился в тяжкие думы. Помолчав, Мукими заговорил:

— Хорошо. Сначала доведем до конца постройку. Хоть Ойша, я знаю, и некрасива, был бы только у нее ум в голове. Кого же можно подыскать для меня, кроме нее?! У нас и денег не хватит... калым платить. А Ойша для меня... подойдет... как раз самая подходящая...

В словах Мукими звучало столько горечи, что Мирзаходжа робко посмотрел на него и пробормотал:

— У меня была надежда на твоего дядю. Я даже думал...

— Оставьте, отец! Нет теперь надобности говорить об этом! «Киик¹ не ложится спать в горах, на которые не возлагает надежды». Вот и мне следует сказать то же самое.

Мирзаходжа запричитал:

— Если бы только твой дядя ценил просвещение, он выдал бы Хайринису за тебя; или за такого джигита, как ты, просвещенного юношу, устроил бы свадьбу, а потом поехал куда угодно, хоть странствовать по святым местам, хоть во владения сатаны! Слышал я, будто Хайринису, такую красавицу, меняет на золото, договаривается с ювелиром из Шахарихана! А этот ювелир дважды был женат. И развелся со своими женами. Боюсь, как бы дядя Рахматулла и сестренки твои не поменял на золото! Нет им ни удачи, ни счастья, а тогда будет еще хуже.

¹ Киик — горный козел.

Старик даже заплакал. Мукими тяжело дышал, уставившись в одну точку. Тело его пронизывала дрожь озноба. Он не понимал, что с ним происходит. Но заговорил он решительно:

— Хорошо! Я согласен! Но ведь для того, чтобы жениться, а потом вести хозяйство, одного желанья мало. Надо, чтобы и в кармане что-то было...

Почувствовав облегчение, Мирзаходжа сказал:

— Мачеха твоя, Зиёда-биби, да и Ойша тоже вышивают тюбетейки, вышивка красивая. Их тюбетейки продаются на базаре дороже, чем другие. Кроме того, и всякого добра у ней тоже достаточно. Да и о приданом они позаботились. Всего припасли. Сундук битком набит, и одеяла выстеганы... Нам остается только построить дом... вот и все!

Едва Мукими проводил отца, как столкнулся у входа в медресе с разгневанным, побледневшим от злости господином Мухи.

— Хорошо, что вы здесь, Мухаммед Аминходжа... — прохрипел попечитель.

— Что вам угодно?

— Как вы осмелились насмехаться на Хасанханом-аглямом?

— Что за смелость? Написал. И все!

— Оказывается, вы, Мухаммед Аминходжа, не можете жить спокойно, а?

— Разве можно быть спокойным, когда слышишь о делишках этого распутника? Разве под стать такие мерзкие поступки этой важной особе?

— Мухаммед Аминходжа, вы нехорошо себя ведете.

— Вы говорите, что я веду себя нехорошо, господин Мухи, а народ говорит мне спасибо!

— Поэт не гонится за тем, чтобы простой народ сказал ему спасибо! Не поддавайтесь этому дешевому соблазну! Когда-нибудь заплатите за это!

— Извините, господин Мухи! Для меня важно удостоиться благодарности именно простого народа.

— Я вам советовал бы протягивать ноги по длине своего одеяла и не задевать высшее духовенство. Берегитесь! Уважаемый Хасанхан-аглям прихотил сегодня к святейшему с жалобой на дерзкого поэта Мукими. Святейший вызвали меня и повелели мне выгнать поэта Мукими из худжры. Что вы скажете на это?

— Такое поручение вам по душе. Ладно, я уйду.

— Отдайте сейчас же мне ключ.

— Ключ от худжры отдам хозяину.

— Я хозяин медресе! Ключ вы отдадите мне!

— Хозяин медресе не вы, а Миён Сотыболдыхан! Он дал мне худжру.

Мукими поспешил в медресе Мадалибека. С огорчением он увидел, что поэт Нохуш болен. Миён только что проводил доктора. Расспросив о здоровье и житье-бытье друзей, Мукими вынул из кармана ключ и отдал Миёну.

— Что случилось?— удивился Миён.

Мукими рассказал о неприятном разговоре с Мухи.

— Я остался в медресе в одиночестве, отделился от своих друзей! Дошло до того, что мои сатиры уже запрещены. Мне наносят оскорбления. Мне грозят...

— Нет!— сказал Миён, нервно играя ключом, который он все еще держал в руке.— Он будет иметь дело со мной, худжра мне нужна, и наставник наш у меня стеснен. Ему очень неудобно. Из-за этого он и заболел. Кроме того, он очень привык к вам. Мы вернемся в свою худжру

Нохуш заговорил с трудом:

— Когда я умру, пусть мое тело... вынесут из той худжры. Пусть домупла Халил прочитает заупокойную молитву, потом... похороните меня своими руками... на кладбище для чужеземных странников!...

— Оставьте, отец,— сказал Мукими.— Полно вам. Вы еще долго будете жить и радоваться новым поэтам. Я нашел их. Это замечательные таланты! Их стихи даруют вам долгую жизнь. А вы теперь должны тоже написать стихи о новом солнце, о новой луне!

Слова Мукими растрогали старика, и на глазах у него выступили слезы.

— О, если б сто таких поэтов, как вы, встали в ряд да прочитали б в один голос свои стихи. И прозвенело бы в ушах неба! И разбудили бы все спящие сердца! О, если бы услышал я такое! Тогда исполнилось бы мое заветное желание, и я умер спокойно.

Миён с удовольствием рассказал, что ходил к мастеру Ковулу брить голову и смеялся от души, слушая, как тот по памяти прочитал его новое стихотворение «Лучше бы вам умереть, чем уподобляться аглямю».

— Во всяком случае, будьте осторожны, друг мой!— сказал Миён.— Хасанхан-аглям — лицемер и хитрец! У него все есть: и богатство, и влияние, и поддержка великих мира сего. Не наживайте себе врагов!

Мукими усмехнулся:

— Боншься воробьев — не сей проса. В душе моей

злость. Она заставляет меня писать сатиры. И я не боюсь не только воробьев, но и стервятников. Вы мой настоящий друг. Не пугайте меня. Поддержите. Я хочу услышать от вас слово одобрения. Тогда моя преданность вам станет еще более крепкой!..

Миён Сотыболдыхан слушал Мукими с доброй улыбкой, но под конец рассмеялся и, похлопав его по плечу, сказал:

— Мое имя Миён Сотыболдыхан! Я богач. Но я ученик тех, кто стоит за передовое. Меня воспитали люди с чистым сердцем. Я сторонник нового мира. Поэтому вы не должны сомневаться в моей верности, честности, друг мой!..

Они успокоили больного Нохуша:

— Будьте уверены, учитель, что мы опять вернемся в прежнюю худжру! — и пошли к Чорсу.

— Вы куда собираетесь идти, Мухаммед Аминходжа?..

— Значит, вы хотите сказать, что пока у нас с вами разные пути? — вопросом на вопрос ответил Мукими.

Миён тут же отпарировал:

— У нас с вами и цель одна и путь один. Пойдем!

И они пошли по домам. Миён — в сторону махалли Хаджибек, а Мукими — к себе домой. Отец был на базаре, а мачеха неожиданно любезно встретила его и сказала с укоризной:

— Едва, сынок, вы входите во двор, дом превращается в полную чашу. А в те дни, когда вас нет, кажется, кругом все пусто, дом будто сиротеет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАПРИЗЫ СУДЬБЫ

Прошло три месяца. Настали теплые дни. Миён Сотыболдыхан переехал в свою худжру. Нохуш выздоровел.

Благодаря стараниям Мавлави Юлдаша круг друзей Мукими, молодых поэтов, расширился. В него вошли молодые писатели Завки и Залили. Цирюльник Ковул тоже приходил теперь довольно часто и своими прекрасными газелями вносил оживление.

Будучи не в состоянии помешать частым собраниям молодых поэтов, попечитель имущества Мухи суетился в

бессильной злобе. Он бегал по Коканду из конца в конец. Сеял сплетни и клевету и всюду вопил:

— Вай дод! Караул! Житья нет от этих босяков!

Молодые поэты казались ему особенно опасными. Их любовные песни, распространявшиеся среди народа, звенели в ушах Мухи словно успокоительная молитва.

...Постройка комнаты с прихожей, которую начал весной Мирзаходжа, была закончена. Приближался день свадьбы. Миён и Мавлави Юлдаш принимали участие в хлопотах по подготовке свадебного тоя. Мукими мучила одна забота, одна дума: «Нужны деньги, а их нет. Нельзя же свалить все на бедного отца. Чем помочь?»

Услышав сетования Мукими, Мавлави Юлдаш его успокоил:

— Друг, думайте о том, кого пригласить на свадьбу, а в другие дела не вмешивайтесь. Другей у вас не счесть! И все они постараются помочь вам справиться со свадьбой...

— Редкостный вы человек, Мавлави. Вы будто нарочно явились на свет, чтобы осчастливить таких, как я, не приспособленных к жизни людей. Ваша мудрость выше горных вершин! Вы молоды, но у вас больше опыта, чем у десяти патриархов.

— Не слишком ли вы меня расхвалили! Ну что вы желаете? Просите сколько душе угодно!

— Я хочу просить вот о чем. Достаньте для меня у кого-нибудь из знакомых денег в долг, но только без процентов.

— В долг? И без процентов?.. Да, задачка!

— Я же должен помочь отцу. Иного выхода у меня нет!

— Нет ничего на свете более опасного, чем занимать деньги в долг у знакомого. Ведь тогда знакомству, даже самому доброму, конец! А раз я буду посредником, тогда и со мной наверняка вы должны будете расстаться. Ну-ка скажите, где вы потом достанете столько денег, чтобы расплатиться? Каждая строка ваших газелей стоит тысячу золотых. Только где их продать? Кто их купит? Нет, придется вам отказаться от этой мысли. Предоставьте это дело нам! Хорошо?

Мукими молчал, уставившись в землю.

Тогда Мавлави, расстилая скатерть, стал рассказывать:

— В бане близ соборной мечети много лет работает

истопником один чужестранец. Он поэт, человек одинокий и живет в помещении, где находятся топки. Он собирает беспризорных сирот и заботится о них как родной отец. Осенью вместе с ними ходит в степь. Они нарезают там полынь и приносят в город. Истопник делает венки и продает их. А дети ходят по дворам и просят милостыню. Вот так они и живут. В свободное время истопник пишет стихи. Узнав об этом, я, ваш покорный слуга, не мог вытерпеть и сейчас же пошел в ту баню. По узкой лесенке я спустился вниз к топкам и нашел там худого бездомного чужестранца, одетого в лохмотья. Я сказал, что люблю поэзию. Он пригласил меня сесть рядом с ним на камышовой циновке, поставил передо мной поднос с кусками сухой лепешки и сказал, что его зовут Махджур. Мы с ним долго беседовали. Махджур отдал мне кусок картона, на котором написано углем еще одно его стихотворение. Правда, оно не закончено.

Мавлави протянул кусок толстого картона. Мукими прочитал вслух.

Шах ни один, клянусь биеньем крови,
Не знал подобных моему сокровищу.

Пусть трон мой топкой называют банной,
На мусоре сижу я постоянно.

Кувшин из-под вина — моя корона,
Я пью, не видя выходов сторонних.

Мои визири — нищий да бродяга,
Не знающие равных в передрягах.

Выклянчивая медяки ли, хлеб ли,
Они со мною возлежат на печле.

Мои воспачальники — печали,
А бедствия — несметным войском стали.

Мой трон — лоскутья да циновок плети,
Но говорю: спасибо и за это!

Царь Соломон не знал богатств подобных,
И не был, верно, сам Джамшид свободный!

— Что вы скажете на это, Мухаммед Амнходжака?.. — спросил Мавлави.

— Да!.. Вот это мастер! Настоящий поэт! Пойдемте сейчас прямо туда! Я приглашу его на свадьбу!

— Придет ли еще падших к вам на свадьбу? Махджур считает себя более великим, чем сам пророк Соломон!

— И в самом деле, щедрость и великодушные этого бедняка, кажется, превышают богатства Соломона. Но я надеюсь, что этот благородный, великодушный человек удостоит своим посещением мою бедную, невеселую свадьбу. Вы знаете, если не считать вас самих и Миёна, я должен купить три почетных халата: домулле, поэту Нохушу и поэту Махджуру! А без этого какая уж там свадьба! Ничего интересного не будет на моей свадьбе!

Мавлави Юлдаш не мог удержаться от смеха. Мукими надулся, как маленький ребенок.

— И вовсе не три халата, друг мой! Будут живы-здоровы твои друзья — побольше халатов раздобудут.

— Разве вы не знаете положения моих друзей? Они от меня не отстают. Вот, например, вы, это раз...

— А что, я бедняк, что ли?

— Будь у вас хоть тысяча достоинств, хоть вы и образованный и умный, а все-таки бедняк! Если вместо знаний были у вас деньги, вы стали бы богатейшим человеком в Коканде.

— Да, у меня нет денег, но у меня есть сила! Пошли!

— Куда?..

— Вас ждут новые друзья!

Мукими поднялся. Выйдя из калитки, они долго шли молча.

— Вчера, — заговорил Мавлави, — я виделся с Закирджаном. Он шлет пожелания здоровья. Отличный человек. Не так ли?

— Так. Меня очаровали красивые, выразительные черты его облика, тонкое обращение. Как-то он приходил к нам в худжру и, представьте, ни разу не занкнул-ся о своих стихах.

Мавлави повел Мукими мимо бани по узкой тропинке, спускавшейся вниз к навесу. Вдоль тропинки высились стога сена, соломы, верблюжьей колючки, хвороста. Мавлави указал на пристройку:

— Сейчас мы зайдем навестить царя нищих, поэта Махджура. Он здесь!

— Нет такого места, которого бы вы не знали! Ну, ведите!

— Подождите здесь чуточку, Мукими, я схожу узнаю.

Когда Мавлави Юлдаш вошел в помещение, шесть ребятнишек в рваных рубищах сидели в ряд на камышовой циновке. Старик с длинными седыми волосами, спускавшимися до плеч, с мешком, перекинутым через плечо, вынимал глиняную корчажку, зарытую в кучу горячих углей, слегка покрытых золой. Когда Махджур, сняв с глиняной корчажки тряпку, принялся мешать чумичкой кипевший в ней суп, взгляд его упал на Мавлави Юлдаша, и он приветствовал его:

— Пожалуйте! Пожалуйте, дорогой! Вот вы какой молодец! Наверно, вас теща любит!

Подойдя поближе, Мавлави Юлдаш поздоровался:

— Я привел к вам поэта Мукими!

— Как хорошо вы сделали! Ой-ой! Как хорошо! Вы меня очень обрадовали!

Махджур вышел навстречу гостю. Увидев Мукими, стоявшего у стога сухой колючки, он раскрыл объятия и воскликнул:

— Если вы не гнушаетесь моей одежды, разрешите обнять вас!

Мукими обнял поэта. Крепкого телосложения, широкоплечий Махджур своим величавым видом напоминал льва, только что вышедшего из пещеры. Они поздоровались как старые друзья. Махджур пригласил поэта в свое жалкое жилье. Дети повскакивали с мест и почтительно поклонились пришедшим. Усадив гостей на циновку, хозяин начал рассказывать, что это за дети. Тут он вспомнил про глиняную корчажку и поманил к себе одного из ребят:

— Сынок мой Израил, пройди в баню, попроси у массажистов две чашки и две ложки, чтоб только были чистые. Скажи, что пришли гости. Они, мол, люди тонкой натуры!

Израил убежал, а Махджур, черпая суп из глиняной корчажки и наливая в чашки детям, рассказывал:

— Все, что раздобыли ребята, я положил в корчажку. Тому, что сварилось, трудно название придумать. Но на вкус варево хорошее, не хуже самых хваленых кушаний, какие только есть в мире. Кто не отведал этого яства, тот вроде и не жил на свете. Вчера мы зарыли корчажку в горячую золу, а сегодня сварилось. Я сам варю, сам готовлю, все чисто, своими руками. Нет нужды много расхваливать варево, если понравится, милости просим к нам каждый день в это время!

Тем временем расторопный Израил принес чашки и ложки. Поэт поделился своим обедом с гостями. Все положи. Ребята вымыли чашки, ложки, корчажку и поставили все на место. Израил умчался с посудой банщиков. Остальные дети потихоньку разбрелись.

Поэт Махджур извлек заткнутые под потолочные балки куски старого картона, на которых были написаны его стихи, и целый час читал их гостям. Они слушали с большим удовольствием. Оба поэта пообещали Махджуру, что будут навещать его по возможности чаще. Распрощавшись с ним, они направились через Чорсу к себе.

Шли быстро, чтобы поскорей миновать медный ряд, где стоял оглушительный стук молотков. Свернув в ряды халводелов, они прошли мимо торговцев, продававших котлы, и наконец добрались до табачного ряда.

Здесь Юлчи-аксакал держал чайхану, известную под названием «Саройча». Мукими и раньше слышал об этой чайхане, но поразился, когда его и Мавлави Юлдаша провели в остекленную опрятную комнату, устланную коврами. Обычно она была на замке. Но когда появлялись почетные гости, Юлчи-аксакал распахивал двери и приглашал их в михманхану.

Узнав о том, что в чайхану приглашен Мукими, знатоки поэзии привели в порядок уютную михманхану, украсили ее коврами, постелили мягкие шелковые подстилки.

— Ну как, господин Мукими, понравилась ли вам чайхана?

— Понравилась. Ибо ваша чайхана обладает тремя достоинствами,— сказал, улыбнувшись, Мукими...— Во-первых, она находится довольно далеко от мастерских медников и здесь не так шумно. Во-вторых, она по вкусу таким людям, как мы, по натуре склонным к грусти, привыкшим скучать и томиться в одиночестве. А в-третьих, сам хозяин этой замечательной, дарующей отдых, чайханы находится сейчас среди своих гостей...

Почти тотчас с улицы вошли три прилично одетых молодых человека и сердечно приветствовали гостей. Мавлави Юлдаш поочередно представил их Мукими.

— Вот молодой джигит. Он сапожник, шьет ичиги, но его стихи приводят в восхищение самых тонких знатоков поэзии. Имя его Убайдулла, а псевдоним Завки. Этот полный джигит с родинкой на щеке — часторговец Абиджан. У него очень красивый почерк, и он прекрасно

читает стихи вслух. Нет ему равного в этом искусстве! Прозвище его Аглям. Тот, что так заразительно смеется,— Салиджан Чакалак. Веселый парень, переплетчик и торговец книгами. Очень любит поэзию. Услышит, что где-то собираются, чтобы читать стихи, бросает все и спешит туда.

Аксакал Юлчи пригласил всех к дастархану.

— Мое поварское искусство и радует и печалит меня,— шутил Юлчи.— Не знаю, что делать. Возьмусь-ка, думаю, приготовить что-нибудь удивительное, но тогда я ничего не услышу. А ведь обидно пропустить такую приятную беседу, лишиться такого удовольствия. А если останусь с гостями, услаждая слух высказываниями поэтов, тогда не смогу показать свое поварское искусство. И вот я решил: дай, думаю, сделаю плов, пусть доходит на малом огне потихоньку.

Абиджан Аглям сострил:

— Вы такой могучий, Юлчи! От вас так и пышет жаром, что плов и без дров поспеет.

Салиджан Чакалак подхватил:

— Плов пожирает жар, который исходит от нашего Атаджанбека.

В шутовском разговоре принял участие Завки:

— Я думал, что в котле на углях плов томится. Оказывается, это наш дорогой Юлчи пылает...

Отвечать на шутки Атаджану было некогда, потому что поспешил выложить плов на блюдо. Мавлави Юлдаш отвлек внимание шутинок:

— Дорогой Убайдулла Завки! Вы не помните первое двустишие стихотворения, которое читали на днях?

— Пожалуйста,— сказал Завки,— послушайте:

Стоп нищего доставь, гонец, шахине.

Как звездный свет — луле, пеюю ныне.

Мукими поблагодарил его:

— Да!.. Очень красивое двустишие!.. Начало прекрасное!.. Как приятно, что у вас хорошая память. Вы вот сразу прочли двустишие, а ваш покорный слуга очень рассеян и не может запомнить даже строчки...

Абиджан попросил разрешить прочесть все стихотворение:

— Позвольте мне декламировать газель моего друга Убайдуллы Завки. Если поэты будут сами читать свои стихи, то мы, их друзья, любители поэзии, останемся без дела!..

— Вы правы, Абидджан, — воскликнул Мавлави. — Конечно, если поэт сам читает вслух то, что он пишет, это очень хорошо. Но вы, Абидджан, читаете стихи куда лучше, чем сами поэты...

Приложив руку к сердцу, Абидджан стал читать продолжение газели:

Дружны мы были. Дружбу вдруг отвергла.
Что делать мне с сановною гордыней?

Различие было: нищий и царевна,
Но коли дружишь — не гонись за чином.

Любовь к тебе нещадно жжет мне сердце,
Так есть ли доступ мне в чертог орлиный?

Томлюсь одним — вернуть бы нашу дружбу.
Так укажи мне путь среди пучины!

До конх пор таить желанье в сердце?
Взгляни хоть раз на гибнущего в тине!

Уж сколько лет не подыщу я друга,
А рек пророк, что нужен друг мужчине!

Коль бедному Завки не отзовешься,
То, видно, в глухоте твоей — причина!

Мукими был в восторге:

— Прекрасно! Это мастер! Ведь не случайно говорится, что и воробья должен резать мясник. Вы придали газели очарование и доставили слушателям большое наслаждение! Нам нужны такие прекрасные чтецы, достигшие совершенства!..

И только теперь Мукими разглядел лицо, вспомнил, что он уже видел однажды это лицо с родинкой на щеке. Это тот самый молодой человек, который заплатил двадцать теньга бедной вдове за сборник стихов Надиры!

В михманхану торжественным шагом вошел аксакал Юлчи с большим глиняным блюдом плова в руках. Слово зерна граната, отделялись крупинка риса от крупинки, и сверху дымились кусочки мяса с жирком. Все придвинулись поближе. Раздались возгласы:

— Пожалуйста! Берите, берите! Кушайте!..

Но никто не притронулся к плову, пока Мукими не придвинулся к блюду. Видя, что он заставляет друзей ждать, поэт сконфузился, извинился и первым взял горсточку риса.

За пловом зашла речь о старых кокандских художниках, музыкантах. Все выражали сожаление, что забыли разыскать и пригласить Шадмана-хаджи. Рассказывали, что этот знаменитый творец песен написал классическую мелодию, входящую в третий маком системы «Шашмаком»¹. Ныне автор прекрасной мелодии живет бедно, одиноко, как чужестранный пришелец, терпит унижения, ночует в чайханах. Бездомному, бездетному скитальцу негде и голову приклонить.

У Мукими появилось желание увидеть Шадмана-хаджи, послушать его игру на сазе. Прижав руки к сердцу, Юлчи-аксакал воскликнул:

— Будем живы-здоровы, на следующей неделе в этот же день соберемся здесь же! Пригласим Шадмана-хаджи и будем рады послужить вам!

После плова Мавлави Юлдаш зашел к Мирзаходже.

По обоюдному согласию пекаря Мирзаходжи и Зиёды-биби назначили свадьбу в пятницу на следующей неделе. Число гостей решили строго ограничить: днем человек пять-десять из махалли, вечером друзья-приятели жениха — десять человек, из подруг невесты — пять девушек, из родственников — десять человек.

На деньги, скопленные от продажи тюбетеек, вышитых невестой, были выстеганы четыре одеяла, две узенькие курпачи, куплена черная кошма. На остальные ухитрились справиться одежду и обувь для подарка жениху и невесте. Сначала предполагалось продать старую развалившуюся лачугу, оставшуюся от отца невесты, чтобы покрыть затраты на свадьбу, но в Коканде не нашлось охотников на эту покупку. Поэтому расходы на свадьбу пришлось сократить.

Мавлави Юлдаш пришел в худжру и рассказал об этом Мукими. Тот сидел молча, опустив голову, и не заметил даже, как по лицу скатились две слезинки. После продолжительного молчания он пробормотал что-то невнятное, затем произнес более отчетливо:

— Спасибо!.. И отцу моему, выростившему сына, и матери, выростившей дочь! Девушка бедняжка всю жизнь

¹ «Шашмаком» — узбекское классическое народное музыкально-вокальное произведение, состоящее из шести частей, макомов.

колола иголкой, вышивала и что скопила, все потратила. Разве уж так ей необходимо выйти за меня замуж?.. Какой же из меня муж, если я буду обузой этой слабой беспомощной девушке?.. Разве это дело?!

— И вовсе не так, мой друг! Совершенно не так!..— горячо возражал Мавлави.— Они хотят совершить доброе дело. Отец выполняет свой отеческий долг. А эта женщина, желающая стать вашей матерью, уважает вас, делает все для счастья своей дочери. Бедной сиротки. Такова воля аллаха. Так уж назначено судьбой...

Он замолчал. Ни слова не говорил и Мукими. Темная, тесная худжра походила на перепелиную клетку с туго затянутой сеткой, сплетенной из невидимых нитей судьбы. Где выход? Как вырваться из этой клетки? Поэт сидел с поникшей головой.

Наконец он печально заговорил:

— Я готов! Пусть будет свадьба. Я же не бездомный скиталец, странствующий, как хаджи, по святым местам на чужбине, не беглец. Мне нечего стесняться, незачем держать язык за зубами, я могу свободно говорить среди народа. Мои друзья — прекрасные люди! Любимый Коканд — мой родной город! Это все мое богатство! Оно беспредельно!.. Я готов!..

Сказав это, Мукими выбежал из худжры и наткнулся на Мухи, стоявшего у порога.

— Ну как, господин Мухи? Правильно я сказал? — в упор спросил он попечителя имущества.

— Что, что? О чем вы говорите? Я ничего не слышал!

— Хоть я и бедняк, но я на своей родине, а это уже большое счастье! Не так ли, господин Мухи?.. Я никогда не завидовал чужому счастью. Вот посмотрите, будет такая свадьба, что вы раскроете рот от удивления!

— Да в чем дело?! О аллах великий!

— Вы все еще прикидываетесь незнающим, делаете вид, что все это вам безразлично?! В день свадьбы весь простой народ с песнями пройдет по этой улице. Музыканты заиграют в бубны. Понесутся ввысь такие оглушительные звуки, что зазвенит в ушах у небесных ангелов! Выйдут сотни талантливых поэтов со своими стихами в честь нашего бракосочетания. Все художники, музыканты вскочат со своих мест! И все это будет сделано ради одного бедного поэта, чтобы порадовать его! Ну, господин хаджи? Нечего подслушивать в щелочку!

Лучше будет, если я сам все скажу!

Не говоря ни слова, Мухи быстро зашагал прочь.

Осторожно взяв Мукими под руку, Мавлави заметил:

— Меня обрадовала ваша смелость. Вы без ножа зарезали своего противника. Идемте, сходим к учителю...

Мукими без возражений пошел вслед за Мавлави через крытый проход к выходу. Когда они свернули к дому учителя, Мавлави Юлдаш шепнул что-то на ухо Мукими и засмеялся, Мукими тоже засмеялся. Так они, оба покатываясь со смеху, вошли в дом учителя.

* * *

Приближался день свадьбы. В худжру приходили друзья, поздравляли жениха, но о Мавлави Юлдаше не было ни слуху ни духу. Мукими встревожился. В душе его возникли сомнения.

«Почему он отстранился? — думал поэт. — Завтра свадьба...»

И вдруг прибежал беспечный, веселый Мавлави Юлдаш и принялся расспрашивать Мукими, приходили или не приходили Абиджан-аглям и Убайдулла Завки.

— А сами-то вы где были?

— Эх, Мукими, вы думаете, легко пригласить на свадьбу целый город?

Мукими не понял.

— Что-что?.. — спросил он.

— Я не хочу, чтобы вы оказались лжецом в глазах Мухи, вот и пригласил на свадьбу всех своих знакомых, человек сто наберется!..

— Что вы говорите?

— Кроме трех халатов, предназначенных для царя истопников, почтенного учителя и воспитателя Сулеймана Махджура, приготовлены халаты еще для двоих, а именно: для великого мастера-музыканта, уважаемого Шадмана-хаджи и еще другого музыканта Исмаила Махрама, который играет на свирели. Ну а что касается остального, увидите в день свадьбы. Восемь ремесленников — все очень хорошие певцы — разучивают песни на слова ваших газелей.

Мукими крепко обнял друга и вздохнул.

Утром накануне свадьбы два соседа, чьи дома примыкали к дому пекаря с той и другой стороны, по обоюдному согласию сломали глинобитные дувалы и от-

крыли ход во двор Мирзаходжи. Крайне удивленному пекарю соседи объяснили:

— К вам на свадебный пир явится много гостей, говорят, придется кое-кому перейти к нам. А если и у нас места не хватит, мы сломаем дувалы и у соседней с другой стороны!..

Раньше всех пришли певцы, молодые ремесленники из махалли Навбахор. Они привели барана с белой лентой на шею. Джигиты несли завязанные узлами дастарханы со сдобными лепешками и отрезами шелка и других материй. Все вошли гурьбой во двор с песней, привязали барана. В соседнем дворе слепили из глины большой очаг для приготовления плова. Вскоре явился Миён Сотыболдыхан вместе с махаллинским эликбашаши. Осмотревшись, они заявили, что места не хватит, и сочли необходимым сделать в дувалах проломы и открыть ход еще в два соседних двора. Мирзаходже все казалось сном. Он ходил по огромному теперь двору и бормотал: «Уму непостижимо». Дядя поэта мулла Рахматулла чувствовал себя очень неловко и готов был провалиться сквозь землю. Несколько месяцев назад Мавлави Юлдаш тайком от Мукими зашел к нему и сказал: «Уважаемый мулла Рахматулла! Я пришел к вам просить за вашего родного племянника. Возьмите его зятем к себе в дом!» Мулла Рахматулла на это ответил: «Правильно вы говорите. Я тоже много об этом думал. Но мои мечты оказались несбыточными. Ибо желание увидеть счастье детей не позволяет мне пойти на такое дело: выдать замуж свою единственную дочь за бедняка. Ведь племянник мой Мухаммед Аминходжа сможет на своей свадьбе угостить гостей только чашкой холодной воды!»

Именно потому, вероятно, Миён Сотыболдыхан, стоя в толпе гостей, сказал громко, чтобы слышал мулла Рахматулла:

— Кроме этих пяти дворов, мы готовим место также в медресе для высоких гостей. А если и этих мест не хватит, тогда мы устроим свадебный пир во всех дворах махалли!

В этот момент появился Юлчи-аксакал. Он вручил Мирзаходже и мулле Рахматулле свадебные подарки, поздравил их с наступлением торжеств. Он, оказываясь, привез на арбе самовар, чайники, пилалы, ковры и привел несколько джигитов, которые должны во время свадьбы прислуживать гостям. Становилось все ожив-

леннее. Подвозили на арбах посуду, ковры, наласы. Подошла большая группа парикмахеров во главе с мастером Ковулом, за ними — водоносы Дустмухаммеда. Уже некуда было складывать свадебные подарки.

Еще не наступило время вечерней молитвы, а вся махалля Беквачча была заполнена народом. Миён Сотыболдыхан расстелил ковер на широкой супе перед своей худжрой и приготовил все для почетных гостей. Он сам пошел к Мухи. Постучав в дверь, от имени Мукими пригласил его на свадьбу... Затем поспешил навстречу домудле Халилу, который шел, опираясь на посох, окруженный своими учениками. Всеобщее внимание привлекло появление «властелина банной топки» поэта Махджура, пришедшего со своими сиротами. Поэта Нохуша усадили на почетное место рядом с домудлой и Махджуром. Почти тотчас же к сидевшим на супе подошла группа нарядно одетых молодых людей, возглавляемая Закирджаном Фуркатом. Они несли четыре куска шелка и букеты цветов. С ними был скромно, но прилично одетый русский человек средних лет, которого все почтительно называли «доктор Степан Кузьмич». Свадебный пир преобразил медресе, которое обычно своим мрачным видом нагоняло на всех гнетущую тоску. Мукими поспешил навстречу гостям. Поздоровавшись со всеми, он особое внимание уделил доктору.

Степан Кузьмич как врач был известен в Коканде. За передовые убеждения три года назад был сослан царским правительством в Туркестан и поселился в кишлаке Аргамчи, пригородном районе Коканда. Он лечил местное население и повел борьбу против оспы, которая была в то время большим бедствием. Он подготовил «оспопрививателей» из местных жителей. Особенно способным учеником оказался расторопный, смысленный юноша по имени Абдухаким-ходжа Каримоглы. Степан Кузьмич обучил его правилам прививки и вместе с ним прививал оспу детям.

Степан Кузьмич занялся изучением узбекского языка, заинтересовался узбекской классической литературой. Сначала его познакомили с Фуркатом. Это знакомство оказалось полезным для обоих. Фуркат познакомил Степана Кузьмича с Мавлави Юлдашем и Мукими.

Мавлави Юлдаш обратился к Степану Кузьмичу по-русски. Заметив удивление врача, Фуркат рассказал, что Мавлави Юлдаш, образованный молодой человек,

с усердием изучает языки. Владеет не только русским, но знает также китайский, персидский, арабский.

Между тем народ все прибывал. Пять дворов осветили фонарями. Гости расселись группами. Играла музыка, пели песни, плясали под звуки бубнов и сурнаев¹. На улице зажгли костры, вокруг них толпились дети. Завки, Абиджан, Сали Чакалак, Сулейман-ходжа Зори, Ермухаммед Ери и другие друзья поэта стояли в воротах и встречали гостей, которые все шли и шли. Прибыли оживленной группой ремесленники из махалли Парпашабоб. Впереди всех, играя на тамбуре и распевая во весь голос песню на слова Мукими «Не смотрит солнце, я как тень, кто скажет обо мне», — шел рослый джигит. Это был известный многим мастер уста Камильджан.

А в темном углу сидел насупившийся Хаджи Мухи. А когда услышал песню, у него сердце екнуло. Все громче звенели молодые голоса ремесленников, и Мухи показалось, будто град камней посыпался на его голову, особенно когда он услышал песню Камильджана. Спотыкаясь и бормоча проклятия, Мухи выбрался из толпы гостей и ушел к себе в худжру. Ведь этот певец мастер Камильджан был мужем красавицы Зубейды, которая предпочла золоту любовь. Той самой Зубейды, которая швырнула своему постылому мужу глиняный кувшинчик с монетами и потребовала, чтобы он убрался из ее дома. А теперь этот Камильджан явился к Мухи в медресе с песней, не иначе, чтобы посмеяться...

Вся махалля превратилась в место народного гулянья. Это был праздник веселых песен, праздник поэзии. Гости пели замечательные газели, написанные Мукими, Фуркатом, Завки. На женской половине, куда был не дозволен доступ мужчинам, девушки играли в бубен, пели свадебные песни.

Мукими был счастлив. Ему хотелось кричать от радости.

Его пригласили в ичкарни, чтобы нарядить в свадебный халат. Здесь он увидел своих сестреноч, выстроившихся в ряд. Они поздравили брата. А дальше, накинув платок на низко опущенную голову, стояла Хайриниса. С трудом сдерживая слезы, она выговорила только одну фразу, вернее не выговорила, а, сдерживая рыдание, простонала. Ее слова громом прозвучали в ушах Мукими, вонзились прямо в сердце:

¹ Сурнай — зурна.

— Поздравляю! Пусть будет счастливой ваша свадьба!

Мукими был волевым человеком. Но, услышав дрожащий голос этой нежной, трепещущей, словно мотылек, девушки, он будто онемел.

Быстро пройдя мимо Хайринисы, он вошел в комнату, перегороженную «чимильдиком» — занавесом из белой ткани. За этим занавесом будут сегодня весь вечер сидеть новобрачные, скрытые от посторонних глаз.

Вслед за ним в комнату вошла Мехриниса. Мукими посмотрел на нее, и ему показалось, что он увидел перед собой не сестру, а свое лицо в зеркале: деланной улыбкой Мехриниса хотела скрыть боль сердца, спрятать слезы, выступившие на глазах.

Было известно, что для жениха ко дню свадьбы приготовлены халат и тюбетейка. Но Мехриниса показала Мукими на целый узел с одеждой и обувью. За всю свою жизнь поэт не носил еще таких нарядов, какие увидел теперь. Тут были штаны и рубашки из бязи, и нижнее белье, и новые ччиги с кожаными калошами, и шелковый вышитый поясной платок. О таких вещах Мукими мог только мечтать. Но он никогда никому об этом не говорил, и ни один человек в Коканде не мог даже и подумать, что он так нуждается. А вот Мавлави Юлдаш, должно быть, понял и догадался...

Свадебные торжества длились пять часов, пиршество подходило к концу. Снова расстелили дастархан, принесли на блюдах плов. После плова гости стали прощаться и искренне желали «жениху и невесте прожить до старости вместе». Гости, сидевшие в медресе, после плова тоже хотели было идти, но их задержал пекарь Мирзаходжа. Он принялся надевать на них халаты, сначала на учителя домуллу Халила, потом на воспитателя Нохуша, на «Соломона с банного трона» поэта Махджура, на искусного доктора Степана Кузьмича и, наконец, на Шадмана-хаджи и Исманла Махрама. Уходя, домулла Халил обратился ко всем со словами доброго напутствия:

— Желаю вам, чтобы вы своими творениями удостоились любви народа, чтобы этот замечательный праздник творцов поэзии слился с праздником всего народа!

Проводили последних гостей. Самые близкие друзья во главе с Мавлави Юлдашем, окружив Мукими, направились в ичкари. В соседнем доме был совершен обряд бракосочетания. Едва были прочитаны установ-

ленные молитвы, друзья привели Мукими в комнату новобрачных и задернули шелковый занавес, а сами разошлись по домам. Девушки, закрыв лицо невесты белой кисеей, повели ее к жениху с песнею:

Что за песнь! О, что за песнь! Сегодня свадьба!

Ай, ёр-ёр, сегодня свадьба!

В день такой — сердца двоек связать бы.

Ай, ёр-ёр, потом плясать бы!

Изведавшему немало горя и лишений, спавшему на тощей подстилке в холодной худжре Мухаммеду Амниходже не были неприятны ни мягкая постель, ни теплое свадебное одеяло, ни горячие объятия восемнадцатилетней Ойши.

По правде говоря, не каждому бедняку в возрасте Мукими выпадало на долю счастье, не всякий мог раздобыть средства, чтобы справить такую пышную свадьбу. Немало было тогда в Коканде людей, которые с трудом добывали себе на хлеб. Год за годом проходила пора юности, а они так и не могли жениться, ибо у них не было денег.

А что сказать об Ойше? С малых лет она росла в трудовой нуждающейся семье, вынуждена была принаравливаться к настроению отчима, выросла, достигла совершеннолетия, так и не перешагнув через порог своего дома, не видя улицы, не имея понятия, что такое любовь. Бедняжка употребила все свои способности, все силы, чтобы овладеть искусством вышивки. Она искренне была убеждена, что в этом и заключаются главные ее достоинства!

Чуткое сердце поэта жаждало ласки и было преисполнено лаской. Когда его взгляд встречался с испуганным взглядом Ойша-биби, ему становилось жаль ее. Он ласково гладил ее лоснящиеся волосы точно так же, как гладят перышки безобидной горлицы.

Во время завтрака в доме никого не было. Разломив на подносе слоеную, жаренную в масле лепешку, Ойша встала и подала мужу пиалу с чаем. Платок, прикрывавший ее лицо, соскользнул с головы, и она покраснела до корней волос. Кто бы ни взглянул на Ойшу сейчас, не мог упрекнуть ее в каких-нибудь недостатках. Косы у Ойши были длинные, брови густые, почти сходящиеся на переносице, а обнаженные до локтей руки белые-белые, словно молоком облитые.

Дни шли за днями, недели за неделями. Ойша-биби относилась к мужу внимательно, предупредительно. И Мирзаходжа был очень рад, что сын его и невестка живут в согласии. Товарищи по ремеслу, пекари, при каждой встрече вспоминали и расхваливали пышную, веселую свадьбу. Старик был очень доволен этим, гордился своим сыном и его добрыми друзьями.

Вечерами Мукими при свете свечи читал или, вооружившись каламом, сочинял газели. А Ойшу совсем не интересовало, что читает, что пишет ее муж. Вышивая тюбетейку, она иногда подносила ее к свечке и любовалась красивой художественной вышивкой. Бывало, пока Мукими не спросит ее о чем-нибудь, она так и сидит весь вечер молча и даже не шевельнется.

Как-то Мукими, взяв с полки рукописный сборник стихов Надиры, подаренный ему другом Абидджаном-аглямом, стал читать вслух:

Лелеяла чертог любви —
 пришла разлука все равно.
Смела строения мои
 потоком муки все равно.
На мне одежда расплзлась,
 скорбь сердца миру отворив,
И ран любви от чуждых глаз
 не скроют руки все равно.
Быть верной обещалась я,
 быть преданною поклялась,
Коварством обращен обет
 в пустыне звуки все равно.
Надеялась свиданья миг
 хотя бы за полу схватить,
Но разошлись по швам мечты
 в руках разлуки все равно.

Не дочитав до конца эту газель, Мукими посмотрел на Ойшу, сидевшую напротив. Она сладко зевала, широко разевая рот. Мукими расстроился. Ему казалось, что вдохновенные стихи поэтессы заставят Ойшу встрепетаться, увлечься... Резким движением он захлопнул книгу и бросил ее на полку. Задув свечу, он лег в постель и закутался в одеяло. Ойша тоже легла за спиной у Мукими, свернувшись калачиком. Не прошло и минуты, как она сонно засопела.

Пред мысленным взором Мукими проходили чередой картины недавнего прошлого. Он снова приходит к своему

дяде Рахматулле, а красавица Хайриниса, ласковая, нежная, подсев к нему, с удовольствием слушает его стихи, и не просто слушает, а иногда даже просит повторить наиболее понравившиеся ей строки. И Хайриниса уже не дочь ремесленника, а прекрасная принцесса, образец всех совершенств красоты и ума. И вдруг эту нежную, хрупкую девушку хватает в лапы чудовище и начинает терзать, как ястреб терзает белую голубку.

Мукими вздрогнул и очнулся. Когда он вновь задремал, ему снилось, что только что прочитанную газель написала не Надира, а Хайриниса. Но, увы! Она стала для него лишь сладкой мечтой.

Сон вновь покинул поэта, и он погрузился в печальные размышления о жизни.

Разве Ойша повинна в том, что у нее не привит вкус к поэзии, что она не понимает стихов? Разве этот недостаток свойствен только ей? Много ли найдешь ценителей поэзии даже среди образованных людей, признанных ученых-богословов, высокопоставленных лиц духовного звания, на которых красуются большие чалмы? А разве есть ценители поэзии среди грозных волостных старшин, преисполненных важности и высокомерия оттого, что у них на боку болтается шашка в серебряных ножнах, или среди купцов-богатеев, которые, задрав нос, в ярких шелковых халатах проезжают по улицам на лихачах.

Почти всю ночь лежал без сна Мукими, стараясь утешить себя...

Рассвело, заря вспыхнула за горами на востоке. Настало утро. Пришел новый день, но он был таким же, как и все другие дни. Заря погасла. Надвинулась ночная мгла. И казалось, что жизненный путь похож на длинную цепь, состоящую из неразрывных звеньев, из дней и ночей, а стрелки часов непрерывно вращаются по кругу.

Жизнь Мукими входила в русло повседневности. Пришлось покончить с прогулками по базару, с посещениями чайханы Юлчи-аксакала и чтением стихов в его уютной михманхане, с чтением вслух газелей Фузули в лавочке Абидджана-агляма. Приходилось приноравливаться к характеру раздражительной Зиёды-биби, помогать отцу печь лепешки и выслушивать несурзные суждения туповатой Ойши.

Иногда Мукими удавалось вырваться и сходить в

махаллю Шалдирамок проведать заболевшую Мехринису, которая окончательно слегла в постель. На обратном пути он заходил в худжру, чтобы приготовить обед для больного Нохуша. Однажды Мукими застал у главного входа в медресе Исмаила Махрама. Он со своим босоногим сыном Абдукадыром ожидал прихода поэта. У музыканта за поясом была заткнута камышовая дудка, в руке он держал палку, а рядом на земле лежал хурджун.

Мукими сердечно поздоровался с ними.

— Нужда привела меня к вам, уважаемый Мукими! — сказал Исмаил Махрам. — У меня большая семья. Жена и дети живут в кишлаке Чильмахрам около Канибадама. А я вот с этим сынишкой хожу по кишлакам и городам, играю на дудочке и прошу милостыню! Дуть в дудочку — занятие не прибыльное. Этим не проживешь. Не все же люди любят слушать подобную музыку. У меня, Мукими, к вам просьба. Не напишете ли вы мне двестишние про мое положение, чтобы люди и посмеялись и меня пожалели. А я выучил бы его наизусть, а потом ходил по кишлакам и читал всем ваше двестишние.

— Пожалуйста! Напишу, окажу вам услугу. Но сейчас, вот здесь, нельзя. У меня полно хлопот. Придется написать вечером. Ладно?

— Ладно! Ладно! А завтра в какое время прийти?

— Вы человек пожилой. Чтобы не затруднять вас, я завтра сам занесу стихи мастеру Ковулу. Вы у него и получите. Хорошо?

— Хорошо, хорошо. Пусть так и будет.

Проводив Исмаила Махрама, Мукими вошел в худжру. Миён Сотыболдыхан был там. Болезнь Нохуша осложнилась, сегодня он чувствовал себя гораздо хуже. Миён многозначительно посмотрел на Мукими и пошел искать табиба. Мукими сварил похлебку и хотел покормить больного. Но Нохуш не мог проглотить ни ложки супа.

Нохуш лежал, не открывая глаз, тяжело дышал. Он силился что-то сказать, но его трудно было понять.

Не зная, что делать, Мукими смочил платок, выжал, положил его на лоб больному и присел на корточках около постели.

Одолевали осенние мухи. Очень назойливые, они садились больному то на нос, то на губы. Мукими отгонял мух.

Дверь открылась, и в худжру вошел Мухи. Но вмес-

то того чтобы спросить о состоянии больного, он заорал:

— Вас тут вечно ищут всякие праздные гуляки, все медресе вверх дном перевернули! Мало того, сегодня еще нищий, бродячий музыкант с хурджуном на спине притащился, вас разыскивал. Прямо в медресе заявлялся! Что это такое? Как это можно назвать?!

— Он благородный человек...

— Что? Вы сказали — благородный человек?!

— Да! Исмаил Махрам — человек благородный! По-вашему, это нищий, бродяга, а народ уважает его. Исмаил Махрам — искусный музыкант, великий мастер своего дела. Он пришел меня повидать! Я так рад! Радости моей нет предела! Исмаила Махрама так уважает народ! И я уважаю его! Господни Мухи, давайте выйдем из худжры. Вы же видите, что воспитатель тяжело болен!..

Мукими и Мухи вышли во двор. Глаза Мукими горели гневом. Мухи сказал с усмешкой:

— Боже мой! Меня смех разбирает: оказывается, этот пришлый иудус ваш воспитатель!..

— Разные бывают пришельцы, господни Мухи! Один оправдал хлеб-соль и оказанное ему доверие, а другой плюет в солонку там, где ему оказали гостеприимство!

— Например?

— Извините, сейчас у меня нет времени спорить с вами. Придет время, и вы узнаете об этом, но не от меня. Вам об этом скажут простые люди.

Мухи побледнел. Его всего трясло. Он уже раскрыл рот, чтобы раскричаться, но тут в ворота вошел Миён, ведя за собой табиба. Не взглянув на Мухи, он спросил друга:

— Что случилось?

— Ничего! Заходите!

Старый табиб долго держал руку Нохуша, щупая пульс. Внимательно осмотрел больного, затем под предлогом, что надо вымыть руки, вышел из худжры.

— Не оставляйте его одного, — сказал он. — Кто-нибудь из стариков должен находиться неотлучно при нем. А вы ведь молодые...

Когда Мукими, проводив лекаря на улицу, вернулся во двор медресе, Миён сидел на супе, стиснув голову руками. Подойдя к нему, Мукими спросил:

— Где найти старого человека? Кого можно просить?..

— Трудное дело! — сказал Миён и многозначительно посмотрел на Мукими.— Очень трудное дело... Ведь среди наших стариков ходят слухи о том, что Нохуш не признает бога... Его называют безбожником. И вам самим ясно, кто распространил эти слухи. А раз идут такие пересуды, какой старик согласится пойти сюда и оставаться с больным!

— Я сам буду ухаживать за ним!

— Нет! Надо попросить Мавлави. Он найдет. Да разве мало в Коканде безродных, бездомных горемык, чужестранцев, которые ютятся в чайханах, в банных топках?

Мукими поспешил через Хаджибекский базарчик в дом Мавлави Юлдаша передать просьбу Миёна. Когда он подошел к дому, из калитки торопливо вышел сам Мавлави Юлдаш.

— Поразительно! — воскликнул он.— Легко на помине! Уж не пророк ли вы? Я иду вас разыскивать. Сейчас мне сообщили печальную весть. Скончался поэт Махджур. Ко мне прибегали дети-сиротки, которых он кормил. Они сказали, что Махджур умер сегодня утром. Перед смертью он завещал: «Ни одного из тех, кто, намотав на голову большую чалму, ходит в новом халате, не допускайте к заупокойной молитве и похоронам. Пусть табут¹ с моим телом несут нищие, безродные скитальцы и бездомные бедняги. Когда будете хоронить меня на кладбище для чужестранцев, пусть у могилы моей стоят поэты Мукими и Мавлави Юлдаш!» Идемте скорей!

По дороге Мукими рассказал Мавлави о состоянии Нохуша и передал просьбу Миёна.

— Не одного старика найдем, а целую сотню. В этом нет никакого сомнения. Сколько их у нас, несчастных старцев. Но прежде похороним этого безродного пришельца, а потом что-нибудь устроим... — ответил Мавлави.

Банная топка и крытый проход к ней были переполнены людьми. В помещении лежало тело покойного Махджура, давно уже обмытое, с тщательно расчесанной бородой, за отсутствием савана прикрытое старыми банными набедренниками. Толпились босоногие, с непокрытой головой дети в лохмотьях. Они плакали навзрыд и причитали: «Ой, отец!»

Мукими и Мавлави Юлдаш положили тело покойно-

¹ Табут — похоронные посылки.

го в табут и покрыли его свехру своими халатами. После прочтения зауспокойной молитвы, похоронная процессия двинулась к выходу на улицу. Впереди шли около сорока нищих с посохами в руках. За ними несли носилки с телом покойного.

Выйдя из ворот соборной мечети, печальная процессия направилась по большой дороге в сторону кладбища для чужестранцев. Вдоль всей улицы по обе стороны толпился народ. Многие спешили присоединиться к провожающим. Людей, несших носилки, на каждом шагу сменяли другие.

На кладбище Мавлави Юлдаш своими руками опустил тело безродного поэта в могилу. Возле могильного холмика все в молчании опустились на землю. А Исманл Махрам, став на колени под старым тутовым деревом, заиграл на своей камышовой свирели траурную мелодию. Никто не шевельнулся до тех пор, пока не затихли последние печальные звуки. Затем Мукими громко сказал:

— Дорогие друзья! Я хочу прочитать вам четыре строки стихотворения, которые писал перед кончиной поэт Махджур.

Родился как? К чему ответ, друзья?
Достигну ль цели или нет, друзья?
Все нищ и гол, как в дни, когда родился,—
Так не покинуть ли мне свет, друзья?

Распрощавшись с поэтом, многие разошлись. Около могилы еще некоторое время оставались Мукими, Мавлави Юлдаш и дети, усыновленные Махджуром.

После похорон Махджура Мукими и Мавлави Юлдаш пошли в медресе. Миён, очень расстроенный, стоял около худжры. Он издали увидел медленно приближающихся друзей, усталых, продрогших, без верхних халатов. Они рассказали Миёну о тяжелой утрате и просили извинить за опоздание.

Нохушу делалось все хуже и хуже. Друзья порешили сидеть у постели больного всю ночь.

Утром Мукими вернулся домой. Вид у него после похорон и бессонной ночи был осоловелый. Теща решила, что он пьян. Никогда она еще его таким не видела.

Не прикоснувшись к еде, он молча повалился на постель и уснул. Зиёда-биби затаила в душе недоброе. И когда пришел с базара Мирзаходжа, она злорадно заявила:

— У моей бедной доченьки счастья прибавилось: ваш сын спутался с плохими людьми, начал пить вино! Пришел домой пьяный. Халат где-то потерял!.. Что за человек! Никакого ремесла не знает, а вдобавок вот что еще за ним водится!..

— Враки! Мой сын не из таких! Закрой свой рот, ведьма!

От шума и крика Мукими проснулся. В ногах у него лежала Ойша и всхлипывала. Он вскочил с постели:

— Что за слезы?! Что случилось?!

— Вы сами не помните, что пришли домой пьяным, так и легли спать. И халат свой потеряли!..

— Что?! Пьяный?!

— А еще притворяетесь, что ничего не знаете!.. Мама очень расстроилась!

— Пьяный? Ничего не помнил? Бросил свой халат? Может быть, пришел с камнем в руках да с руганью и всех вас оскорбил? Эх! Не хватало мне еще этой клеветы!

Сняв с колышка халат, Мукими накинул его на плечи, взял папку, перо и чернильницу и вышел во двор. Отец его стоял у арычка. Мукими молча пошел к калитке.

— Стой, сынок! — окликнул пекарь.

Мукими остановился:

— Говорите! Если нужно что-нибудь сделать, я готов!..

— Это правда, что ты пришел пьяный?..

— Эх, если бы это была правда!

— Если нет, то где же твой халат?..

— Халатом я прикрыл умершего поэта Махджура, когда его положили на табут. Мы на плечах отнесли Махджура на кладбище для чужестранцев, похоронили. Я очень устал, выбился из сил...

Мирзаходжа крепко обнял сына.

Повернувшись лицом к дому, Мирзаходжа крикнул:

— Эй, ведьма, выходи сейчас же! Проси прощения моего сына!

— Дорогой отец! — умолял Мукими. — Если вы хотите мне спокойной жизни, простите мачеху, сдержите себя. В жизни случаются подобные недоразумения. Я не обижаюсь. А сейчас я хочу пойти в худжуру. Нохуш совсем разболелся...

— Ладно, иди! Но если твоя матушка не повалится тебе в ноги и не попросит прощения, я не успокоюсь до тех пор, пока не задам ей... как следует.

В удрученном состоянии вернулся Мукими в худжру, опустился на пол у порога и долго сидел, сложив руки на груди. Миён молча перелистывал книгу. Потом Мукими встал потихоньку, положил в очаг дров, развел огонь и поставил в него кумган с водой. Взяв из ниши поднос, поэт крошил в пиалу куски лепешки. Со вчерашнего дня он ничего не ел и очень проголодался.

Еще не закипела вода в кумгане, как со двора слышались шаги и голоса. Мавлави Юлдаш с кем-то разговаривал по-китайски. Открылась дверь, и в худжру вошел китайский лекарь, за ним — Мавлави Юлдаш. Жестами и мимикой китаец всех приветствовал и приступил к осмотру больного: пощупал пульс, приложил ухо к груди и долго слушал сердце. Улыбнувшись, он поднялся и сказал Мавлави Юлдашу несколько слов по-китайски:

— Этот человек будет жить еще долго! — перевел Мавлави Юлдаш. — Лекарь приготовит шербет. Будем поить больного три раза в день понемногу, а перед этим давать по кусочку шашлыка из печенки. Через неделю больной встанет с постели!

Китайский врач попрощался. Его пошел провожать Мавлави Юлдаш. Миён Сотыболдыхан, посмотрев на Мукими, многозначительно улыбнулся. Мукими тоже немного повеселел и заговорил:

— Спасибо нашему другу Мавлави!

— Если бы все люди были такими, как Мавлави, великодушными, заботливыми, энергичными! — задумчиво проговорил Миён. — Нет, не каждая мать может родить такого человека! Говорят, что Мавлави своим достойным прекрасным характером сумел повлиять на свою семью. Жена Мавлави служит примером для всех женщин Ходжибекской махалли.

Похвалы Мавлави Юлдашу больно задели Мукими. Он подумал о своем отце, неграмотном пекаре, собиравшемся заставить Зиёду-биби стать на колени перед пасынком и просить у него прощения.

Мукими поднялся:

— Схожу-ка я домой и вернусь. Вы не будете скучать?

— Возвращайтесь поскорей!

Мукими поспешил к дому. Легкий осенний ветерок, начавшийся после полудня, постепенно усиливаясь, превратился в порывистый ветер. На улице кружились в пыльном вихре листья и всякий сор. Кроны тополей

раскачивались под ветром. Над крышами стоял свист, точно городские разгоняли толпу. С треском хлопали калитки. Люди спешили поскорее добраться домой.

Мукими тоже спешил. Войдя во двор, он остановился. В комнате, где жили отец и мачеха, мерцал масляный светильник, но в флигеле, где жил он сам, было темно.

На цыпочках Мукими подошел к двери и остановился в раздумье. Над головой завывал ветер. По небу на большой высоте мчались рваные облака причудливой формы. Неполная луна, словно играя в прятки, то скрывалась среди облаков, то снова появлялась на небосводе, и тогда лик ее излучал сияние. Вдруг красавица луна исчезла за набежавшей густой тучей. Буйный вихрь яростно срывал листья виноградных лоз, переплетавших решетчатые перекрытия навесов. Ветви талов гнулись чуть ли не до самой земли. Так выстроившийся вдоль дороги простой народ почтительно сгибается перед проезжающим важным чиновником.

«И в жизни бывают страшные бури,— думал поэт,— ведь в жизни есть жестокие, бездушные тираны, перед которыми обездоленные горемыки вынуждены сгибать голову до самой земли. И разве не вызывают сострадания люди, увядшие и пожелтевшие, словно осыпающиеся виноградные листья?.. Несчастные женщины, обреченные на безрадостное, жалкое существование, вынуждены свою жизнь проводить в тесных темных двориках, прикрытых сверху виноградными лозами, огражденных со всех сторон высоким дувалом. Они не смеют даже зажечь свечу и сидеть при свете без разрешения мужа. Они суетятся с утра до вечера в своем тесном дворике и почитают за счастье, если им удастся сразу после захода солнца уснуть крепким сном. Идти против воли мужа считают величайшим грехом».

Первый муж Зиёды-биби предавался азартным играм, являлся домой пьяный, колотил жену.

Увидев, что Мукими пришел домой без халата и, не раздеваясь, лег спать, Зиёда-биби истолковала все по-своему.

Мукими думал:

«Необразованная, несообразительная женщина, которая не видит дальше своего носа, была мне мачехой. Теперь она стала заботливой тещей. Вряд ли она сейчас спит спокойно... Наверно, эта легкомысленная, злоязычная женщина, оклеветавшая своего зятя, чувствует угрызения совести?!»

Открыв тихонько дверь, Мукими вошел в комнату, осторожно нащупал спички, лежавшие на полке в нише, чиркнул спичкой, зажег свечу и увидел стоявшую у двери сонную Ойшу. Несмотря на широкое платье, было заметно, как она округлилась.

— Вы еще не спите? — ласково спросил Мукими.

— Я все ждала вас, думала, что вот-вот вы придете, и задремала. Ужин подогреть?

— Сейчас сильный ветер. Развести огонь не так легко! Если даже остыло, несите. Вместе покушаем...

Ойша расстелила дастархан, сняла с полки глиняную чашку.

— Отец велели сварить из маша и риса кичири, а сами уснули, даже не попробовали. А мама рассердилась на них и тоже ничего не ела. У меня совсем пропала охота есть. И все из-за того, что вы поссорились...

Вытирая полотенцем руки, Мукими посмотрел на Ойшу умоляющим взглядом.

— Я не хотел, чтобы вы сейчас выходили за дверь: на дворе сильный ветер. Но все равно придется выйти. Сходите разбудите мать и приведите ее сюда. Я должен принести ей извинения. Кроме того, я хочу попросить ее, чтобы она осталась здесь и ночевала вместе с вами. Я пойду в медресе: наш воспитатель индеец очень болен.

— Сейчас...

Надев халат, Ойша вышла во двор. Тут же она вернулась вместе с Зиёдой-биби. Мукими пригласил ее пройти в передний угол и сесть на почетное место. Глаза у старухи были красными от слез.

— Уважаемая Зиёда-биби, я провинился, но больше этого не будет. И халат не потеряю, и домой не приду опьяневший! Простите меня! Другая моя просьба вот в чем: побудьте сегодняшнюю ночь вместе с дочерью. Мне надо уйти в свою худжру. Мы там дежури́м до рассвета у постели больного нашего воспитателя Нохуша. У вашей дочери я уже получил разрешение уйти.

— Разве Ойша скажет вам не ходите? Почему же вам не пойти? Конечно, идите! Но вы должны сказать отцу правду, признаться, что вы пришли домой в пьяном виде. Иначе отец житья мне не даст. Он считает, что я ему все наврала!

— Ладно, я признаю свою вину! Спите спокойно! Взяв с полки одну из книг, Мукими ушел в медресе. Почувствовав облегчение, Зиёда-биби закрыла за ним

калитку и, едва вернулась в комнату, выпустила, как говорится, язык на целую четверть:

— Если будем ему спускать, он и другой раз напьется пьяным и придет не то что без халата — без рубашки! И твой отец, чтоб его забрали дьяволы, сначала тоже пил понемножку, а потом придет, бывало, без халата!..

Когда Мукими вернулся в худжру, Миён и Мавлави уже развели очаг и, усевшись к огню, играли в шахматы. Мукими вошел молча, сел в сторонке около ниши, поджав под себя ноги, и, достав из папки бумаги и перо, начал писать:

Седины мне не хватает, жаль, что я без бороды,
Гляну в зеркало — дивлюся: я совсем без бороды!

Все ведь люди с бородою, у меня ж ни волоска,
То рыдаю я с досады, то смеюсь без бороды.

Ты не спрашивай про возраст, сам не знаю, сколько лет,
Я отец седобородых, только сам без бороды.

Не подумай, что я молод, у меня нет бороды!
Я рожден при Маллахане, дряхлый, но без бороды.

С сосунком бороться стану — опрокинет, как ведро,
А на мой портрет как взглянешь — богатырь без бороды.

Не трудись, ты не узнаешь, не расспрашивай людей,
Я загадка без отгадки, человек без бороды.

В каждом городе весь месяц все мне хочется бродить.
Что мне делать? Может, снятил я совсем без бороды!..¹

Шахматисты закончили партию. Мавлави Юлдаш остался в проигрыше. Наливая в пиалу чай, Миён пошутил:

— Когда обыгрываешь мастера, испытываешь полное удовлетворение. А если играешь с неумелым, никакого удовольствия не получаешь.

— А я ведь играл кое-как,— хихикнул Мавлави.— Хотел порадовать вас.

— Значит, вы хотите отыграться?.. Давайте! Желаю вам успеха!..

¹ Перевод С. Паластрова

Но Мавлави показал глазами на больного и заметил:

— Мы и так увлеклись шахматами... Лекарство уже надо давать домулле. К вам, Мухаммед Аминходжа, вдохновение слетело не вовремя. Нельзя ли приостановить полет вашей мечты? Вот вам шампур с печенкой, подержите над углями. А вы, Миён, будете мне помогать...

Все трое взялись за дело. Мукими поджаривал печенку. Мавлави вымыл руки, насыпал на ладонь немного порошка, похожего на муку, а Миён время от времени капал ему на ладонь жидкость из маленького пузырька. Растирая полученную массу между ладонями, Мавлави говорил:

— Редкое и ценное лекарство! Доктор китаец очень бережет его. Он рассказал мне, что и порошок и капли — разновидности одного и того же рода лекарства. Оба получены из корней растений. Один корень похож на человечка, а другой на змею. Эти растения растут в Китае в горах. Их очень трудно найти.

— А какое отношение имеет жареная печенка к человеку и к змее? — шутливо заметил Мукими, переворачивавший над углями шашлычную палочку.

— Об этом вы спросите у моего китайского доктора. Хорошее лекарство возбуждает, создает приподнятое настроение, а шашлык из печенки как раз и есть возбуждающее. И ребенок может сказать, что вино, например, не бывает без такого возбуждающего вещества...

Мукими пробормотал ворчливо:

— Да, после вина приходит возбуждение. Это мне разъяснили, хотя человек может возбудиться и без вина. Шашлык готов, друзья!

Осторожно Мавлави приподнял голову обессиленного Нохуша вместе с подушкой. Больной, приоткрыв глаза, посмотрел на друзей с благодарностью. Приготовленное в виде пилюли лекарство Мавлави положил Нохушу на язык и попросил проглотить. Затем дал кусочек горячей печенки и несколько глотков чая. Вымыв руки, Мавлави воскликнул:

— Вспомнил: ведь я же сегодня еще ничего не ел! Совсем проголодался! Нет ли там кусочка лепешки, а?..

Мукими усмехнулся:

— Не знаю, как Миён, а ваш покорный раб тоже голоден. Не меньше, чем вы.

— Э-э! Ведь сегодня четверг, день, когда у ремес-

ленника в котле что-нибудь да кипит! Неужто вы пришли сюда, не покушав... Хотя бы плова...

— Плова я не сл... зато домашний плов меня заел.

Чувствуя, что слово за слово разговор может зайти далеко, Мукими замолчал. Миён хорошо знал друга и понял, что у него в доме какие-то неприятности.

— По правде говоря,— заметил он,— я думал сходить домой и принести что-нибудь покушать, но увлекся шахматами. Значит, и меня тоже можно занести в список голодающих. Самое лучшее средство от голода — это чтение стихов. Вы лучше меня знаете, что хорошие стихи — самая прекрасная пища для души. Что вы скажете, друг мой, Мукими?

— Что верно, то верно,— усмехнулся Мукими,— но читать надо такие стихи, которые могут быть хорошей духовной пищей.

— А те, что вы сейчас писали?..

— Эти написаны кое-как. Разве такие стихи могут быть пищей?

— Написаны кое-как? Что это за стихи? А ну-ка прочтите!..

— Я дал обещание старому певцу, но никак не мог выполнить это обещание... А не написать нельзя. Я бился, бился... и вот написал...

Он с недовольным видом протянул листок бумаги со стихами о бороде. Мавлави сначала пробежал строфы, а затем прочитал громко, с выражением.

— Все понятно! — воскликнул он. — Поэт сатирически изобразил беднягу Исмаила Махрама. Дожил человек до седины, а бороды не нажил.

Мукими промолчал, а Миён сказал:

— Я не поэт, но мне кажется, стихи, которые пишет поэт по чьей-либо просьбе, затрудняют его. Поэтому это стихотворение написано слабовато.

— Я тоже не поэт,— возразил осторожно Мавлави,— но так люблю стихи, что они мерещатся мне и во сне и наяву. Мне кажется, что стихи могут быть и удачными, если тема стихотворения, которое пишется по поручению или по просьбе, по душе поэту. Уверен, если поручить Мукими написать хвалебные стихи про какого-нибудь волостного старшину — из этого ничего не выйдет. Но если попросить об этом господина Мухи, ему будет приятно, словно душу ему смажут сливочным маслом. Просьба великого мастера, бродячего певца, нищего Исмаила Махрама, не может затруднить поэта Мукими. У него

склонность писать песни, которые по вкусу беднякам, бездомным скитальцам вроде Исмаила Махрама.

Мукими повеселел.

— Вот-вот! — воскликнул он. — Вы уже приблизились к сути! Продолжайте!

Но Миёна не так-то легко было переубедить.

— По-моему, вашему вдохновенному что-то препятствует. Нет ли тут других причин?

Взглянув на друзей, Мукими пощип головой. Мавлави Юлдаш продолжал:

— Вы, Мукими, сейчас в полной силе! У вас природный талант! И если даже к нему прилипнут соринки и он от этого на время потускнеет, это пустяки!

Мукими поднял голову, прямо посмотрел в глаза Мавлави и спросил:

— А когда сор и мелочь, на которые я не обращаю внимания, накопятся и вырастут в гору? Если эта преграда помешает мне писать стихи?..

— Ваши слова не совсем ясны. Скажите, Мукими, прямо, открыто! Чувствуется, что у вас кое-что на душе, о чем мы и понятия не имеем.

— Есть одна вещь. Она гнетет меня. До сих пор я скрывал ее от вас! Злой противник Мухи отлично знает персидский и арабский языки. А ваш покорный раб лишен этих знаний. Превосходство моего недруга часто заставляет меня задумываться. Мечта моей жизни — поехать в Бухару, получить образование, изучить языки и литературу. Домашние дразги не радуют меня. Хочется поехать в далекое путешествие, все забыть. Да и моя подруга жизни, которой надлежит быть единственной радостью своего мужа, делает все наперекор мне: она пляшет под дудку своей матери Зиёды-биби. А это невежественная, тупая, злобная женщина, способная причинять одни только неприятности. Такова моя участь! А вы даже и не удивитесь, что я все-таки пишу стихи в таких условиях!..

Огорченный до глубины души Миён хлопнул ладонями себя по коленям и с любовью посмотрел на поэта:

— Да, ваша супруга несмышленная, бестолковая, воспитана так же, как и ее мамаша! Понимаю вас. Ваши стихи ее совсем не интересуют. Ну а хоть бы ради приличия послушать, принять, пусть даже притворное, участие в ваших делах, поощрить вас, возбудить в вас интерес и желание писать стихи! На это она неспособна?!

— Теперь мне самому понятно,— проговорил печально Мукими,— что я связал себя по рукам и ногам. Очертя голову бросился в пучину горестей и печали! И чтобы выбраться из пучины, придется, мне кажется, покинуть родину. Я заговорил обо всем этом потому, что мне нужен дружеский совет.

Как всегда, Мавлави Юлдаш сказал прямо, без обиняков:

— Раз у вас такое сильное желание, пожалуйста! Если вы, вопреки трудностям, крепко зажмурились, во что бы то ни стало стремитесь к высокой цели, мы, ваши друзья, обязаны поддержать вас. Житейские мелочи могут погубить ваш талант. Мы знаем все о вашей семье. И я считаю, что нам нужен не погрязший в болоте домашних дрязг и мелочей муж своей жены, бедняга, гонимый жизнью и нуждой, а выдающийся поэт Мукими.

Он говорил еще долго и горячо. С интересом слушал его старый Нохуш. Лекарство подействовало, по телу разлилось тепло, он почувствовал прилив сил.

Нохуш поддержал Мавлави Юлдаша. Улыбнувшись, он слабым голосом возгласил:

— Нам нужен могучий Мукими! Пусть он поучится в Бухаре, на родине великого Ибн Сины...

Мавлави подмигнул Миёну:

— Только с условием, чтобы не спешил возвращаться из-за домашних дел.

Миён убежденно сказал:

— Вашей семье, Мукими, протянут руку помощи друзья. Будьте в этом уверены! Друзьям я всегда готов оказать любую услугу!

— Теперь,— сказал довольный Мавлави,— надо разогнать сон. Давайте попробуем мысленно взобраться на вершину газелей мудрого Бедиля, а затем займемся врачеванием мудрого Нохуша.

С этими словами Мавлави снял с полки книгу Бедиля, открыл нужную страницу и начал вслух читать одну из газелей.

* * *

Лекарства китайского врача, заботы и уход Мавлави Юлдаша помогли. Пришелец из далекой Индии Нохуш выздоравливал. С ним обращались бережно и подниматься с постели не позволяли. Однажды, когда стало

известно, что вечером придут гости, Нохуш счел неудобным лежать в худжре и перенес свою постель в прихожую. Мавлави возмутился:

— Сюда придут образованные, достойные люди, они желают сидеть с вами вместе! Они соберутся здесь для того, чтобы устроить проводы Мукими в Бухару. Наш учитель домулла Халил нездоров. Он не может выйти из дому, поэтому нашему поэту скажете напутственное слово вы.— И Мавлави решительно перенес постель Нохуша в худжру.

Только Мавлави Юлдаш расстелил одеяла и положил подушки, как в худжру вошли первые гости: Абиджан-аглям, Салиджан Чакалак, Кори Сумалак и Мухамеджан Макай. Немного погодя подошли Убайдулла Завки, Усманходжа Зори, Ермухаммед Ери. Каждый гость нес туго завязанный узел. Народу все прибавлялось. В худжре сделалось тесно. А Мукими все не было.

Пришел Миён Сотыболдыхан. Его сопровождали слуги, которые принесли из дома четыре новенькие курпачи и разную посуду. Сидящие расширили круг, разостлали дастархан, выложили на него из узлов всякую снедь. Со двора слышались звуки тамбура. Абиджан вышел из худжры и привел дрожавшего от холода Шадмана-ходжу. С большими почестями собравшиеся встретили убого одетого музыканта и посадили его на почетное место.

Творец прекрасных мелодий, этот маленький человек, не имевший ни угла, ни пристанища, днем бродил по улицам, а ночевал в разных чайханах. Зимой и лето он ходил в тонких бязевых штанах и рубахе, на голове носил турецкую феску — обычный головной убор паломников, побывавших в Мекке и Медине, на ногах чувяки, под мышками он держал тамбур и дутар. Несмотря на возраст, он до сих пор не был женат и вел бездомную жизнь.

Шадман-ходжа был настолько беден, что порой ему приходилось просить милостыню, чтобы не помереть с голоду. Обычно он поступал так: с утра отправлялся на базар, брал в кредит у знакомых лавочников несколько кусков душистого мыла — «гульджахон», затем шел по торговым рядам и преподносил знакомым слушателям, знатокам музыки, в качестве «подарка» по кусочку. Чтобы помочь музыканту, друзья и поклонники расплачивались с ним «за мыло» очень щедро.

Шадман-ходжа не каждого удастанвал своим посе-

щением. Не всякому удавалось позвать его к себе. А тут, когда до него дошли слухи, что Мукими уезжает в Бухару, он явился сам. Музыкант, едва войдя в худжру, был обрадован, увидев настоящих ценителей поэзии и музыки — мастера Ковула и ткача Камильджана. Мелодичные маргиланские песни, которые он так хорошо пел, знали и любили в Коканде.

А Мукими все не приходил. Обеспокоенный Мавлави Юлдаш пошел к нему домой. На стук в калитку послышался голос Зиёды-биби:

— Вам кого нужно?

— Я ишу Мухаммеда Аминходжу.

— Он ушел. Его сестра Мехриниса тяжело больна. Пришел зять и увел их обоих с Мирзаходжой.

Расстроенный Мавлави Юлдаш поспешил к Шалдырамокскому базарчику, расспросил, где живет водонос Дустмухаммед, разыскал его. Войдя во двор, он увидел Мукими, Мирзаходжу и Дустмухаммеда. Они сидели грустные, опечаленные.

— Не падайте духом, — сказал Мавлави и попросил убитых горем друзей разрешить ему полечить больную.

Мехриниса лежала без сознания. У изголовья сидел маленький Рузимухаммед, не сводя глаз с лица матери. Дустмухаммед стоял на пороге, бился головой о притолоку и беззвучно рыдал. Убитый горем Мирзаходжа застыл, как изваяние. А Мукими, сдерживая рыдания, сидел подле сестры и тихонько гладил ее похолодевшие руки.

— Не отчаивайтесь! — утешал их Мавлави Юлдаш. — Мудрые люди говорят: «Не сокрушайтесь! Пока душа не покинула тело, есть еще надежда на выздоровление». Все это оттого, что она ослабела, истощена. У нее сейчас полный упадок сил.

По его совету вскипятили в кумгане воду, налили два чайника и поставили к ногам больной. От чайников теплота побежала по ногам и по всему телу, немного согрелись посиневшие руки. У пекаря Мирзаходжи и водноноса Дустмухаммеда чуть отлегло от сердца. Их утешило горячее участие Мавлави, и они от души поблагодарили его за помощь. Дав больной лекарство, Мавлави Юлдаш направился к воротам. Следом за ним шел Мукими.

— В худжре собралось много гостей, все уже пришли, кроме вас, — говорил Мавлави Юлдаш, быстро ша-

гая вперед.— Может быть, и мулла Закирджан тоже пришел. Если с ним вместе придет доктор Степан-ака, это будет просто великолепно. Мы ему скажем насчет больной. А завтра с утра я схожу к своему китайскому учителю и попрошу его прийти осмотреть вашу сестру.

Когда Юлдаш и Мукими подошли к худжре, Камильджан играл на дутаре и пел песню на слова Мукими «Кто скажет обо мне...» Они постояли в прихожей, пока он не кончил. Войдя в худжру, они увидели, что Фуркат тоже пришел, и очень обрадовались. Но Кузьмича не было.

После приветствий и обмена любезностями Мавлали тихонько шепнул на ухо Мукими:

— Будьте спокойны, Мукими, насчет доктора я поговорю с Закирджаном. Что-нибудь придумаем!

И они оба заняли свои места в кругу гостей. Плотнo усевшись в тесной худжре, гости читали стихи, слушали веселые песни. Нохуш, сидевший в переднем углу, опершись на подушку, оживился.

— Мне уже исполнилось семьдесят лет,— сказал он, поблескивая глазами.— Мои годы быстро бежали вперед, а я все гнался за ними, стремился всей душой, летел на крыльях к своей цели. И если бы у меня не было такой цели, я не пришел бы пешком в эту страну из Индии, ведя на поводу верблюда. Если бы у меня не было такой великой цели, имя мое давно было бы стерто с лица земли! Пять лет держали меня в тюрьме, в мрачном подземелье, но меня вывела оттуда все та же цель, и я вновь увидел светлый мир! Ваша пленительная родина теперь и для меня тоже стала родиной. А в вашем облике, в облике новых людей я вижу будущее родины. Вы молодая поросль, создатели новой литературы, близкой народу, искусства, близкого народу, о чем я мечтал всю жизнь. Пусть эта литература и искусство глубоко пустят корни. Пусть они вырастут и высоко-высоко поднимутся к небесам. Никакие капризы злой судьбы теперь не в силах преградить им путь!

Кори Сумалаяк был поражен пламенной речью старенького индийца. Кори Сумалаяк ходил в европейском костюме, поверх него надевая халат, а на голове носил тюбетейку. Среди своих сверстников он первым стал изучать русский язык и довольно хорошо овладел им. Он даже читал кое-что из произведений русских писателей. Слова старого Нохуша, видимо, пришлись ему по душе. Он с бла-

годарностью взглянул на своего друга Закирджана, приведшего его в худжу к этим людям.

— Уважаемый Мухаммед Аминходжа-ака! — сказал Закирджан. — Если вас не затруднит, ответьте мне на один вопрос. Вы изъявили желание поехать в Бухару, чтобы получить образование. Ваши друзья, в том числе и ваш покорный слуга, очень рады за вас. Но правильно говорит поэт Нохуш: наша страна лишь сделала первый шаг к новой культуре, а вы хотите ехать в Бухару. Можно ли считать, что Бухара теперь вполне подходящее место?.. Если вы решили испытать горькую участь скитальца на чужбине, то получить образование можно не только в Коканде или в Бухаре, но и в Ташкенте. Не так ли?..

Все присутствующие посмотрели на Мукими. А он не спеша пояснил:

— Благодарю, мулла Закирджан, за ваши весьма ценные мысли, за ваши бескорыстные пожелания! Я с детства мечтал поехать в Бухару, побыть в услужении у знатоков наук, поближе познакомиться с литературой персидской и арабской, научиться писать стихи на этих языках. Поэтому-то я убедительно прошу вас, чтобы вы проводили меня в Бухару.

После этого никто из гостей больше не пытался отговаривать Мукими от поездки в Бухару. Друзья пожелали ему счастливого пути, поднялись с мест и стали прощаться. Незаметно все они передали Мавлави Юлдашу деньги для Мукими на дорожные расходы. Затем гости разошлись. Мавлави Юлдаш, проводив Закирджана и Кори Сумаляка до Гышткуприка, решил зайти к Кузьмичу.

Мукими прибрал в худже и, подложив в очаг дров, поставил кумган с водой. В этот момент вернулся Мавлави Юлдаш. Он был расстроен и встревожен.

— Дело дрянь, друг! Степану Кузьмичу запретили лечить местное население. Мы с Закирджаном посоветовались и решили сделать так. Закирджан сам немного знаком с наукой врачевания. Мы с ним завтра утром пойдем к вашей сестре, узнаем о ее здоровье и затем расскажем Кузьмичу. Он выпишет лекарство и укажет, как ее лечить. Не беспокойтесь. Идите домой. Надо отдохнуть. Иначе нельзя!..

Распрощавшись с Нохушем, Миён и Мавлави, продолжая разговор, вышли на улицу. У входа в медресе,

накинув халат на плечи, одиноко стоял Хаджи Мухи. Поздоровавшись с ним, они свернули налево.

На другой день после полудня махаллинский элликбаши постучал в калитку дома пекаря Мирзаходжи. К воротам подошла Зиёда-биби. Элликбаши сказал, что ее вызывает к себе попечитель имущества медресе Хаджи Мухи.

Когда она пришла, Хаджи Мухи приветствовал ее и справился о здоровье и делах:

— Довольны ли вы своим зятем Мухаммедом Амниходжой?

— Он не плохой, спокойный, послушный, почтительный... Правда, у него в складках пояса нет ничего сладенького, зато в складках сердца есть любовь.

— А как вы смотрите на то, что он едет в Бухару?

— Говорит, будто бы у него не хватает знаний. Говорит, поучусь там два-три года, стану хорошим муллой, а потом уж займусь хозяйством. Раз хочет ехать, пусть себе едет. Силы-то сейчас у него нет раздобыть что-нибудь для дома. Чем сидеть здесь зря, лучше пусть поучится да сделается муллой!

Хаджи Мухи засмеялся:

— Ваш зять пусть проучится хоть десять лет, все равно из него толку не будет. А почему? Да потому, что он привык жить за чужой счет. Собирает вокруг себя всяких бездельников, гуляк, игроков, негодников, сочиняет непристойные песни, стихи, всякую чепуху и дает им, а они читают да поют и кормят его за это. А ему что? Лишь бы набить себе желудок! А что у него есть? Того нет, этого нет! Есть только горе у вашей дочери! Да любой сапожник куда лучше поэта, у которого нет ни копейки! Вижу: беда свалилась на вашу голову! Вот и расхлебывайте сами! А ему что? Он бежит из дому куда глаза глядят!

— Ой, я несчастная! Ой, что же я наделала?!

Зиёда-биби запричитала так, что Мухи с трудом успокоил ее всякими посулами.

— Я сам напишу вам заявление казнию от имени вашей дочери, — посоветовал он, — так и быть, я помогу вам, и никакой платы за это мне не нужно. Лишь бы мать и дочь молились за меня — и все! Дело теперь в том, чтобы ваша дочь у казния твердо стояла на своем: «Хочу развестись с мужем!..»

— Моя дочь во всем слушается меня!

— Пусть она не надеется, что он вернется из Буха-

ры. Он бежит отсюда! Лучше взять развод, пока не поздно! Найдется какой-нибудь смиренный, скромный человек, знающий ремесло. А по-моему, вы сможете даже выгнать из дома пекаря Мирзаходжу! Вот так. Об этом не говорите никому ни слова. Договоритесь с дочерью и приходите сюда. А я сейчас же пойду и все объясню казию.

Вознося молитвы за Хаджи Мухи, Зиёда-биби отправилась домой, а почтенный Хаджи, выйдя из дома элликбашни, пошел на Исфаринский базарчик к своему приятелю казию Саадихану обстригать «богоугодное дело».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОСТИ, РОДИНА-МАТЬ!

В Ходжентской части города в махалле Ташхудайчи были три-четыре ситценабивных мастерских, принадлежавших разным хозяевам. В мастерской бая Шодимухаммеда одно время работали братья Эшмухаммед и Дустмухаммед. Но им пришлось бросить свое ремесло: на базарах не было спроса на ситец.

Братья пошли искать другую работу. Эшмухаммед пересел в кишлак Ингырчак и стал заниматься земледелием. А Дустмухаммед поступил учеником к водоносу Уразбаю, проживавшему в той же махалле.

Днем он носил воду в бурдюке, а вечерами прислуживал в торговых рядах, поливал, подметал, убирал мусор, а на ночь оставался сторожем. У Дустмухаммеда, который тогда был богатырского сложения джигитом, дела шли неплохо. Он сумел с помощью своего мастера водоноса Уразбая купить маленький домик, а позже его женили на Мехриннисе, дочери пекаря Мирзаходжи из махалли Беквачча.

Пышущий здоровьем Дустмухаммед мог померяться силой даже с лучшим водоносом города Ташпулатом. Дустмухаммед мог перенести гораздо больше бурдюков с водой, чем любой другой водонос. Но Дустмухаммеду не повезло. Беда шла за бедой. Умер ребенок, младший сын. Долго горевали отец и мать. Потом заболела жена. Но сколько ни старались помочь его друзья, сколько ни приглашали докторов, ничего не помогло. Мехринниса умерла.

Потеря любимой жены сломила Дустмухаммеда. Он сам заболел и больше не мог носить тяжелые бурдюки

с водой. Иногда, взяв с собой старшего сына, он шел в кишлак Ингырчак к брату или в Аччик-кул к бабушке Улуг-биби.

Дустмухаммед места себе не находил от тоски. Родственники посоветовали ему скопить немного денег и отправиться в священный хадж — путешествие к святым местам — в Мекку. Вскоре нашелся и попутчик — джигит из Бешарыка по имени Исранльджап. Его несправедливо обвинили в каком-то преступлении. Толком никто ничего не знал, но сам он всех уверял, что совсем не виноват. Боясь попасться полиции, он бежал из Коканда и тайно жил в Бешарыке.

Договорившись с Исранльджаном, Дустмухаммед стал готовиться к далекому путешествию.

На рассвете, ни с кем не попрощавшись, Дустмухаммед вышел из дома, ведя за руку сынишку, маленького Рузимухаммеда. Встречные знакомые спрашивали: «Куда вы так рано?» — «Да вот иду в Бешарык, — отвечал Дустмухаммед, — прогуляться и сынишку позабавить». В Бешарыке его уже ждал Исранльджан. Добравшись до Яккатута, они отправились в гости к дяде Исранльджана, где и остались ночевать. Дядя все приготовил племяннику в дальнюю дорогу. В предрассветной мгле нагрузили ослов. Дустмухаммед посадил сынишку с собой в седло, и они поехали по дороге в Канибадам.

Ослы были сыты, за три дня хорошо отдохнули и бежали быстро. Незадолго до полудня путники приехали в Канибадам. Остановившись на берегу большого рыка в чайхане, они сели пить чай.

Много повидавший на своем веку старый канибадамский чайханщик догадался, что они собрались в далекое путешествие.

— Путь-дорога вам! Далеко ли?

Дустмухаммед простодушно ответил:

— Если выпадет счастье на нашу долю, поедем далеко. Путь наш в священную Мекку!

— Пусть аллах пошлет вам безопасный, счастливый путь! — сказал чайханщик. — Исфаринский музыкант и певец Зебо-пари тоже едет в Мекку. Вам было бы неплохо отправиться вместе с ним. Зебо-пари побывал один раз в Мекке — ходил туда пешком и хорошо знает дорогу.

Эта весть пришла по душе Дустмухаммеду, и он посмотрел на Исранльджана. Тот принялся расспрашивать чайханщика:

— А где можно встретиться с ним, с этим человеком?

— Недалеко в саду ему устраивают прощальный пир. Если у вас есть желание, я поведу вас туда...

— Неудобно как-то идти нам в незнакомое место к незнакомым людям. Лучше вы сами сходите узнайте. Скажите ему про нас. Если он согласится, тогда мы пойдем. Музыканты и певцы по природе тонкие, манерные люди. А вдруг ему не понравится наш приход...

Старый чайханщик согласился с ним и, сев верхом на осла, уехал. Вскоре он вернулся в сопровождении незнакомого юноши и сказал:

— Ослов поручите хозяину караван-сарая, хурджуны свои оставьте у меня, а сами идите туда.

Вместе с юношей они отправились в сад. В большом урюковом саду стоял дом с беседкой на плоской крыше. В этой беседке сидело не больше десяти человек. Почтительно сложив руки на груди, они слушали рассказ сидевшего на почетном месте, хорошо одетого белолицего человека с подведенными сурьмой ресницами. Это и был знаменитый певец и музыкант Зебо-пари.

Заметив гостей, Зебо-пари прервал рассказ и поспешил спуститься вниз. Дустмухаммед, который вел за руку своего сынишку, и Исраильджан поспешили к нему навстречу.

Видавшему виды, бывалому Зебо-пари, умевшему с первого взгляда распознавать людей, пришлось по сердцу будущие спутники. Особенно понравился ему Исраильджан. По его виду Зебо-пари заключил, что молодому человеку пришлось немало пережить.

Когда убрали дастархан, певец взял лежавший рядом дутар и, протянув его Исраильджану, сказал:

— Вы только настройте...

С приветливой улыбкой, которая придавала еще большую привлекательность его красивому лицу, Исраильджан осторожно протер струны кончиком чистого платка и тихонько принялся настраивать дутар, извлекая из него столь нежные звуки, что у слушателей дрожь пробежала по телу. Настроив дутар и подтянув струны так, чтобы можно было играть медиатором, он подал инструмент Зебо-пари, почтительно держа обими руками за гриф. Принимая дутар, Зебо-пари заметил:

— Если я не ошибаюсь, вашим учителем был Абдуллахан-хаджи?..

— Да! Я всегда в игре подражаю Абдуллахану-хаджи.

— О! Это большой мастер игры на дутаре, Абдуллахан-хаджи. Едва он начнет настраивать дутар, слушатели приходят в восторг! В Коканде лишь три музыканта, которые могут сравниться с ним. Один из них

Абдуллахан-хаджи, о котором мы только что говорили. Второй — Насыр, простой гончар, изготавливающий глиняные чашки, и третий — мой странствующий друг, скиталец Шадман-хаджи. У каждого из них игра на дутаре — это целый мир. Абдуллахан при игре извлекает звуки не ногтями, а пальцами. Когда он играет свой любимый первый маком «Бузрук», слушатели не могут удержаться от восторженных восклицаний. Гончар Насыр играет быстрее и громче, чем Абдуллахан, его своеобразное искусство в более быстром, стремительном темпе. Особой популярностью в Коканде пользуется его музыка под названием «Сулим». Друг мой Шадман-хаджи человек веселого нрава, но очень бедный, первый, раздражительный. Он страстный, вдохновенный музыкант, ходит всегда босой, с непокрытой головой, словно опьяненный своей волшебной, чарующей музыкой. Это он сочинил баят для литавров — классическую мелодию, которая вошла в третий маком «Дугох». Из молодых музыкантов выделяется Юсуфджан, он первым из узбеков научился играть на чанге¹. Все это искусные мастера. Да, такими музыкантами может гордиться Коканд!

С этими словами Зебо-пари протянул настроенный дутар Иسرائльджану:

— Ну, а теперь вы сами докажете канибадамским друзьям, что вы ученик Абдуллахана-хаджи.

Иسرائльджан с поклоном принял дутар и заиграл мелодию из макама «Бузрук», извлекая из струн исполненные очарования звуки.

Канибадамцы были избранными гостями на проводах: их пригласили как известных любителей музыки. Им хотелось, чтобы Зебо-пари и его спутники погостили еще несколько дней. Но Зебо-пари, знаменитого музыканта, уже поджидали его ходжентские друзья. Они собирались выехать к нему навстречу.

По просьбе Зебо-пари оседлали лошадей. Несколько человек вызвались проводить его до Киссакуза.

¹ Чанг — музыкальный инструмент, подобие цимбал.

Садясь верхом на лошадь, Зебо-пари сказал Дустмухаммеду и Израильджану:

— Не беспокойтесь, друзья! Эта лошадь только до Ходжента. Дальше я тоже поеду на осле. Вы же приезжайте в Киссакуз!.. Там мы встретимся.

Дустмухаммед и Израильджан поспешили в чайхану, погрузили хурджуны на ослов, распрощались с чайханщиком и поспешно двинулись по дороге в Киссакуз.

Вечером вместе с Зебо-пари на арбе поехали в Ходжент. Здесь ждали знаменитого певца. Два дня ходжентские знатоки слушали музыку, а затем проводили Зебо-пари до кишлака Нау.

Ранним утром друзья были уже на пути в Уратюбе... Ослы дружно бежали по ровной дороге. Зебо-пари сокрушался, что забыл взять с собой в дорогу канибадамский дутар.

— И вы тоже выехали из Коканда без дутара,— сказал Израильджану певец.— Непростительный грех для такого молодого музыканта. А я не могу простить себе, что забыл попросить дутар, на котором вы играли в Канибадаме. Чтобы смыть эти грехи, мы достанем в Уратюбе подходящий дутар. Выберем, какой нам понравится, тот и купим! А без дутара нам делать нечего. Я буду играть маком на тамбуре, а вы на дутаре. Да как запоем, сразу сбегутся все, с удовольствием будут слушать и отцы и дети. Путь наш далекий. Придется ехать несколько месяцев по чужим краям, путешествовать через иностранные государства. Предстоят трудности и лишения. Я уже раз прошел пешком весь этот долгий путь. Вы молодые, здоровые люди, выносливые, но с вами малыш. И мы, взрослые, должны беспрекословно подчиняться ему. А поскольку это так, вовсе нет надобности спешить. Проедем немножко. Найдем удобную остановку, сами отдохнем, и ослам дадим хороший отдых, а с рассветом опять двинемся в путь. По-моему, так будет гораздо приятней. В дороге каждый из нас может рассказать о себе, кто он, что пережил за свою жизнь. Тогда и дорога покажется не такой уж длинной.

Помолчав, Зебо-пари продолжал:

— Перед вами сейчас две дороги: первая очень удлиняет путешествие, сначала надо ехать в Самарканд — посетить святыне места, потом в Бухару, пожить там несколько дней, повидаться с друзьями, а затем уж поехать в сторону Афганистана. Другой путь, по берегу реки Заравшан, короче: надо перевалить через Аманкутанский перевал,

ехать вдоль подножия Ургутских гор, пересечь Сурханскую степь и добраться до Термеза. Впрочем, есть смысл ехать через Бухару. У меня там друзья, певцы. Особенно мне хочется повидать певца Леви. Среди евреев он самый лучший артист и музыкант. А вы как думаете?

Исраильджан посмотрел на Дустмухаммеда, и тот заговорил:

— Мой шурин, поэт Мухаммед Аминходжа Мукими, тоже живет в Бухаре с осени прошлого года. А зимой скончалась его сестра Мехриниса, моя жена, мать нашего малыша-спутника. Об этом Мукими ничего не знает. Друзья его собрались, посоветовались между собой и решили не писать ему об этой тяжелой утрате. К тому же, когда Мукими уехал в Бухару, случилась еще большая неприятность — по подстрекательству кляузников казий вынес решение развести Мукими с его женой. Не прошло и месяца, как его отца Мирзаходжу вызвали к казию и показали ему решение передать дом его жене Зиёдебиби. Бедняга Мирзаходжа, мой тесть, лишился всего: и дома и жены — и теперь на старости лет ночует в пекарнях. Несчастье вызывает несчастье. Умер учитель нашего Мукими домулла Халил. И если я разыщу Мукими в Бухаре, то смогу сообщить только одну хорошую весть: у этой дуры, его бывшей жены Ойши, родился сын. Ему дали имя Акбарходжа... По-моему, его бывшая жена по глупости поддалась подстрекательству смутьянов и приложила палец к заявлению о разводе. Думаю, что даже весть о рождении сына не обрадует Мукими. Чему радоваться, если жена развелась с ним?! А вдобавок ко всему Мукими увидит Рузимухаммеда, прижмет его к груди и обязательно спросит меня: «Вы бросили мою сестру Мехринису дома одну, забрали Рузимухаммеда! Зачем? Куда вы едете?!» Что я тогда скажу ему? Разве слезы племянника не откроют ему глаза на тяжкое горе... И совсем не для искупления какого-нибудь тяжкого греха я решил отправиться в хадж. За мной никакой вины нет! Я был водоносом и этим кормил и себя, и семью. А на тронх заработать очень трудно. Еле-еле я сводил концы с концами. В последние годы на базары привозилось все больше фабричных товаров. От этого ремесленникам пришлось туго. Некому было продавать свои изделия. Куда деваться? Многие побросали свое ремесло, пошли искать другую работу. Кто ушел на хлопковые заводы, кто нанялся в работники к баям. И нам, водоносам, в городе сделалось тесно. Стало много и водоносов, и грузчиков, и иных. Все хотели заработать.

Я рассказываю вам только то, что сам пережил. А сколько таких, как я, здоровенных водоносов проливают пот с утра до вечера из-за куска хлеба! А тут еще померла жена, и я остался с сынишкой. Бывало, посажу его на закорки, а сам в полночь подметаю торговые ряды. Как лишился любимой жены, совсем заболел. Спать не могу. Лежу всю ночь, глаз не сомкну! Все мне опостылело, ни на что не глядел бы! А когда увидел, что попечитель имущества медресе Хаджи Мухи, этот негодяй, принялся устраивать всякие штуки, чтобы отомстить Мухими, терпению моему пришел конец. На словах Мухи выставляет себя благочестивым и набожным. Чуть что, начинает толковать: «В шарните, мол, сказано вот так. Надо соблюдать закон». А сам что делает? Втихомолку устраивает всякие пакости! Не поставьте мои слова, учитель, мне в вину! Ехать через Бухару не следует... не надо. Прошу вас, ведите нас не по городам, а по степям и пустыням!

Выслушав водоноса, Зебо-парн решил избрать короткий путь, без заезда в Бухару. После Самарканда они повернули на юг и начали взбираться на Аманкутанский перевал, чтобы через Ургутские горы добраться до Термеза.

Дустмухаммед и Исранльджан до сих пор никуда из Коканда не выезжали и не видали ничего, кроме тесных кокаидских дворников и опостылевших крытых торговых рядов и базарных лавочек. Поэтому друзей восхищало все: и чистый воздух, и журчанье ручьев, и зеленые склоны гор. А Зебо-парн и раньше много путешествовал, но он знал, что помимо красот природы путник сталкивается со многими лишениями. Поэтому не спешил, подолгу останавливался в живописных местах, считая, что следует основательно отдохнуть. Попутчики обычно на привалах собирали хворост, разводили костер и кипятили чай, а Зебо-парн вынимал из футляра тамбур, неторопливо настраивал его и исполнял мелодии из какого-нибудь макама.

Его спутники выгоняли ослов на пастбище, стреноживали их. Сложив из камней очаг и засучив рукава, наскоро готовили какое-нибудь кушанье. Исранльджан делал все ловко и проворно. А Зебо-парн играл и пел макамы. Звуки музыки разносились по горам, и вершины дружным эхом вторили певцу, словно перевознося до небес его высокое мастерство. У Зебо-парн среди ладов на грифе его тамбура был особый «лад Зебо». Звук, извлекаемый из струны на этом последнем ладу, соответствовал самой высокой ноте голоса Зебо-парн, которую мог вытянуть лишь один он.

Иногда, подзвав к себе Израильджана, давал ему купленный в Уратюбе дутар и наслаждался его игрой и песнями.

Выросший в труде и лишениях Дустмухаммед не мог в полной мере оценить высокое искусство. Но и он получал большое удовольствие, слушая прекрасные, словно чистый шелк, мелодии Зебо-парни.

Маленький крепыш Рузимухаммед бегал по берегам ручейков, рвал горную мяту, цветы и преподносил букетики Зебо-парни. Раскрасневшиеся кругленькие щечки малыша, большие, словно спелые вишни, черные глаза, густые ресницы, бойкий детский лепет очень нравились Зебо-парни. Посадив мальчика к себе на осла, он часто рассказывал ему занимательные истории и прочил ему будущее поэта, такого знаменитого, как его дядя Мукими.

Так не спеша они ехали семнадцать дней и добрались до Термеза. С незапамятных времен этот город был местом стоянки торговых караванов. Отдохнув здесь два дня, путники в полночь на третьи сутки сели в лодку и поплыли к афганскому берегу.

Позже наши путешественники перевалили через высокие снежные перевалы Гиндукуша, долго ехали по разоренным войной городам и селениям. И наконец они благополучно доехали до Кабула, где в то время свирепствовала опасная повальная болезнь. Не заезжая в каравансарай, они остановились в доме случайного знакомого — грузчика. В Кабуле пришлось жить целую неделю, пока удалось получить разрешение на въезд в Индию. Дустмухаммед не хотел сидеть без дела. Выпросив у водоносов кожаный бурдюк, он начал разносить воду на кабульском базаре с «богоугодной целью». Однако, желая оказать людям доброе дело, он сам заразился и заболел. Когда они отправились в путь, болезнь его ухудшилась. Вблизи индийской границы в кишлаке Закотсарой на руках друзей бедняга скончался.

Некогда было предаваться горю. Вскоре Зебо-парни и Израильджан с безутешным Рузимухаммедом, так неожиданно лишившимся отца, добрались, претерпев массу лишений и преодолев бесчисленные трудности пути, до Пешавара.

В этом большом многолюдном городе нетрудно было и растеряться. Понадобилось немало дней, чтобы путешественники из далекого Коканда пришли в себя и смогли любоваться красивыми зданиями, улицами и аллеями, вдоль которых росли громадные деревья с макушками,

упиравшимися в самое небо. Особенно их поражало множество прохожих на улицах и базарах. Даже Рузимухаммед немного успокоился и от удивления перестал плакать. Ошеломленный, тарачил он свои круглые глазенки на здания, деревья, улицы и людей в странных, удивительных одеждах.

Путешественники остановились в караван-сараях, сняли чистенькую комнату на три дня. Тут же продали ослов и на эти деньги купили новую одежду.

Маленький Рузимухаммед, чистенький, в новой одежде, немного повеселел, но все же нет-нет он начинал плакать и, всхлипывая, поминать отца, похороненного на чужбине.

На третий день они сели в поезд и поехали в Бомбей. И здесь их поразили многоэтажные дома, старинные постройки, бесчисленные лавки, битком набитые товарами, впрягшиеся в повозке кули, сады, в которых стоял гомон от разноголосого пения птиц.

Денег у путников было мало, и, не пробыв в Бомбее и двух дней, они сели на пароход и отправились дальше. После длительного изнурительного плавания по Индийскому океану и Красному морю они наконец прибыли в город Джедду. Там они заняли номер в гостинице.

Не успели путешественники еще и дух перевести, как кто-то постучал в дверь. Вошел человек в белом костюме и пробковом троническом шлеме. Это был служащий Российского консульства в Джедде. Он вежливо попросил зайти завтра в консульство и зарегистрироваться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТЫ НЕ СИРОТА, РУЗИМУХАММЕД!

Уроженец Саратова Александр Дмитриевич Левицкий получил высшее образование в Лазаревском институте восточных языков; в совершенстве овладел языками иранским, афганским, турецким и арабским. Царское правительство направило его в Тегеран полномочным послом России. Пробыв в Иране несколько лет, Левицкий вернулся в Петербург и женился на скромной образованной двадцатилетней девушке Зинаиде Алексеевне.

Ее мать, Мария Васильевна, учительница, после смерти мужа сама кормила и воспитывала своих маленьких дочерей. Спустя несколько месяцев после женитьбы Левицкий был назначен консулом в Аравию в город Джед-

ду и вместе с молодой женой отправился к месту назначения.

Под консульство в Джедде был отведен большой дом с мезонином. В нижнем этаже находились кабинет, приемная, канцелярия и другие служебные помещения, а наверху поселилась молодая семья. К жизни на чужбине привыкали с трудом, особенно Зинаида Алексеевна. Выросшая на севере, она плохо переносила аравийскую жару. Кроме того, ее угнетало одиночество. Левицкий днем был занят консульскими делами, а Зинаида Алексеевна сидела одна дома.

Город Джедда — древний оживленный порт — издавна являлся портом Мекки и через него проезжали мусульмане многих стран, направляющиеся на поклонение святым местам. Поэтому-то гостиницы и караван-сарай были переполнены паломниками. Служащие Российского консульства регистрировали всех лиц, являвшихся российскими подданными. Да и сами паломники часто разыскивали Российское консульство, обращались за материальной помощью. Многие доносили консула разными просьбами и жалобами. Поэтому у ворот консульства всегда можно было встретить разных людей.

В один из дней в консульство пришли седовласый человек, ведущий за руку мальчика, и юноша. Пожилой человек в чистом белом халате с маленькой чалмой на голове был не кто иной, как Зебо-пари. С ним пришел его спутник по путешествию Израильджан. Десятилетний Рузимухаммед в шелковом халатике, подпоясанный шелковым платком и в ферганской тюбетейке, вышитой желтыми цветочками, был очень наряден. Служащий пригласил наших путников вне очереди пройти за ним в помещение. Когда Зебо-пари, Израильджан и Рузимухаммед вошли в кабинет, Левицкий приветливо поздоровался с ними и, предложив им сесть, начал расспрашивать их на турецком языке о здоровье и делах. Зебо-пари отвечал по-таджикски. Он рассказал о несчастье, которое свалилось на их головы в пути, о Рузимухаммеде и попросил у консула совета.

Пока Зебо-пари говорил, Левицкий задумчиво смотрел на мальчика и гладил его по голове. Затем он встал с кресла и, обращаясь к Зебо-пари и Израильджану, спросил:

— А вы сами как думаете?..

Зебо-пари тоже встал, но Левицкий попросил его говорить сидя. Тогда Зебо-пари сказал:

— Мы еще не пришли к какому-нибудь решению. Как бы ни было тяжело нам везти мальчика с собой в Мекку, мы его возьмем, потому что для нас будет еще труднее оставить его здесь, у чужих, в чужом городе. Мы ведь сами выросли сиротами, были обижены судьбой, в детстве натерпелись горя и мучений... Мы не знаем никого в Джедде, кроме вас, господин, и прибегаем к вам за советом.

Левницкий потрепал Рузимухаммеда по щеке и высказал свое мнение:

— Лучше всего отправить его в Туркестан к матери с надежными людьми, с ферганскими паломниками, которые будут возвращаться на родину...

— Господин консул!— сокрушенно заметил Зебо-пари.— Ведь мать мальчика тоже умерла! Поэтому отец был вынужден взять его с собой!..

Левницкий смотрел на Рузимухаммеда и долго думал. Потом, обращаясь к Зебо-пари, сказал:

— Сегодня к вечеру вы никуда не уходите из гостиницы. К вам придет служащий и отвезет к нам, мы вместе с вами поужинаем и подумаем об этом на досуге.

Поблагодарив консула, Зебо-пари и Исранльджан ушли. Действительно, вечером в коляске приехал из консульства служащий и отвез их к Левницкому.

В этот день Александр Дмитриевич вернулся домой раньше обычного. Подойдя к жене, одиноко сидевшей у окна с вязанием, поцеловал ее в лоб. Рассказал ей про маленького Рузимухаммеда:

— Ты посмотри на этого ребенка! Такой славный мальчик!.. Густые ресницы, черные глаза, большие, красивые, просто прелесть! Этого невинного сиротку, беззащитного малютку надо избавить от скитальческой жизни! Представь на минуту, как он будет теперь вместе с паломниками скитаться по пустыням и каменным степям. Спасти его — наш человеческий долг!.. Он наш соотечественник. Приласкай его, приголубь, согрей его душу материнской лаской!

— Я?.. Но я хочу посмотреть на мальчика. Поедем?

— Сегодня вечером его привезут к нам.

Зинаида Алексеевна поцеловала мужа и выбежала во двор, чтобы распорядиться насчет ужина, и тут же вернулась в комнату.

— Как ты хорошо придумал!— сказала она, закружив в вальсе Александра Дмитриевича.— Ребенка никому не посылай! Я сама буду его воспитывать!

— Конечно, шаг это серьезный...— начал было Александр Дмитриевич.

Но Зинаида Алексеевна уже не слушала его. Она накрывала на стол, расставляла приборы, расспрашивала, кто придет, что гости едят и чего не едят, какие напитки подавать.

Вернулся служащий и доложил, что прибыли с ним гости. Левицкий встретил их у лестницы и пригласил подняться наверх. Когда они вошли в столовую, Левицкий познакомил Зебо-парн и Исраильджана с женой. Зинаида Алексеевна встретила гостей с приветливой улыбкой, усадила их на стулья, а Рузимухаммеда усадила рядом с собой, поцеловала, повела в другую комнату вымыть руки, а потом вместе с ним вернулась в столовую.

Стол был уставлен всякими яствами. Зинаида Алексеевна налила всем чай. Уплетая сласти, Рузимухаммед с добрым любопытством поглядывал на Зинаиду Алексеевну. Рано лишившись матери, мальчик жил без женской ласки и невольно потянулся к такой приветливой и ласковой женщине.

— У нас с вашим мальчиком,— сказала Зинаида Алексеевна,— разговор ведется на языке сердца. Мы уже начали понимать друг друга. Не правда ли, Рузимухаммед? Пойдем на кухню посмотрим... что нам вкусенького приготовили.

Взяв мальчика за руку, Зинаида Алексеевна пошла с ним на кухню. Исраильджан был растроган этим проявлением нежности, и на глазах его выступили слезы. Он многозначительно посмотрел на Зебо-парн, который, переживая смешанное чувство радости и печали, кончиком платка вытирал выступившие на глазах слезинки.

За столом завязалась интересная беседа. Александр Дмитриевич с увлечением говорил о древней культуре народов Востока, о великих мыслителях Саади, Омаре Хайяме, Бедиле, Джами, Фирдоуси, Навои. Великие имена эти Исраильджан воспринимал как имена героев преданий и сказок. Зебо-парн отдал дань восхищения этому молодому русскому человеку, обладавшему такими обширными знаниями. Он не мог найти слов, чтобы выразить ему свою благодарность.

Между тем Рузимухаммед ходил с тетей Зиной из комнаты в комнату, побывал на кухне. Когда его угощали, ел сладости. А потом, приложив обе руки к груди, почтительно кланялся ей, выражая свою благодарность. Зинаиде Алексеевне не нравилось длинное имя «Рузиму-

хаммед», и она называла мальчика просто Мухаммед.

Гостям подали рубленые котлеты с яйцами и русские булочки, которые сама испекла Зинаида Алексеевна. Гостям очень понравилось угощение. После обеда подали чай в стаканах. За чаем Левицкий перешел к основной цели встречи.

— Этот маленький российский подданный, — начал он, — вынужден будет бродить вместе с вами. Вполне понимаю вас: вы взрослые, достойные люди. Но представляйте себе слабенького ребенка, шагающего по раскаленным пескам Аравийского оазиса или трясущегося в седле. Пусть останется здесь, в нашей маленькой семье, под присмотром моей жены. Надеюсь, что вы поддержите мое предложение.

Зебо-пари не раздумывал долго. Он сказал спокойно и сердечно:

— Разрешите поблагодарить вас и вашу уважаемую супругу. Вы отечески вошли в положение сиротки и позаботились о его благополучии! Уверены, что у вас он получит хорошее воспитание, будет учиться и станет просвещенным человеком. А когда наступит час, приедет к себе на родину в Фергану! Мы видим ваше человеколюбие, заботу о ребенке и поэтому с удовлетворением принимаем предложение!..

Гости встали и хотели попрощаться с Рузимухаммедом, утешить его. Зинаида Алексеевна, улыбаясь, пригласила их во внутренние покои. Они увидели Рузимухаммеда, который, утонув в белоснежной мягкой постели, спал, сладко посапывая. Гости, решив попрощаться с ним на следующий день, поблагодарили хозяев и отправились в гостиницу.

На другой день они пришли в консульство. Левицкий прочел им заготовленный документ и отдал его Зебо-пари. Текст этого документа гласил:

«Мы, Зебо-пари и Исраильджан Ибрагим-оглы, свидетествуем, что наш третий спутник Дустмухаммед¹ по дороге умер около Пешавара в Закотсарое. Его малолетнего сына Рузимухаммеда мы привезли с собой в Джедду и сдали русскому консулу Левицкому Александру Дмитриевичу. Деньги, оказавшиеся у отца Рузимухаммеда, как наследство, мы сдали на хранение господину Левицкому.

Зебо-пари, Исраильджан Ибрагим.

1893 года, мая 17 дня, город Джедда».

Вошла Зинаида Алексеевна, ведя за руку Мухаммеда в новом костюмчике. Мальчик бросился обнимать Зебо-пари и Израильджана. Они обняли и поцеловали своего маленького спутника. Затем Зебо-пари задал мальчику вопрос:

— Согласен ли ты остаться у мамы Зинаиды, пока мы не вернемся назад?

— Да, согласен.

— Они тебе понравились?

— Понравились.

— Значит, мы можем ехать? Ладно?

— Ладно! Только приезжайте назад!

— Будем живы-здоровы, обязательно вернемся! До свидания, сынок!

Они обняли Рузимухаммеда и распрощались. Сердечно распрощались гости с Левицким и его женой.

* * *

Ласка Зинаиды Алексеевны не могла подавить тоску Рузимухаммеда по своему отцу, а также по Зебо-пари и Израильджану, к которым очень привык за время долгого путешествия. Мальчик то неотступно смотрел в окно: не идет ли кто по улицам Джедды, то забивался в угол и плакал горькими слезами.

Зинаида Алексеевна терзалась сама, глядя на тоскующего ребенка, но не могла разогнать его тоску. Она сажала Мухаммеда в коляску и везла на прогулку по улицам города, по базару, загородным дорогам.

Прошел месяц, Рузимухаммед привык к Зинаиде Алексеевне, перестал плакать. Он быстро учился говорить по-русски и называл Зинаиду Алексеевну мамой.

У Зинаиды Алексеевны была тайна, которую она некоторое время не раскрывала даже мужу, тайна, усилившая привязанность к ребенку.

Вернувшись как-то домой после прогулки, Зинаида Алексеевна накормила Рузимухаммеда, уложила его спать, а сама села писать письмо.

«Моя милая, любимая мамочка! Дорогая и милая сестрица! В своем предыдущем письме я писала вам, что взяла себе осиротевшего мальчика и усыновила его. Я уже сообщала все подробности о мытарствах, которые ему пришлось пережить. Я так привязалась к этому мальчику, что даже когда он спит, жду не дождусь, когда

он проснется, снжу у изголовья и с томлением смотрю ему в лицо.

Это прелестный ребенок. Глаза у него черные, большие-большие, густые ресницы, волосы черные, как смоль, кудрявые, лицо пухленькое. Этот мальчик стал для меня счастливым предзнаменованием и принес Саше большую радость. В ближайшие месяцы у нас будет двое детей! Я жду ребенка!

Я хочу, чтобы у нас была дочка, но Саша, наоборот, желает мальчика. А по мне все равно, дочь или сын, я живу одной мечтой, чтобы с детьми поскорей уехать отсюда в Петербург. По ночам я долго не сплю, думаю об этом. Хочется поскорей показать своих детей моей любимой мамочке и милой сестренке!

Целую вас обеих!

Ваша Зина.

1893 года, 12 июня, Джедда».

В Джедде установились знойные жаркие дни. Зинаида Алексеевна заболела. Доктор порекомендовал увезти ее из города. Ее и Рузимухаммеда в сопровождении слуги отправили в небольшое селение в горах. Но здоровье Зинаиды Алексеевны ухудшалось. Месяц спустя врачи сочли необходимым вернуть ее в Джедду. Лечение не принесло пользы. Хирургическое вмешательство — тоже.

Александр Дмитриевич совсем потерял голову. Бедняжка Рузимухаммед тяжело переживал болезнь «мамы Зины».

Однажды в полночь, приоткрыв веки, Зинаида Алексеевна увидела мужа, который не спускал с нее глаз, и поднесла свои обессиленные руки к его лицу:

— Прости меня, Саша, и я тебя тоже во всем прощаю... Похоронишь меня. Возьми нашего сына в Россию. Отдай его маме. Прижав его к груди, она ощутит свою Зинаиду. Во имя памяти обо мне береги Мухаммеда.

Александр Дмитриевич не мог сдержать рыданий. Он целовал умирающей руки, вытирал осторожно ей глаза и дрожащими руками тихонько гладил по лицу.

Через два часа, перед самым рассветом, Зинаида Алексеевна скончалась.

Тяжелое горе потрясло Александра Дмитриевича. Рузимухаммед горько плакал: он знал теперь, что все мамы умирают. Молча, уставившись в одну точку, шел он за гробом на кладбище... Дома Александр Дмитриевич обнял его, прижал к груди и со слезами на глазах стал утешать,

но безуспешно. Александр Дмитриевич не оставлял его дома, брал с собой, куда бы ни шел. С нетерпением ждал консул ответ на запрос, посланный в Петербург.

Через полгода в Джедду прибыл вновь назначенный консул.

Сдав дела, Александр Дмитриевич стал готовиться к отъезду в Петербург. Два чемодана были наполнены его одеждой и платьями покойной Зинанды, в третий чемодан уложили вещи Рузимухаммеда. И билеты на пароход были уже готовы, только самый тяжелый груз — груз безысходного горя, словно стопудовый камень, давил сердце Александра Дмитриевича.

Отец и сын пошли на кладбище. Солнце закатилось, а они все еще не в силах были отойти от могилы. Взошла луна и залила кладбище молочным светом. Темнели буквы на мраморной плите, четко вырисовывалось имя Зинанды Алексеевны. Александр Дмитриевич в последний раз наклонился, прикоснулся губами к мрамору. Но холод гладкого камня только усилил горечь разлуки.

Взяв Рузимухаммеда за руку, вышел из ворот кладбища. Он быстро шел по дороге в город, так что маленький Рузимухаммед еле поспевал за ним.

У дома собрались служащие консульства и гости. Александр Дмитриевич извинился, что заставил так долго ждать. Но вообще ему было сейчас не до установившейся традиции — проводов за круглым столом. Посидев немного, он извинился, распрощался со всеми. Утром пароход взял курс к Суэцкому каналу. Прощальные гудки парохода, густые, протяжные, на всю жизнь врезались в память Рузимухаммеда и слились с воспоминанием о его нежной, русоволосой, голубоглазой маме.

Когда пароход причалил в Константинопольском порту, Александр Дмитриевич с Рузимухаммедом пошел к российскому послу в Турции Зиновьеву. Тот хорошо принял своего старого друга и выразил ему свое искреннее соболезнование. Но когда в беседе за завтраком заговорили о Рузимухаммеде, он отрицательно отнесся к тому, что сделал Левницкий, и сказал:

— Будто тебе мало своего горя. Ты взял на себя такую обузу. Что за нужда возить с собой этого мусульманского ребенка?! Подумаешь, какое человеколюбие! Оставь мальчика у меня, а я пошлю его с оказией в подарок родственникам в Тифлис. Голодным не будет.

Рузимухаммед все понял. Он заплакал и прижался к Левницкому. Тот обнял его.

Поезже, когда они плыли на пароходе в Одессу, Рузимухаммед из боязни потерять своего доброго друга плакал.

— Из-за тебя я стал таким же плаксо́й, как и ты, — шутил Александр Дмитриевич. — Когда ты плачешь, мне тоже хочется плакать. Давай не будем. Стыдно плакать смелым джигитам. Мы не сироты, нас ждут объятия родных! Твоя любимая мама умерла, но там есть бабушка и сестра твоей мамы.

Покачав головой, Рузимухаммед проговорил:

— Никого я больше не буду называть мамой! Мамы бросают меня и уходят далеко-далеко!

— Моя мама тоже ушла, когда я был маленьким, и я тогда долго плакал, — сказал печально Левницкий. — Папа тоже ушел. Я так плакал, так плакал и днем и ночью. Я остался сиротой. Нашлись добрые люди, вывели меня на правильный путь, научили любить человека!

Приехали они в Петербург морозной ночью. Одноконный извозчик повез их на санях по улице, усыпанной белым снегом, в сторону Васильевского острова. Приоткрыв воротник меховой шубы, Рузимухаммед с любопытством смотрел на высокие здания, покрытые пушистым снегом, на мосты, освещенные фонарями.

Извозчик остановился возле дома, где жили Макаровы. Больно сжалось сердце Левницкого. Он спрыгнул с извозчика, поднялся по ступенькам крыльца и позвонил. Дверь открыла пожилая женщина в темном платье, а за ней стояла молодая девушка. Молча, без звука подхватили они Александра Дмитриевича под руки и повели в комнату. За ним бежал Рузимухаммед. А снять чемоданы с санок совсем забыли. Подождав немного, извозчик постучал в дверь и внес багаж в коридор.

Рузимухаммед озирался по сторонам. На стенах висели картины, портреты. Среди них мальчик увидел портрет красивой девушки в рамке, обвитой черной лентой. Рузимухаммед смотрел на нее, не спуская глаз. И вдруг тихо-тихо сказал:

— Мама!

Это была фотография Зинаиды Алексеевны Макаровой, снимавшейся еще в пору девичества.

Все взглянули на мальчика и принялись ласкать его.

В Петербурге Александр Дмитриевич прожил две недели. Решив покончить с работой в дипломатическом ведомстве, он просил освободить его от службы за грани-

цей. Его просьба была удовлетворена. Тем временем он списался с Институтом восточных языков, где в свое время учился и успешно окончил курс. Получив оттуда ответ, решил ехать в Москву.

Накануне отъезда, вечером, поговорил с тещей и свояченицей о Рузимухаммеде. Брать ли ему мальчика с собой или оставить на попечении Марии Васильевны.

— Если, Александр Дмитриевич, ты хочешь сделать мне приятное, ты не увезешь мальчика с собой,— сказала теща.— Для меня он радость и утеха. Смотрю на него, а мне кажется, будто я вижу тебя с Зиной! Вбежит Мухаммед в комнату, а я уже слышу на пороге шаги нашей Зины. Словно она тут, в квартире. Нет, мы не отдадим мальчика. Он для нас не помеха. Поезжай спокойно, Саша! Пиши нам почаще!

Александр Дмитриевич колебался. Но в конце концов признал, что лучше его оставить в Петербурге.

В Москве Левицкий получил как знаток языков место в Восточном институте. Он всегда помнил Рузимухаммеда, посылал деньги теще и просил писать о нем. Но все же у него нет-нет да начинало ныть сердце, и он жалел, что не взял мальчика с собой. Однажды он рассказал о Рузимухаммеде своему другу Саиду Джаффару — преподавателю персидского языка в институте.

— Меня очень тревожит его будущее,— сказал Левицкий,— посоветуйте, как быть?

Сайд Джаффар посоветовал привезти Рузимухаммеда в Москву, дать ему хорошее образование.

Левицкий решил при первой возможности привезти Рузимухаммеда в Москву. Он сейчас же написал Марии Васильевне письмо, в котором изложил свои соображения насчет Рузимухаммеда и просил ее согласия.

Целый год прожил Рузимухаммед в Петербурге в семье Макаровых. Обе женщины привязались к мальчику, но возражать не могли, так как речь шла о его будущем. Немного спустя Левицкий приехал в Петербург. Усадив мальчика рядом с собой, он повел с ним разговор, как со взрослым:

— Мой дорогой Мухаммед! Целый год я тебя не видел. Очень рад, что ты вырос, поумнел, что сам уже читаешь книжки. Как бы порадовалась твоя мама Зинаида Алексеевна!— Левицкий посмотрел долгим взглядом на портрет покойной жены.— А теперь пришло время ехать со мной в Москву, там ты будешь жить и учиться.

Ничего не сказал Рузимухаммед. Он сидел, опустив

голову, и молча слушал. Только когда Мария Васильевна, пряча слезы, подтвердила: «Да, да, мой мальчик!», он обнял Левицкого и чуть слышным голосом прошептал: — Ладно! Поеду!..

Немало было пролито слез в дни перед отъездом Левицкого и Рузимухаммеда в семье Макаровых. Мать и дочь поехали провожать их на вокзал. И долго, очень долго они — Мария Васильевна и Мария Алексеевна — стояли на опустевшем перроне и смотрели вслед уходившему поезду.

В Москве Левицкий занялся устройством Рузимухаммеда, Саид Джаффар дал совет:

— Вы живете по-холостяцки, Александр Дмитриевич, и вам некогда будет смотреть за мальчиком. За ним нужен уход. Вы целый день в институте, а на прислугу положиться нельзя. Мне кажется, надо определить Рузимухаммеда в хорошую семью. Я кое-что придумал и принял меры, чтобы устроить его. Завтра утром мы пойдем вместе с вами завтракать к одному человеку!

На другой день Джаффар повез Левицкого и Рузимухаммеда к своему другу Ерзину, жившему на Татарской улице.

Мухаммед Салих-оглы Ерзин родился в семье бедняка в деревне Аджи Тамбовской губернии. С малых лет он был пастухом, пас чужое стадо, а когда подрос, ушел в Москву учиться какому-нибудь ремеслу.

Представитель кокандских коммерсантов в Москве Ибрагимджанбай взял к себе Мухаммеда Салиха Ерзина чернорабочим. Но Салих оказался очень любознательным и толковым парнем. Он изучал счетоводство и бухгалтерское дело и постепенно вошел в доверие к Ибрагимджанбаю, который в конце концов возложил на него ведение всей оптовой торговли, а сам в Москве стал бывать наездами.

Так прошло много лет. Торговые дела Ибрагимджанбая в Коканде так запутались, что он бежал от кредиторов в Турцию. Ерзин занял его место — торгового представителя кокандских баев в Москве.

Все это Ерзин рассказал Левицкому за завтраком. Услышав слово «Коканд», Рузимухаммед наострил уши. Слово зазвучало как-то особо и показалось ему таким приятным. Заметив это, Ерзин сказал мальчику:

— Я иногда езжу в Коканд. Если хочешь, и тебя повезу туда. Но только с условием: ты должен стать мне сыном! У меня девять детей, ты будешь десятым. Будешь

учиться в гимназии, потом поступишь в институт! Судя по документам, ты, оказывается, родной племянник Мухаммеда Аминходжи Мукими — известного кокандского поэта. Я хорошо знаю его стихи! Так вот, сынок, договорились.

Ерзин позвал своих сыновей и дочерей и познакомил с ними Рузимухаммеда. Дети окружили Рузимухаммеда и повели в свои комнаты.

Левицкий поблагодарил Ерзина, вручил ему кошелечек, в котором лежали «сбережения», оставшиеся от Дустмухаммеда, а затем попрощался с домуллою Джаффаром и вышел из дома.

Шли годы. Жена Ерзина Айнульхаёт относилась к Рузимухаммеду по-матерински.

Окончив гимназию, Рузимухаммед с помощью Джаффара поступил на подготовительные курсы при Институте восточных языков, а затем был принят в Институт восточных языков.

Вскоре Александр Дмитриевич Левицкий оставил по болезни работу в институте и уехал в Саратов, где прожил несколько лет. Умер он от тяжелой болезни, когда ему было всего сорок лет от роду.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БУХАРСКИЕ МЫТАРСТВА

Узенькие, кривые, длинные-предлинные улицы Бухары, по двум сторонам которых тянулись глиняные стены домов и дувалы, были всегда многолюдны и пестры. Воспитанники медресе в длинных рубахах, сшитых мешком, с узеньким воротничком, с чалмой из лоснящейся шелковой материи, с книгами под мышкой, спешили на занятия к своим мударрисам. Посередине дороги под тяжестью хурджунов и мешков с трудом пробирались ослы, следом за ними рысцой бежали бедняки и дехкане в порванных халатах, с намотанными на голове красными чалмами, свободные концы которых болтались, спускаясь до самых плеч. Со скрипом, стуком катили арбы с огромными колесами, и арбакеши осыпали дехкан градом ругательств, а там, где было особенно тесно, кое-кто пускал в ход кулаки, и поднимались крик и вопли. А тут еще эмирские чиновники и гонцы, а также крупные коммерсанты, важно развалившись в пролетках, катили по узеньким улицам даже без предупредительного окрика «пошт! пошт!»— «берегись! посторонись!»А

бедняки, верноподданные эмира, отскочив в сторону и прижавшись к стене, стояли, безропотно ожидая, пока не проседут владыки мира.

Какой-то вельможа ехал в богатой коляске. На пути его застрял с арбой жалкий, согбенный старичок, видимо, кишлачный житель. Колесо его арбы нечаянно зацепило крыло фаэтона. Рассвирепевший седок выхватил из рук кучера нагайку и, встав во весь рост, принялся колотить беднягу рукояткой по лицу, голове, глазам. Вокруг собралась толпа. В толпе был и слушатель медресе Мир Араб Мухаммед Аминходжа Мукими. Он очень спешил, но пройти не было никакой возможности. Мукими видел, как били старого крестьянина, слышал вопли бедняги, жалел его, но вынужден был молчать, как молчали и все остальные зрители. Но долго потом поэт не мог забыть полный отчаяния и боли взгляд несчастного, беспомощного арбакеша.

В том году, когда Мукими приехал в Бухару, ему пришлось много побегать по городу, помучиться, прежде чем удалось устроиться в медресе, найти себе пристанище, подыскать мударриса — преподавателя, который согласился бы обучать его языкам. Сложно было обзавестись в чужом городе друзьями и в первую очередь товарищем по жилью и сотрапезником, образованным, чутким, отзывчивым, который был бы ему по душе, чтобы можно было поделиться с ним горестями и печалью, поговорить о поэзии, о поэтах. Мукими познакомили с очень знающим, хорошо осведомленным в вопросах поэзии муллой Таджибаем Норхолик-оглы.

Сам родом из Коканда, Таджибай давно переехал в Бухару. Жил он в маленькой худжре при медресе. Веселый, бесхитростный, простодушный, повидавший свет, бывалый молодой человек пришелся по душе Мукими. Таджибай, как и отец его, был мастером починщиком разбитой фарфоровой и стеклянной посуды.

Неуравновешенный, легко увлекающийся, Таджибай по характеру был прямой противоположностью Мукими. Но его готовность услужить, гостеприимство нравились Мукими. Вдобавок ко всему у Таджибая под котлом всегда горел огонь. То он поджаривал в сале мясо, то тушил лук и морковь для плова, то варил шурпу, а в очаге на углях постоянно стоял чайник с зеленым чаем.

Чистую худжру, кувшинчик с топленым салом, мешок риса люди, учившиеся в медресе Бухары, почитали большим богатством. В худжре Таджибая на стене висели

разные музыкальные инструменты, на которых он умел бойко играть. Хотя он и жил в медресе, к учению и науке не имел никакого касательства. Каждый день, разложив нехитрый инструмент своей мастерской на одном из многолюдных перекрестков Бухары, он склеивал и скреплял разбитые пиалы, чашки, чайники. А вечерами, взяв под мышку бубен, отправлялся искать дом, где устраивали свадьбу или другое торжество с угощением, и играл там, как умел. Вернувшись в худжру, делился с Мукими своей «добычей».

Порой это выводило Мукими из себя. Зачем нужно Таджикибау таскаться по свадьбам, по семейным праздникам, играть на бубне?

Хотелось Мукими поднять товарища по худжре на смех, задеть его так, чтобы проняло, но становилось жалко. И он старался уговорить его отказаться от этой привычки. Но слова Мукими не действовали на Таджикибау.

Мукими целыми днями занимался — был среди слушателей медресе или читал книги, а в худжру приходил только за тем, чтобы поесть и лечь спать.

Преподавателем у Мукими был известный мударрис каттакурганец мулла Халмухаммед-ахунд. Он был талантливым поэтом, но скрывал свои стихи от окружающих. Втайне он благосклонно относился к ученикам, имевшим поэтический талант, но боялся открыто выражать любовь к ним. В свою очередь и Мукими тоже скрывал от своего мударриса, что он поэт.

Однажды мударрис любезно предложил Мукими погостить у него в доме.

Халмухаммед-ахунд приехал в Бухару из Каттакургана. Проучившись здесь много лет и сделавшись образованным человеком, он заслужил почет и уважение. Это дало ему возможность по окончании медресе жениться на дочери своего учителя. После смерти тестя оказался владельцем большого дома. С течением времени он был признан одним из передовых мударрисов в Бухаре.

Семья, в которую Халмухаммед-ахунд был принят зятем, славилась своим умением искусно вышивать золотом. Женщины-золотошвей расшивали золотом материю и готовую одежду, от продажи которой Халмухаммед-ахунд получал большой доход.

— Я доволен своей жизнью, — говорил Халмухаммед, — но у меня есть дочь — Нозик.¹ Имя это вполне со-

¹ Нозик — нежная, изящная.

ответствует ее приятной наружности. Я очень люблю Нозик и хотел, чтобы она нашла свое счастье.

Когда было покончено с угощением и убрали дастархан, Халмухаммед-ахунд достал из обитого цветной медью сундука папку, потемневшую от времени, и, подав ее Мукими, сказал:

— О легкомыслие, ваш покорный слуга в юные годы откликнулся на призыв изучить искусство водолаза, чтобы стать искателем жемчуга в море поэзии. Это был зов сердца. В этой папке как результат того легкомыслия вместо жемчуга хранятся черепки обожженной глины. Все это плоды моего труда. Я хочу показать их только вам.

Поблагодарив учителя за доверие, Мукими раскрыл папку и, едва бросив взгляд на узбекские и таджикские мухаммасы, написанные каламом, прикусил губу от удивления. Эти мухаммасы с большим искусством были написаны на газели Навои и Хафиза, тесно увязывались с произведениями великих поэтов и притягивали к себе волшебной силой, пленяя читателя своей прелестью. С трудом оторвавшись от папки, Мукими посмотрел на Халмухаммеда-ахунда и с улыбкой сказал:

— Если ваше юношеское легкомыслие, домолла, достигло совершенства, тогда что же может сказать ваш покорный слуга с зависти, которую вызывают ваши стихи!

— Если вы, Мухаммед Аминходжа, будете говорить, что мне цены нет, станете приумножать достоинство моих стихов, я сейчас же откажусь от должности мударриса и кинусь в погоню за поэтическим легкомыслием.

— Раз уж вы в годы юности сочиняли такие мухаммасы, которые не под силу даже крупным стихотворцам, претендующим на высокое поэтическое мастерство, то что же остается делать нам, молодым, которые стремятся к наукам, к знанию? Пусть теперь молодые плетутся вслед «легкомысленным» и пытаются сравниться с вашим мастерством.

Нужно ли говорить, что между учителем и учеником установились сердечные отношения. Мукими часто навещал Халмухаммеда-ахунда в его доме. Они усаживались в михманхане, читали вслух стихи. С течением времени Халмухаммед-ахунд стал давать Мукими поручения в пределах дозволенного приличием: просил купить что-нибудь на базаре, выполнить какую-нибудь домашнюю работу. Мукими свободно приходил и уходил, когда ему хотелось. В первые дни дочь мударриса Нозик, появляясь

в михманхане, прикрывала лицо рукавом. Разостлав дастархан и поставив на него поднос с лепешками, пиалами, чайник чая, она быстро ускользала во внутренний двор.

Позднее девушка перестала избегать Муками, появлялась с открытым лицом. Дело в том, что Халмухаммеду-ахунду нужен был такой зять, как Муками, воспитанный, привлекательный, благоразумный. Поэтому он счел вполне допустимым показывать ему дочь без чачвана.

Нозик была красивой, изящной девушкой. Тонкие брови, черные насурмленные ресницы, чуть прищуренные глаза, розовые губки бутоном, тонкий нос с горбинкой, зубы-жемчужинки — вся она заслуживала поэтического воспевания.

С первой встречи прелестная девушка захватила воображение Муками. Поэту очень хотелось взяться за перо и в грезах умчаться ввысь на крыльях любви. Хотя события недавнего прошлого вынуждали его отказаться от этого опасного полета. Он не желал вновь обзаводиться семьей. И предпочитал семейному уюту темную голубятню при медресе: так он называл свою худжру.

Писать стихотворения о красоте Нозик он считал весьма щекотливым делом, и ему не хотелось браться за эту тему. Но однажды, восхищенный красавицей Нозик, он не мог удержаться от соблазна и написал газель:

Соловей, твои губы припомнив,
 рассыпал стенанья, Нозик.
Но, как розы бутон, прячут губы
 улыбки сиянье, Нозик.
Муравьиный свой стан,
 что подобен ростку кипариса,
Скрой от взглядов чужих, да не сглазит
 ничье созерцанье, Нозик.
В цветнике красоты — много роз,
 но лишь ты — цвет Адамова дерева,
И пушковые щечки и губы
 нежны, как свиданье, Нозик.
Муками — объясниться в любви
 неизбывным считает стремленьем,
Только где же возможный исход,
 как достигнуть желанья, Нозик?

Стихи были бескорыстным выражением целомудренных чувств поэта. Нозик поразила его, но он не был

влюблен в нее и вовсе не собирался жениться, решив посвятить жизнь свою до конца дней творчеству, поэзии.

Выражаясь языком поэтов, «оттачивать перо» — это значит «воспевать красоту». Однако Нозик, которой удалось прочесть стихотворение Мукими, подумала: «Значит, кокандский поэт любит меня». Вечером, лежа в постели, девушка перечитывала это стихотворение и так и уснула, прижав его к груди.

А утром, болтая с соседками, своими подружками, она похвасталась и прочла им стихи Мукими.

«Быть красивой — значит быть несчастной», — так говорили про девушек, живших в Бухаре. Справедливо считалось, что красота приносит девушкам только горе и страдания. Ибо стоило только узнать коварным старухам-ясуманам в эмирском дворце про то, что в какой-то махалле подросла красавица, как ее сейчас же заносили в «список кениз» — служанок для эмирского гарема. И с того момента девушка лишалась всяких прав. Ее нельзя было выдать замуж, она не имела права любить и быть любимой.

Бедняжка Нозик тоже оказалась одной из несчастных, попавших в список «кениз», но об этом еще ничего не знала ни она, ни ее отец. Стихотворение Мукими у нее выкрали и доставили эмиру.

Эмир усмотрел в поступке поэта посягательство на свои права и приказал бросить его в зиндан. Когда весть о поведении эмира дошла до слуха Халмухаммеда-ахунда, он понял, что дочь его Нозик попала в список несчастных «кениз». Старик ужаснулся. И было отчего: его единственная дочь была обречена по воле судьбы влачить жалкое существование наложницы эмира.

В полночь он пришел крадучись в медресе Мир Араб, постучал в дверь худжры.

— Сегодня же ночью, Мухаммед Аминходжа, — сказал он, — и не позднее вы должны бежать. Иначе вас бросят в зиндан! Не теряйте времени! Прощайте!

Он поклонился и пошел к двери.

Мукими преградил ему дорогу:

— Вы думаете только обо мне, учитель, хотите избавить меня от тюрьмы! А я не могу оставить вас здесь. Без вас я никуда не поеду! Будет лучше, если возьмете с собой Нозик и мы убежим из Бухары вместе!

Халмухаммед-ахунд растерялся. Он стоял, бессильно уронив руки, не в силах двинуться с места.

— Я человек старый, — прошептал он чуть слышно, —

как я могу в таком возрасте да еще с дочерью спастись бегством? Это ведь нелегкое дело! Вы должны подумать о себе, спасти себя! А мы уж увидим, какую судьбу пошлет нам аллах! Пусть будет что будет!

— Нет!— сказал Мукими, покачав головой.— Не ссылайтесь на судьбу, на волю бога, не бросайте в пекло свою дочь, учитель! Бежим вместе! Может быть, нам удастся избавить Нозик от этой беды. Не тратьте времени зря, собирайтесь в дорогу!

Слышавший весь этот разговор Таджибай уже поспешно укладывал в хурджун пожитки. Вмешавшись в разговор, он поддержал Мукими:

— Если до рассвета мы не сумеем выбраться из города, если не убежим в степь, ну тогда все пропало! У меня на всякий случай уже приготовлено кое-что. Это «кое-что» спасет нам жизнь, всем четверым!

С этими словами Таджибай вынул из сундука старушечий парик из седых волос и искусственную седую бороду и показал Халмухаммеду-ахунду, а затем сказал:

— Надо уходить! Мы будем ждать вас в городе Керки, потом переправимся на другой берег Амударьи в Афганистан.

Взяв дрожащими руками узелок с завязанными в нем париком и бородой, Халмухаммед-ахунд быстро вышел. Стоявший среди худжры Мукими посмотрел на Таджибая, укладывающего вещи, спросил:

— А почему не в Фергану?

— Прямо в Фергану нельзя. Тогда мы и до Самарканды не доберемся, наверняка попадем им в руки! Всем ведь известно, что вы ферганец. Ну и кинутся в погоню по самаркандской дороге. Ну пошли!

— Вы только объясните, куда идти, а сами оставайтесь, друг. Вам незачем терпеть лишения со мной, несчастным. Я сам найду дорогу.

— Что вы говорите? Я жил в Бухаре только из-за вас, а не то давно уехал бы. Не в моих правилах жить долго на одном месте. Я ведь непоседа, ветреный человек — привык бродить по свету. Мой доход — конфеты, сушеные фрукты, мелкие монетки — все, что высыплют гости на головы жениха и невесты на свадьбах. Я ремесленник, могу работать, обошел пешком все страны Востока и нигде нужды не знал. Было бы только здоровье. А вы еще говорите, чтоб я остался. Как же, ждите! Так вот и пустил я вас одного! Вы поэт, человек образованный, простодушный, ничего не сумеете достать в дороге. С голоду помрет

Тут же Таджибай прилепил к своему подбородку длинную седую бороду, а другую бороду, черную с проседью, приклеил к лицу Муками. Каждый перекинул через плечо хурджун с вещами. Таджибай сунул под мышку бубен. Закрыв дверь худжры на замок, они отправились в дальний путь.

Была полночь. Редкие прохожие не обращали внимания на двух жалких нищих — отца и сына.

Прождав до рассвета под сводами главного входа в мечеть, которая находилась в безлюдной улице, «сын» повел своего «слепого отца-нищего», а тот ударил в бубен и запел, прося милостыню.

Так они, никем не задержанные, прошли по улицам и вышли из городских ворот. Оставив в стороне большую проезжую дорогу, путники пошли по извилистой тропинке и добрались до кишлака, где попросили милостыню, передохнули и потом двинулись дальше. Целый день брели они по степи. Очень устали и остановились отдохнуть у холма. Взяв с собой бурдючок, Таджибай пошел на поиски воды.

Усталый, озабоченный, в тревожных думах Муками взобрался на вершину холма и смотрел в сторону Бухары. В его воображении чередой проходили наводившие гнетущую тоску картины древнего города, построенного из кирпича и глины; горожане, несчастные подданные эмира, горемыки с изможденными лицами, словно тени, скользили среди темных лачуг. От хаузов с застойной водой, подернутой зеленой плесенью, подымались нездоровые испарения. Над головами людей сверкали лезвия сабель палачей. В когтистых лапах безжалостного хищника беспомощно билась невинные узницы гарема — красавица Нозик и сотни других, попавших в список «кениз».

Поэт вздрогнул, широко открыл глаза и снова бросил взгляд на Бухару. Словно чудовищная голова страшного дракона, выслась вдали верхушка Минарета Смерти, окутанная клубами желтовато-серого дыма, которые медленно плыли в насыщенном влагою воздухе, то скрывая минарет непроницаемой завесой, то рассеиваясь и устремляясь к небесам, равнодушным к отчаянным, раздрающим душу воплям угнетенного народа.

Медленно спустился по склону холма Муками.

Тем временем Таджибай успел сходить к пастухам, к степному колодезю, принес воды и вскипятил чай в кумгане. Вода была соленая и не вкусная.

— Посмотрим, что еще свалится на нашу голову,—

бормотал Таджикибай.— Спасибо, что нашлась хоть такая вода. Не так ли, Мукими?

— Это не вода!

— Правильно говорите! Ее и пастухи, обреченные вечно мучиться от жажды, водой не называют, а говорят: «Это влага жизни». Каждый глоток этой влаги дарует им жизнь! Вот как живут эти несчастные! Они терпят муки голода и томятся от жажды и только для того, чтобы готовить шашлык эмиру Бухары, который пирует, предаваясь наслаждениям! Ну, теперь двинемся дальше.

Днем, когда сильно припекало солнце, они останавливались на отдых в кишлаках, в убогих дехканских мазанках. Таджикибай тотчас же пускал в ход свои таланты: то играл в бубен, собирая вокруг себя босоногих парней и ребятишек, то чинил разбитые пиалы, скрепляя их металлическими скобочками. Дехкане выносили из домов кто лепешку, кто айран.

Переночевав, путешественники поднимались на рассвете и вновь отправлялись в путь. Так добрались они до Керки. Здесь в караван-сараях стали поджидать Халмухаммеда-ахунда и его дочь. Прошло четыре дня, но о них не было ни слуху ни духу. «Уж не попались ли они в руки эмирских прислужников»,— думал с тревогой Мукими. Видя, что он очень волнуется, Таджикибай сказал:

— Если мы будем дольше ждать, сами попадемся. Давайте лучше перейдем границу.

Вскоре они очутились в Афганистане.

— Вот, дорогой поэт! Будьте спокойны, теперь и бороды чужие не нужны. Пусть теперь шпионы эмира попробуют догнать нас! Думаете, поймают? Как бы не так! Раз уж вы пошли со мной, значит, теперь тоже будете путешественником. Отправимся в Кабул. Там на базаре я займусь своим ремеслом, подзаработаю, накупим съестных припасов в дорогу, а потом — воля ваша — куда хотите! Хотите — в Индию, хотите — по горам, хотя это очень трудный путь в Фергану. Придется ехать через горный Бадахшан в Алайскую долину, а оттуда спустимся прямо в Ош. Придется купить сильных ослов, которые могут карабкаться по скалам.

Таджибай с его находчивостью восхищал Мукими. И в самом деле, если бы не Таджикибай, разве смог Мукими так легко спастись от бухарского эмира.

В Кабуле они пробыли недолго. Мукими затосковал по родине и решительно отказался ехать в Индию. Ку-

пили двух ослов и отправились в дорогу. Путешествие по труднопроходимым горам измучило Муками, но желание скорее вернуться в родную Фергану придавало ему силу и бодрость. Они ехали по извилистым горным тропам, среди высоких скал, преодолевая крутые подъемы и спуски. В небольших таджикских кишлаках, раскинувшихся по берегам бурной реки, Таджибай играл на бубне и пел песни. Его мастерство очень пригодилось: в горных селениях много битой посуды, а починяльщик является здесь чуть ли не раз в десять лет.

На двенадцатый день, перевалив через Бадахшанские горы, они спустились в Алайскую долину и поехали по обширным и цветущим пастбищам. Здесь особенно славится местечко Сарыкташ. Киргизы называют его по-своему — Сарытас. Если от Сарыкташа свернуть налево — попадешь в Кашгар, а если ехать прямо — то приедешь в город Ош.

Муками и Таджибай пробыли в Сарыкташе два дня и две ночи. Побывав в гостях у местных киргизов, они поехали вдоль берега реки Бурдава и, перевалив через хребет, путники попали в высокогорную долину. Отсюда им надо было преодолеть еще два перевала — Кызылкиндик и Каракиндик — и переправиться через две бурные речки.

Через них можно переходить вброд только на рассвете. По мере нагревания воздуха в летние дни усиливается таяние снегов в высоких горах. В жаркий полдень реки переполняются водой, и тогда уже невозможно переправиться на другой берег не только вброд, но даже вплавь.

Когда Муками и Таджибай спустились в Алайскую долину, они повеселели, вздохнули полной грудью, наслаждаясь на приволье великолепным зрелищем величественных хребтов, снежных вершин и цветущих долин. Спустившись к берегу реки, черпали пригоршнями и с удовольствием пили кристально прозрачную холодную воду. Путь их шел по берегу шумной горной речки, в которой с грохотом перекатывались большие камни. Веселый Таджибай, сидя верхом на осле, вновь и вновь принимался играть в бубен и распевал частушки. Муками подпевал ему.

Перевалы Сарыкташ и Демак остались позади. За ними пришлось долго взбираться на перевал Товлик. Перевалив через него, они спустились в зеленую долину, в «царство» бесчисленных горных потоков и ручьев, пенив-

шихся, словно кипящее молоко. Склоны гор были покрыты зарослями арчи.

Когда они подъехали к белым юртам, разбросанным среди киргизского пастбища, по которому бродили стада овец и бегали вприпрыжку ягнята, Мукими показалось, будто он вновь родился на свет. Два года жизни в Бухаре, полной невзгод и лишений, горе и печаль, лежавшие тяжелым камнем на сердце, исчезли, словно смытые горным потоком. Он увидел себя в другом мире, на широком раздолье, где все, казалось, смотрело на него с улыбкой.

На стоянках, стреножив ослов и пустив их в арчовые заросли, Таджибай бил в свой бубен и пел. Заслышав музыку и пение, возле него собирались киргизские парни и девушки. Когда Таджибай забывал слово в песне, стоявший рядом Мукими подсказывал ему, а иногда и сам пел вместе с Таджибаем.

Круглолицые, краснощекие девушки с раскосыми глазами и тонкими бровями подносили им в деревянных чашках кумыс-айран и просили спеть еще что-нибудь. Их отцы приглашали узбекских гостей в юрты. Хозяйки расстилали для них скатерти, приносили мясо, кумыс, баурсаки¹. После чего Таджибай предоставлял Мукими возможность отдохнуть, а сам раскладывал свою нехитрую «мастерскую». Его со всех сторон окружали старухи, ребятишки, а из юрт спешили девушки, неся в руках разбитую посуду. Хурджуи Таджибая наполнялся кусками баранины, баурсаками и курт². Пока Таджибай работал, поэт прогуливался в арчовых зарослях и что-то записывал на листочках бумаги. Затем, выпрямившись, смотрел вдаль и опять принимался писать.

«Далеко позади осталось Бухарское ханство, за высокими горами, за большими многоводными бурными реками. Мы теперь у порога прекрасной Ферганы, в преддверии замечательного города Ош! Перевалив через горные хребты, вершины которых упираются в небо, мы спешили вперед, словно быстрые речные струи. Погостив в юртах гостеприимных киргизов, хозяев этой обширной цветущей долины, мы завтра опять отправляемся в путь. Сколько здесь киргизских красавиц, таких же изящных, прелестных, как и бухарская девушка Нозик! Они не знают, что такое гарем, и никогда не попадут в список

¹ *Баурсак* — поджаренные в масле кусочки крутого теста.

² *Курт* — засушенный в форме шариков творог.

«кениз». Здесь нет толстых кирпичных стен, которые могли бы спрятать их радостные лица от солнца. Они свободны, словно горные козы, и кристально чисты, как горный воздух!

Как в Коканде, так и в Бухаре, народ живет в тесных душных дворах, огороженных глиняными дувалами, дышит затхлым, спертым воздухом, постоянно испытывая чувство гнетущей тоски и тревоги. Ввергнутые в пучину бедствий и страданий, люди задыхаются от коварных интриг и козней, тайных злых умыслов и хитростей, зависти и злобы. Нежные, изящные Нозик есть и в Бухаре, и в Коканде. Но судьба кокандских красавиц мало чем отличается от судьбы бухарских чаровниц. Однако я хочу сказать, что сравнивать Коканд с Бухарским ханством никак нельзя! В Коканде занимается новая заря. В Коканд уже проникло новое просвещение. В кокандском небе веет новый свежий весенний ветерок. Высоко парят в небе поэзии новые ласточки, предвестники светлого будущего!

Я очень соскучился по своим друзьям, и друзья мои, думаю, тоже ждут меня с нетерпением. Встречи поэтов, замечательные поэтические состязания, избранный круг поэтов, певцов и музыкантов, должно быть, ждут в Коканде своего Муками!»

На рассвете, оседлав ослов, друзья двинулись дальше. Долины становились все живописнее. На южных склонах цвели тюльпаны, на северных — все еще лежал снег.

Целую неделю друзья ехали по Товликской долине и наконец сделали остановку в Суфикургане, в большом разноплеменном кишлаке. Здесь торговали узбекские лавочники и мясники, в столовых и пекарнях были уйгурские повара и пекари, киргизы продавали кумыс. Суфикурганцы жили за счет купцов и погонщиков верблюдов, водивших торговые караваны с товарами от города Ош до Горного Бадахшана, а также в Кашгар и обратно. Кишлак был окружен зеленым ковром из пахучего чабреца, душицы и трилистника. В Суфикургане над арыками высились чайханы и опиекурильни, хозяевами которых были узбекские дервиши.

Наши друзья переночевали в Суфикургане, а наутро Таджики разложил на базарчике оборудование своей посудной «мастерской» и принялся за работу. Само собой разумеется, что на такой бойкой стоянке торговых караванов было сколько угодно работы. Хозяева столо-

вых-чайхан и курилен несли мастеру чашки, блюда, чайники, пиалы, платили, не торгуясь, да еще благодарили. Действуя быстро и ловко, Таджибай заработал много денег. Вечером он начал строить обширные планы:

— Отсюда заедем в Гульчу и там задержимся. Гульча — очень большая стоянка караванов. Я ездил когда-то по этой дороге с отцом. Тогда я был еще совсем маленьким. Видать, с тех пор накопилось очень много поломанной посуды.

Мукими покачал головой и заметил:

— Пока вы будете чинить в Гульче скопившуюся посуду, я боюсь, у меня терпение лопнет. Было бы разумно поскорее добраться до Оша!

— У нас в хурджунах столько курта и баурсаков, что с таким запасом мы можем доехать до самого Коканда. На этот счет беспокоиться нечего. Но как мы явимся в Коканд в таких лохмотьях? Надо обновить одежду. А деньги мы раздобудем в Гульче. Столько терпели, уж как-нибудь потерпите еще три дня...

— Терпение выдуманно только для меня, ничтожного, — недовольно заметил Мукими. — Если у меня хватило терпения жить с вами в тесной бухарской худжре два года, то терпения теперь у меня хватит и на все. А что? Разве черенки, чтоб им пропасть, не ждут вас также и в Оше?

— Возможно, что в Оше много битой-перебитой посуды. Но там на каждую разбитую чашку или пиалу приходится по одному мастеру. И стоит только хозяйке разбить пиалушку, как мастер уже тут как тут. А сюда мастера не добираются. Кто это потащится в Гульчу через горные перевалы? Да еще ведь Ош — большой город, там очень много и лавок, и магазинов с новенькой посудой.

— Ладно, я не в силах подыскать что-нибудь в ответ, чтоб опровергнуть ваши доводы. Но давайте лучше останемся здесь. Я согласен ждать вас один день!

— Что такое один день, что такое два дня? Слух о том, что сюда приехал мастер, починщик посуды, еще не дошел до окрестных аулов. Вы, Мукими, пока гуляйте по берегу речки, пишите, что вы там пишете, а на меня не обращайтесь внимания. А потом выберем время и вечерком устроим небольшой пир. Мне хочется получить в подарок парочку барашков. Если можно, сочините песню про киргизских девушек, вроде той, таджикс-

кой, в которой поется про бадахшанских красавиц. А я уж как следует исполнил эту песню!

— Ох, Таджикибай! Вы раздражаете меня.

Помимо пространных воспоминаний о горах Бадахшана, Мукими написал две песни на таджикском языке под заглавием «Серны Бадахшана». В них он воспел красоту горских девушек, их сияющие улыбками лица, красивые глаза, черные волнистые волосы, заплетенные в сорок косичек. Одну из этих песен Мукими дал Таджикибаю. А тот получил песню наспех и когда шел, путал слова, за что получил от Мукими нагоняй. Теперь, вспомнив об этом, Таджикибай посмеялся:

— Бадахшан со своими скалами и вершинами остался наверху. О нем можете и не вспоминать. А теперь я буду петь по-узбекски. Как-нибудь поймут...

— Избави бог! Так я и дам вам свои стихи! Если вам нужно, сочиняйте песни сами. Вы все хвалитесь, что вы, мол, певец, а сами не разбираетесь в поэзии, с начала и до конца поете с ошибками, как будто тупым ножом перепиливаете горло поэту.— Помолчав, Мукими добавил:— Ладно! На сей раз прощаю. Но если вы опять вздумаете выкидывать свои штуки, когда мы приедем в город, если вы будете приставать так же назойливо, тогда уж пеняйте на себя. Не погляжу, что вы сделали мне столько добра, и напишу на вас сатиру.

Приложив руки к сердцу и отвесив поклон, Таджикибай поблагодарил:

— Чем может прославиться человек? Или добром, или злом. А я знаю, что когда меня уже не будет на свете, никто не вспомнит о моих добрых делах. Поэтому прославлюсь хоть своими злодеяниями! Друг мой и учитель, Мукими! Напишите сатиру про мои недостатки! Расскажите, что жил-был на свете вот такой человек по имени Таджикибай, чтобы люди читали и смеялись!

— А если написать про ваши добрые дела?

— Какие у меня добрые дела? Нет их!

— Есть!

— Нет!

— А чего вы пустились скитаться по бескрайним безводным степям, по ущельям и неприступным горам? Кто вас заставил скитаться, кто толкнул вас на мытарства? Все это вы сделали, лишь чтобы вызволить из беды жаждущего знаний беспомощного поэта Мукими. И разве это не свидетельствует о вашем благородстве?

— Для друга я готов пожертвовать жизнью!

— Вот-вот! Об этом я и говорю! Но друг не потребует, чтобы вы за него положили душу. Напротив! Когда на голову друга обрушится беда, он разделит с ним участь. Недостатки друга считает своими. Критикую ваши недостатки и выражаю благодарность за ваше добро!

— Хорошо, Мукими! Про мои добрые дела не говорите! Лучше скажите, какие у меня недостатки. Успокойте меня. Умереть мне, если я их не признаю!

— Мы жили с вами в одной худжре два года. И я ни разу не видел, чтобы вы держали книгу в руках! Признаете этот недостаток?

— Признаю!

— По ночам и до позднего часа я сочиняю стихи. Вы хоть раз понитересовались, попросили меня прочесть вслух хоть строчку? Признаете этот свой недостаток?

— Признаю!

— Вы музыкант! Но когда-нибудь сыграли что-либо, заслуживающее внимания? Доставили удовольствие кому-нибудь своей музыкой? Даже бубен, попав к вам в руки, выходит из рамок приличия. Вы нетерпеливы, невоздержанны! Вы певец, а поете всякие нелепые песни. У вас получается какой-то бессмысленный набор слов. Вы поете, а вам совершенно безразлично, что у вас получается. Я считаю это неуважением к поэзии, к искусству. Не так ли, Таджибай?

Таджибай утвердительно кивнул и молча уставился в землю, а Мукими продолжал:

— Искусство — не разбитая посуда. Вы же знаете, какие приятные музыкальные звуки можно извлекать из тамбура и вызывать у слушателей трепетное биение сердца. Одно дело скреплять закрепками осколки посуды, совсем другое — музыка и пенне. Настоящий музыкант и певец скрепляет сердца, разбитые горем, вселяет в них бодрость и радость!

— Верно! — сказал Таджибай, вскочив с места. — Я все признаю. Я понял, как велики мои недостатки!

— Вот сколько мне пришлось говорить! Из-за вас я замерз. Как холодно в Суфикургане! Набросьте на меня поверх халата вон тот белый войлок. Мне спать хочется!

Они беседовали, сидя в чайхане на глиняном возвышении, пока не закатилась луна. Затем, подложив под головы хурджуны, улеглись на кошме. Сиротливо съежившись, они заснули.

Вскочив еще до рассвета, Таджикибай ушел куда-то и вскоре принес полную чашку сливок и четыре пышные, с толстыми краями, лепешки, выпеченные уйгурскими пекарями, и разбудил Мукими.

— Вставайте, поэт Мукими! Солнце уже выглянуло из-за гор и осветило ущелье и арчовый лес. Очень приятно утром сидеть за чаем в свете солнечных лучей. К тому же я достал пышные лепешки и сливки. Нет только белого волокнистого сахарного пашмака. Но, даст бог, мы насладимся пашмаком в вашей худжре, когда приедем в Коканд. Вставайте же!

Мукими приоткрыл глаза. И в самом деле, солнце выглянуло из-за горных вершин, расsenвая сверкающие, словно золотистые нити, лучи. Повернувшись к Таджикибаю, поэт улыбнулся и сказал:

— И зачем сейчас упоминать о пашмаке? Вы хотите, чтобы у меня от одного упоминания сделалось сладко во рту? Здешние лепешки я не пробовал, а вот сливки — одно удовольствие! Ну разве можно вас после этого ругать. Боюсь, что теперь я раздумаю писать на вас сатиру.

— Почему до сих пор не пишете? Какой чай заваривать, зеленый или фамильный?..

— Интересно! Вы спрашиваете, какой заваривать чай, как будто мы уже в Коканде и сидим в чайхане Абдуллахана-хаджи на берегу Карасу! Здесь не чай — только одно название. Был бы лишь горячий, и на том спасибо.

— Нет, поэт Мукими! Ваш Таджикибай приготовит чай, какой вашей душе угодно! Я хотел приготовить к обеду плов, но ошские знатоки сказали мне, что достать рис в горах так же трудно, как яйцо сказочной птицы Анко.

— Давайте сначала напьемся чаю!

Решив умыться холодной водой, Мукими перекинул платок через плечо и спустился к речке, а Таджикибай, тихонок напевая, заварил чай.

Умываясь, Мукими загляделся на разноцветные камни, видневшиеся в прозрачной воде. «Ах, если бы домулла Халил, Миён Сотыболдыхан и мой непоседливый друг Мавлави Юлдаш хоть разок увидели эти замечательные картины природы!» — думал поэт. Ему хотелось посидеть на берегу реки и послушать музыку своих друзей. Вдруг заиграл бы Исмаил Махрам, и понеслись бы над горами чудесные звуки его свирели, приятно зазвучали бы струны тамбура Шадмана-хаджи и дутара Абдуллахана-хаджи.

«Нет! Ни за что им не удастся приехать сюда про-

гуляться по обширным долинам, усыпанным цветами, наслаждаться их ароматом, надышаться чистым воздухом снежных горных вершин, которые, едва вырвавшись из снежных объятий кучевых облаков, попадают в объятия набежавших перистых. Друзья мои — бедные люди, хотя их можно назвать властелинами знаний. Я тоже больше не увижу этого чудесного зрелища! Надо мне, пока доберусь до Коканда, переписать набело свои путевые записки. Приеду домой, соберу своих друзей, выну из-за пазухи путевые записки, подам другу своему, Абиду, и скажу: «Вот тетрадка, возьмите ее! Это мой подарок, аглям! Читайте!» И аглям вдохновенно начнет читать мои воспоминания!»

Тут до слуха поэта донесся протяжный голос Таджибая:

— Э-эй!.. Мукими... Чай ос-ты-л-л!..

Перепрыгивая с камня на камень, Мукими поднялся наверх. Таджибай сидел в ожидании поэта, а чтобы не остыл чай, он прикрыл оба чайника полами своего халата. Мукими покатился со смеху.

— Вы похожи на наседку, друг Таджибай!

Посмеявшись вдоволь, друзья сели пить чай. Затем Мукими вынул из хурджуна пенал, достал из него камышовый калям, бумагу, чернильницу и пошел вверх по горному склону в арчовую рощу. А Таджибай, взяв под мышку свой инструмент, отправился к каменному мосту и расстелил там палас.

Мукими поднимался в гору. Трава была ему по пояс. И на горе Мукими никак не мог найти себе места: где ни присаживался, тут же из травы выскакивал кеклик¹. Наконец выбрав большой камень, поэт расстелил на нем свой халат, сел, скрестив ноги, и занялся перелистыванием тетрадей. Просматривая стихи и путевые записки, он останавливался на некоторых и внимательно перечитывал вновь.

Кроме газелей и сатир, написанных в Бухаре, у него была без малого целая тетрадь с записями, сделанными во время скитаний по Бухаре и Афганистану. Еще одна тетрадь с путевыми записями и газелями на таджикском языке была посвящена трудностям, пережитым в Бадахшане. Впечатления о путешествии по пастбищам Алая должны были составить целую поэму.

— Что делать с этими записями?

¹Кеклик — горная куропатка.

Подумав, Мукими решил, что не следует переписывать все это набело, а надо пополнить алайскую тетрадь новыми четверостишиями, и принялся за дело. Плавно заскользило перо, быстро одна за другой заполнились странички тетради. Откуда-то издали доносились соловьиные трели. Казалось, что эти чарующие звуки вдохновляют поэта. Долго писал Мукими и даже не заметил, как солнце склонилось к западу. В долину скользнули вечерние тени.

Эту ночь друзья провели в теплом помещении, а на рассвете опять пустились в путь. Ослы хорошо отдохнули, так что до самой Гульчи не было надобности их подгонять. Вечером они въехали в Гульчу. В кишлаке имелся хороший базар, много караван-сараяв, переполненных путниками, странниками.

Это было очень грязное место. Кругом все было заболочено, захлавлено мусором.

Привязав ослов во дворе караван-сарая, Таджибай и Мукими нашли ночлег в каморке, плотно забитой клевером. Утром они встали рано и вышли во двор. До восхода солнца хотели выехать из кишлака, а для этого надо было хорошенько поесть самим и накормить ослов. Таджибай начал спрашивать двух старых уйгуров в белых войлочных шапках, которые сидели на супе и пили чай:

— Ош отсюда далеко или близко?

— Ош еще далеко,— сказал один из уйгуров.— Проедете полдороги, будет река Уччот. Переправитесь через реку и подниметесь на перевал Чигирик. Перевалите через него, а дальше будет кишлак Мады! От Мады до Оша пятнадцать верст!..

Слова «пятнадцать верст», долетевшие до слуха Мукими, обрадовали его. Обращаясь к Таджибаю, он сказал:

— Скорей же, едем!

Таджибай и в кишлаке Гульча остался бы на месяц и поработал бы с пользой не один базарный день. Родом он был из Коканда, но там его никто не ждал. Коканда он не помнил. Поэтому ему было все равно: сейчас ли ехать в Коканд или через месяц.

Но слова Мукими «Скорей же, едем!» заставили его поспешить во двор караван-сарая, где были привязаны их ослы. Тут же он принялся их седлать.

Путешественники больше не спрашивали, далеко ли, близко ли Ош, сели на ослов и поехали.

Когда путники подъехали к берегу реки Уччот, солнце поднялось высоко и стало даже жарко.

Северные склоны высоких гор еще были покрыты снегом. В утренние часы в Уччоте воды бывает мало, и тогда можно легко переправиться на другой берег. Днем снег в горах тает, и вода в реке прибывает. Река превращается в неодолимую преграду.

Встретившийся у брода старый киргиз отказался переправлять их на другой берег. Он пригласил в юрту и посоветовал переночевать, а утром до восхода солнца переправиться на тот берег.

Таджибай воскликнул:

— Вода в реке даже до щиколотки ослу не доходит, а вы нас пугаете!

— Ой, душа моя,— сказал старик, указав рукой на бурливое течение,— и пока вы доберетесь до середины, воды будет еще больше. Разве вы не видите, как широко разлилась река? А к вечеру ни одного камня не будет видно даже у самых берегов!

Ослы заупрямились, но, получив два-три укола острым концом палки в холку, один за другим побрели по воде. А старый киргиз покачал головой и долго смотрел им вслед.

К середине реки стало довольно глубоко, вдобавок ко всему вода была холодная, а течение очень быстрое. Таджибай слез в воду, снял сапоги и, положив их в хурджун, повел осли в поводу. Он посоветовал и Мукими сделать то же самое. Поэт, боясь приступов лихорадки, которую нажил в Бухаре, не хотел лезть в холодную воду и решил переправиться верхом на осле. Когда он добрался до середины реки, вода дошла до потника. Большие камни на дне реки мешали ослу идти.

И вдруг в мгновение ока осел споткнулся и повалился на бок. Мукими свалился в стремнину. Обхватив руками осли за шею, он закричал:

— Помогите!

Таджибай шел впереди, в двух шагах. Он бросился на помощь к Мукими. С большим трудом, поддерживая его под руку, он довел до мелкого места, а оттуда вывел на берег. Осел Таджибая, выбравшись из реки, грелся на солнце, а другого осли, к несчастью, унесла вода.

Сняв с себя мокрую одежду, путешественники растелили ее на больших камнях. Таджибай, вынув из хурджуна лепешку, разделил ее на две равные части,

и оба путешественника, не произнеся ни слова, принялись за скудный завтрак. Грустно смотрел Мукими на быстро катившиеся волны горной реки. Ему не жалко было ни осла, ни хурджуна, ни одежды. Он горевал о рукописном сборнике стихов поэта Писанди, данному ему на хранение, о своих стихах, написанных им в Бухаре, и о двух тетрадях с путевыми записками, которые были потеряны безвозвратно.

Когда одежда высохла, они пошли дальше пешком, подгоняя осла. Настроение у обоих было мрачное.

У подножия перевала Чигирик усталые путники встретили киргиза пастуха. Солнце уже близилось к закату. Пастух повел их в свою юрту, покрытую рваным войлоком, и угостил шашлыком из кекликов.

Утром Мукими и Таджибай одолели перевал Чигирик и попали в совершенно новый, яркий, сверкающий мир, алый от тюльпанов. И в этом мире бродили стада овец и ягнят и стояли юрты, над которыми вились голубые дымки.

Владельцем роскошных юрт, поставленных на берегу горячего источника, был старый киргизский бий — глава племени. Встретившиеся по дороге стада овец почти все принадлежали ему.

Услышав, что приехали путешественники, два кокандца, он послал человека пригласить их обоих к себе в юрту, велел зажарить барана и подать его гостям. После обеда музыканты сыграли на кобузе и спели песню для гостей. Мукими с удовольствием слушал кобуз. В ответ на приглашение бия спеть песню Мукими взглянул на Таджибая и, раздвинув руки, показал, будто держит бубен. А Таджибая давно подмывало спеть что-нибудь. Он вскочил, вынул из хурджуна бубен, нагрел его над горящими углями и опустил на пятки посреди юрты. Взглянув на Мукими, Таджибай ударил в бубен и запел. «Опять хаджи поет, что в голову придет», — думал поэт, но не стал мешать. На звуки бубна собрался чуть ли не весь аил. В конце этого «пиршества» бий надел на Таджибая шубу, а Мукими подарил барашка, выкормленного молоком, и, указав им место для ночлега, ушел в свою юрту.

Было уже поздно. В юрте на кошме спали слуги бия. Таджибай тоже улегся на кошме и вскоре захрапел. А Мукими долго ворочался: на голой кошме без подстилки, без одеяла, без подушки заснуть трудно. В конце концов он вышел из юрты. Полная луна поднялась над горными вершинами и залила сиянием склоны гор.

Вдали и вблизи лаяли собаки. Слышался шум реки. Легкий ветерок принес неведомые ароматы горных цветов, Все это, казалось, должно было вдохновить поэта, но мозг его сверлила мысль о горькой судьбе пастухов бия, о жалком их существовании, тоскливой жизни среди стада, о том, что люди и здесь, и в горах лишены самого прекрасного из того, чем должен пользоваться человек,— знаний.

Мысли Муками спутались в клубок, и он никак не мог найти в нем конца нити. Полная луна поднялась высоко и плыла по небосводу. Она то прятала круглое свое лицо в серебристых клочьях разорвавшихся облаков, то, вырвавшись из их гущи, вновь сияла в воздушной синеве, заполняя землю своим таинственным светом. Наконец луна, скатившись к западу, исчезла за горами, а в восточной части неба возникла светлая полоса, предвестница рассвета. Занялась заря. И внезапно из-за горных вершин брызнули ослепительные лучи солнца. Аилы проснулись, и на пастбищах закипела жизнь. Заблеяли овцы, «замекали» барашки и козлята. Послышался кашель и говор людей.

А Муками все стоял, прислонившись к юрте. Мимо шли пастухи. Сунув за пазуху одну-две лепешки, испеченные в золе, взяв в руки палку, каждый торопился уйти к своему стаду. Муками вошел в юрту и разбудил спавшего Таджибая.

— Вставайте, друг! Поехали!

Таджибай поднялся и спросил:

— Ну как почивали, поэт? Хорошо?

— Очень, оч-ч-ень!.. И не спрашивайте! Ну, вставайте. Осталось немного до Оша.

— Надо бы увидеть бия, нехорошо ведь... Уедем и даже спасибо не скажем!

— Ваш бий, должно быть, спит как убитый! Зачем его беспокоить?

А Таджибаю очень хотелось еще хоть один денек погостить у бия и, кроме обещанного Муками барашка, получить еще одного барана пожирнее. Но поэт решительно не пожелал воспользоваться гостеприимством расщедрившегося бия. Таджибай, не желая перечить Муками, быстро собрался.

Утром к завтраку они уже успели в Мады. Здесь всегда останавливались торговые караваны, прошедшие далекий путь, отдыхали и, как говорится, стряхнув с себя пыль, отправлялись дальше. Муками и Таджибай позавтракали и зашагали по дороге. До Оша остава-

лось всего верст пятнадцать, но надо было пересвалить через холмы Карарык и переправиться через речку Увом.

Еле передвигая ноги, вечером путники вошли в город Ош. Расспросив у жителей, где можно переночевать, они переправились на другой берег речки и добрались до кашгарского караван-сарая. Сдав своего осла кошоу, они заняли отдельную худжру и после нехитрого ужина легли спать.

Утром они поднялись на Сулейманову гору и замерли от восхищения: древний узбекский город Ош пленил их своею красотой. Путешественники обратили внимание на белое здание, построенное Бабуром на горе Сулейман. У подножия горы протекал «райский» арык. На горе стояла большая мечеть, а также были расположены чайханы, опнекурильни, переполненные путешественниками. У помоста одной из чайхан приезжие узбеки, очевидно ремесленники, готовили плов. Мукими не мог оторвать глаз от котла. Кивком головы он показал Таджибайу на котел, в который как раз клали вымытый рис, и сказал:

— Если бы наш карман выдержал такой расход, я бы сам приготовил плов, какой варил когда-то в медресе! Клянусь, я очень соскучился по плову.

Таджибай засмеялся, подошел к чайханщнику и, поговорив с ним, с гордым видом вернулся назад.

— Вы, Мукими, будете варить плов в Коканде, в своей худжре, — сказал он, усаживаясь на свое место. — А здешние чайханщники — сами знатоки и умельцы. Редко таких встретишь где-нибудь. Не успел я сказать и двух слов, как хозяин чайханы начал выполнять мой заказ. Через час у нас будет отличный плов.

Действительно, час спустя чайханщик закрыл котел блюдом, положил сверху полотенце, выгреб из-под котла крупные головешки и оставил в очаге только тлеющие угли. Путникам подали кувшин с водой, чтобы вымыть руки.

Гостеприимные ошцы, привыкшие к гостям, были очень учтивы. Обращаясь к ним, говорили приветливо, почтительно приложив руки к груди. Все это, а также хороший плов, очень понравилось Мукими. Он буквально наслаждался отдыхом.

К вечеру курильни и чайханы заполнились съехавшими отовсюду путешественниками. Откуда-то издали неслись звуки свирели. Где-то пели песни под аккомпанемент дутара. И вдруг до слуха Мукими донеслась

газель, его газель. У поэта защемило сердце, но он и виду не подал, боясь, что Таджибай заметит его волнение. Песню пели маргиланские ремесленники. Мукими очень хотелось присоединиться к ним, но неудобно было. Он не мог придумать более или менее подходящий повод, чтобы принять участие в их сердечной дружеской беседе. И, главное, он стеснялся своего вида.

На поэте был полнившийся после вынужденного купания халат из грубой ткани, на ногах — сапоги из сыромятной кожи, какие носят горцы.

Он решил никому не показываться и не выходил из укромного уголка. Но легкомысленный Таджибай в погоне за славой готов был ринуться в незнакомую толпу и ударить в бубен. Мукими сказал ему тихонько на ухо:

— Таджибай, я ухожу!

— Оказывается, вы, мой уважаемый поэт, очень стеснительный человек. Бросить все и уйти с такого гулянья?.. Если хотите, я порасспрошу людей. Найдем кокандских путешественников. Я сыграю, спою, повеселю их!

— Я хочу уйти, чтобы не показываться им на глаза, а вы что говорите? Хотите идти туда в таком виде?! Завтра базарный день. Продайте шубу, осла. Справим себе что-нибудь из одежды. Вы же знаете, что теперь люди смотрят прежде всего на то, как вы одеты. Если вы хорошо одеты, если у вас важный вид, то и обращаются с вами уважительно! Купим новую одежду, побреемся, подстрижем бороды, усы, ходим в баню, отдохнем немного, а тогда уж встретимся с кокандцами.

Выслушав поэта, Таджибай, как обычно, сразу остыл:

— Ну, тогда идите! Погуляем по берегу реки.

Смех разбирали Мукими. Он с довольным видом посмотрел на Таджибая и, покачав головой, сказал:

— И рассуждаете вы правильно, и ум у вас есть, только боитесь применить его на деле. Если от вас будут исходить вот такие разумные предложения, тогда я совсем выброшу из головы свое намерение писать на вас сатиру!

— Очень я недоволен, что сатира еще не написана.

— Почему?

— Если вы ее тогда написали бы, то она уплыла бы вместе с хурджуном, а второй раз вы не стали бы тратить на нее время.

Эти слова рассмешили Мукими.

— Ну а если я все же напишу сатиру?

— До нее ли вам! Пока восстановите все дорожные

впечатления, которые вы записали, когда мы ехали по горам! Как вспомню утонувшую тетрадь, сердце щемит. Ах, какие у вас были сравнения!.. А ваша газель про бадахшанскую девушку Зулейхо! Ума не приложу, когда вы все восстановите.

— Хватит!

Этот возглас Муками оборвал болтовню Таджибая. Он понял, как неуместны его слова, смутился и жалобно посматривал на поэта.

— Извините меня, Муками! Я не хотел напоминать вам...

— Эх, друг мой! Да разве можно забыть все это? Такое горе! Бедняка и на верблюде собака укусит. Вот и меня укусила! Ну, вставайте! Пойдем к реке.

У моста их встретил андижанец в темном суконном халате и белой чалме. Поравнявшись с ними, он улыбнулся и поздоровался с Муками как со знакомым.

— Вы приехали в Ош на прогулку, мулла-ака?

— Да! На прогулку!..

— Значит, поживете здесь недолго?

— Да, недолго!

— А мы с набом едем на Алай и остановились у купца. Еще увидимся...

Муками ничего не понял. Дойдя до небольшого затона около моста, они свернули к чайхане. На широком дощатом настиле, сооруженном над водой, народу было полным-полно. Найдя в сторонке свободное место, они сели и заказали чайник чаю.

С шумом мчались речные воды, заглушая говор людей. От реки веяло прохладой. Крепкий зеленый чай своим вкусом напомнил Муками о кокандских чайханах в абрикосовой роще и на перекрестках главных улиц в центре города — Бакачорсу, Занбарчорсу... Он вспомнил, как бывало в Коканде в летние дни в поисках укромного прохладного местечка он с друзьями сживал в чайханах. Отхлебывая чай из маленькой пиалы, Муками с грустью думал о своих друзьях, оставшихся в Коканде.

Глядя на быстро катившиеся волны реки, поэт прослезился. Он вспомнил одного за другим своих близких: бедного отца, сестренку, своих стареньких бедных учителей-наставников и всех, кто был дорог ему.

В этот момент Таджибай тихонько толкнул его и указал на двух человек, стоявших перед ними. Один из них был тот самый андижанец, который недавно поздоровался с ними, а другой — высоченный полицейский с огромными усами.

Андижанец воскликнул:

— Господин мингбаши додхо¹ приглашают вас к себе домой, а вот этого полицейского послали сопровождать меня.

Не понимая, в чем дело, Мукими глянул на Таджикибая. Все сидевшие в чайхане смолкли и уставились на них. Вскочив с места, поэт спустился вниз. Вслед за ним побежал бледный Таджикибай. Они перешли мост, поднялись на горку. Когда подъем кончился, свернули на андижанскую дорогу. Мукими шел в глубоком раздумье. В голову ему лезла назойливая мысль: «Неужто бухарский эмир разыскивал меня в Коканде и, не найдя, послал сюда своих соглядатаев?»

Но его успокоил человек в белой чалме. Оказывается, уважаемый мингбаши города Ош Султан, по прозвищу Купас, увлекался музыкой и поэзией. Все знали, что у него был такой обычай: приглашать к себе в гости приезжих поэтов, певцов, музыкантов.

У Султана Купаса часто гостил мингбаши Рашидона Шакир Наиб. Прослышав, что Мукими находится в Оше, Купас приказал городовому пойти за Мукими.

Мукими вздохнул с облегчением. Он очень не любил полицейских и полицию.

Поэт еще в Коканде слышал про Шакира Наиба.

Говорили, что он большой любитель поэзии, человек щедрый, приятный, задушевный собеседник.

Когда они вошли, оба мингбаши встретили их приветливо, пригласили сесть на почетное место. Султан Купас, дородный мужчина среднего роста, краснощекий, бородатый, радушный, с открытым лицом, представлял полную противоположность Шакиру Наibu, высокому, с продолговатым лицом, смелому, энергичному человеку. Когда принесли угощение первым заговорил Шакир Наиб:

— Вчера мы пригласили к себе маргиланских певцов и получили большое удовольствие. Оказывается, «они подобрали мелодии на ваши, уважаемый Мукими, газели. Почтенному мингбаши, моему другу и вашему слуге, захотелось побеседовать с вами, и мы послали за вами человека. Просим прощения, господин Мукими, за беспокойство!

¹ *Мингбаши додхо* — высокопоставленный чиновник в Бухарском и Кокандском ханствах.

Приподнявшись, Муками высокопарно выразил свою благодарность:

— От радости я на седьмом небе! Бесконечно благодарен вам за вашу беспредельную заботу о поэтах!

Султан Купас, очевидно, принял высокопарные слова за чистую монету.

Глазки его суетливо бегали. С любопытством он оглядел Муками с головы до ног и спросил:

— Давно ли вы приехали в Ош, господин поэт?

Считая, что здесь неудобно говорить всю правду, Муками уклончиво рассказал о своем путешествии:

— Нам захотелось поехать на пастбища Алая. Мы с моим другом Таджибаем месяц тому назад отправились туда на ослах до Сарыкташа. А на обратном пути гостили у наших киргизских друзей. Путешествие было удачным. Беда стряслась на реке Уччот: поток смыл и унес осла. А вместе с ним хурджун с вещами. Вчера мы вернулись в Ош. Завтра, если будем живы-здоровы, отправимся в Андижан.

Султана Купаса, очевидно, огорчило злоключение путешественников. Он шлепнул себя ладонями по коленям и сокрушенно сказал:

— Ах, какая жалость! Если бы я знал, что вы едете туда, я был дал вам провожатого. Вы поехали бы на лошадях, ночевали бы в юртах у киргизских биев. Каждый день угощали бы они вас кумысом, мясом горных кииков. Хозяева этих пастбищ — наши друзья!

— Благодарим за вашу заботу! — сказал Муками. — В следующий раз, если соберемся путешествовать, обязательно обратимся к вам... счастливы были побеседовать с вами. А теперь разрешите нам удалиться.

Султан Купас покачал головой:

— Хотите уйти? На это вам разрешения нет! Сегодня переночуете здесь вместе с нами! В Коканде я бывал много раз. Я большой почитатель кокандских поэтов. Особенно люблю, господин Муками, ваши песни. Ваши песни ярким светом озаряют нашу михманхану. Считаю своим долгом проводить вас в Коканд на арбе: так вам будет удобней.

В душе Муками не слишком доверял этому баю с хитрыми глазками, но поклонился, не вставая с места, снова поблагодарил:

— Великий мингбаши, за ваши милости спасибо и еще раз спасибо. Я думаю, что и этого «спасибо» мало! Мы рады попутной арбе. Но сейчас, умоляю вас, вы

нас не просите, не понуждайте. Извините! У нас есть уважительная причина.

— Какая еще там причина? Позвольте узнать, господин Мукими?

На этот вопрос поспешил ответить молчавший до того Таджибай:

— Целый месяц мы с достопочтенным Мукими не раздевались. Ночевали где придется, на нас все грязное. Чистая смена белья, одежда — все уплыло в стремительном потоке вместе с хурджуном. А в этой одежде, что сейчас на нас, нам никак нельзя ложиться на ваши шелковые курпачи и укрываться вашими атласными одеялами.

Все дружно засмеялись. Извинение было принято, причину признали уважительной, но с условием, чтобы встретиться завтра.

Откланявшись, друзья отправились в уйгурский караван-сарай. Дорогой Таджибай ворчал:

— Если бы Султан Купас был щедрым, каким его изображают, он одел бы нас с головы до ног. А так послушал мои объяснения — и все! Нет, недоволен я таким приемом!

— Я хотел сказать то же самое, — прервал его поэт, — вы выхватили мои слова прямо изо рта. Удивляюсь, вечно вы ухитряетесь на лету подхватывать мои мысли! Сказать вам что-нибудь неприятное — вы сразу охладеваете ко мне! Лучше ничего не говорить!

— И это еще называется, что вы ничего не сказали?

— Да, ничего не сказал! И не скажу, пока не доедем до Коканда!

— Значит, только в Коканде?

— Не скажу, а... напишу сатиру! Понимаете, Таджибай? Са-ти-ру!

— Ох!..

На лице Таджибая отразилось столько комического ужаса, что Мукими не смог сдержать смеха. Они спорили всю дорогу. Пришли в караван-сарай, а спор все продолжался. Наконец Таджибай задремал. А Мукими, как обычно, не мог уснуть. Он долго слушал, как шумит река, потом глаза его начали слипаться, и он тоже заснул.

Утром, когда Мукими проснулся, Таджибая уже не было. Он вернулся после полудня, неся в руках большой узел. Бросив свою ношу на палас, Таджибай перевел дух и, вытирая пот с лица, спросил:

— Вы, кажется, еще не пили чай?

— Я чувствую страшную слабость во всем теле, наверное, от вина, которым вчера нас угостил мингбаши. Чай не пил: ждал вас. Вы что-то долго не шли. А это что?

— Я продал осла и шубу, добавил из своего кармана и купил все.

Из узла Таджикибай извлек две пары сафьяновых ичигов и калош из козлиной кожи, затем два ватных халата на бязевой подкладке с черным сатиновым верхом. Мукими обрадовался:

— Спасибо вам, Таджикибай! Сколько стоит все это? Я вам верну, когда мы приедем в Коканд!

— Я купил еще десять кари — гладкой отбеленной маты — и отдал уже портному сшить нам белье. Пока мы пьем чай, пока будет решен вопрос с арбой, все будет готово.

Когда они пили чай, в чайхану пришел писарь мингбаши Султана Купаса и сказал, что должен познакомить поэта Мукими и его спутника с возчиком, который повезет их на арбе в Андижан. Таджикибай пошел с писарем к возчику.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПО РОДНОЙ ФЕРГАНЕ

Далеко за полдень из Оша выехала крытая арба. Гнедой конь бежал рысцой. Закинув нагайку за плечо и повернувшись вполоборота в седле, сидел с залихватским видом щегольски одетый молодой возчик, упирався ногами в толстые оглобли с огромными колесами арбы. Он то понукал коня веселым словом, то напевал вполголоса.

На арбе ехали наши путешественники. Таджикибай спал, несмотря на толчки и тряску, а Мукими, слушая песню возчика, с интересом посматривал по сторонам.

Арбакеш мурлыкал себе что-то под нос и вдруг запел во весь голос газель Мукими, подобрав для нее своеобразную мелодию:

Я много горестей познал —
и рассказать о них пришел.
Я, Мукими, чтоб разделить
весомость бед своих, пришел.

Закончив петь, он, обернувшись, спросил:

— Говорят, вы кокандцы? Это правда?

— Правда!

— Кокандцы обычно ездят в паломничество в Шахмардан, а чего это вы приехали в старинный город Ош?

— А мы еще не видели этот город. Захотелось посмотреть.

— Раз вы кокандцы, наверное, знаете поэта Мукими?

— Знаем. А что?

— У нас в Андижане в нашей махалле живет старый поэт Мунтазир. Он сам из Коканда. Старики нашей махаллы почитают его и называют уважительно — Мулла Мухаммед Юсуф-ака. Я как-то спросил у него про Мукими, а он мне говорит: «Поэт Мукими такой же, как и я, бедный, несчастливый человек!» Это правда?..

— Правда! Мукими вроде Мунтазира, бедный, несчастный!

— И это человек, который написал такие прекрасные песни, а?!

— Именно потому и написал, что несчастный.

— Услышишь такое вот — и жить не хочется на свете! Недоволен я тем, что делается в нашем мире! Только тот, кто с деньгами, с чинами, с именем, живет в свое удовольствие.

— Как хорошо, друг, что вы живете в одной махалле с поэтом Мунтазиром, — сказал поэт. — Я привез ему привет от Мукими. А чтобы выполнить это поручение, я, конечно, должен его увидеть!

— Семья Мунтазира живет в нашей махалле, а сам поэт изволит обитать в худжре при гробнице на кладбище Бобосатин. Ежели пойдете к его милости, возьмите с собой узелок с лепешками. Сделайте доброе дело. Ладно, я сам вас доведу!

— Обязательно, друг, подвезите нас.

— Вот мы уже и доехали до Ходжаабада. Хорошо, что днем миновали Каракчинскую степь — воровское, опасное место. А если бы пришлось ехать ночью, наверняка нас остановили бы, обобрали... Не зря ведь дано этой степи название Каракчи — Вор. Пора дать коню отдохнуть. Переночуем в Ходжаабаде и с рассветом тронемся в путь.

Возчик свернул в ветхие ворота караван-сарая, остановил арбу и, спрыгнув с седла, стал протирать коню глаза.

— Хорошо, ежели хозяин добыл хоть немного корма

для коня. А то у этого скряги ничего не выпросишь. О себе я не беспокоюсь: нет хлеба — ну и ладно! — балагурил возчик.

Мукими легонько толкнул Таджибая в плечо и сказал:

— Эй, Таджибай! И горя вам мало! Ничего не видите и не слышите. Вставайте, мы уже приехали!

Таджибай проснулся, протер глаза:

— Неужто Андижан?

— Здравствуйте! Очнитесь! Посмотрите, где вы и где Андижан! Говорят, что это Ходжаабад!..

— Какой же это Ходжа Благоустроенный? И вовсе он не благоустроенный и не заселенный. Скажите уж лучше: Ходжа Развалюха! Не заселенный, а разоренный кишлак. Это будет правильно!

— Такая уж нам досталась доля. Придется помучиться здесь одну ночь! Вставайте. Нет ли и здесь побитой посуды?..

— Видно по всему, что народ живет бедно, господин поэт.

— Если вы согласны чинить разбитую глиняную посуду, тогда объявите, пусть несут свои черепки. Бедным дехканам здесь не до фарфора! Добыть бы только на питание, а поесть можно и из глиняной чашки!

Они слезли с арбы, посмотрели по сторонам, затем смыли в арыке дорожную пыль. Арбакеш выпряг коня:

— Здесь нет ни клевера, ни другого корма и достать нигде. Придется мне ехать в Булакбаши к родственникам. Отсюда восемь верст. На рассвете я вернусь. Арба останется здесь. Если хотите, спите на арбе, а если не нравится, скажите хозяину, он найдет вам место. Половину денег за проезд платите сейчас: иначе у меня другого выхода нет — за корм платить нечем.

Таджибай побледнел:

— Что вы сказали? Деньги за проезд?

— Да! Половину. А остальные можете заплатить, когда приедем в Андижан!

— А чья эта арба? Разве она принадлежит не ошскому мингбаши?

— Чудной вы, право! Я андижанец. Как же моя арба может принадлежать ошскому мингбаши. Я должен был везти в обратный путь четверых. А писарь мингбаши попросил взять только вас двоих. «Это, — говорит, — наши гости, люди тонкой натуры, никого больше не берите, они вас порадуют, будете довольны». Ну, я и не взял, больше никого.

Встревоженный Мукими подошел к ним. Краснея и бледнея, Таджибай тихо сказал Мукими дрожащим голосом:

— Требуется плата за проезд!

— А кто же будет платить, если мы сами не заплатим? Мингбаши Купас, что ли? А кто он нам? Родня, может быть? Троюродный брат двоюродного дяди из седьмого колена?

— Он хочет получить с нас за четверых!..

— И правильно! Ехали хорошо, чувствовали себя свободно, развалились на арбе, всю дорогу спали! Одно это удовольствие стоит тысячу золотых!

— Ну, вы тоже на обнаженное сердце сыплете мне красного перца, ишан-ака!

— Придется теперь вам расплачиваться золотом, которое вы скопили в Бухаре! За то уж я вас расхвалю. Напишу в честь вас касыду!

— А по мне пишите что угодно! Может быть, сатиру все-таки напишете?

Таджибай так распалился, что терпение его лопнуло и он едва сдержался:

— Если мы уплатим возчику за четверых, нам не хватит на проезд до Коканда. У меня осталось без двадцати копеек пять рублей!

— В Андижане у нас есть где остановиться. Поживем у поэта Мунтазира в худжре дня два. А вы постараетесь раздобыть деньги на дорогу. Андижан называют великим городом. В таких больших городах много посуды, требующей починки. Аллах дал вам в руки доходное ремесло. Чего же расстраиваться? Это в нашем поэтическом ремесле застой и нет никакого сбыта. А у вас, слава аллаху, дела идут хорошо.

Слова поэта подействовали благотворно: Таджибай успокоился. Этот замечательный простодушный человек с открытой душой всегда расходовал деньги из своего кармана без всяких колебаний.

— Отдать, что ли, арбакешу деньги?— размышлял Мукими вслух.— Не дать нельзя. У нас нет другого выхода! Ведь арбакеш вовсе не зять вашей тети, а арбакеш, вы сами знаете, народ бойкий. Это удалые, бесшабашные, отчаянные джигиты, способные на все. Идите, Таджибай, голубчик мой, платите!

С кислой улыбкой Таджибай пошел к арбакешу.

— Да расспросите там хозяина насчет того, чтобы поесть. Говорит ли он что-нибудь,— сказал ему вслед Мукими.

— Ладно!

— Не упустите из виду спросить насчет ночлега!

— Ладно!

С улыбкой смотрел Мукими вслед своему преданному другу. Немного погодя из ворот выехал возчик верхом на коне и свернул на большую дорогу, а старик, хозяин караван-сарая, поговорив с Таджибаем, вышел и, приветливо поздоровавшись с Мукими, пригласил его в чайхану.

— Вы приехали поздно, — сказал чайханщик, — в кишлаке сейчас ничего не достать. Не обессудьте... У меня варится суп для себя. Я могу поделиться с вами. Вместе поедим. В худжре поверх циновки постелена кошма. Как-нибудь переночуете!

Они сели вместе с хозяином в его каморке и, накрошив в суп лепешек, принялись за еду. Сидя за дастарханом, гости до позднего часа слушали сетования старика на свою судьбу. На рассвете вернулся возчик и запряг арбу. Едва выехали со двора, арбакеш опять начал напевать вполголоса свои песни. Таджибай погрузился в сладкий сон, а Мукими, вынув из папки перо с чернильницей, пытался писать, положив бумагу на колено. Остановились на отдых в кишлаке Заврок в чайхане, стоявшей в тени огромного развесистого карагача с круглой шапкообразной кроной. Таджибай так долго спал, что даже веки у него опухли. Пока Мукими умывался, он постелил палас на широком дощатом настиле с низенькими перильцами, поставил поднос со свежими лепешками, принес виноград сорта шувиргани.

После завтрака путешественники снова двинулись в путь. Ехали через холмистую степь. Затем дорога пошла среди щедрых, плодородных полей андижанской долины. Проехали через кишлак Хартум и очутились в пригороде утопавшего в зелени приветливого Андижана.

Путешественники въехали в город. Арбакеш подкрутил ушки и с гордым видом слегка подхлестывал своего бойкого коня по крупу, чтобы показать его прыть всем встречным и поперечным. Проехав по новой широкой улице, по обеим сторонам которой были посажены молодые деревца горного тополя и чинар, путники достигли центральной части города, известной с древних времен под названием Культепа. Здесь высятся руины Урды — резиденции прежних правителей. А вокруг на пустыре расположены чайханы, курильни, огороженные грубыми циновками и камышом. Молодой возчик, доехав до Культепа, свер-

нул в улицу, протянувшуюся в восточную часть города, и остановил коня у ворот кладбища.

— Вот, почтенные!— воскликнул он, с важностью посмотрев на путников.— Это и есть кладбище Бобосатин. Здесь и худжра поэта Мунтазира! Пожалуйста!

Рассчитавшись с арбакешем, Мукими и Таджикибай слезли с арбы, отряхнули с себя пыль и, перекинув хурджуны через плечо, побрели по кладбищу. Найти худжру поэта Мунтазира оказалось нетрудно. Едва они постучали, за дверью послышался кашель. Дверь открыл худощавый благообразный старик с козлиной бородкой. Он приветливо поздоровался с гостями, словно со старыми знакомыми, и забрал у них хурджуны.

— Добро пожаловать!— воскликнул он.

Вошли в худжру — сначала Мунтазир, а за ним гости. Хозяин посадил их на подстилку, сшитую из лоскутьев, под которой была постелена чистенькая циновка. Прочитав краткую молитву, Мунтазир вскочил с места и, приложив руки к груди, сказал:

— Рад вам, дороге! Добро пожаловать! Я на седьмом небе! Рад, что вы пришли навестить бедняка.

Мукими тоже был взволнован встречей. Он выразил свое уважение хозяину, приложив обе руки к груди.

Все еще отвешивая поклоны, Мунтазир выскользнул из худжры и где-то замешкался. И тут Мукими вспомнил совет арбакеша насчет лепешек и, хлопнув себя ладонями по коленям, сказал Таджикибаю:

— А ведь мы совсем забыли!

— Что-нибудь оставили на арбе?

— Забыли взять с собой лепешек. Подсказал же нам арбакеш, что сюда надо идти не с пустыми руками.

— А я сейчас схожу и куплю!

— Вы сделаете большое дело.

Только Таджикибай приподнялся, как за стеной послышался голос Мунтазира:

— Слава создателю! Благодарствую тысячу раз! Есть великодушные люди, которые меня навещают. Кто говорит, что я безродный бедняк? Пусть они воде расскажут об этом!— С этими словами Мунтазир вошел в худжру.

Очень подвижный, суетливый, он всегда куда-то спешил, хотя в этом подчас и не было никакой надобности. Все знали, что, несмотря на свою бедность, Мунтазир очень щедрый, великодушный человек.

Он принес лепешки и, положив их на поднос, принял ся кипятить чай.

— И зачем вы так стараетесь?— заговорил Мукими.— Чаю ведь можно попить и после беседы!..

Поэт Мунтазир приветливо улыбнулся:

— Не беспокойтесь... После беседы тоже будем пить чай, ибо приятная беседа вызовет жажду. Говоря о приятной беседе, я вдруг вспомнил... Давно уже собираюсь спросить кого-нибудь из образованных людей Коканда, болеющих душой за поэзию. До моих ушей дошел слух, что поэт Мукими уехал в благородную Бухару. Не знаете, он еще не вернулся?

Несколько секунд продолжалось молчание. Потом Таджикибай ответил кратко:

— Вернулся.

— Ах как хорошо! Для нас это великая радость! Хоть ваш покорный слуга и живет здесь, но все внимание устремлено туда, в Коканд. Если поэт Мукими возмел желание уехать в Бухару, по-моему, во всем виноват этот смутьян Мухи. Я слышал, что Мухи ненавидит Мукими. И это правда! Хотя я с Мукими и не виделся никогда, но я заочный поклонник его таланта! А что если бы он приехал сюда и навестил меня, бедного скитальца?!

Мукими улыбнулся и опустил голову, не сказав ни слова. У Таджикибая терпение лопнуло:

— А что если Мукими уже здесь, среди нас?

— А?! Что вы сказали?

Тут уж Мукими не выдержал, вскочил и подошел к Мунтазиру с распростертыми объятиями.

— Давайте, учитель, обнимемся! Я один из ваших учеников Мухаммед Аминходжа!

— Ох!.. Что вы говорите?! Вы приехали из Коканда навестить меня? А?..

Они обнялись и на радостях заплакали. Растроганный Таджикибай тоже прослезился. Оба поэта долго молчали, вытирая слезы. Наконец Мунтазир задал вопрос:

— Вы из Бухары?

— Да, из Бухары, вместе с другом Таджикибаем. Путь был далеким, с приключениями, будет свободное время, расскажу. Мы очень рады, что удостоились чести встретиться с вами!

— Благодарю вас, вы доставили бедняку такую радость!

Старик положил кору дерева в маленький медный кувшин, кипевший в очаге, и, взглянув на Мукими, засмеялся:

— У нас чай дехканский. Тут есть одно миндалевое

дерево. Заварка на его коре приятная и избавляет нас от расходов на покупку чая. Эта заварка вкуснее, чем настоящий чай, а цвет ее напоминает цветок граната. Думаєте, это поэтическое преувеличение? Нет. А если скажете, что это признак бедности, ну что ж делать? Воля ваша!

У всех на лицах появились улыбки. Поэт Мунтазир разломил лепешку, разлил чай в грубые глиняные пиалы. И в самом деле, чай имел гранатовый цвет.

— Эти пиалы не хуже дорогих, фарфоровых, ибо они слеплены нашими гончарами из лучшей глины, выкопанной из родной земли. Прошу, пожалуйста, пейте, кушайте...

Бедная худжра, нищета ее так поразили Таджибая, что он не мог сидеть спокойно. Совесть его мучила. Прожевав кусочек лепешки, произнес краткую молитву и встал.

— Разрешите мне уйти,— сказал он.— Не успеете вы еще закончить беседу, как я вернусь. Мне нужно встретить одного человека.

— Не задержитесь, Таджибай, где-нибудь до вечера!— заметил Мукими.

Выйдя из худжры, Таджибай вздохнул с облегчением и устремился чуть ли не бегом на базар.

А беседа двух поэтов не прекращалась. Мукими свернул разговор на другую тему:

— Мой спутник Таджибай — хороший друг, добродушный человек. Но, увы, он лишен таланта — не умеет пользоваться прекрасным языком поэзии. Вообще он немного легкомысленный, недостаточно серьезный человек. В соответствии с его желанием мы решили завтра уехать в Коканд. А сегодня мы ваши гости. У меня возникла мысль: а что если встретиться с вашими андижанскими поэтами?

Налив из кувшинчика чаю и подав пиалу гостю, Мунтазир сказал:

— Здесь есть поэт Абдураззак Бими, он тоже живет бедно, но его творения стоят выше моих. Он избрал местожительством кишлак Ойим. Ойимкишлакские друзья перевезли туда и его старшего брата Абдусаттара, прекрасного певца и музыканта. А сам Бими — выдающийся поэт. У него много прекрасных газелей, народ их знает и любит. Некоторые из них хранятся у меня.

Сняв с полочки пачку бумаги, Мунтазир выбрал один листок и, подав его Мукими, сказал:

— Пока я ищу газели Бими, вы познакомьтесь вот с этим моим стихотворением. Оно написано размером «бахри тавил». Шалости пера. Вдруг мне пришло в голову написать сатиру на свою чалму.

— Почему вдруг на чалму?

— Когда я был в гостях у Насриддинбека, он обратил внимание на мою чалму: уж очень она была рваная да старая. Бек вдруг расщедрился и при гостях во всеуслышание пообещал дать мне новую, а потом это обещание выветрилось у него из памяти. Я долго ждал от бека новую чалму, но напрасно. Потеряв надежду, я написал эту сатиру и послал ее Насриддинбеку. Вот она.

Мукими, пробежав глазами сатиру, с удовольствием стал читать этот «бахри тавил».

В Коканде мирно проживает он,
В сатиру повседневно углублен.
Никак вины не подберут ему:
Он осмеял халат свой да чалму.

«Мой досточтимый бек, мой властитель, вы давно соблаговолили дать обет облагодетельствовать меня, ничтожного раба, пожаловать мне чалму. Быть может, обещание вылетело из вашей благословенной головы, я сочинил это «бахри тавил»— стих, длинный, как река. О величественный покровитель, поймите, чалма у меня на голове истрепалась, порвалась в клочья. Латаная-перелатаная, связанная из клочьев, висит она, как уйгурская лапша, и дырява она, как циновка. Словно клочки ваты, выщипнутые из хлопковой коробочки. Ткань истлела, как старый саван. До того стала прелая, что нельзя даже заштопать дыры. Совсем никудышная чалма! Порванные, протертые места связать нельзя, узелки еле держатся, побита молью, гнилая, изношена до того, что нитки из чалмы спускаются мне на брови, как бахрама полотенца. Вместо одного свободного конца чалмы свисают несколько концов. Словно ветви на ветру, они хлещут в лицо, воют, свистят, в ушах стоит стон. С утра до вечера бьются один о другой, словно косички, спускающиеся с висков на грудь. От них шум и звон, как от бубенчиков. Пусть же они плачут, причитая, пусть их жалоба дойдет до милостивых ушей вашего высочества.

А если вы останетесь глухи к нашим стонам, тогда мы на вашей спине, почтеннейший, устроим оглушитель-

ную пляску дервишей с пенопением, пошлем глашатаев возвестить всем о вашей забывчивости, будем трубить везде и всюду об этом, поднимем тревогу, шум!..»

С удовольствием Муками дочитал до конца длинный «бахри тавил». Возвращая исписанный листок Мунтазиру, он сказал:

— Если обещанная чалма уже взыскана с давшего обещание, то это хорошо.

— Чалма взыскана! Но при всем своем богатстве почтенный Насриддинбек решил «порадовать» вашего покорного слугу старенькой, потрепанной чалмой. Позднее моя чалмоносная сатира попала на зуб андижанским улемам. Можете вообразить, какой они подняли шум. В то время к нам в Андижан приезжал Мухи. Он жил у казия Атабека. Мою сатиру на чалму он истолковал как богохульство. Назвал меня безбожником. Улемы потребовали, чтобы я убрался из Андижана. Вот тогда пришлось мне бросить дом, выехать из своей махалли и избрать местом жительства... кладбище. Бывает! Ну ладно! Давайте перейдем теперь к стихам Абдуразака Бими. Вот его вступление к поэме.

Поэт протянул Муками лист пожелтевшей бумаги. Муками медленно начал читать вслух это произведение, написанное в подражание Физули:

К любезной повести вступленьё —
Рассказ из свитка искупленья.
Страница горестей сердечных
Взята из надписей предвечных.
По этой бедственной причине
Не выхожу я из кручины.

— О да! Это великий поэт! — закончив чтение, воскликнул Муками.

— Разве ваш покорный слуга затруднял бы вас произведением, не заслуживающим внимания!

— Премного благодарен! Но, дорогой Мунтазир, пока еще я не читал ничего из ваших стихотворений, кроме «бахри тавила». Надеюсь, что прочту. Иначе не успокоюсь!

— Благодарю! Да я и сам не успокоюсь, пока не разложу перед вами все свои богатства. Кому же и показывать свои скромные пробы пера, как не вам. Но прежде надлежит подумать о вещах более существенных. Разрешите приготовить хоть чашку супа с овощами. Мы

вместе утолим голод, а уж потом опять займемся чтением стихов. Я думаю, что так будет лучше. На доньшке котла есть еще выжарки от сала, словно нарочно поджидали такого дорогого гостя. У меня нет ничего такого, что бы я скрывал от вас — ни выжарок, ни секретов!

— Не возражаю! Только жаль, что беседа наша будет прервана.

— А мы подготовим, пока закипает суп, ее продолжение.

Достав из книги лист бумаги, Мунтазир подал его Мукими:

— Иногда я упражняюсь в сочинении таджикских стихов. Есть у меня такая привычка. Хочется попытаться свои силы. Прошу, киньте сюда свой благословенный взор. Скажите: складно получилось или нет?..

Мунтазир занялся приготовлением овощного супа, а Мукими читал стихотворение:

Коль любимая тебе, о сердце, горе причинит,
Не терзайся: так бывает, так любовь дела чинит.

Что дивиться, коль не надо мне цветов и райских кущ?
Как лицо ее припомню — тут и сад в ушах шумит.

Мунтазир в любой пирушке остается сам собой:
Для друзей цветком раскроюсь, для врага я, что гранит.

— Превосходные стихи!— не мог удержаться Мукими.— Прекрасно! Похвально! Восхитительно! Ваш почкорный слуга онемел, ибо других слов у него нет.

— Нет, нет! Это уж чересчур!— возразил Мунтазир.— Я хочу, чтобы вы не расхваливали меня, а высказали бы свое мнение, уважаемый Мукими! Надеюсь услышать, пусть не так уж много, не так уж хвалебно, ваши ценные суждения.

Мукими не успел ответить. Дверь распахнулась, и в худжру вошел юноша с двумя дынями под мышками. Он скромно поздоровался. Мунтазир поспешил к дверям и воскликнул:

— Поразительно! Только что я думал о вас! Здравствуйте! Заходите, пожалуйста, заходите!

После краткой молитвы все провели ладонями по лицу. Затем Мунтазир представил гостя Мукими.

— Этот молодой человек — житель Коканкишлака. Он

поэт. Имя его Кори Закир. Хоть я уже старик, но считаю себя одним из его поклонников!

Как и подобает молодому человеку, Кори Закир встал и, почтительно поклонившись, поблагодарил хозяина.

— Вы чересчур расхвалили меня, учитель.

— Как бы я вас не хвалил, все мало. Я бывал во многих кишлаках, гостил у многих дехкан, беседовал с ними. Сердечные люди жители Коканкишлака. Подобных им нигде я не встречал. Они так любят поэзию и поэтов! Кори Закир! Слушайте, что я скажу. Только снимите халат и передайте мне. Здесь так душно. Если не снимете, я не скажу!

— С удовольствием!

— Хотя подождите, не снимайте! Сначала скажу, а потом вы разденетесь! Кто это сидит перед вами? Как вы думаете? Не знаете! Да ведь это уважаемый Мухаммед Аминходжа Муками. Тот самый Муками, которого мы с вами давным-давно ждем к себе в гости!

Издав радостный взглас, Кори Закир вскочил и приветствовал Муками, приложив руки к груди.

— Мы рады вас видеть, учитель! Андижан преподносит вам свои дары!

— Спасибо! Я рад, что приехал в Андижан. Я вижу и ощущаю вашу любовь.

Повернувшись к Мунтазиру, Кори Закир сказал:

— Учитель, с вашего позволения я хочу напомнить о вашем обещании, данном мне позавчера.

— Да? Это по поводу поездки к вам в Коканкишлак?

— Именно поэтому я и приехал.

Мунтазир усмехнулся. Он разлил в чашки овощной суп и сказал:

— Сначала мы пообедаем в этой бедной лачуге. А уж потом и поговорим.

— Нет, учитель! Поедем! Едва народ прослышал, что Мунтазир собирается в Коканкишлак, все: и Тура Сахибхан, и мулла Атабай, и Мамаджанбек — загорелись желанием с вами встретиться. Кроме них, готовятся к встрече мои односельчане певцы уста Баймат и мирза Хамдан Хушхон, поэт мулла Аскарали-Мехри. Музыканты настраивают дутары и тамбуры. А тут такое неожиданное счастье — сам Муками из Коканда удостоил нас своим посещением!

Когда все уселись за дастархан и начали крошить в суп черствую лепешку, хозяин худжры спохватился:

— Я забыл оставить супа нашему гостю!

— Не беда,— сказал Муками, желая выручить Мунтазира.— Он отправился на базар, придет поздно, а там что-нибудь придумаем.

Кори Закир предупредительно предложил Муками свои услуги:

— Если бы знать точно, где ваш гость, я тотчас же послал бы за ним арбу.

Мунтазир улыбнулся:

— Какую арбу?..

— Крытую арбу, на которой я повезу вас в Коканкишлак!..

— В самом деле? Вы серьезно говорите, Кори Закир?

— Конечно. Я приехал за вами из Коканкишлака...

— Удивительно! И бросили свои дела?

— Наши дела, господин, бывают только раз в неделю, в базарный день, да и то до полудня.

Приветливый, приятной наружности, еще совсем безусый Кори Закир своим незаурядным талантом уже снискал известность среди любителей поэзии.

Краснорядец по профессии, он имел в Коканкишлаке в торговом ряду маленькую мануфактурную лавку.

Вглядываясь в Кори Закира, Муками удивлялся все больше и больше. Коканкишлакский поэт своими привлекательными чертами, вежливостью, молодым задором очень походил на Фурката. Когда немного погодя Кори Закир поднялся и вышел из худжры, Муками обеими руками ухватился за воротник, выражая тем самым безграничное удивление, и воскликнул:

— Удивительно! Взглянул я на этого джигита, и сразу же в моем воображении возник образ моего уважаемого друга Закирджана Фурката. Словно я увидел его самого! Перо Кори Закира пока еще мне мало известно, но по наружности, по характеру и тонкому обращению он точная копия Фурката.

— Стихи уважаемого Фурката достойны всякой похвалы, никто не осмелится против этого возражать. Если же говорить о нашем Кори Закире, то хоть он и совсем молод, но пишет талантливо. Стихи его сделались любимыми песнями прославленного певца Туры Сахибхана. Мы еще послушаем его, а пока что попросим нашего молодого друга прочесть свои стихи. И вы убедитесь, что я прав.

Тем временем Кори Закир вернулся. Оказывается, он сходил на базарчик и принес целую стопку горячих ле-

пешек. Ни слова не говоря, он достал из ниши глиняное блюдо и хотел разрезать дыню. Тогда Мунтазир отобрал у него блюдо и нож:

— По правде говоря, хотя дыни давно уже спелели, в этом году еще ни одной не разрезал своими руками! А сейчас хочу утолить свое желание — возьму нож и сам буду резать, а вы пока почитайте нам такое ваше стихотворение, чтобы оно было приятным вроде сахарной дыни шакарфаляк.

С большими искусством Мунтазир разрезал дыню на три равные части, похожие на лодочки, затем в каждой лодочке отделил ножом мякоть от корки. Теперь ему осталось разрезать ее несколькими взмахами вдоль и поперек, после чего каждый сочный, сладкий, ароматный кусочек можно было свободно взять и положить в рот.

Тем временем Кори Закир извлек из глубокого кармана пачку исписанных листов бумаги, вытащил один из них и с большой выразительностью принялся громко читать:

О сердце, я в неведенье
попал в силок, измучился.
Запутавшись в ее кудрях,
я без дорог измучился.
Я был в согласии с тобой,
о сердце, не стеной теперь.
Я душу был готов отдать —
и изнемог, измучился.
Ты истерзалось все само,
все в муках горьких изошлось,
И сам я от твоих затей —
какой в них прок? — измучился.
Глаза мон, свиданья с ней
вы ждали — плачьте же теперь,
Меня, влюбив, вы извели, —
и я продрог, измучился.
Язык мой, по любимой ты
все, не смолкая, тосковал,
И по ночам от стонов тех
я спать не мог, измучился.
О ноги, ноги вы мои,
бежали, как Меджнун к Лейли.

Вы тайну выдали мою:
от вас, от ног измучился.
Приди ж, красавица, взгляни,
как он плачевен, твой Закир,
Как, сердце в ранах принеся
на твой порог, измучился.

Мукими весь обратился в слух. И, если ему особенно нравилась строка, он невольно сжимал ладони рук и восклицал: «Да-да!» А если попадалось неточное слово, он чуть морщил лоб. Надо сказать, что Кори Закир читал газель слишком восторженно, сам наслаждаясь звуками своего голоса и после каждого двустипшия восклицал «О!» и приподнимался с места. Прочитав газель до конца, он старательно утер платком выступившие на лице капли пота и не без гордости посмотрел на Мукими. Мунтазир краешком глаза глянул на Мукими и проговорил:

— Насколько я понял, господин Мукими, ваш покорный слуга проиграл. Дыня кажется вам не такой уж вкусной.

— Что вы,— любезно сказал Мукими, взглянув на Кори Закира.— Дыня, которую я сейчас попробовал, очень сладкая. Нет ей равной по вкусу!

Кори Закир не мог оставаться равнодушным. В словах знатока поэзии Мукими он услышал высокую оценку своей газели и почтительно вставил:

— За исключением кокандских дынь!

Переглянувшись с Мунтазиром, Мукими ответил на этот намек:

— В Коканде не все дыни сладкие. Качество поэтических произведений зависит от способности поэта, точно так же как вкус дыни, ее сладость, порождается трудом дехканина. Коканд называют родиной поэтов. Но не только потому, что там много поэтов. Главное, что среди произведений кокандских поэтов многие заслуживают внимания народа. Да, Кори Закир, вы сами, ваш природный талант радуют меня больше, чем ваша газель. И в Коканде есть способные молодые поэты. Они получили признание и совершенствуют свое мастерство. Увидев и услышав вас, я вспомнил своих друзей. Ваше лицо напомнило мне их облик.

Кори Закир встал, поблагодарил Мукими и снова сел. Мунтазир хотел что-то сказать, но его прервал стук

двери. В худжру вошел Таджибай с узлом в руках. Поздоровавшись с Кори Закиром, он сел рядом с Мукими.

— Я прогулялся по Андижану. Хороший городок!— сказал он.— Обошел много улиц и базаров. Ну, а вы как? Не скучали здесь?

Мукими улыбнулся:

— А как насчет склеенных черепков?

Таджибай тихонько ответил:

— Не спрашивал... Но ведь город большой... Не так ли?

Развязав платок, Таджибай положил на дастархан съедобные лепешки, фисташки, а потом вынул мясо, сало, рис, лук, морковь и все это отнес в угол.

— Что вы делаете?— запротестовал Мунтазир.— Ведь вы же гость! Или в Коканде такой обычай? Мы могли бы и сами достать...

— Извините,— сказал Таджибай.— У меня плохая привычка. Не могу уйти с базара с пустыми руками! Купить-то я купил, но как подумал, что скажете вы, даже в глаза людям не мог смотреть, так и пришел сюда с опущенной головой. В конце концов, если у вас было намерение приготовить плов, теперь уж вам утруждать себя не придется.

Все покатались со смеху. А Мунтазир сразу перешел к делу:

— Я и сам люблю таких людей, у которых, как и у вас, «плохие привычки». Да, если бы у всех были такие плохие привычки, в этой худжре каждый день в котле кипело бы сало! В наказание за ваши грехи вы будете мне помогать, а я уж, так и быть, своими руками приготовлю плов.

— Ладно.

Засучив рукава, Таджибай хотел приняться за дело — чистить лук, морковь,— но тут вмешался Кори Закир.

— Учитель! Да что же это такое?.. Если мы даже выедем сейчас, то едва-едва доберемся до Коканкишлака засветло.

— Но наши гости с дороги, они очень устали. А что если мы поедем завтра утром после завтрака?

— Если так, то я сейчас отпущу возчика... до завтра.

Кори Закир вышел на улицу, а Таджибай занялся приготовлением плова.

После сытного ужина беседа затянулась до полуночи. Утром, напившись чаю, все стали собираться в дорогу.

— А я, пожалуй, останусь здесь!— сказал Таджибай, обращаясь к Мукими.

— Почему? Вам будет скучно!

— Я скучать не буду. Вы же сами понимаете... Хочу посмотреть Андижан. Особого желанья читать стихи у меня нет. Да и слушателей мое творчество не особенно обрадует. А если начнется игра в шахматы, ну, тогда мир для меня станет тесным!

Расставшись с Таджибаем, поэты взобрались на арбу. Там поверх соломы был постелен палас, а на нем лежали мягкие одеяла. Мукими и Мунтазир сели впереди, а Кори Закир расположился посредине арбы. Возчик стегнул коня, и колеса закрутились...

Дорога вилась среди возделанных полей. Сначала по обеим сторонам дороги раскинулись посевы риса. Свежая зелень сверкала на солнце, при каждом дуновении ветра колыхалась, напоминая волнующуюся водную поверхность бескрайнего озера. Вскоре арба свернула на неровную ухабистую Хайрабадскую дорогу. Пошли посеы хлопчатника, чередуясь с залитыми водой рисовыми полями.

— Все эти обширные рисовые и хлопковые посеы,— рассказывал Кори Закир,— принадлежат нашим андижанским и коканкишлакским баям. Вот сейчас мы едем по вотчине самого мингбаши Ахмадкула. Богатый человек! Денег полна мошна!

Миновав Хайрабад, путники на закате солнца въехали в Коканкишлак.

После трудового дня дехкане уже вернулись с полей. Улицы кишлака и чайханы были полны народа. Особенно много толпилось людей на базарной площади, где высились гигантские мачты с протянутыми между ними канатами. Но представление дарбазов — канатоходцев — уже закончилось, и зрители — стар и млад — начали понемногу расходиться по домам. Проехав через площадь, возчик свернул налево в улицу, спускавшуюся к речке, и остановился у ворот ничем не примечательного, весьма обыкновенного кишлачного дома, принадлежавшего, как выяснилось, поэту Кори Закиру.

Услыхав скрип колес подъехавшей арбы, из калитки выбежали люди. Они подхватили под руки старого Мунтазира и Мукими, помогли им слезть с арбы и повели в небольшой, но очень уютный дворик, посредине которого благоухали в цветнике кустики пахучего шаровидного райхона — базилика. В цветнике стояла широкая деревян-

ная «карават». На ней, опираясь на подушку, сидел благообразный старик. Увидев вошедших гостей, он спустился вниз и поспешил к ним навстречу.

Это был поэт Абдураззак Бими, приехавший сюда из Ойимкишлака повидаться с Мунтазиром.

Два старых друга обнялись. Затем Мунтазир сказал:

— Почтенные друзья! Мой сегодняшний приезд отличается от прежних, как небо от земли. На этот раз я привез с собой уважаемого Мукими!

Абдураззак Бими сделал было шаг вперед, к Мукими, а тот из уважения поспешил навстречу старому поэту, и они крепко обнялись. Остальные поочередно поздоровались с Мукими. Кори Закир пригласил всех занять места на паласах и курпачах. Перед гостями растелили дастархан, принесли подносы со сладостями и фруктами. Тут были и особые андижанские румяные лепешки, и поразительно душистые сахарные дыни сорта «укари», и крупные белые персики, и большие кисти янтарного винограда. За дастарханом говорили о стихах знаменитых поэтов. Наконец пришел черед выступить любимому певцу Туре Сахибхану и его ученикам. Сначала он спел газель Джами «За один кокетливый взгляд Зулехо» на мотив самаркандской мелодии «Шашмаком». Потом певцы пели газели Навои, Физули и закончили газелью Бими:

В пору ясной любви твои кудри спешили завиться.

Чую мускусный дух, я стремился лицом в них зарыться.

Возле губок рубиновых рожника ль скромно чернела,

Или свила гнездо у источника райского птица?

Певцов сменили музыканты, сидевшие на другой «карават», которая стояла по соседству на краю цветника. Один из них — искусный мастер музыкальных инструментов, он же певец уста Баймат. Рядом с ним сидели Мирза Хамдам и житель этого кишлака Аскар Кори, который сочинял газели, подписывая их псевдонимом «Мехри». У него был прекрасный бархатистый голос. Все трое исполнили под аккомпанемент дутаров веселый мухаммас Бими. Пропев подряд четыре песни, они закончили свое выступление газелью Кори Закира:

Драгоценна земля, по которой ступаешь ты,

Для друзей миг беседы с тобой есть предел мечты.

Лишь враги по злобе не умеют ценить тебя,

Их беседа на сборищах соткана из беды.
Я погибнул от чар твоих глаз и рубинов губ,
Сотоварищ мой нынче — печаль, а друзья — труды.

Затем ударил по струнам Тура Сахибхан. Он запел строфу из газели Бабура:

В разлуке с черными кудрями
 чем мне дни свои занять?
Твой лик узреть — сильно желанье.
Где ж терпенья мне занять?
Я по твоим губам тоскую,
 сердце кровью изшло.
За что ж меня ты ввергла в муки?
Я ответ хочу узнать.

Один из певцов спел замечательную газель Закирджана Фурката:

В дни разлуки, против воли,
 начинаю слезы лить.
Коль с другими ты — возьмется
 ревность скрытая палить.
Ни о чем другом подумать
 не могу, будь день или ночь.
Тянет лишь бродить, пройтись,
 с друзьями сердце разделить.

Все это время на плоских крышах домов сидели женщины, накинув на голову халаты, и слушали импровизированный концерт. Увидев, что концерт кончился и мужчины уходят, они тоже исчезли в темноте.

Очень довольный Мукими поблагодарил Туру Сахибхана и других певцов, не пресмыкнув заметить, что все газели были исполнены хорошо, без ошибок.

После плова те, кто жил поблизости, попрощались с приехавшими гостями и разошлись по домам. Кори Закир унес лампу в комнату, а сам сел у порога, настроил дутар и потихоньку принялся наигрывать мелодии «Сайкал Чупон» и «Холбатыр», извлекая из струн искусными пальцами приятные, нежные звуки. Гости старики, убаюканные прекрасной мелодией, вскоре заснули. А Мукими не мог спать. Он вдруг вспомнил Таджибая и пожалел, что тот не присутствовал на такой интересной

встрече поэтов и певцов в Коканкишлаке. Как хорошо было бы Таджикибаю тоже ударить перед собравшимися поэтами в бубен, спеть под его звуки свои не очень изысканные, но понятные простому народу веселые песни. А много ли людей, которые хорошо понимают сложные серьезные мелодии и газели и в состоянии разгадать их смысл? Капля в океане мыслей!

«Надо устранять простые развлечения с песнями и музыкой, чтобы народ мог веселиться,— думал Мукими.— Нужны такие мастера, певцы и музыканты, как Таджикибай, исполняющие доступные всем песни. К сожалению, наш народ не обучен грамоте, образованных людей очень мало. Большая часть наших газелей понятна лишь нам самим».

Утром следующего дня поэты поехали в кишлак Файзнабад, который славился своими дынями и инжиром. На берегу речки Чиртак в тени огромных развесистых ив завязывалась оживленная беседа поэтов. Тенистые берега, прозрачная вода, чистый воздух, тишина очень понравились Мукими. У него поднялось настроение. Это прохладное место напомнило ему Кайнарбулак и Кудаш под Кокандом. В Файзнабаде собрались друзья, которые принимали участие во вчерашней встрече. С затаенным дыханием слушали они продолжение рассказа Мукими о жизни в Бухаре, его воспоминания о длительном путешествии по горам Афганистана и Бадахшана.

Поэт Мунтазир познакомил слушателей с историей Коканкишлака.

Частые засухи во времена кокандского эмира Малахана приносили голод и бедствия дехканам. Обнищавшие, голодные люди в поисках воды добрались до Нарына и Карадарьи. Они вспахали целину в Междуречье, осели на этих землях и назвали селение Коканкишлак в память родного Коканда.

Мукими захотелось узнать про Ойимкишлак. Об этом рассказал поэт Абдураззак Бими.

— Настоящее название кишлака «Мохларойим». Для благозвучности его стали называть просто «Ойимкишлак». А «Мохларойим» — это настоящее имя поэтессы Надиры. Свои стихи она подписывала также псевдонимами Камилы и Камина. Поэтесса Надира помогала переселившимся сюда дехканам. Да, если поинтересоваться и переспросить, то название кишлака может раскрыть его историю.

По просьбе Мукими пригласили к дастархану старейших дехкан Файзнабада. Беседа с седебородыми ста-

риками произвела на поэта тяжелое впечатление. Он был буквально удручен бедственным положением дехкан. Лучшие земли Ойинкишлака держали в своих руках крупные помещики и кишлачные чиновники. Плачевное положение дехкан усугублялось еще и тем, что здесь добыть воду для полива посевов было очень трудно, а подчас невозможно. Бурная речка Тентяк — Дурная — вполне оправдывала свое название. Эта капризная речонка весной ежегодно бушевала, меняла русло, затопляла окрестности, а летом, когда нужна была вода для полива, пересыхала. «Перед таким озорством сумасбродной дуры-речки, — жаловались старики, — мы, онемев, теряем дар речи».

После угощения Мунтазир и Бими ушли отдохнуть в беседку, прикрытую пологом для защиты от комаров. А Муками, выбрав прохладное уединенное место на берегу речки Чиртак, решил посидеть в одиночестве и, вынужденный из-за пазухи тетрадь, стал заполнять ее следующими строками:

О кишлаке Коканкишлак
Молва широкая прошла,
Он, повествуют, гостю рад,
Он — место отдыха, услад.
Там, над Тентяк-рекой, окрест —
Курилен и чайхан не счесть.
Но, правда, больше, чем садов,
Там рисовых полей, стогов.
От мингбашни Ахмедкули
Слезамн люди изошли,
Там всяк — издольщик у него,
Сто воплей не проймет его.
— А эти кто же? — я спросил.
— Уйгуры, на исходе сил.
— Вон посмотри — кишлак Уйгур.
Там каждый нищенствует, хмур.
— А то, — сказали, — Файзабад,
Он тоже — не блаженства сад,
Коль нищих земледельцев стон
Доносится со всех сторон.
Убожеству там нет конца,
Там горем полнятся сердца.

Если Муками начинал писать стихотворение, ему уже ничего не нужно было. Он забывал об отдыхе, сон не шел

к нему. Он даже забывал о еде. Он писал обычно до тех пор, пока не заканчивал.

Но сегодня поэт не довел до конца начатое. Комары накинудись на него, словно воины-копьемосцы. В конце концов они обратили его в бегство. Потерпев полное поражение, Мукими скрылся в беседке за пологом. День клонился к вечеру. Солнце спускалось к далеким горам. Поэты Мунтазир и Бими проснулись и совершили очередную третью молитву. Хозяева приготовили на ужин шавлю из бобов. Расстелили дастархан и сели ужинать. За чаем снова завели разговор о поэзии. Из соседней беседки доносилась песня, слова которой показались Мукими знакомыми. Слушая песню, он узнал в ней свою газель, написанную года четыре назад, и удивился, что она дошла до Коканкишлака.

Любимая, не заставляя ждать, придите!

Грудь не давши кровью истекать, придите!

Неужто мало, что горю в огне разлуки?

Не заставляя ждущего рыдать, придите!

Поодаль от беседок собрались старые и молодые дехкане и, стойко перенося укусы комаров, тучей носившихся в воздухе, слушали музыку и пение. Когда песня кончилась, по просьбе Мукими гости вышли из беседки и, образовав общий круг вместе с дехканами, развели костры. Дым отогнал комаров. Вечер музыки и поэзии для избранных превратился в народное гулянье. И снова Мукими не без сожаления вспомнил про своего друга Таджибая, оставшегося в Андижане чинить посуду, и про гулянье, устроенное для пастухов около юрты киргизского бия в Алайских горах. Поэт сравнил жизнь киргизских пастухов с жизнью узбекских крестьян-издольщиков и вздохнул. Двенадцать месяцев в году не снимают они со своей шеи ярма, эти несчастные дехкане-труженики, и если даже комары жалят их немилосердно, и то они с наслаждением слушают песни. словно сулят они их сердцам счастье и радость.

Гулянье затянулось до поздней ночи. Старые поэты, извинившись, ушли в беседку. Мукими вошел в круг файзибадцев, столпившихся около костра. Певцы спели еще четыре песни, затем уложили свои инструменты в футляры. Из кишлака доносилось пение петухов и певчих перепелок. Дехкане стали расходиться. Проводив их, Мукими заварил чай, подобрал в костер дров и сел за дас-

тархан вместе с певцами. Просидели чуть ли не до утра.

А утро было прелестное. Гости расположились на берегу Чиртака. Как раз к завтраку подъехал на арбе из Коканкишлака Кори Закир. Старики, из тех, что присутствовали на вчерашнем гулянье, доставили к завтраку кто что мог: один принес на блюде инжир и четыре слоеные лепешки, жаренные в масле, другой — чашку сливок, третий — две душистые дыни сорта «босиб олди».

После завтрака гости — Абдураззак Бими, Мухаммед Юсуф, Мунтазир, певец Тура Сахибхан и Мукими, распрощавшись с файзнабадцами, сели на арбу и поехали по дороге в Ойимкишлак, хотя Мукими хотел вернуться в Андижан, а оттуда поскорее отправиться в Коканд. Но Мукими счел неприличным отказаться от приглашения поэта Бими. Миновав опустелый уйгурский кишлак, они поехали по извилистой пыльной дороге.

Тура Сахибхан, настроив дутар, стал наигрывать веселые мелодии и напевать вполголоса под свой аккомпанемент.

— Пойте, уважаемый Сахибхан, — сказал Бими. — Порадуйте нас, пока мы не доехали до Ойимкишлака. Ибо, когда мы доберемся до моей лачуги, мы все будем вынуждены заткнуть уши ватой: окола нас расположена «ханак». Днем и ночью невежественные суфьи устраивают там свои радения. Их постоянные крики «хув-хув!», взывания к богу, до того надоедливо, что все время звенят в ушах. Так что я рад, что пригласил к себе, в свою жалкую лачугу, вас, наш дорогой гость Мухаммед Амнходжа Мукими. Но в то же время я сконфужен и обеспокоен. И мне надо просить у вас прощения. В прошлом году в это же время приехали навестить нас из Коканда Закирджан Фуркат и Мавлави Юлдаш. Они гостили лишь один день: у них терпения не хватило оставаться дольше. Они вспоминали вас, уважаемый Мукими. Мулла Закирджан много раз повторял, что ваш отъезд в Бухару огорчил ваших кокандских друзей.

От слов этих у Мукими защемило сердце.

— Я тоже очень соскучился по своим друзьям и глубоко раскаиваюсь, что поехал в Бухару. Закирджан и Мавлави Юлдаш совершали путешествие по Ферганской долине? — спросил он.

— Оказывается, Закирджана Фурката здешние родственники пригласили на свадьбу, — сказал Мунтазир. — Он и приехал с Мавлави сюда. А после свадьбы родственники

повезли их обоих на прогулку в Арсланбоб. Возвращаясь, они погостили у меня два дня, а потом уехали в Коканд.

— Разве у Закирджана есть здесь родственники?

— Да. Мать Закирджана — андижанка, она родилась здесь в квартале, где находится базарчик Орзикулбек. Я все время был вместе с Закирджаном и Мавлави, мы много беседовали. Однажды Фуркат признался мне: «Я так вас полюбил, что смотрю на вас и не могу глаз оторвать». Он посвятил мне газель, написанную им с искренним чувством в шутовском тоне. Некоторые двустишия сохранились в моей памяти:

Раскроешь ты уста —
 польется мед речей,
И жемчуга зубов
 сверкнут, как сквозь ручей.
Блаженство — видеть
 зеркало твоей красоты,
Лишь вскинешь ты глаза —
 и брызнет сноп лучей.

Мулла Закирджан и Мавлави сказали, что им очень понравился чай цвета алых тюльпанов, которым я угощал их у себя в худжре, что они опьянели от него. А вместо чая я заваривал, как и вам, корки миндалевого дерева. Они утверждали, что никогда еще не пили не не то что чая, но и вина такого рубинового оттенка.

Перед мысленным взором Мукими опять предстали его кокандские друзья. Он незаметно вздохнул, а затем с увлечением стал рассказывать о них и о том, как подружился благодаря своему другу Мавлави Юлдашу с Закирджаном Фуркатом.

Оживленная беседа продолжалась, пока путники не приехали в Ойнимкишлак. Арба остановилась около калитки домика, где жил Абдураззак Бими.

Проводив старого Бими в худжру, все трое отправились в сторону кишлачной мечети. Возле мечети был большой базар, расположенный под тенью тополей и гигантских талов. Дехкане, закончившие свои дела, киргизы, приехавшие из горных айлов, выбрав себе по вкусу дыни, арбузы или купив сочных персиков, усаживались во дворе мечети и лакомились сладкими дарами бахчей и садов.

Муэдзин мечети, он же сторож и метельщик, заметал в ведро дынные корки и на чем свет стоит поносил

людей за то, что они насорили. Базарчи откупались от муэдзина кусками дынь. Если же сварливому муэдзину попадался киргиз попроще, он нападал на него с дикой бранью и взыскивал с «виновного» штраф: с кого пятак, с кого две копейки.

Ловкий, бывалый Тура Сахибхан мигом нашел общий язык с муэдзином. В укромном уголке двора в холодке тут же был расстелен выдавший виды палас. Усадив там Мунтазира и Мукими, муэдзин принес чай, лепешки, на другом подносе подал кисти золотистого, налившегося соком винограда «хусайни» и белые сочные персики. Позднее выяснилось, что Тура Сахибхан, купив по дороге мяса, сала, моркови, луку, фруктов, пошел прямо в лачугу поэта Бими, вооружился веником и принялся за уборку, приговаривая:

— Это дело предоставьте мне, учитель! А сами идите в мечеть. Там вас ждут гости.

Поэт Бими возмущился:

— А это еще что? Зачем вы принесли этот узел?

— Не думайте, что Мукими только ваш гость, он и наш гость!— поспешил успокоить старика Сахибхан.— Я хорошо понимаю, что он не пойдет в мою лачугу. Поэтому я и пришел сюда с вашего разрешения, чтобы вместе с вами устроить угощение. А если вы будете говорить: «Это мой гость, это ко мне гость!»— я обижусь на вас! Лучше вы идите к гостям и предоставьте вашему покорному слуге все остальное. Я буду ожидать их здесь.

Бими вынужден был согласиться:

— Спасибо... Тура Сахибхан! Я хорошо знаю, что ваше положение не лучше моего. Я хотел зарезать последнюю курицу, чтобы достойно встретить и проводить гостя. Ладно уж, пойду в мечеть.

Бими поспешил в мечеть, а Тура Сахибхан начал подметать вокруг глиняного возвышения.

Тем временем, постукивая своим длинным посохом и отвечая на приветствия шедших навстречу людей, Абдураззак Бими шел по направлению к мечети. Подошел он к ней как раз в тот момент, когда гости говорили о достоинствах певца Сахибхана. Старый поэт присоединился к их мнению:

— Умение певца выбирать лучшие стихи говорит о его уме и тонком вкусе. И только человек, обладающий этими качествами, может стать настоящим певцом, любимцем народа.

— Да-а!— сказал Мукими.— К сожалению, таких искусных певцов мало! Неграмотные хафизы поют газели шиворот-навыворот. Они готовы без ножа резать бедных, ни в чем не повинных поэтов! Этого не скажешь о певце Туре Сахибхане из Коканкишлака. Я восхищен его мастерским исполнением песен. Поэтому я еще больше полюбил Коканкишлак, его знатоков за то, что из их среды вышел такой прекрасный певец!

Увлеченные разговором, собеседники и не заметили, как тень ушла и они очутились под палящими лучами полуденного солнца. Несмотря на жару, чтобы не перебить поэта, слушатели даже не пошевельнулись и продолжали терпеливо сидеть на солнцепеке. Бими сказал, что не всякий человек, умеющий бренчать на инструменте и горланить песни, может считаться певцом. Настоящим певцом, музыкантом можно стать только при условии, если человек талантлив и добросовестен. Такой певец всегда, даже и после смерти своей, будет жить в памяти народа.

Закончив свое слово, Бими поднялся и пригласил гостей к себе.

Когда они пришли в его худжру. Сахибхан уже навел чистоту, со вкусом украсил глиняную супу, приготовив ее для приема гостей, а сам возился у очага. Встретив гостей, он усадил их на супу.

— Все в порядке, все готово для друзей,— говорил он,— и суп почти сварился. Но соседские лягушки все еще квакают, я боюсь, как бы они не доняли нас.

Из соседней ханаки доносился шум голосов и вопли. Бими усмехнулся.

— И в самом деле, сегодня базарный день. В эту ночь у нашего соседа ишана собираются его мюриды, невежды и крикуны. Только уснешь, а они, окаянные, орут. Идет радение. Соседям покою не дают. Мне самому все это опротивело. Может быть, мы перейдем куда-нибудь в другое, более спокойное место, а?

Не желая причинять беспокойства почтенному старцу, Мукими сказал:

— Ничего, ничего, давайте послушаем самую высшую степень экстаза во время радения этих дервишей... А вы, Туре Сахибхан, пока будет вариться суп, спойте вчерашний маком. Смотреть за котлом, мешать суп и прочие обязанности повара я беру на себя.

Певец уселся на пороге и, аккомпанируя себе на дутаре, спел кокандский ушшук, после него — газель Захириддина Мухаммеда Бабура и закончил газелью Мукими.

Затем, прислонив к стене свой дутар, он побежал к очагу с возгласами:

— Суп готов! Суп готов!

В полночь в ханаке началось радение, слышались неистовые вопли, фанатичные выкрики «хув-хув». Всю ночь они не давали спать поэтам...

А утром, едва все сели за дастархан, Мукими прочитал написанную им за часы бдения сатиру «Лягушки». Позавтракав, Бими и Мукими стали прощаться.

Когда арба отъехала, Мукими оглянулся и увидел: посреди улицы, согнувшись и опершись на посох, стоял Абдураззак Бими и смотрел вслед своим гостям до тех пор, пока они не скрылись за первым поворотом. Образ благородного поэта Бими, словно выгравированный на серебре, навсегда остался в сердце Мукими.

Мукими спешил в Коканд. Он мягко отклонил приглашение коканкишлакских друзей совершить совместную поездку на бахчи и уехал вместе с поэтом Мунтазиром в Андижан. Кори Закир, Сахибхан и другие любители поэзии проводили их до Хайрабада.

Мукими и Мунтазир посетовали, что такие образованные люди, как Абдураззак Бими, живут бедно, в нужде, с трудом добывая кусок хлеба, а невежды проводят жизнь в удовольствиях. Мукими рассказал Мунтазиру о своей жизни, скитаниях, обо всем, что довелось ему пережить, и в заключение заметил:

— Беды, которые я перенес, даже слон бы не выдержал, а я все креплюсь. Ибо, хотя и далеко, но все мерцают звезды в небесах моих надежд! Меня удивляет другое. Вы ведь еще не умерли, а уже отстранились от живых людей. Почему? Почему вы местом жительства избрали кладбище?

— Для меня кладбище спокойнее...

— Эти слова звучат как ирония в устах людей, приговоренных к смерти. Разве для такого, как вы, поэта-философа, жизнь среди народа не спокойней, чем на кладбище? По-моему, спокойней и лучше!

— А если ко мне не идут слушать мои стихи!

— Если они к вам не идут, тогда вы идите к ним, учитель! Один не захочет — другой будет слушать!.. Кладбище — место для умерших, а на мертвых не могут воздействовать ни дарующие успокоение мелодии Туры Сахибхана, ни философские стихи поэта Мунтазира, ни оскорбительная брань и острые сабли городских. Прошу извинения за горькую правду, но я хочу сказать, что ваш

священный сборник стихов должен остаться не на кладбище, а среди народа. Сколько людей похоронено на Бобосатинском кладбище! Сколько замечательных образованных поэтов древнего Андижана, сколько баев, которые считали себя столпами Андижана, чиновников, сколько красавиц, вдохновлявших поэтов, сколько певцов, песни которых неслись к небесам! Все они лежат на этом кладбище! Пусть найдут они здесь успокоение! Но я должен вознести хвалу за то, что, приехав сюда, нашел вас, такого прекрасного учителя и поэта, живым среди покойников.

У Мунтазира выступили слезы на глазах.

— Обычно люди приходят на кладбище с джаназ¹, а когда возвращаются домой, среди них уже нет одного человека, они расстались с ним навеки. Ладно, завтра придут ко мне люди из махалли, и, когда они будут возвращаться с кладбища, пусть впервые среди них будет не меньше, а больше на одного человека! Что вы скажете на это, Мухаммед Аминходжа?

— Очень хорошо, учитель! Когда я вернусь в Коканд, буду всем говорить, что перенес поэта Мунтазира с кладбища домой!..

— И теперь, когда место Мунтазира осталось свободным, не отправите ли вы туда Хаджи Мухи?

— Высокопоставленные улемы — духовные лица — уже приглашали Хаджи Мухи на должность попечителя кладбищ, но он не пошел, говорит, что там нет вакуфного имущества, а значит, нет и доходов. Есть надежда, что когда-нибудь улемы применят силу...

Оба рассмеялись. Их смеху вторил смех арбакеша, который, подружившись с поэтами Коканкишлака, так поднаторел, что сразу понял, о чем речь, и уловил иронию Мукими.

По мере приближения к городу усиливалась тревога Мукими о Таджикибае.

— Наверное, Таджикибай скучал тут. Где его теперь разыскивать? Найду ли я его? Может быть, он бродит по Андижану из махалли в махаллю и кричит: «Чинить! Починять!» Или, взяв под мышку свой бубен, скитается по свадьбам или другим семейным торжествам и без стеснения вторгается в любой дом, куда его никто не звал?

Окликнув возчика по имени, поэт спросил:

¹ Джаназ — заупокойная молитва.

— Послушайте, Тойчибай! Вы не знаете, ходит поезд из Андижана в Коканд, а?

— Ходит... Каждый день. Кори Закира я проводил на поезд в Маргилан вчера вечером.

— А уехать не трудно?..

— Надо взять билеты. В вагоны для таких, как мы, билеты берут нарасхват, а в байские вагоны можно получить без затруднения: они намного дороже.

Мукими переменялся в лице. Мунтазир посмотрел на него удивленно.

— Почему вас так беспокоят билеты?— спросил он.

— Я хотел бы уехать сегодня.

— Вы уедете... А меня оставите одного на кладбище среди могил.

— Кто вас принес сюда,— мрачно пошутил поэт,— тот пусть и уносит.

— Увы, никто меня не приносил, я сам пришел...

— Вот вы, Мунтазир, какой храбрый, смелый! Молодец! А меня, если бы даже все враги мои собрались и потащили сюда, я ни за что бы не пошел.

Между тем арба, миновав Чувалачи, свернула на улицу Бобосатин. Когда они подъезжали к кладбищу, у них все еще шел спор. Мунтазир решительно возражал против намерения Мукими ехать сегодня же. Он нашел еще один довод, чтобы уговорить гостя отложить свой отъезд.

— А ведь у нас еще есть поэты, с которыми вы не беседовали,— сказал Мунтазир.— Они жаждут вас видеть, обязательно должен позвать Абдугафура Мухиба, Пиримкори, Сулейманкула, Расво, Мухаммеда Тахира и Фони и устроить им встречу с вами. Иначе никак нельзя! Вы-то и заставите меня уйти с кладбища и вернуться домой!

Арба подъехала к воротам кладбища. Взяв Мунтазира под руки, Тойчибай помог ему слезть, а затем, сняв лежавший сзади на арбе мешок с дынями, взвалил его на спину и понес через кладбище к худжре Мунтазира. Вслед за ним, продолжая разговор, шли два поэта. Подойдя поближе, они увидели, что дверь открыта, площадка перед ней подметена и полита. Навстречу им вышел с приветствиями и поклонами Таджибай.

Войдя к себе в худжру, Мунтазир был приятно удивлен: комнатка его приняла совсем другой вид. Кругом было прибрано. На дастархане лежали свежие лепешки, фисташки, стояла каза с медом, конфеты. В котле на очаге жарилось мясо с луком и морковью для плова, распространяя заманчивые запахи.

Растроганный Мунтазир, не зная, как и благодарить Таджибая, снял верхний халат и вышел. Мукими, подмигнув другу, усмехнулся и сказал:

— Вы так важно сидите, Таджибай, задравши нос, ну точь-в-точь похожи сейчас на старшего надсмотрщика над всеми могильщиками!..

— А разве у меня в руках не шумовка, а лопата? Вы обознались, друг.

— Откровенно говоря, вы виноваты, что за эти два дня я по вас соскучился! Посмотрели бы вы, какое гулянье устроили дехкане в Коканкишлаке! И не говорите! Эх, как искали певца, который умел бы играть на бубне! А вот битой посуды в Коканкишлаке куда больше, чем целой! Зря вы не поехали! Да что уж там и говорить!..

— Значит, там на вас, на поэтов, спроса нет? Полный застой на поэтическом базаре, что ли?

— Просто беда!.. А я не умею починять посуду. Если бы вы научили меня играть на бубне и достали где-нибудь шкуру дохлого теленка, чтобы я натянул ее на котел, в котором варят паровые манты, то я начал бы играть на бубне и сразу раздобыл бы себе на кусок хлеба.

— И вы думаете, что играть на бубне легче, чем писать стихи?

— А как же! Конечно.

— Нет, Мукими. Чтобы собрать вокруг поэта дружную компанию из четырех человек, надо сначала как следует побить в бубен! Не завидуйте и искусству починки посуды. Пишите себе свои стихи, а чтобы в котле не переводилось жаренное в сале мясо с луком и морковью, не гоните меня от себя, старайтесь, чтобы я был всегда при вас. Я безродный, бездомный скиталец. Тем, что удастся раздобыть, делюсь со своими друзьями, лишь бы хватило на сегодня. Но от вас я ничего не скрываю. Я всегда храню в узелке бельбага монету червонного золота на саван, чтобы после моей смерти тело мое никому не было бы обузой. Эту монету я не истрочу даже в том случае, если буду помирать с голода.

— А у меня и такой неразменной монеты нет.

— Не сравнивайте себя со мной. Вы такой человек, который никогда не умрет. Вы вечно будете жить на свете!

— И у меня тоже такое же заветное желание жить вечно! И если бы все заботились обо мне, я достиг бы исполнения этого желания! О друг мой! Если бы у каждого было такое, как у вас, кристально чистое сердце... Ну да ладно уж! Не будем горевать и сетовать! Мне

очень хочется сегодня же вечером уехать отсюда. Сердце бьет тревогу, душа болит, так и тянет в Коканд поскорей! Что вы скажете на это?

— Я готов делать то, что вам угодно. Хотите пробыть в Андижане еще неделю — я не возражаю. А скажете — едем, готов хоть сейчас!

— Надо только уговорить Мунтазира. Других препятствий у нас нет. Остаться дольше нет возможности. А он хочет собрать всех андижанских поэтов и познакомить их с вами. Будем живы-здоровы, в другой раз приедем, познакомимся, поговорим. Да и Абдураззака Бими надо будет навестить. Как вспомню его стоящим одиноко на дороге, так сердце у меня и защемит. Вставайте, Таджибай, положите рис в котел, уже пора! Пока поспеет плов, и учитель подойдет: ведь он в калошах на босу ногу — значит, ушел недалеко.

Таджибай принялся за свои поварские дела. Муки-ми вышел на улицу и немного спустя вернулся вместе с Мунтазиром.

— Напрасно вы себя утруждали, учитель! Мы должны поторопиться на станцию!

— Я очень благодарен вам, учитель, — говорил Мунтазир упавшим голосом, — что вы приехали ко мне. Радости моей нет предела. Пожили бы у меня еще. Но если уже есть необходимость ехать — неволить вас не могу. Мое положение, как видите, такое... Силы-то у меня подчас и нет, чтобы раздобыть лепешку, но меня не оставляют друзья. Нет-нет да и придет кто-нибудь навестить. Вы вот выразили свое удивление, что я живу на кладбище. Вы знаете — у меня не оставалось иного выхода. Я лишен возможности пользоваться удобствами городской жизни не по своей воле. Улемы потребовали, чтобы я убрался из Андижана, и мне пришлось искать убежища здесь... К нам в Андижан приезжал Мухи, он жил у казия Атабека. Мою сатиру на чалму он истолковал как богохульство. Назвал меня безбожником. Вот тогда в городе мне стало тесно, и я перебрался на кладбище...

Когда собрались все, кого ожидал Мунтазир, плов был выложен на блюдо. Сели за дастархан. За пловом говорили о том, что Мунтазиру все же надо переехать в город, жить среди народа, собрать вокруг себя молодых писателей, настроить их против ишанов и улемов.

Поев, все вытерли руки, выпили чаю и прочли краткую молитву. Муки-ми попросил поклониться от него андижанским писателям, с которыми ему не удалось встретиться.

ся, и пообещал приезжать в Андижан каждый год. Мунтазир, молитвенно подняв руки вверх, пожелал гостям здоровья и счастливого пути. Выйдя за ворота, они обнялись и распрощались.

Дойдя до Культепа, Мукими и Таджибай сели на арбу и поехали на вокзал. По словам арбакеша, до отхода поезда оставалось еще много времени.

На станции было людно. Кто с хурджуном через плечо, кто с мешком, кто с одеялами — все куда-то спешили. Поручив Мукими смотреть за хурджуном, Таджибай побежал в кассу за билетами.

Поэт прождал Таджибая целых два часа. Между тем стемнело. Народу становилось все больше. Вот перед ним прошла женщина в парандже; на руках ее был ребенок с больными глазами. А вот старуха с узлом на голове и с прялкой под мышкой. Протискивались к кассе старики в ватных стеганых халатах, повесив кумганы на пояс. Ломились прямо через толпу здоровенные парни с грязными мешками и хурджунами.

Но вот, наконец, из гущи толпы вырвался Таджибай. Утирая пот полой халата, запыхавшись, он подбежал к Мукими и сказал:

— А вы тут, должно быть, расстраивались, Мукими! Хотел купить билеты в вагон для баев. Так мне не дал кассир, нечистое отродье! Видите ли, я в плохой одежде! А другим, в дорогих халатах, тут же продал билеты.

— Так и не купили?!— с тревогой спросил Мукими.

— Вот, купил! Только не во второй класс, а в вагон для бедняков. А на это ушло столько же денег. Пришлось платить деньги тем, кто достает билеты, тем, кто пропускает к кассе. Другого выхода не было! А раз мы достали билеты, значит мы в выигрыше, мулла-ака! Говорят, что завтра на рассвете поезд будет в Коканде! Идемте, скорее.

И они побежали. Впереди Мукими с халатом под мышкой, а сзади Таджибай с тяжелым хурджуном на спине. Втиснувшись в темный коридор, через который пропускали на поезд, они остановились. В коридоре было душно, стоял спертый, вонючий воздух. Плакали дети, кричали и стонали больные. Кто-то спорил, скандалил, непрерывно раздавались крики: «Берегись! Посторонись! Пройди вперед! Отойди назад!»

— А для тех, кто купил билеты в вагоны первого и второго класса,— возмущался Таджибай,— совсем дру-

гой, светлый коридор. Баев пропускают без очереди. Для купцов, баев эта поездка — одно удовольствие!

«Все для тех, кто в новой, дорогой одежде,— думал Мукими.— И почетное место и на свадьбе, и на торжествах, и в мечети! И даже почетные места в поезде на железной дороге, которая построена народ возить, тоже для тех, кто ходит разнаряженный, в новой одежде. Хотя и нет у них ни образования, ни знания, лишь бы были на них новые дорогие халаты!»

Наконец дверь открылась, и людей выпустили на платформу. Поднялся невообразимый шум: старики, старухи, женщины висли на подножках вагонов, стараясь взобраться на ступеньки. Мукими и Таджибай успели войти в самый последний вагон. Все места были уже заняты. Таджибай положил хурджун в проходе, посадил на него Мукими, а сам, стоя рядом, стал обмахивать ему лицо полой халата. Прозвенел третий звонок, и поезд тронулся.

Много раз поезд останавливался на станциях и в полночь прибыл в Маргилан. Станция называлась «Горчаково». Схватив кумганы, люди кинулись на поиски кипятка. А их места заняли новые пассажиры. Начались скандалы. Новые пассажиры сказали, что поезд простоят два часа, будет смена паровоза. Услышав это, Мукими решил выйти на станцию и подышать свежим воздухом. Он прогуливался по перрону. В вагонах первого и второго класса горели фонари. Пассажиров там было мало. Они сидели свободно, что-то пили, разговаривали, играли в карты.

Мукими вернулся и хотел подняться в свой вагон, но площадка была заполнена пассажирами. Получив дватри тумака, Мукими взмолился, чтобы его пустили на прежнее место в коридоре. Узнав Мукими по голосу, Таджибай выскочил на площадку и тоже стал упрашивать людей. С трудом ему удалось втащить поэта в вагон. После этого они уже не выходили. На рассвете поезд пришел в Коканд.

В Коканде около вокзала было построено много больших красивых зданий. Дорога была мощеной. Пассажиров, прибывших с поездом, ожидали выстроившиеся в ряд пароконные извозчики. Увидев это, Мукими невольно улыбнулся и посмотрел вокруг. Он почувствовал облегчение: дорожные трудности остались позади. Наконец он дома... в Коканде...

Они пошли туда, где стояли извозчики. Таджибай

уже хотел было положить хурджун на один фаэтон, но извозчик заорал на него:

— Слезай! Смотри — вши посыпались! На кого ты похож! Какой грязный халат ты на себя напялил!

Таджибай запротестовал:

— Заплачу такие же деньги, как и те, кто чисто одет.

— Плакать будешь, все равно тебя не возьму!

Стоявший поодаль Муками сдавленным голосом позвал Таджибая:

— Вернитесь, Таджибай! Идемте пешком, немного разомнемся!..

Все это слышал седобородый кучер стоявшего сзади фаэтона.

— Если не ошибаюсь, вы Мухаммед Аминходжа?— Подошел он к ним.

— Да, я Мухаммед Аминходжа.

Седобородый сердечно поздоровался с Муками и пригласил его в свой фаэтон:

— Пожалуйста! Я отвезу вас.

— Спасибо, мы должны ждать товарищей.

Не оглядываясь, Муками пошел дальше. Таджибай, неся на плече тяжелый хурджун, шагал за ним следом. При повороте в базарные торговые ряды «Гаябакколлик» Муками остановился, чтобы подождать отставшего Таджибая. Таджибай, мокрый от пота, положил хурджун на землю, выпрямился и перевел дух.

— Я еще в Андижане хотел спросить,— заметил Муками,— почему хурджун такой тяжелый?

— Подарки...

— Удивительно! Человек, который говорит, что у него в Коканде никого нет, набирает полный хурджун подарков! Ведь тут груз для одного ишака.

Таджибай засмеялся и сказал:

— Я бы ответил, но не хочется портить вам настроение.

— Говорите, Таджибай! Раз уж начали, договаривайте.

— Я хотел сказать: «груз двух ишаков».

Муками улыбнулся.

— А какое отношение ко мне имеет этот хурджун?— спросил он.

— Половина подарков ваша! Неужели вы придете домой с пустыми руками? Я купил меду, фисташек и еще кое-чего...

— О Таджикибай, Таджикибай! Что вы наделали! Какой там дом!

— Если даже вы дали развод жене, ведь у вас есть сынишка!.. Вот я и купил для него халатик, сапожки, тюбетейку, пояс... Сам своими руками обряжу его.

Поэт шел впереди по обочине улицы, а Таджикибай шагал за ним.

Не хотелось Мукими, чтобы кто-нибудь узнал его, увидел бы в грязной дорожной одежде. Через многолюдные базарчики он проходил быстрым шагом, а потом поджидал Таджикибая. Когда они подошли к угольному базару, открылась сравнительно широкая улица. Поэт глянул на нее, и сердце его тревожно забилося. Именно по этой улице он всегда ходил к своей любимой сестре Мехринисе. Здесь можно было пройти через базарчик в махаллю Шалдирамок, где жила когда-то его покойная мать.

Погруженный в думы, Мукими долго стоял на повороте. Куда идти? В медресе Хазрат? Нет! В худжре, может быть, живут другие люди, а может быть, даже Мухи! Если даже Мухи сам не занял его худжру, все равно неразумно идти сейчас в медресе в таком виде. Где приклонить голову? Где близкие друзья, в чью дверь можно постучаться? Мавлави Юлдаш! Вот к нему можно прийти в любое время.

Его нагнал Таджикибай, положил хурджун на землю и ждал. Опечаленный Мукими с деланной улыбкой сказал ему:

— К кому бы мы ни постучались: к бедняку ли, к ремесленнику ли — каждый в Коканде откроет нам дверь. Но сейчас время утренней молитвы. Мне не хочется с хурджуном на плече проходить мимо мечети. Если на молочном базаре чайхана все еще стоит на своем месте, мы могли бы там выпить чаю со сливками. И вы сами-то очень устали.

— Добрый совет!

Взвалив снова хурджун на спину, Таджикибай поплелся вслед за Мукими. Пройдя через мост Бойтакуприк, они направились к чайхане.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ВНОВЬ ВСТРЕТИЛИСЬ ДРУЗЬЯ

Еще год назад поэт Уста Авазмухаммед Писанди написал письмо мударрису медресе Мир Араб Халмухаммеду-ахунду, спрашивая о друге своем Мукими. Хотя и

с запозданием, но ответ все же пришел. В нем Халмухаммед-ахунд сообщил, что долгое время они жили с Мукими, как отец с сыном, и он, Халмухаммед, даже намеревался выдать за Мукими свою дочь Нозик с тем, чтобы принять к себе в дом хорошего зятя. Но тут беда обрушилась на их головы: Нозик привлекла внимание старух сводниц из гарема эмира и попала в список «кениз». Мукими пришлось поспешно бежать из Бухары. На беду Халмухаммед-ахунд с дочкой не сумели вовремя уехать и были схвачены полицейскими эмира. Халмухаммед горестно рассказывал, что Нозик увели в гарем эмира. В конце письма он просил сообщить, приехал ли Мукими в Коканд или нет, а если он там, то благополучно ли доехал.

С письмом поэт Писанди поспешил в медресе Хазрат и, не найдя в худжре Миёна Сотыболдыхана, отправился к нему домой. Прочитав письмо, Миён встревожился и послал человека к Мавлави Юлдашу. Друзья встретились. Весть из Бухары вселила в их души беспокойство и страх за судьбу Мукими. Их удивляло, что до сих пор поэт не мог добраться до Коканда. Тем не менее Миён Сотыболдыхан пошел в медресе и открыл худжру, которая после смерти Нохуша была заперта на замок, и позаботился, чтобы принесли паласы, курпачи, постель, посуду, запас риса, лука, моркови, сухих фруктов, пачки две-три чая. Кроме того, Миён решил найти чистоплотного, расторопного человека, который был бы под стать Мукими, и поселить его в худжре, чтобы он неотлучно находился при поэте, когда тот вернется.

Друзья Мукими, узнав, что он выехал из Бухары, собрались в доме Абида-агляма. Они решили доставить в худжру все необходимое и обещали принести кто ковер, кто одеяло, кто подушку. Один сказал, что привезет арбу дров, другой — мешок риса. А Мавлави Юлдаш предложил вызвать из кншлака Каримдевана человека по имени мулла Абдулла.

— Он отлично будет прислуживать Мукими, — сказал Юлдаш. — Абдулла очень сметливый человек, кроме того, каллиграф с красивым почерком и искусный повар. В детстве он остался сиротой и жил в людях. Выполняя всякую черную работу, он сумел обучиться грамоте.

— Да, вот еще вспомнил. Есть один поэт, Исманлом его зовут. Ему наш Мукими дал псевдоним Гариби (Бедняк), потому что он был бедняком, бедняком и останется. Этот Исманл родился и вырос в Коканде, в нашей махалле Беквачча. Он тоже подойдет, по-моему.

Друзья решили поручить художру Абдулле и Гариби.

— Пусть мулла Абдулла и мулла Исманл Гариби переезжают в художру и ждут нашего Мукими. Прямо с дороги он, конечно, придет в художру,— сказал Убайдулла Завки.— А мы с Абидом-аглямом завтра же поедем в Ходжент, а если понадобится, то и дальше в Уратюбе. По дороге в каждой чайхане, в каждом караван-сараяе будем расспрашивать про Мукими. А вдруг на наше счастье мы встретим его, тогда мы вместе с ним вернемся в Коканд. Наверное, мы найдем Мукими на арбяной дороге, потому что человек, бежавший из Бухары, в поезде не поедет.

Они так и сделали. Поехали в Ходжент, а оттуда добрались до Уратюбе. Довольно долго они жили в чайхане на большой Самаркандской дороге, неусыпно следили за движением, расспрашивали проезжих, но никаких вестей о Мукими им не удалось получить. Расстроенные, они вернулись в Коканд.

Прошла еще неделя. Все с нетерпением ждали Мукими. Но о поэте не было ни слуху ни духу!

Собираясь по вечерам, друзья перебрали сотни возможных вариантов. Один говорил: «Уж не схватили ли его где-нибудь по дороге из Бухары в Самарканд». А другой восклицал: «Дорога дальняя! Одноюкней, без денег... Сколько мучений и горя натерпелся. Может быть, обесснел, занемог?»

Но все жили надеждой, что Мукими вот-вот вернется в Коканд.

Однажды Мавлави, попивая чай, просматривал книгу. Кто-то тихонько постучал в калитку. Потом все стихло. Если бы пришел Гариби с радостной вестью, так тихо не стучал бы, а начал бы колотить во всю силу. Положив закладку в книгу, Мавлави Юлдаш поднялся и пошел открывать. Перед калиткой стояли два странника в полинявших черных халатах, в грязных рваных чалмах. Вид у них был усталый, головы втянуты в плечи. Один из странников шагнул к Мавлави Юлдашу, крепко обнял его и воскликнул:

— Мой друг Мавлави! Я приехал!..

Мавлави так растерялся, что не в силах был вымолвить ни слова. Мукими посмотрел ему в глаза и засмеялся. Потом, толкнув в плечо, воскликнул:

— Что с тобой, Мавлави? Очнись! Это я, твой Мукими!

Он назвал его на «ты». Раньше Мукими никого не

называл на «ты», а особенно своих друзей, и это был первый случай в его жизни.

Придя в себя, Мавлави обнял Мукими и прижал его к груди.

— Я чуть не умер от радости!— сказал наконец Мавлави.— А если бы я умер, не наглядевшись досыта, что бы тогда было?— Затем он поздоровался с Таджибаем, распахнул створки калитки и, указав рукой на дорожку, пригласил их войти:— Пожалуйста.

Он закрыл калитку, после чего снял с плеча Таджибая хурджун и пошутил:

— Ого-о! Какой тяжелый! Я думал, что вы просто беглецы, а вы, оказывается, ночью продырявили кованый сундук и утащили у эмира бухарскую казну.

Мукими грустно усмехнулся:

— Хурджун полон добрых дел. Это все, что мы нажили в священной Бухаре.

— А в письме, которое дошло до нас, было сказано: «Мукими бежал из Бухары и унес с собой целый хурджун грехов».

— Если только эмир бухарский затаил злой умысел на какого-нибудь бедняка, тогда все пропало, и его послушание, и поклонение, и молитвы — все идет прахом. Ну? От кого вы получили письмо?

— Ваш учитель мулла Халмухаммед-ахунд получил письмо поэта Писанди, который рассказал подробно про все события. Ну, пожалуйста в худжру! Заходите!

Когда они вошли в худжру и разделись, Мукими познакомил Мавлави Юлдаша с Таджибаем:

— Это мой Таджибай. Правда, стихов он не пишет и никому не посвящает. В занятиях поэзией он совсем неповинен, но он встретился с беглецом, присоединился к нему и привез к вам его сюда. У нас сейчас нет возможности рассказать про все наши печали и радости! О них в другой раз. Мы очень устали. Скажите сначала мне, кто здоров, кто болен, кто жив, кто умер, а потом на несколько часов оставьте нас в покое, мы немного отдохнем.

— Про кого вы хотите спросить? В Коканде тихо, спокойно. Но все-таки, может быть, попьете чаю и тогда уж на отдых?

— Мы уже напились чаю. А пока будем спать, может быть, рисовый суп с кусочком мяса и с кислым молоком...

— Безусловно, а для приправы сверху посыплем киш-

нецом и райхоном, потом сузьмы, кислого молока и перчика. Не беспокойтесь, все будет сделано!

Мавлави Юлдаш опустил занавеси на окнах, в комнате стало полутемно. Уложив гостей спать, Мавлави Юлдаш поспешил в медресе. Он поднял на ноги муллу Абдуллу Гариби, и они поспешили к друзьям сообщить о приезде Мукими. Юлдаш зашел к Миёну Сотыболдыхану и получил от него подарок за радостную весть. Затем Юлдаш вернулся домой. Сказав своим домочадцам, что придут гости, много гостей, он опять ушел.

Обычно Мавлави Юлдаш шел по улице с гордо поднятой головою. Когда встречные здоровались, он отвечал на приветствия. Если здоровались дети, он останавливался и шутил с ними. Но если попадался какой-нибудь важный чалмоносец, то он проходил мимо, не замечая его.

Когда Юлдаш Мавлави подходил к Исфаринскому базарчику, из улицы Тарокчилик выехал пароконный экипаж. Два арабских коня на рысях быстро несли легкий фэтон. Кучер туго натянул вожжи, так что запрокинул голову и не видел, что делается впереди.

Кучер мчался, нахлестывая коней. Мавлави, охваченный гневом, вышел на дорогу и поднял руку. Извозчик осадил лошадей, с фэтона спрыгнул байский сынок Абдураззак, сосед Мавлави, и воскликнул:

— Что изволите, сосед? Чем могу служить?

— Я не хочу приказывать, чтобы мне кто-нибудь служил, мулла Абдураззак! Я имею право и поэтому говорю вам. Кони облегчают вам тяжесть, сокращают расстояние. Но зачем вы позволяете кучеру так туго натягивать вожжи, мучить бессловесное животное?

Посмеявшись, Абдураззак извинился, обещал, что впредь он не позволит так мучить коней. Сев в коляску, он поехал в сторону махалли Хаджибек. Мавлави Юлдаш, купив все необходимое для угощения, вернулся домой. А у него уже собрались Миён Сотыболдыхан, Завки, Соли Чакалак, галантерейщик Ахмедджан Аттар, парикмахер уста Ковул, медник Ташходжа. Все они с нетерпением ждали, когда проснется Мукими, и потихоньку разговаривали. Войдя в михманхану, Мавлави разбудил Мукими.

— Я вас не побеспокою, если спрошу одну вещь, Мукими?

Поэт приподнял голову и сонно пробормотал:

— Если надо спросить, что же вы не спрашиваете?

— Можно насыпать в суп красного перца или нет?..

Обеспокоенный этим чрезвычайно важным вопросом, Таджибай тоже проснулся. После такой шутки, придуманной только для того, чтобы разбудить гостей, нечего было и думать о сне. Мукими и Таджибай встали, оделись, умылись, и, когда вышли во двор, их окружили собравшиеся друзья. Оживленная беседа шла до самого вечера.

Уже было совсем поздно, когда Миён Сотыболдыхан пригласил Мукими в худжру:

— Долго мы еще будем охранять вашу худжру?— сказал он.— Сегодня же вы должны принять ее от меня!

— А как же воспитатель Нохуш! Или он опять переехал в медресе Бека?

После долгого молчания Миён тихо проговорил:

— Прошло уже два года, как скончался наш воспитатель!..

Теперь молчал Мукими. Наконец он поднял голову и спросил:

— А наш учитель домулла Халил?

— Помните, домулла Халил всегда говорил, что новое приходит на смену старому, что старики должны уйти и освободить место молодым, что таков закон жизни и это могут отрицать только глупцы да безумные. Вы, лучший его ученик, часто слышали эти слова. Наш учитель домулла Халил на деле показал, что все совершается согласно этому закону. Он ушел от нас, оставив нам свое место!..

— Ох! Ох!.. Что вы говорите, Миён!

Все умолкли. Немного погодя заговорил Мавлави Юлдаш, сидевший около двери:

— А после них скончался и ваш отец!..

— О! Что я слышу!.. Так вот какая беда поджидала меня в Коканде! Лютое горе постигло меня, бедняка!

Мукими вскочил, прошел по комнате, уперся лбом в стену и замер в таком положении.

— Удивительно! Злой судьбе и бедный пекарь оказался лишним, а я лишился отца родного!— горестно пробормотал Мукими. Он сел на свое место, вытирая платком глаза.

Мавлави Юлдаш, подав ему пиалу чая, сказал:

— Увы, всех ожидает такое горе.

— Много было у меня заветных желаний! А разве я достиг их? Нет! Неисполненные желания легли грузом на

сердце! Если бы отец умер у меня на руках, ему было бы легче. Сколько горя и обид довелось ему испытать на своем веку!.. Идемте в медресе Хазрат.

Все поднялись и по тропинке пошли в махаллю Беквачча. У главного входа в медресе их встретили мулла Абдулла и Гариби. Все вошли в худжру, почтили молитвой память Нохуша. Потом все отправилась в дом домудлы Халила и прочитали молитву. Стоявшая за дверью михманханы вдова учителя просунула в щель большую книгу. На полях ее рукой Халила была сделана надпись: «Мухаммед Аминходжа Мукими — честный, добродушный, образованный человек, каллиграф, но чересчур восхвалять он не любит и не умеет. А если ненавидит кого-нибудь, того как следует высмеивает, пишет на него сатиру. Он не бонется даже чиновников, мулл, ишанов. Поэтому и лишен их благосклонности, угощения многих баев, мулл. На пиры приглашают не Мукими, а поэта-панегириста Хаджи Мухи».

С волнением Мавлави Юлдаш прочитал вслух эти бесценные слова, написанные на полях книги. Мукими, взяв книгу из рук друга, поцеловал ее, приложил к глазам и, передав вдове, обещал наведываться.

Затем Мукими вышел на улицу и молча пошел по направлению к дому, где он родился и вырос. Друзья пошли вслед за ним. Мукими постучал в калитку. На стук выбежал маленький мальчик.

— Ты кто? Как тебя зовут?— спросил Мукими.

— Акбарходжа!..

Мукими поднял мальчика с земли и прижал к груди. Мальчик завопил на всю улицу. Но Мукими не выпустил его и принялся целовать. На плач Акбарходжи из дома выбежала с непокрытой головой Знеда-биби.

Увидев Мукими, она запричитала:

— Ох, сынок, я сама во всем виновата! Нас разлучил с вами незаконно попечитель Хаджи. Провались он сквозь землю!

Не обращая на нее внимания, Мукими вошел в дом. Следом за ним во двор вошли друзья. Они почтили память покойного отца Мукими молитвой. Мукими все еще держал сына на руках. Мальчик перестал плакать и с интересом смотрел в лицо Мукими. Маленький Акбарходжа был разлучен с матерью: Ойшу-биби выдали замуж за барышника, торговца лошадьми из кишлака Бакакурлук — Лягушка-Квакушка. Барышник увез Ойшу-биби к себе в дом, а ее сын Акбарходжа остался у бабушки.

Несколько раз Зиёда-биби с внуком приезжала навестить свою дочь, но зять, выскочив из комнаты, гнал Зиёду-биби со двора.

Рыдая, Зиёда-биби бросилась в ноги Мукими, прося у него прощения, но Мукими, прижав ребенка к груди, вышел на улицу. За ним — его друзья. Зиёда-биби выбежала за ними с непокрытой головой. Она громко выла и рвала на себе волосы.

Когда Мукими принес в худжру Акбарходжу, Таджибай вынул из хурджуна подарки, надел на мальчика халатик, сапожки, тубетейку и подпоясал его вышитым бельбагом.

Сдерживая ярость и горе, Мукими повернулся лицом к Мавлави Юлдашу и спросил:

— Кого еще надо поминать за упокой? Сразу уж сходим туда!

— Есть еще места, куда надо сходить и помолиться за упокой души. Но это в другой раз. А сегодня оплакивание и поминки лучше устроить в этой худжре.

Непонятны были эти загадочные слова, и Мукими опять впился мрачным взглядом в Мавлави Юлдаша

— О ком вы говорите?

— Да ведь еще в том году, когда вы уехали в Бухару, ваша сестра Мехриниса...

— Значит, и она умерла?!

— Да.

Вскочив с места, Мукими вскричал:

— Почему же вы раньше-то не сказали? Идемте туда!

Миён Сотыболдыхан поднялся и, преградив ему путь, сказал:

— Пойти никогда не поздно. Это никуда не убежит. Сядьте, послушайте, что мы вам скажем!

Мукими не стал возражать Миёну. В сильном волнении и скорбном молчании он отошел в сторону и сел, вытирая рукавом катившиеся слезы. Поэт Завки мягко заговорил:

— Мы сами устроили похороны, а потом целую неделю ходили на поминки. Написать вам письмо не было возможности. Мы не знали, где вы. Да и сочли более благоразумным не доставлять вам тревог на чужбине.

— Хорошо! Вы не сочли нужным написать письмо, но вот я прнехал, и вы думаете прочесть молитву за упокой и все? Считаете — этого вполне достаточно?! Но у нас же есть еще зять, се муж, есть племянник!

Мавлави Юлдаш рассказал ему все как было:

— Ваш зять Дустьмухаммед, забрав с собой сына, уехал в священную Мекку. Мы слышали, что он и дом свой продал. С тех пор прошло уже почти два года.

— Что-что? Кто же это надоумил его ехать в Мекку? Какая глупость! Бедняку ехать на поклонение святым местам! А?.. Ведь на это нужны деньги! А он еще увез с собой ребенка! Какое безумие!

Чтобы успокоить Мукими, кто-то из присутствовавших начал громко читать суру из корана. Но поэт все еще нервно дрожал, порывался встать. Кончилось чтение, все провели ладонями по лицу.

Вошел Гариби и сказал:

— Сюда идет Мухи.

Не желая показывать свою скорбь, Мукими постарался изменить выражение лица и, обняв сынишку, заговорил с ним.

Входя в хужру, Мухи важно возгласил:

— Мухаммед Аминходжа приехал из благородной Бухары, а вы даже ничего мне не сказали!.. Ассалам алейкум!

Все учтиво встали с мест. Широко расставив руки, Мухи подошел к Мукими. И поэту ничего не оставалось делать, как обняться с ним и поздороваться. Все сели.

— Добро пожаловать к нам! Не уставайте!— сказал Мухи.

— Будьте здоровы! Я соскучился. И вот приехал на побывку,— ответил Мукими.

— Больше уж не уезжайте! Вы уехали, и медресе Хазрат опустело. Народ очень любит Мукими. Мы это поняли, когда вы уехали.

Мухи то бледнел, то краснел. Всем своим видом старался показать, что он тоже в числе самых близких друзей Мукими:

— Только вчера мы с почтенными улемами сидели в михманхане уважаемого Авгаибая и вспоминали вас. Разговор зашел о том, что для медресе нужен один мударис. Как хорошо было бы, если б Мухаммед Аминходжа Мукими вернулся из Бухары. Мы с радостью предложили бы ему вступить в эту должность. Такое суждение высказали почтенные улемы. И вот, узнав, что вы уже приехали, я очень обрадовался!

По выражению лица Мухи было видно, что он лжет. У присутствующих зашевелилось чувство раздражения, но все, сдерживая себя, сидели молча. Только любитель надерзнуть Завки не выдержал и сказал:

— А мы и не знали, господин Мухи, что вы так нежно любите нашего Мукими.

— Всем известно, что я очень уважаю Мукими.

Мавлави Юлдаш подхватил:

— Всем известно? Это может засвидетельствовать даже казий Саадиджан!..

— Что вы хотите этим сказать! — поперхнулся Мухи. — Я вас не понял.

— Для Мукими, очевидно, это ничего не значит. Но вот матери и дочери тяжело переносить такие мучения. И этому мальчику тоже тяжело.

Словно ничего не понимая, Мухи расплылся в улыбке и пожал плечами. Однако он увидел, что все смотрели на него мрачные, только Мукими забавлялся с сынишкой, которого держал у себя на коленях.

Тогда Мухи встал и, посмотрев исподлобья на Мукими, направился к выходу. Но никто даже не приподнялся, чтобы его проводить.

Так прошел тот печальный памятный день.

На следующее утро в медресе Хазрат со всех концов города шли друзья, приятели, близкие приветствовать Мукими, порасспросить о его здоровье, выразить ему сочувствие. Пришли также и младшие сестры с мужьями, сватья, ближние и дальние соседи из махалли, старики и молодежь. Приходили ремесленники, певцы и музыканты. Целую неделю Мукими и его друзья были заняты в худжере: встречали и провожали людей, приходивших поздравить поэта с благополучным возвращением в родной город.

На двери худжры Мухи в эти же дни висел замок. А сам он сидел в чайхане и о чем-то шептался с неким Насими и с певцом Зиеханом-тура Хазини.

Песни, которые писал Мухи, были не по вкусу народу.

Но плохо знали Мухи те, кто думал, что это огорчало почтенного святошу. Он придумал способ, с помощью которого стал распространять свои стихи среди народа. В ряду, где продавали фисташки, он нашел молодого торговца по имени Абдулладжан Насими, «поэта-любителя», который, приняв псевдоним Насими, согласился выдавать стихи Мухи за свои. Сам же старый интриган везде и всюду расхваливал нового поэта Насими, превозносил его до небес, называл его «великим поэтом будущего».

Торговец фисташками Абдулладжан был несказанно

рад. Он даже раздувался от спеси и хвастался: «Вот я какой поэт!» За это он ничего не жалел для Мухи. В дни праздников он приглашал Мухи к себе в михманхану, устраивал для него угощения, надевал на него богатый халат. В другие дни Мухи приходил на базар в лавку Абдулладжана и постоянно сидел в ней.

Певец Зиехан-тура, пользовавшийся покровительством Мухи, сочинял под псевдонимом Хазини музыку к стихам Мухи. Зиехан-тура был крупным землевладельцем из Кенгаса и к тому же ишаном. Он имел множество последователей — мюридов, устраивавших частые сборища в его ханаке. В песнях Хазини было много слов таких, как «рай», «ад», «загробный мир», «тот свет», «страшный суд», «грех». Его песни должны были «открыть глаза» народу на то, что «бог прогневался на людей за их грехи». Казалось, что Мухи писал нарочно, чтобы запугать народ, заставить его не выходить из повиновения духовенству, выполнять строго предписания шарната, подчиняться слепо хозяевам, не поддаваться новым веяниям эпохи.

«Доброе дело», начатое Мухи, нравилось и духовенству и баям. Собрав вокруг себя певцов, Хазини появлялся с ними на свадьбах и всяких торжествах.

Подобными же песнями, написанными с целью нагнать как можно больше страху на простых людей, особенно прославился певец Абдурахман Пари. Он всегда появлялся на поминках с подносом в руках. Подняв его к лицу, он рыдающим голосом пел о том, что «люди впали в грех», что «аллах накажет вероотступников».

Своим «певцам», которые вселяли страх в души людей такими песнями, ишан Зиехан-тура делал богатые подарки, давал халаты, устраивал их в своей ханаке и даже дарил хороших коней.

По признанию кокандских знатоков поэзии, в ранних своих песнях Хазини выражал горе простых людей, печаль, страдание, скорбь.

«Тесной будет для Хазини Фергана до тех пор, пока не вспыхнет заря», — пел он в годы юности. Однако с возрастом он начал распевать назидательные, поучительные, религиозные газели: «Вопи, рыдай, охай, горюй от страха, покайся в грехах, жги свое сердце в огне страданий и мук с рассвета до ночи...»

Хазини подобрал музыкантов из числа набожных суфиев, женоподобных юношей-танцовщиков, певцов с громкими, крикливыми голосами. Все они жили в свое удовольств-

вне под покровительством Хазини. Когда Хазини отправлялся на свадьбу или другое торжество, они, нарядившись в дорожные халаты, садились на лошадей и сопровождали его шумной гурьбой.

После отъезда Мукими в Бухару кокандские поэты из бедняков, певцы и музыканты пали духом, приуныли. Они с возмущением смотрели на собравшихся вокруг Хазини певцов и музыкантов, не могли примириться с их песнями, ибо слушать их было невыносимо тяжело.

Вернувшись из Бухары, Мукими узнал об этом, в душе у него закипел гнев и ненависть. Он понимал, что с такими проходимцами надо сражаться тем же оружием, и начал писать песни, которые призывали народ бежать из сетей, расставленных Мухи и Хазини, а также сатиры, разоблачавшие лицемерие мулл и ишанов.

Вокруг Мукими вновь собрались молодые поэты, певцы, музыканты и композиторы, настроившие свои музыкальные инструменты на высокий лад. Худжра в медресе Хазрат снова сделалась местом собраний любителей поэзии и искусства. Ткач Мухаммеджан Макай переложил одну из газелей Мукими на веселый, живой мотив; Сулейман-ходжа Зори прославился своей сатирой на известного горожанам «полупочтенного» улема, заслужившего меткое прозвище «горлица». Это был лицемерный, очень жадный махзум, всегда готовый полакомиться на даровщину. Про него говорили: «Едва где-нибудь потянет дымком, и господин «полупочтенный» тут как тут».

Постоянным посетителем худжры стал поэт Убайдулла Завки. Сам он вышел из среды ремесленников. И неудивительно, что Завки писал всегда в защиту интересов простых людей. Его стихи очень быстро распространялись в народе. Завки высмеивал базарных торгашей и, явившись в худжру, сам читал вслух Мукими стихотворения «Шикали», «Ах, боже мой!», «Куда мне идти?», «Что поделаешь?»

У Мукими всегда было многолюдно. Оживленная беседа не прерывалась. Разостланный дастархан не убирался: одни уходили, другие приходили, садились, угощались. Утром Зиёда-биби приносила сюда маленького Акбарходжу, и он до вечера не сходил с рук отца, сидел у него на коленях даже в самый разгар состязания поэтов.

Днем Таджибай обычно уходил заниматься своими делами — чинить посуду. Купив что-нибудь на базаре, остаток своего дневного заработка он вечером приносил в худжру. А в худжре было тоже много дела, и он пооче-

редно с Исмаилджаном Гариби и муллою Абдуллою выполнял все домашние работы.

В последнее время Мукими все чаще задумывался над своим положением: «Дохода никакого нет, а в худ-жре три человека оказывают мне услуги. Все делают: подносят, подают, почтительно приложив руки к груди. Все, что необходимо для повседневного существования, добывают друзья! Да, пришло время позаботиться и самому о себе, раздобывать хоть немного на пропитание!»

Своими раздумьями Мукими поделился с друзьями. Они одобрили его решение и начали подыскивать ему какое-нибудь подходящее занятие.

Некоторые предлагали собрать денег, купить товару и устроить его торговцем в лавке. Другие считали более подходящим занять в канцелярии казны должность агляма-законоведа, знатока шарната.

Но Мукими считал эти дела для себя неподходящими и высказал то, что у него давно уже наболело:

— Нашлось бы такое занятие, чтобы я был всегда среди народа и хоть немного научился говорить по-русски!..

Об этом желании Мукими друзья сказали Кори Су-маляку, который имел немалый опыт в подобных делах. Были у него к тому же кое-какие связи с русскими чиновниками. И вскоре Мукими предложили должность мирзы-писаря в уездном земельном управлении: Мукими сопровождал землемеров из кишлака в кишлак и помогал вести обмер и учет земельных участков. Ему сразу же бросилось в глаза, что землемеры откровенно брали взятки с баев и с зажиточных дехкан и за это записывали намного уменьшенный размер посевов. Это вело к сокращению суммы налога.

Любимчиками чиновников земельного управления были землемеры Султанали-ходжа и Хакимджан, несправивые взяточники. Они до того досаждали дехканам, что те готовы были бежать куда глаза глядят, услышав, что «приехали господа землемеры!»

Поэт написал длинное сатирическое стихотворение, в котором разоблачал землемеров. Эта сатира переходила из рук в руки. О ней узнали крестьяне многих кишлаков. Через мастера Ковула это язвительное стихотворение получило широкое распространение в городе.

Султан-ходжа и Хакимджан тоже узнали о стихотворении и начали искать повод, чтобы отделаться от Мукими.

Однажды весной Мукими вместе с землемерами ходил

по полям вокруг кишлака Учкуприк, помогая им измерять землю. Он очень устал и почувствовал недомогание. Землемеры разрешили ему вернуться в город. Мукими еле-еле доплелся пешком до кишлака Ултарма и совсем занемог. Надеясь достать лепешку и кислого молока, он свернул с дороги в кишлачную улочку и увидел веселую сценку бойкой торговли.

Около небольшой арбы с плетеным круглым кузовом, в которую была впряжена тощая кобыла, ходил ловкий джигит. Его окружили девушки и молодые женщины с локонами, шаловливо высовывавшимися из-под камзолов, которые они набросили на головы. Вспрыгнув на арбу, джигит начал перебирать галантерейно-парфюмерные изделия, развешанные на плетенке, показывая их покупательницам и одновременно распевая веселую песню:

Вразнос торгую я, Саттар,
Вот, девицы, вам мой товар —
Есть пудра и духов угар,—
Купите, девицы, купите!

В разлуке с милой мне не жить,
Готов за дешево дарить
Для кос серебряную нить,—
Купите, девицы, купите!

Жеманны девицы порой,
Но встретишь доброту в иной.
Вот мазь и баночка с сурьмой,—
Купите, девицы, купите!

Не хмурьтесь и с улыбкой взгляд
Мне подарите — буду рад.
Вот бусы пламенем горят,—
Купите, девицы, купите!

Мой путь далек — за далью даль,
В душе — по родине печаль.
Но перстень с яхонтом не жаль,—
Купите, девицы, купите!

Игрушек выбор тут хорош,
От сглаза — с бусинками брошь.
Спешите, юность не вернешь,—
Купите, девицы, купите!

Эй, белолицая, что там,
Сдаюсь коралловым устам.
Вот серьги — дешево отдам.—
Купите, девицы, купите!

Эй, глазок неизбывный взгляд,
Вот пуговки пред вами ряд,
Тут перламутр и агат,—
Купите, девицы, купите!

Как взглянешь — радость для души,
Но ты еще и поспешн:
Вот гребня крепкого самшит,—
Купите, девицы, купите!

Улыбка — свет, глаза — черны,
А брови — словно серп луны.
Вот перстеньки, для вас они,—
Купите, девицы, купите!

Мой разум потерял я здесь,
Взглянула ты — сгорел я весь,
Губные чагги, бубны есть,—
Купите, девицы, купите!

Песня очаровала Мукими. Девушки смеялись и покупали безделушки. Мукими не поленился записать слова песни в тетрадь, выданную ему чиновником земельного управления. Ему вдруг захотелось бросить обмер крестьянских посевов, передать это дело джигиту, а самому разъезжать в арбе и сочинять веселые песни.

«Нет!— думал он.— Ты, Мукими, своими стихами еще не сумел привлечь народ, как это удалось сделать веселому торговцу!»

Целую неделю болел Мукими, его очень мучили приступы лихорадки. А когда поправился, решил не возвращаться к землемерам и попросил Корн Сумаляка помочь освободиться от неприятной службы. Его уволили.

Пока ему не подыскали еще какой-нибудь подходящей работы, он начал ходить в мечеть Тарокчилик и помогать известному кокандскому мастеру каллиграфического письма Мухаммеду Юсуфджану, широко прославившемуся своим искусством. Мухаммед Юсуфджан давал ему переписывать письма, касыды, различные надписи — отрывки из стихов, изречения, старинные рукописи. Поэт до поздней-

го вечера был обычно занят перенесенной бумагой, а после заката солища возвращался в медресе Хазрат и до полуночи сочинял стихи.

Он заполнял свою тетрадь то газелями, то сатирами, переписывал их на бумагу желтоватого оттенка и некоторые из листов приклеивал к стене в своей худжре. Постепенно стихов накопилось так много, что кирпичные стены худжры превратились в выставку газелей. Гости с удовольствием читали их и воздавали хвалу поэту, восхищались его тонким вкусом.

У Мукими появлялись все новые и новые последователи. Число их возрастало. Из Ташкента, Андижана, Намангана и Маргилана присылали письменные приглашения приехать в гости. Обычно Мукими без промедления писал ответы, выражая свою благодарность, обещал приехать или приглашал сам их в Коканд. Вследствие этого в худжре всегда бывало много друзей — и старых и новых. Иногда читали стихи, иногда устраивали вечер музыки и песен или же состязание острословов, и тогда под темными сводами медресе Хазрат то и дело раздавались взрывы смеха.

В последнее время Таджибай нашел для себя отдельную худжру в медресе Чалпак и переехал туда. Днем он занимался починкой битой посуды на Чалчикском базарчике, а вечером он забредал в худжру к Мукими.

В один из вечеров в худжре у Мукими собрались старые друзья и вели приятную беседу. Вдруг дверь открылась и в худжру вошел младший сын поэта Писанди Абдулкаюм. Поздоровавшись, он подал Мукими свернутую в трубочку бумагу и сказал, что это прислал Писанди. Развернув бумагу, Мукими пробежал глазами и воскликнул:

— Слушайте! Замечательно!

Это была сатира, написанная поэтом Писанди на загадочного друга Мухи казия Сааддихана, того самого, который вынес решение о разводе Мукими с его женой:

Родившись от блудницы,
свет почтил казий.
В народе горьким ядом
он прослыл, казий.
В ошибку впали с ним,
нарекши Саади:
Ведь нечестивцем грязным
зачат был казий.

Наследует отец —
достатку сироты,
Но быть отцом спешит,
кто б ни остыл — казий.
Змея ли водяная,
скорпион ли он?
Не знаю. Говорят —
их утопил казий.
Среди казнев пост
он занимает днем.
Но лишь настанет ночь —
среди громил казий.
Коль в суд потянут бая,
он законы чтит,
А попадись бедняк —
закон забыл казий.
Сколь натерпелись мы
от правоты его,
Скольких сирот и вдов
он разорил, казий!
Халат из бенареса
плотно запахнув,
Позором и стыдом
себя покрыл казий.
Нашлось бы у тебя
хоть зернышко ума,
Другое ремесло бы
ты добыл, казий.
Прислушайся ж теперь
к газели Писанди:
Остался подлецом
каким и был — казий!

Уроженец Коканда поэт Авазмухаммед Писанди жил в махалле Муллабошмон. Уже в юные годы он работал за ткацким станком, изготавливал атласные ткани. Он получил неплохое образование в кокандских и бухарских медресе, изучил персидский и арабский языки. Его учителем был мулла Халмухаммед-ахунд Каттакургани.

Позднее он снова вернулся к ткачеству и до конца своей жизни ткал атлас, добывая так средства на пропитание.

Взяв свой длинный посох под мышку, старый Писанди, обычно напевая что-нибудь потихоньку, проходил по улице. За ним всегда бежали ребятишки и надоедали: «Дедушка, расскажите сказку!...»

Старый поэт любил детей. Присев на берегу арыка, он принимался рассказывать всякие истории. Вытащив из складок своего пояса баурсаки и леденцы, он раздавал их детишкам, а потом продолжал свой путь.

Все, кто знал Писанди, говорили с усмешкой: «Съел свою бороду». А борода у поэта и впрямь была реденькая, там и сям торчали отдельные волоски. У него была привычка: чуть расстроится, тотчас же начинает выщипывать волоски из бороды. Продолговатое лицо, острый, пронзительный взгляд, меткая речь поэта привлекали, притягивали чем-то. Поэт не любил мулл, ишанов, а Мухи видеть не мог. Вот почему высокопоставленные улемы говорили про него, что он «мулла, не исполняющий предписания религии».

А Писанди в свою очередь сочинял сатиру за сатирой, вскрывая грязные дела духовных лиц, таких, как Мухи, казий Саадихан, Хасанхан-махзум.

Ночи напролет при свете свечи Мукими писал газели и сатиры. Мулла Абдулла переписывал их набело, а Гариби разносил газели певцам, которые очень просили дать им новые песни. Часто Абдулла на минутку заглядывал в цирюльню Ковула и читал ему вслух сатиры.

* * *

Осенью опять подули надоедливые кокандские ветры. В такие дни никому не хотелось выходить на улицу. И все, кто имел возможность, коротали дни, сидя у очага, в котором ярко горел огонь. Лишь бедняки, у которых в доме были нехватки да недостатки, волей-неволей бродили по базарам в поисках работы и куска хлеба.

К людям Мукими относился очень разборчиво. Когда его приглашали в гости, он не торопился попасть в богатый дом, где приготовлено хорошее угощение. Охотно он ходил лишь туда, где можно было провести время в приятной беседе, где собирались простые ремесленники, сердечные, симпатичные, веселые люди, где все чувствовали себя свободно, вели оживленную беседу или слушали песни, устраивали поэтические состязания, турниры острословов — аскиячей, где шла игра слов, в которых звучала глубокая ирония, где все смеялись от души.

Мукими нигде не оставался ночевать в гостях и обязательно возвращался к себе в медресе Хазрат. Его всегда сопровождал Гариби, который шел перед ним с фонарем в руках, освещая путь.

В один из холодных вечеров Мукими возвращался из махалли Халакиджан от Усмана Зори в полночь. На улице было темно, дул сильный встречный ветер, идти было трудно, а тут еще на беду фонарь погас. Дорога была затоплена жидкой грязью.

Пока Мукими добрался до худжры, он промочил ноги и сильно продрог. Но заботливый Абдулла уже держал наготове кумган с кипятком и наполнил поэта горячим чаем. Пока Мукими пил, Абдулла рассказал, что после ухода в махаллю Халакиджан в худжру приходил певец Фарзинча, который рассказал, что Миргофир-кори готовит свадьбу. На торжество уже приехали из Маргилана знаменитый певец Мадалибек, шахриханец Захидбек, несколько комиков, а также искусные аскиячи. Миргофир и его гости — певцы и артисты — выразили желание, чтобы в их веселье принял участие Мукими. Фарзинча огорчился, не застав поэта дома. Слава о Мадалибеке давно уже разнеслась повсюду. Вот почему Мукими очень сожалел, что лишился возможности побеседовать с ним.

Но на следующий день утром Мадалибек сам пришел к Мукими. Мадалибека сопровождали юркий, подвижный мужчина лет тридцати, оказавшийся комендантом Юсуфджаном, и друзья Мукими Бобомирза, Ахмеджан Аттар и Абидча. Они принесли с собой узел со всякой снедью, присланной Миргофиром.

После завтрака Мадалибек настроил тамбур и запел. В его исполнении была какая-то особая чарующая прелесть. Он не растягивал песню, как другие певцы, а выговаривал каждое слово отчетливо, свободно. Все с удовольствием слушали песню:

К тебе взываю, выслушай мольбу,
Величественный мой султан...

Соединив четыре песни в одно целое, певец закончил на самой высокой ноте и, положив тамбур, поклонился Мукими, приложив руки к груди: все четыре спетые им песни были газелями Мукими. Пожелав Мукими доброго здоровья, они попрощались и ушли.

Мукими мысленно устремился вслед за певцом и его товарищами. Всем своим существом он был с ними, но пойти за ними не мог.

Ему сделалось совсем худо. У него начался жар.

В худжре кончились дрова. Абдулла отправился в кишлак Каратепа к крестьянину Закирходже — дру-

гу Мукими, чтобы привезти оттуда сажень обещанных поэту урюковых дров. А в хужре остались только Мукими и Гариби.

Любитель собак, Гариби давно завел у себя породистого пса и дал ему кличку «Кытмир». Куда бы ни шел Гариби, он везде собирал для своего Кытмира кости. Когда у Мукими выдавалась свободная минутка, Гариби рассказывал ему всякие истории про своего пса, смешил поэта. Мукими подшучивал над Гариби, называя его «ходжа собачник», или «ходжа поклонник собак».

Вечером Гариби сходил в свою лачугу покормить собаку. Вернувшись, он сказал:

— Снег идет, Мукими!.. Надо кого-нибудь поздравить с первым снегом. Написали бы вы «кор хат» — «снежное письмо», я пошел и подкинул бы незаметно кому-нибудь из ваших друзей. Вот было бы дело!..

Письмо по случаю первого снега «кор хат» обычно посылают друзьям с предложением устроить угощение. Если друг, которому адресовано письмо, поймает посылного, то угощение устраивает автор письма, а если нет — то адресат.

Лежа в постели, Мукими посмеялся над предложением своего ученика.

— А если вы попадетесь, что будем делать? — спросил он.

— Не попадусь! Все знают, что я всегда хожу с зубастым Кытмиром, кто решится погнаться за мной. Сейчас в михманхане у Мирзабува веселье в разгаре, идет состязание острословов. Шум, смех, крики слышны даже на улице. Я зайду и скажу, что пришел собрать кости для собаки, постою в прихожей, поглазею, как они веселятся, и незаметно суну письмо кому-нибудь в карман — вот и все!

Мукими нездоровилось. Он приподнялся и, опершись на подушку, написал письмо о первом снеге.

Подойдя к дому Мирзабува, Гариби зашел во двор и сказал, что ему нужны кости. В михманхане пели под аккомпанемент тамбура. Для Гариби принесли скатерть, постелили в прихожей, подали угощение, налили чаю. Гариби собрал куски лепешек, кости, завязал все это в платок. В этот момент из михманханы за чем-то вышел Мирзабува. Гариби незаметно сунул ему в карман письмо и хотел уйти, но во дворе его поймали молодые джигиты. Озорные ребята, не обращая внимания на его мольбы, намазали ему лицо сажей, привязали

поясным платком к столбу на террасе и принялись насмехаться: «Завтра мы посадим тебя на осла задом наперед и будем возить по городу!..»

А Мукими все ждал и беспокоился, почему так долго нет Гариби, где он так замешкался.

Наконец поздно ночью, дрожа от холода, со следами сажи на лице в худжру вернулся Гариби. Он плюхнулся на пол у огня, повернувшись спиной к Мукими.

— Ну? Как дела, поклонник собак?.. Удалось подкинуть письмо?..

— Нет...

— Почему?..

— Поймали!

— Будьте здоровы! Ну-ка, подойди сюда поближе.

Насупившийся Гариби подошел к постели. Мукими посмотрел на него и не мог удержаться от смеха.

— Все, что мы написали в письме, теперь придется выполнить нам самим! Скажите, а где нам взять деньги на расходы?..— спросил Мукими. Гариби опустил голову и ответил сдавленным голосом:

— Завтра обяжете мне шею веревкой, поведете на базар и продадите...

— Интересно! А кому нужен глухой Гариби?..

— А если я поведу еще с собой Кытмира?

— А тогда что?

— Вы продадите хорошую собаку и меня впридачу.

Эти слова преданный ученик выговорил со слезами в голосе, с таким отчаянием, что Мукими не выдержал и рассмеялся.

— Идите умойтесь, а потом мы поговорим,— сказал он.

Гариби был глух от рождения, но по движению губ отлично понимал, что говорят ему и всегда отвечал правильно. Он вскочил и вышел за дверь. Мукими жалко стало его, и он стал обдумывать, что бы такое предпринять.

Когда Гариби, умывшись, вернулся, Мукими дал ему поручение:

— Надо всех их пригласить к нам в следующую пятницу. Напишите сейчас письмо, но так, чтобы приглашение было в стихах. В строфы вставьте имена тех, кого приглашаете!..

Сочиняя свои стихи, Гариби читал громко вслух написанное:

По случаю первого снега
 все вместе в наш двор приходите,
Воспользуйтесь случаем, други,
 на наш разговор приходите.
И вы, Фурзинчи, и преславный
 наш Абдукадыр-штукатур,
Чтоб спеть вечерком и «Гирья»,
 и «Шахноз», и «Гульёр», — приходите.
И Бобомирза, и Макай Мухаммед,
 и хаджи Дададжан,
Салих-переплетчик,
 Ахмед — украшенный набор — приходите.
Аглям Абидча, мы хотим,
 чтобы с вами был мастер Ковул.
Всю ночь, до рассвета,
 чужой не проникнет к нам взор, — приходите.
Вы, славный Завки,
 и попутчик ваш, верный всегда Юлдашхан,
Зори, Замири и Ери —
 на беседы ковер приходите.
Пусть комната наша мала —
 нараспашку душа Мукими,
И — да не смутит теснота —
 в нашей келье простор — приходите.
Коль с этим нескладным письмом
 к вам посланец придет Гариби,
Не ставьте, друзья, Гариби
 приглашень в укор — приходите.

Пробежав глазами стихотворение, Мукими отдал его Гариби и сказал:

— Завтра отнесите и прочитайте каждому отдельно!

Утром следующего дня Гариби пошел приглашать гостей, а Мукими погрузился в печальные раздумья. Гостей-то они пригласили, а в кармане ни копейки. Нельзя ведь устроить угощение кое-как. Надо сделать все подобающим образом. Так в тревожных думах прошел еще один день. В среду Мукими почувствовал себя лучше и пошел на базар. В одной из чайных лавок мелькнуло знакомое лицо. Это был Абидча-аглям. Он поздоровался. Абидча поставил перед ним поднос с лепешками, чайник чаю и сказал:

— Не угодно ли погреться чайком? Присаживайтесь, пейте, а я пока сбегаю домой. Вы не успеете выпить чайник чая, как я уже вернусь.

Долго сидел около лавки Мукими. Абидча где-то замешкался, и Мукими охватила тревога. Наконец, когда он потерял всякое терпение, вернулся Абидча. Он торопливо подошел к Мукими и попросил извинить его, но поэт был так расстроен, что у него пропало всякое желание разговаривать.

Абидча умолял:

— Посидите, дорогой Мукими, поговорим.

Но Мукими и слушать не хотел, попросился и пошел к себе в худжру. Открыв дверь, он очень удивился: на цинновке лежали всякие припасы: и мясо и сало, четыре сахарные дыни и фрукты — ну словом, здесь оказалось все, что необходимо для угощения. Довольный Абдулла оживленно хлопотал, раскладывая покупки.

— Откуда все это? — спросил Мукими.

— Принес один тащишка. Он сказал, что прислал Абидча. Велел сходить на базар, купить продукты. У него еще остались деньги. Завтра купит остальное.

Мукими стало стыдно, что он незаслуженно обидел Абидчу. Мукими хотел пойти к Абидче, извиниться и поблагодарить, но почувствовал такую усталость, что лег в постель.

Оказывается, когда Мукими пришел на базар, Абидча заметил, что он озабочен устройством встречи гостей. Тогда, не сказав ни слова, под предлогом будто бы ему надо сходить домой, он побежал на базар.

На другой день утром Абидча прислал с сыном узел сдобных лепешек, а вслед за ним и сам пришел веселый, жизнерадостный... Мукими очень обрадовался и не знал, куда посадить друга, как его отблагодарить, и подарил ему рукописный сборник своих газелей.

Вечером стали собираться гости. Среди них были незнакомые люди. Один очень толстый, смуглый, рябой, ужасно некрасивый, произвел на Мукими неприятное впечатление. Он сел в переднем углу, заняв место, на котором свободно могли усесться двое-трое. Но внешность обманчива, Мукими тут же убедился в этом. Толстяк оказался крестьянином-садоводом из кишлака Барзанги Найманчинской волости. Это был гостеприимный человек, острослов, певец газелей по имени Ахмедали, по прозвищу «Бой-бой». Прозвище свое он получил за привычку восклицать к месту и не к месту: «Бой-бой!»

Большой шутник, Ахмедали был приветлив в обращении, много читал, любил поэзию и поэтов.

В худже царило оживление. Во время угощения певцы исполняли то веселые песни, то классические макомы, то рассказывали забавные случаи. Когда очередь дошла до острот, Мирзабува-кори прежде всего начал подшучивать над Ахмедали «Бой-бой». Темой состязания в придумывании острот стал его кишлак Барзанги, что означает «Черный великан».

— Домулла Мукими! Не удивляйтесь, что мы привели вам такого черного, неуклюжего гостя. На самом деле он сладкоречивый, приятный собеседник, ну просто прелесть, словно очаровательная «дильбар занги» — красавица негритянка.

Абидча подхватил эту мысль:

— Мулла-ака! Не обижайте нашего гостя! Не говорите, что он «камбар» — худенький. Он вовсе не «камбар», а, наоборот, «сербар занги», то есть «толстый негр!»

Ахмедали «Бой-бой» ничего не отвечал им, а только покатывался со смеху. Пришел черед выступать Сали Чакалаку. Обращаясь к Мукими, он сказал:

— Уважаемый Мукими!

— Что угодно?..

— У вашего гостя такая прекрасная фигура! Он такой стройный, красивый! Накиньте ему на голову кисейную косынку и тем, кто спросит, что это за красавица, ответьте, что это «зан барзанги» — черная женщина-великанша!

Ахмедали «Бой-бой» смеялся на эти шутки, но сам пока не отвечал.

Чтобы игра слов не разладилась, Ахмеджан подался вперед и, вытянув шею, сказал:

— Уважаемый Мукими!

— Я вас слушаю!..

— Над вашим гостем все подтрунивают, а он молчит и молчит. Может быть, ему не под силу ответить на эти шутки? А если надеть на голову черной великанше старый колпак, перекинуть хурджун через плечо и поставить во главе верблюжьего каравана, нельзя ли его назвать «рох барзанги» — негром караванбаши?

Тут Ахмедали «Бой-бой» внушительно прокашлялся и усмехнулся. Все замолкли и с интересом ждали, что он скажет.

— Вы все забавлялись, — проговорил толстяк. — Выставляли меня и так и эдак, а все-таки поставили меня караванбаши своего каравана. Я очень рад вести

таких верблюдов. Но вот братишка наш Салиджан Чакалак будто дитя малое!..

— Вы сказали — дитя?..

— Да! Малыш! Разве иначе сравнил бы меня со своей мамашей, называя «зан барзанги»? Какая я ему мама?

Все засмеялись. Было уже поздно. Гости собрались уходить. Когда все встали, Мирзабува-кори объявил:

— Кто еще не слышал, слушайте! Утром я сунул руку в карман, смотрю — а там снежное письмо! Ловко его подкинул почтенный Муками. Я готов выполнить все, что написано в письме! В следующую пятницу все пожалуйста ко мне в михманхану!

— Пойдите!.. Пойдите!.. — удивился Муками. — Что вы говорите? Письмо отнес Гариби, но ведь его же поймали! Я проиграл и поэтому устроил сегодняшнее угощение! Как же так?

— Я знаю, Гариби поздоровался со мной на террасе, но кто сунул письмо мне в карман, он или кто другой, я знать не знаю и ведать не ведаю!..

Позвали Гариби. Он бросил колоть дрова во дворе и, войдя в худжру, почтительно приложил руки к груди. Муками спросил:

— Когда вы отнесли письмо и вас поймали, где в это время был Мирзабува — во дворе или в комнате?

— После того, как Мирзабува пошел в михманхану, джигиты подбежали и схватили меня!..

— Будьте здоровы!..

Все засмеялись. Помирились на том, что так или иначе Мирзабува следует признать проигравшим, поскольку он не поймал Гариби за руку.

Когда все в худжре легли спать, Муками, как обычно, погрузился в думы. Проходили дни за днями, устраивались вечера, проводились оживленные беседы. Совершенно попусту тратится много времени.

Сидеть здесь, в темной худжре, проводить однообразные дни было очень тяжело. Надо побывать в Ташкенте, в Фергане и в других городах и кишлаках, установить связи с образованными людьми, лучше узнать жизнь народа. К тому же Муками давно мечтал напечатать свои газели в виде сборника, а для этого следовало обратиться к ташкентским друзьям.

А забот у Муками было немало. Надо было навещать Акбарходжу и под этим предлогом узнавать

о положении Зиёды-биби. Приходилось принимать гостей, приходивших в худжру чуть ли не каждый день.

Неоднократно Мавлави Юлдаш говорил:

— Ходжи Мухи пишет для баев хвалебные касыды и за то получает богатые халаты и всякие подарки. Свадебные пиры и поминки без него не проходят. Сундуки у него переполнены бенаресовыми шелковыми халатами, в худжре много шелковых ковров. Ну и пусть! А наш Мукими сидит на старом войлоке и макает в воду черствую лепешку. Но нам нужен именно такой Мукими, который ведет задушевную беседу с людьми!

В один из зимних дней Мукими сидел в худжре с двумя друзьями, завтракал, размачивая в чае сухие куски лепешки. Видно, не зря говорил Мавлави Юлдаш, ибо такие завтраки у поэта бывали частенько.

Раздался стук в дверь, и в худжру вошел мальчик.

— Почтенный Мукими, вас спрашивает какая-то женщина с ребенком,— сказал он.

Вслед за мальчиком Мукими поспешил к главному входу в медресе. Он увидел на берегу хауза съезжившуюся женщину в парандже с ребенком на руках.

— Пожалуйте! Чем могу служить? — спросил Мукими.

Женщина всхлипывала. Мукими подошел поближе и спросил:

— Что вы хотите, сестрица? Написать заявление или жалобу?

Тогда женщина зарыдала и сняла с лица черную сетку чачвана. Растрепанные волосы, исхудалое лицо. Он с трудом узнал Хайринису.

Хайриниса плакала навзрыд, а Мукими взял из ее рук посиневшего от холода ребенка.

— Идемте,— сказал он.— Там поговорим...

Еле выговорив эти слова, он пошел вперед. Хайриниса, снова закрыв лицо чачваном, побрела за ним. Они вошли в дом Зиёды-биби. Узнав Хайринису, Зиёда-биби сняла с ее головы паранджу и, охая и причитая, принялась хлопотать. Из комнаты выбежал Акбарходжа и повис на шее Мукими. Хайриниса со своим ребенком — трехлетней дочкой Камбарнисой — вошли в темную комнату, на стенах которой выступила соль от сырости. Женщины сели к сандалу, покрытому лоскутным одеялом. У дверей, опустившись на колени, присел Мукими. От сильного волнения его била дрожь.

Зиёда-биби убрала с сандала корзину с ватой, ска-

танной для прядения на прялке, постелила старенький дастархан с набивными цветами, положила для угощения то, что сумела раздобыть дома, а потом принесла чай. Хайриниса взяла кусочек лепешки, разжевала и дала своей дочке. Долго все сидели, наконец Муками заговорил:

— По возвращении из Бухары я спросил про вас. Соседи сказали: «Она продала дом и переехала в Шахрихан...»

— Да, я живу в Шахрихане. Сегодня приехала сюда.

— От дяди получаете письма, вести? Когда они вернутся?

— Я получила всего-навсего два письма. Одно — что они доехали благополучно, а второе — что мой отец ослеп. После того от них не было ни писем, ни весточки...

— А как ваше самочувствие?

— Вы же сами видите!

Хайриниса опять заплакала. У Муками потемнело в глазах. Он тяжело вздохнул, сжав руками виски.

Захватив совок, Зиёда-биби вышла во двор принести в сандал горящих углей. Хайриниса развязала узел, вынула свернутый трубочкой лист бумаги и подала его Муками. Дрожащими руками Муками развернул лист и пробежал глазами аккуратно переписанные четверостишия:

Лицо мое в слезах, и боль — в груди.
В тревоге сердце — что же впереди?
Горю в тоске, и снова слезы льются,
Ты — пронизателен. Пойми, приди!

Не пух на ложе — а колючек ряд.
Не смех в груди — рыдания и смяд,
Что делать мне, Хайринисе несчастной,
Когда разлука мне — дурман и яд?

Покой мой опостылел, став тюрьмой,
На пленницу кинь взгляд хотя б немой.
В разлуке пресеклось мое терпенье,
Ты сам пошли мне смерть, избранник мой!

О птица тела моего, лети,
Дели с пернатыми весь труд пути!
А ты Хайринисе внимли, любимый,
Боготвори любовь мою и чти!

Мукими даже не почувствовал, как бумага с тихим шелестом выпала из его рук.

— Какие глубокие, проникновенные строки! В них сокрыты горести и печали, страдания и муки многих тысяч таких же несчастных, как Хайриниса. Я написал бесчетное множество строк о разлуке. Но если положить их на весы, то ваше одно стихотворение перетянет все мои.

Вошла Зиёда-биби с горящими углями и положила их в сандал. Мукими обратился к ней:

— Дорогая мамаша! Успокойте Хайринису, утешьте, приласкайте. Будьте ей матерью. А я пойду.

Крепко зажав в руке листок со стихотворением Хайринисы, он вышел на улицу. В медресе Хазрат не пошел, а отправился на Кальвак, затем на Ходжибекский базарчик к Мавлави Юлдашу. Мавлави дома не было. Тогда Мукими отправился его разыскивать. Дойдя до Чалчика, он заглянул в медресе Есаул и нашел друга там в худжере. Мукими очень удивился: Мавлави Юлдаш читал русскую книгу. Оказывается, как он пояснил, это был учебник для русских школ, который подарила ему жена Кузьмича. В книге были напечатаны краткие биографии русских писателей, и Мавлави перевел некоторые из них.

Затем Мукими рассказал о приезде Хайринисы и, вынув из кармана стихотворение, протянул его Мавлави.

— Ее муж женился еще раз,— заметил Мукими,— взял вторую жену, а Хайринису и дочку Камбар унижает и оскорбляет.

Друзья долго думали, обсуждали это дело и наконец пришли к решению поехать вместе с Хайринисой в Шахрихан и попросить людей, пользующихся влиянием, вступить за Хайринису.

Целую неделю Хайриниса гостила у Зиёды-биби, а затем в сопровождении Мукими и Мавлави поехала с ребенком в Шахрихан.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГОРЬКАЯ ЧАША

Вечером поезд прибыл на станцию Асака. На при вокзальной площади Мавлави нанял арбу. В ней поверх соломы был постелен палас. Мукими и Мавлави Юлдаш сели впереди, а сзади спиной к ним расположилась

Хайриниса, спрятав под паранждой и прижав к груди свою дочку.

Погода была холодная. Морозный, пронизывающий ветер, гулявший среди бескрайних полей, словно иголками, колот лицо и руки. После сильных дождей, ливших целую неделю, грязь на заболоченной шахриханской дороге, покрытой выбоинами и колдобинами, замерзла. Колеса стучали по твердой корке, то попадая в старую глубокую колею, то подпрыгивая на кочках. Словом, пока доехали до Шахрихана, измучились и люди и лошадь.

Чуть отвернув воротник халата, Мукими спросил Мавлави Юлдаша:

— А известно вам место, куда мы едем? Неудобно будет останавливаться на ночлег у чужих людей? Абиджан дал мне адрес одного человека, шахриханского торговца чаем. Давайте спросим у возчика, как его найти.

Мавлави Юлдаш высунул голову из воротника халата, повернулся к Мукими:

— Пять лет назад мы приезжали сюда на свадьбу к меднику Тошходже. Медник грамотный, образованный человек. У него есть михманхана — комната для гостей. Правда, небольшая, невысокая с простой глиняной штукатуркой, но чистенькая. Сегодня ночь пробудем в этой михманхане, побеседуем, порасспросим, выясним, кто родители зятя. А если вам не понравится у медника, то разыщем того человека, про которого сказал Абиджан. У торговцев чаем михманхана гораздо теплее, конечно, чем у медников, и подушки помягче.

— Надо сказать, Абиджан о таких удобствах не говорил, — заметил Мукими.

— Через два дня сюда приедет сам Абиджан, тогда мы пойдем к торговцу чаем и убедимся в этом. Но, по-моему, маленькая михманхана медника для нас будет подходящим местом, а для вашей сестрицы на женской половине тоже будет удобно.

Уже стемнело, когда арба подъехала к Багышамалу, расположенному на окраине Шахрихана. Во тьме затеплились огни. Просторы полей остались позади. Арба въехала в улицу, ведущую в городок. Из окон лавок и чайхан на дорогу падал тусклый свет фонарей. Арба, скрипя колесами, катилась мимо крытых торговых рядов базара, таких же, как в Коканде.

Посматривая по сторонам, Мукими сказал:

— Оказывается, все города похожи один на другой.

— В Шахрихане погода такая же, как в Коканде, и отношение к людям, и дружба, и любовь к поэзии — все как в Коканде. Здесь так же любезно принимают гостей. Особенно почтительно относятся к поэтам, певцам, музыкантам. Население здесь смешанное: и узбеки, и таджики. Они давно уже не только друзья и соотечественники по ремеслу, но и родственники, и сватья, и братья двоюродные, троюродные. Шахриханцы увлекаются игрой в шахматы. Есть у них еще и такая особенность: любят только горькие кушанья, что бы ни сготовили, обязательно наперчат так, что во рту горит.

— Ай-яй-яй!.. Сначала вы меня порадовали, а теперь огорчили! Покорный ваш слуга терпеть не может перца.

Слушавшая их молча Хайриниса не выдержала и вставила слово:

— А каково мне приходится! И как только я терплю! Уже три года жую перец!..

В ответ на эту жалобную реплику Хайринисы Мукими сказал:

— А я-то думал, что у вас слезы льются от горькой жизни!..

— Перец — просто так. Повод, чтобы плакать. Кто не знает, думает, что у меня слезы льются из-за горького перца. Я вот сегодня тоже плачу, а чтоб люди не знали почему, все свалю на перец во вчерашнем кушанье.

— Мой бедный дядя, должно быть, не знал, что в Шахрихане будет «горькая пища»?

— Нет, Шахрихан такой город, что у многих в котлах кипит горький перец, зато жизнь сладкая.

— А мой вопрос как будто остался без ответа?

— Извините, я не хочу огорчать вас горькими словами. Родители мои в тот самый день, когда вы читали то прекрасное стихотворение, — никогда, никогда не забуду его — начали спор о моей судьбе. Они почти всю ночь говорили, как со мной поступить, за кого выдать замуж. И пришли к мнению, что вы бедный, неимущий, что выдадут меня за нашего шахриханского родственника. Я стояла за дверью и слушала, и меня трясло. Вот тогда я потеряла надежду на счастье, и с той ночи во рту моем не проходит горечь жгучего перца.

— В те дни, когда вы в Коканде жевали перец, я

глотал яд...— печально заметил Мукими.— Или вы думаете, что женитьба принесла мне большую радость?

— Стихотворение, которое вы тогда прочли, поведало мне тайну вашего сердца, я поняла, что в тайнике души у вас хранится чувство ко мне. Но что я, беспомощная девушка, могла сделать? Я писала стихи, сама про себя читала их и плакала... Мужчины имеют право развестись с женой, которая им не нравится. А у девушек, даже из состоятельных семей, такого права нет. Они обречены хранить в тайне свои заветные мечты и желания. Они не закованы в цепи и все-таки невольницы, рабыни.

Мысленно Мукими унесся в прошлое. Ему казалось, что он снова сидит в доме своего дяди муллы Рахматуллы, а рядом с ним молоденькая красивая девушка, дочь его дяди Хайриниса, декламирует свои стихи...

Арба свернула в другую улицу и остановилась. Раздались возгласы: «Приехали! Приехали!» Мавлави Юлдаш спрыгнул с арбы, взял у Хайринисы уснувшую Камбар, осторожно неся ее на руках, подошел к калитке и постучал дверной цепочкой. Хайриниса слезла по спицам колеса с арбы и подошла вслед за Мукими к калитке.

Калитку открыл человек среднего роста с фонарем в руке и приветливо воскликнул:

— Пожалуйте! Заходите! Извините, что заставил вас ждать!

Человек с фонарем пошел вперед, освещая дорожку, за ним следовали гости. Проводив мужчин в михманхану, человек, подняв повыше фонарь, повел Хайринису в ичкари.

Вернувшись, он поставил фонарь в нишу на полку и, обратившись к Мукими, приветливо сказал:

— Очень рады вам!

— Доброго вам здоровья и радости!

— Не осудите, что у нас потрепанные паласы! Сейчас достанем новые и постелим. Слава аллаху! Тысячу раз слава, что ко мне в гости приехали столь великие люди!

Медник говорил не умолкая, а сам тем временем убирал старые паласы. Мукими заметил:

— Любой гость, даже самый дорогой, хорош, когда он приезжает днем...

— Нет, нет! Вовсе не так! Пожалуйста, в любое время приезжайте без стеснений. Вы нас нисколько не затруднили. Мы, шахриханцы, рады принимать гостей и

считаю это для себя большой честью. Особенно мы радуемся, что вы приехали к нам с женой.

Мукими молчал. Мавлави Юлдаш поспешил объяснить:

— Женщина эта сестра поэта Мукими. Она вышла замуж за одного из жителей вашего Шахрихана. Из-за нее мы и приехали сюда.

— Слава аллаху! Тысячу раз слава! Такие дорогие гости!

Мавлави Юлдаш и Мукими помогли хозяину расстелить принесенные паласы. Хозяин положил в очаг тутовых дров, разжег их, поставил на огонь чугунный кувшин. Затем на подносе принес угощение.

— Вы пейте чай,— сказал он,— а я тем временем сбегаю, приглашу сюда подходящих для вас собеседников из нашей махаллы. Кроме того, есть у нас и хорошие певцы.

Мукими умоляюще посмотрел на Мавлави. И тот сразу вернул медника:

— Сейчас уже поздно. К тому же мы изрядно расстроились в арбе и очень устали. Нельзя ли отложить встречу с друзьями до завтра?

— Пожалуйста! Как вы хотите, так и будет.

Они втроем сели возле огня. За чаем говорили о стихах и поэмах, о любителях поэзии, а в Шахрихане их было немало. Слово за слово разговор зашел о золотых дел мастере, который доводился свекром Хайринисе. По рассказу хозяина дома — медника, ювелир был родом из Ходжента. Приехав в Шахрихан, он прочно обосновался здесь и своим искусством и порядочностью завоевал уважение жителей города. У мастера было два сына. Младший был послушным сыном, а старший своевольничал и совсем отбился от рук — пьянствовал, предавался азартным играм, волочился за женщинами. Вот за этого-то волокиту, распущенного, необузданного человека, как выяснилось, ювелир Рахматулла и выдал замуж свою дочь Хайринисе. После отъезда тестя муж Хайринисы продал его дом в Коканде, а деньги проиграл.

Добродушный медник был ошеломлен, когда Мукими рассказал печальную историю Хайринисы. Вместе с ними он стал обдумывать, как помочь им, какие принять меры.

Утром медник не пошел в свою мастерскую, а направился к знакомым и друзьям, чтобы довести до конца это доброе дело.

Между тем по всему Шахрихану разнеслась весть о

приезде известного кокандского поэта Муками и его ученика Мавлави. Все были удивлены тем, что они остановились у какого-то мастера-медника. Не иначе тут кроется тайна!.. Скоро стало известно, что Муками приехал просить у жителей Шахрихана, чтобы защитили его несчастную сестру-поэтессу от беспутного мужа — сына золотых дел мастера.

Сам почтенный ювелир не пропустил этих слухов мимо ушей. Он любил газели Муками и уважал поэта, хотя и не видел его ни разу. Он не знал, что его сноха Хайриниса, над которой издевается его старший сын, оказывается, приходится двоюродной сестрой Муками.

Ювелир велел домашним убрать свою михманхану и все приготовить для приема почетных гостей, а сам поспешил в дом мастера-медника.

В его маленькой михманхане народу было полным-полно. Помимо приезжих гостей, там сидели старые знатоки литературы и молодые поэты Шахрихана муллы Хашимхан Хайрати и Алихан Орази. Едва ювелир переступил порог, как его пригласили сесть на почетное место рядом с приезжими гостями. Извинившись перед собравшимися, старый ювелир попросил Муками и Мавлави Юлдаша к себе.

Михманхана ювелира была гораздо просторнее и удобней, чем у медника. Домочадцы готовили большое угощение: еще утром зарезали барашка. Со всех сторон шли гости. Муками это не понравилось. Он расстроился и недовольно смотрел на Мавлави Юлдаша, как бы говоря: «Ведь нам же нужно было свободное место спокойно побеседовать?!» Началось угощение, гостям подавали одно кушанье, другое, третье...

Привыкший говорить прямо, без обиняков, Мавлави Юлдаш отвел ювелира в сторону и сказал ему шепотом о желании Муками. Тогда хозяин обратился к гостям:

— Приезжим надо отдохнуть.

Гости разошлись. Наконец они остались с хозяином с глазу на глаз, и Мавлави Юлдаш обрисовал трагедию жизни Хайринисы. Он рассказал, как она в зимний холод, прижимая ребенка к груди, в легком платье, в калошах на босу ногу приехала в Коканд. В медресе Хазрат разыскала своего родича Муками. Мавлави посмотрел на старика ювелира — он неподвижно сидел у двери, понурив голову.

— Ну, хаджи-ака, — сказал Мавлави, — теперь послушаем, что вы скажете.

Вытирая кончиком поясного платка слезы, ювелир заговорил:

— Нет у меня сына! Мне не нужен такой сын ни на том свете, ни на этом!

— Поскольку все же вы отец такого сына, я и говорю об этом с вами. Мы считаем, что дело надо решить нам самим по совести, не вмешивая сюда посторонних.— Раздраженно, сдавленным голосом Мукими добавил:— Я приехал сюда, чтобы защитить слабую, беспомощную женщину, которую выгнали на улицу. К тому же Хайриниса — моя сестра, талантливая поэтесса. Вы и ваш сын носите почетное звание хаджи, но — увы! — не сумели отличить золото от ржавого железа; драгоценную жемчужину вы втоптали в грязь, как самый простой камень!

— Если бы эти слова вы сказали моему сыну! — робко попросил старик ювелир.

— Извините! Мои руки держат за воротник отца, вырастившего непутевого сына. В моих словах гнев и возмущение! Если вы глухи и не в состоянии слышать того, что я говорю, то в Шахрихане, который отдает должное искусному и достопочтенному ювелиру, найдутся люди с тонким слухом. Они услышат и поймут мои слова! Я возьму за руку несчастную поэтессу, выведу ее босую на улицу и обращусь во всеуслышание с жалобой к простым людям. Пусть же народ вынесет свой приговор! Тогда уж, почтенный ювелир, вам не будет житья ни в Шахрихане, ни на вашей родине в Ходженте. Дурная слава задушит вас. Вам не останется ничего лучшего, как погрузить все золото, которое вы скопили, на спину своего мерзкого сына и отправиться куда глаза глядят.

Мукими не смог сдержать себя. Он должен был выместить на ком-нибудь всю обиду и досаду на дядю Рахматулла, разрушившего его любовь. Затем, прижав ладони ко лбу, он замолчал.

Еще никогда и ни от кого не слышал старик ювелир таких горьких упреков.

— Разрешите мне, я схожу за сыном, разыщу его! — сказал после долгого молчания ювелир.

— Мы сейчас уходим. Вы сами поговорите с сыном, а о результате скажете нам завтра. Есть у нас советы, но мы их попридержим до следующего раза. Просим, не обижайтесь на нас за горькую правду.

— Сегодня же я поговорю с сыном. Поговорю как следует. Но нам надо все спокойно уладить, не поднимать шум на весь Шахрихан... Чтобы без огласки...

— Конечно, конечно! — сказал Мавлави Юлдаш.— Все зависит от вас самих. Мы тоже не хотим постороннего вмешательства. У них же есть ребенок, славная девочка. Чем же она виновата...

Когда они вышли на улицу, их остановил младший сын ювелира, стоявший у ворот. Приложив руки к груди, он сказал, что уже два раза приходили Хайрати и Орази, но войти в дом не решались и ушли назад.

Друзья пошли опять к меднику. До самых ворот Мукими шел молча, а когда вошли в дом, снова стали советовать, что же делать дальше. Вечером к ним пришел Хайрати и увел к себе.

Когда они вошли в михманхану, сидевшие там гости радостно их встретили. Некоторые из них играли в шахматы. Мукими сел сыграть партию. Из-за этого пришлось повременить с дастарханом. Затянувшаяся партия закончилась вничью. Скромность и чистосердечность гостеприимных хозяев, устроивших обильное угощение, их приветливость, остроумные шутки, исполненные тонкой иронией,— все это пришлось по душе Мукими, и к нему вернулось спокойствие.

У Хайрати присутствовали подлинные любители литературы, знатоки узбекской и таджикской поэзии, а также мирабы, ведавшие распределением воды в арыках, и шелководы, и служащие канцелярией, занимающиеся перепиской бумаг, и работники конторы хлопкового завода, построенного не так давно в Шахрихане. Они искренне гордились двумя молодыми поэтами — Хайрати и Орази.

Мукими от души поздравил шахриханцев с молодыми талантами и рассказал о кокандских молодых поэтах, отметив и печальные стороны их жизни:

— Кому известно, что наша талантливая молодежь часто нуждается в самом необходимом, сидит по своим углам и, проливая горькие слезы, на клочках бумаги рисует печальные картины своей несчастной доли? Позвольте прочесть вам стихи одной поэтессы, хотя я и не имею на то ее разрешения...

Он вынул из кармана стихотворения Хайринисы и прочел их вслух. Присутствующие были растроганы, и один из них, широко известный мираб Абдувахид, обратился к Мукими:

— А можно у вас узнать имя этой поистине удивительной поэтессы? Откуда она?

Мукими усмехнулся и с нескрываемой гордостью сказал:

— Эта поэтесса живет здесь. Она ваша шахриханская жительница.

Все с удивлением посмотрели друг на друга. Мавлави Юлдаш кратко рассказал историю несчастной Хайринисы и призвал участников беседы защитить поэтессу. Он говорил так выразительно, что произвел сильное впечатление. В михманхане воцарилась тишина. Желая внести оживление, Мукими сказал, что ему хотелось бы послушать песни.

Хозяева будто только этого и ждали. Тотчас же принесли дутары, тарелки и раздали музыкантам. Зазвучала музыка, приятный голос затянул песню. Текст песни, которую исполнял певец, написал Мукими. Он сразу узнал недавно сочиненные им рубай. Удивительно, что эти рубай еще не дошли до кокандских знатоков и любителей поэзии (один лишь Абидджан успел прочесть и переписать стихи набело), и вдруг эти рубай поют.

— Скажите по совести,— спросил Мукими,— как эти рубай попали в Шахрихан?..

Ответил сидевший у двери поэт Алихан Орази:

— Могу сообщить, Абидджан-аглям — мой близкий друг...

Все громко засмеялись.

— Вот так раз!.. Вот здорово! Нашел я кому довериться и дать переписать стихотворение,— сказал Мукими, сдержав смехок.

Гости повеселели, беседа оживилась. Мукими послушал старые и новые стихи шахриханских поэтов, указал на недостатки в некоторых из них, а иным дал высокую оценку. Было уже поздно. Давно пришла пора ложиться спать. Наконец гости утомонились и заснули.

Жители Шахрихана очень уважали Мукими. На следующее утро многие из них пришли к ювелиру.

— Ваш сын взял вторую жену, а бедная ваша сноха, Хайриниса-поэтесса, должна мучиться с ребенком. Дайте развод второй жене! — требовали они.

— Мы не успокоимся, пока ваш сын не поклянется, что всю жизнь будет жить только с первой женой.

Из толпы вышел кузнец таджик, близкий друг ювелира. Он, войдя во двор, схватил за шиворот мужа Хайринисы, вытащил на улицу и грозно закричал:

— Я говорю с тобой перед народом! Ты что безобразничаешь? Или хочешь посеять распри между узбеками

и таджиками Шахрихана? Но мы всегда жили и будем жить в дружбе и согласии! Мукими не только узбекский, но и таджикский поэт! А ты хочешь осрамить таджиков! Ты уже опозорил своего отца. Мало тебе этого? Так ты хочешь и нас покрыть стыдом и позором?! Ну-ка, идем! Пошли к казни! Там мы с тобой поговорим!

Люди гневно кричали:

— Пусть он при всем народе повалится в ноги Мукими! Пусть раскается во всем! А если откажется, попробует увильнуть, тогда народ сам расправится с ним! Народ знает, что надо сделать!

В этот момент к дому ювелира подошли Мукими, мираб и еще несколько человек. Кузнец уже надавал тумачков мужу Хайринисы и тащил его по улице. Мукими остановился поодаль и спросил:

— В чем дело?

Мираб, желая успокоить Мукими, сказал:

— Может быть, это братья таджики собрались здесь, чтобы встретить вас?.. Ведь вы же и наш поэт!

— Странно! Если они пришли нас встречать, разве надо хватать друг друга за ворот и душить?!

— Быть может, они хотят дать нагоняй невоспитанным джигитам, которые не желают вас признавать.

Слова мираба были так несуразны, что он сам засмеялся, а вместе с ним засмеялись и другие. В этот миг муж Хайринисы вырвался из лапщ кузнеца, подбежал к Мукими и бросился ему в ноги.

Мукими поднял его и, обращаясь к мирабу, сказал:

— Непризнание таланта поэта — не грех!..

— Он никого не признает — ни вас, ни отца, ни даже самого себя. Поэтому шахриханцы его не любят.

Мукими усмехнулся и, крепко взяв джигита за руку, повел его во двор. Опустив голову, парень безропотно следовал за Мукими, а сзади шли мираб, Мавлави Юлдаш, медник, два молодых поэта. Потом в ворота вошли кузнец и с ним все остальные. Бедняга ювелир застыл посреди двора, краска сбежала с его лица.

Мукими, не отпуская джигита, задал ему вопрос:

— Уже два дня как мы приехали сюда, а вам даже и в голову не пришла мысль встретиться с нами! Разве родственники так поступают? А?..

Джигит молчал, опустив голову. Все ждали, что он или извинится или скажет еще что-нибудь, но он заплакал и повалился в ноги Мукими:

— Из уважения ко всем, кто здесь находится, простите меня! Я допустил ошибку...

— Не я должен простить вас за то, что вы натворили, а Хайринниса, которая сидит в доме медника и льет горькие слезы. Не я должен прощать вас, а ваши односельчане, вот эти люди! А мы только гости, провожатые бедной женщины.

Присутствующие заговорили в один голос:

— Мы, шахриханцы, хорошо знаем, что вы, Мукими, всегда защищаете сирот. Этот джигит опозорил нас, таджиков. Мы пришли сюда, чтобы отвести его к казнию на суд!

Не остался безучастным зрителем и Мавлави Юлдаш. Он вставил:

— Когда тебя поведут на суд к казнию, там тоже спросят у народа. И обвинять будет народ, и оправдывать тоже народ! На кого обрушился гнев народа, даже если ты сейчас чувствуешь себя на седьмом небе, все равно когда-нибудь тебя с землей смешаю. А кто удостоился уважения и любви народа, даже если он сейчас возится в земле, все будут на руках носить. Было бы очень хорошо, если бы этот джигит не вызвал гнев народа, а повалился бы в ноги и попросил бы прощения.

Старый ювелир, вытирая слезы, сказал, обращаясь к собравшимся:

— Будьте все свидетелями, что и я требую от своего сына того же. Пусть он откажется от второй жены. Пусть попросит прощения у Хайриннисы и помирится с ней. Завтра же я устрою свадебный пир, пошлю людей, чтобы с почетом привезли сноху из дома медника. Если сын не выполнит мое требование, то я скажу: «Нет у меня такого сына!» Пусть тогда и ноги его не будет в Шахрихане! Пока не кончится стодневный срок после развода, пусть сноха живет в моем доме, а потом я сам устрою свадьбу и выдам ее замуж. Тогда уж она не будет моей снохой, а станет мне дочерью. Внучку я буду сам воспитывать. Ну? Что вы скажете?

Сын подбежал к отцу и хотел броситься ему в ноги, но тот грозно прикрикнул на него:

— Им скажи! Не мне!

Сын медленно повернулся лицом к народу.

— Я принимаю требование отца. Простите меня! — взмолился он. — Я вырос непослушным, самовольным. Всегда совершал непристойные поступки, безобразничал. Мой тесть, ювелир Рахматулла, оставил мне и золото, и

прекрасный дом, а сам уехал на поклонение святым местам. Я совсем голову потерял. Попал в плохую компанию. Плохие приятели повели меня. Я связался с ними, вел распутную жизнь. Жену свою, целомудренную, честную женщину, с ребенком выгнал на улицу, а вместо нее в дом привел потаскушку. Мои любящие, добрые отец и мать указывали мне, но их слова на меня не действовали. Ничем нельзя было пронять меня. Если разрешите, я сейчас же приведу из дома медника жену и дочь.

Но тут кузнец закричал:

— Нет! Так не пойдет. Сначала ты пойдешь с нами к казнию, дашь своей шлюхе троскратный развод. В канцелярии у казния в памятной книге запишут, что ты раскался в своем поступке. Ты подпишешься... И тогда с тебя снимут вину. Твои родители и жена простят тебе твои грехи, а твой отец снова устроит свадебный пир. Только после этого ты привезешь жену домой! Так, что ли, домудла Мукими?

Все облегченно вздохнули. Мукими поблагодарил кузнеца. Народ разошелся. Кузнец повел гостей к себе.

За угощением беседа шла то на узбекском языке, то на таджикском. Мукими и Мавлави Юлдаш хорошо знали таджикский. Поэтому свои высказывания они подтверждали примерами из произведений Бедля, Хафиза, Саади. Скромно державшийся Мавлави удивил всех своим умением сочинять стихи экспромтом.

Когда мастер вышел во двор, Хайрати сказал кузнецу:

— Мавлави Юлдаш знает в совершенстве пять языков. Какой бы отрывок из узбекских или таджикских книг вы ни зачитали, он сейчас же вам скажет, откуда он. Вот какой человек приехал к нам в Шахрихан!

Кузнец покачал головой:

— Не сами по себе они приехали к нам. Такие известные люди приехали издалека, чтобы защитить права беспомощной женщины. Не посмотрели, что они знатные ученые, поэты! Спасибо их отцам за то, что вырастили таких людей! Тысячу раз спасибо! Вы извините: у меня кузница осталась открытой, я приду попозже.

Он ушел. Хайрати вернулся в михманхану. Там читали стихи Бедля. Беседа затянулась до вечера. После заката солнца в михманхану пришли Абидджан-аглям и еще один чаоторговец.

Не успел Абидджан сесть, как нетерпеливый Мавлави стал расспрашивать его:

— Ну, как в Коканде? Что слышно?

Любивший подшутить аглям мог бы на вопрос Мавлави ответить просто: «Да все спокойно», но вместо этого он сказал:

— Там беспокойно! Поднялась суматоха!

Этот ответ, сказанный серьезным тоном, привлек внимание всех присутствующих. Мавлави Юлдаш встревожился:

— Почему? Что за причина?

— Вы оба уехали, и с вами вместе исчезла вся прелесть Коканда. Город опустел. А какая же могла быть еще иная причина? Есть и хорошие вести, только о хорошем я сейчас говорить не буду.

Еще не успели расстелить дастархан вновь прибывшим гостям, как пришел сам домулла имам махаллинской мечети. Пришлось с деланными улыбками приветствовать важного гостя. Все были вынуждены поднять руки с раскрытыми ладонями и долго держать их, пока читал имам длинную-предлинную молитву.

Оживленная беседа погасла, как гаснет только что занявшийся костер, на который внезапно вылили ведро воды.

Домулла имам, стараясь блеснуть своими знаниями, стал приводить избитые, тысячу раз пережеванные примеры из хадисов — преданий о пророке Мухаммеде — и подробно разъяснять, как правоверные мусульмане в день праздника Курбан должны резать баранов, принося их в жертву, как на том свете в день Страшного суда их души поедут в рай верхом на этих баранах по волосяному мосту, висящему над адской пропастью, и как души грешников поскользнутся и низринутся в ад. Мукими исподлобья глянул на раздраженного Абидджана, который, как видно, потерял всякое терпение. Абиджан вкрадчиво заметил:

— Не обижайтесь на нас, уважаемый домулла имам! Мы люди темные, многого не знаем. Хотим спросить у вас... В этом ведь нет никакой вины! Например, те, кто делал жертвоприношение, кто резал баранов, они ведь сядут верхом на своих баранов и переедут по мосту в рай. Ну, а как же те, у кого нет средств сделать жертвоприношение, те, кто в день Курбана варит постный плов без мяса на льняном масле и угощают им своего домуллу имама, на кого они сядут верхом и как поедут по мосту в рай? Расскажите нам об этом...

Не ожидавший такого вопроса, домулла имам слег-

ка опешил и с недоумением смотрел на присутствовавших.

Тогда Мавлави Юлдаш попросил разрешение сказать, как он сам понимает это дело:

— Ваш покорный слуга много лет проучился в медресе и сподобился окончить курс. Науку о загробной жизни я, досточтимый домулла имам, как говорится, превзошел во всех тонкостях. Если вы затрудняетесь ответить на этот вопрос, не дозволите ли мне дать ответ.

Все закивали головами, и тогда Абиджан повторил свой вопрос:

— Если человек на льняном масле принесет жертву злым духам и будет угощать домуллу имама, тогда на кого он сядет верхом при переезде через мост в рай?..

Не спеша Мавлави Юлдаш дал ответ:

— Тому придется оседлать самого имама и на нем поехать по мосту в рай!..

Имам вскочил с места и бросился к выходу. За ним последовали прихожане, два-три человека. В дверях имам остановился и, зло посмотрев на Мавлави Юлдаша, резко сказал:

— Я думал, что вы хорошие люди, поэтому пришел сюда...

На это Мукими ответил с усмешкой:

— Самы виноваты, таксыр! Вы ведь слышали, что здесь хорошие люди. Зачем же пришли сюда?!

Сердито махнув рукой, имам вышел. Старик ювелир долго стоял на террасе, смотря вслед имаму и сокрушенно качая головой. Мавлави и Мукими, сославшись на усталость, попрощались с хозяином и пошли к меднику.

Утром к Мукими пришли ювелир с сыном. Ювелир сообщил, что хочет устроить свадебный той. Мукими выразил им свою благодарность, затем сказал:

— Сегодня я хочу выехать в Коканд. Прошу, чтобы женщины поскорее увезли Хайриннису из дома медника. Надо до вечера уладить все дела у казняя.

К вечеру все было выполнено. Вместе с мирабом, медником и двумя поэтами Шахрихана Мукими навестил ювелира.

Оставив друзей в михманхане, Мукими с ювелиром вошел в ичкари к Хайриннисе. Она была в наряде невесты. Вместе с женщинами и девушками, собравшимися на вечеринку, она выполняла все, что было установлено обрядом. Хайринниса поздоровалась и, застыдив-

шась, склонила голову на плечо Мукими. Она не могла удержаться от слез и, вытирая глаза кончиком кисейной косынки, сказала:

— Хочу поблагодарить вас за все. Такое может сделать только мужественный, благородный человек! До свидания!..

Ничего не сказал Мукими ей в ответ. Отвернувшись, он еле выговорил:

— До свидания...

Выйдя из ичкарн, Мукими отвел в сторону зятя, поэтов Хайрати и Орази и сказал им:

— У меня к вам большая просьба. Не оставляйте Хайринису без книг, без бумаги, без перьев. С детства она привыкла играть на дутаре. Надо достать ей дутар. Хотя по закону не разрешается смотреть на лицо женщины посторонним, пусть ваши стихи будут дозволены Хайринисе, а стихи Хайринисы дозволены вам. Я надеюсь, что у нашего почтенного зятя не будет ни сомнений ни подозрений.

Все трое дали обещание Мукими выполнить его просьбу. Мукими и Мавлави Юлдаш спешили уехать. Садиться за дастархан было некогда. На улице уже стояла новая арба с крытым верхом. Они тепло распрощались со всеми, сели на арбу и отправились на станцию Асака.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЗМЕЯ БРЫЗЖЕТ ЯДОМ

Когда Мукими вернулся из Шахрихана, Абдулла и Гариби вручили ему конверт. Оказывается, из Москвы на имя Мухаммеда Аминходжи пришло письмо от Ерзина.

В конверте было два письма, но оба по содержанию были похожи одно на другое. Ерзин писал кратко, не спеша, обдуманно. А письмо Рузимухаммеджана было написано по-детски, торопливо, фразы были составлены кое-как из русских, татарских и узбекских слов.

Ерзин сообщал, что в этом году летом он собирается повезти Рузимухаммеда в Коканд, а в случае, если сам не сможет поехать, то отправит мальчика с надежным человеком.

Новость потрясла поэта. Он считал своего племянника пропавшим без вести в горах и пустынях Арабистана.

Дрожащим голосом поэт прочитал вслух письмо Ерзина друзьям, потом перечитал его много раз. Он громко выражал благодарность и восклицал «Спасибо! Спасибо!» замечательным людям, которые приютили, приласкали и обучили грамоте его племянника, маленького Рузимухаммеджана.

В письме мальчика было много русских выражений, поэтому Мукими посмеялся. Вложив письмо в конверт, он сказал:

— Ладно! Раз не могу прочитать, пусть останется в конверте! Попробую дать Мавлави. Если и он не прочтет, тогда к кому же идти?.. Как бы там ни было, а племянник жив, письмо написал. Какая удивительная судьба. Пусть еще напишет, а мы помучаемся-помучаемся и как-нибудь прочитаем! Раз его воспитывают такие прекрасные люди, то и он тоже вырастет и станет прекрасным человеком. Какое событие! Русские ученые обучают Рузимухаммеда, племянника бедняка Мухаммеда Аминходжи, дают ему знания, и когда он станет таким же образованным, как и они сами, скажут ему: «Поезжай теперь и служи своему народу!» Буду жив-здоров, тогда поговорю с этим Мухи. Моего племянника воспитали русские! Они такие благородные люди! Об этом я буду провозглашать во весь голос и везде и всюду!

Положив письма в нагрудный карман камзола, Мукими торопливо вышел, бросив на ходу:

— Я пойду к Мавлави, попрошу, чтобы он прочел мне письмо Рузимухаммеда!

Гарибби хотел было вернуть поэта.

— А если я сам схожу за ним?

— Нельзя! Неудобно. Хотя он и моложе меня, но он высокообразованный, глубокоуважаемый мной человек. Я сам пойду к нему!

Не застав Мавлави дома, Мукими направился в кузнечный ряд. Пройдя через двор соборной мечети, он увидел, что лавка Абидджана, стоявшая напротив ворот мечети в чайном торговом ряду, закрыта.

У толстого чернобородого, пренсполненного важности и солидности Якубджана-хаджи был хорошо оборудованный большой магазин, построенный напротив ворот соборной мечети. Якубджан-хаджи торговал китайской посудой — вазами, блюдами, изящными тонкими высококачественными фарфоровыми чашами и пиалами. На многих чашах были китайские надписи. Мавлави читал

их вслух и переводил. Каждый, кто проходил по этому торговому ряду, не мог не остановиться у посудного магазина, чтобы не полюбоваться прекрасными фарфоровыми изделиями.

Оказывается, Якубджану-хаджи из Шанхая прислали новые большие вазы. Мавлави Юлдаш разбирает надписи на этих вазах и переводил их вслух толпе любопытствующих.

На вазах имелись наименования фарфоровых мастерских и имена их владельцев. На некоторых приводились образцы хвалебных од в честь китайского богдыхана или строфы из стихотворений известных поэтов.

— А что значит слово «чинни» фарфор?— спросил один из толпы. Мавлави Юлдаш, не задумываясь, ответил:

— Слово «чинни» образовано от слова «чин» и означает «китайский»...

Как раз в это время подошел Мукими и поздоровался с Якубджаном и Мавлави. Вынув из нагрудного кармана конверт и подавая его Мавлави, он сказал:

— Радостная весть! Посмотрите...

Читая письмо, Мавлави то хмурился, то улыбался. От души поздравив Мукими, он показал письмо Якубджану и сказал:

— Сегодня же, эффенди, найдите вашего приятеля, этого Хаджи Мухи. Не забудьте сказать ему про новость. Так и скажите ему: на голову поэта Мукими слетела птица счастья, нашелся его племянник, пропавший без вести во время хаджа. Он воспитывается в Москве у русских ученых. Совсем посторонний человек Ерзин, уважаемый москвич, принял его в свою семью как родного сына и пишет мне: «Ваш племянник, усыновленный ученым Левницким, ныне живет у меня в доме, сыт, одет и в тепле. Не беспокойтесь! Когда он выучится, получит знания и станет образованным человеком, он вернется к вам!» Про все скажите своему другу-приятелю! Ну, идемте, ишан-ака!

Якубджан-хаджи пытался что-то сказать, но слова застревали в горле.

В худжре Мукими прочел вслух письмо Ерзина, а Мавлави — письмо Рузимухаммеда, переведя все русские фразы. Мукими решил завтра же разыскать человека, привезшего письмо из Москвы, расспросить про Рузимухаммеда и отправить с ним ответное письмо.

Приезжий оказался купцом Азимджаном, прибывшим из Москвы по торговым делам.

Сидя в худжре за угощением, он рассказал все, что знал о Рузимухаммеде, заверил, что с удовольствием отвезет письмо Мукими Ерзину.

* * *

Снова пришла зима. Надо было подумать о средствах для существования. Мукими опять начал работать у каллиграфа Мухаммеда Юсуфхана.

Когда Мукими проходил через торговые ряды Тарокчилик, ему часто попадался навстречу мингбаши этой части Коканда Орифхан-тура. Поэт приветствовал его сдержанным поклоном, не сгибался в три погибели, как делали другие кокандцы, и это приводило мингбаши в ярость.

Однажды Мукими шел, задумавшись, к каллиграфу. Навстречу ему по улице, поднимая пыль, мчалась пароконная коляска, в которой сидел, развалившись на мягком сиденье, Орифхан-тура. Чтобы избежать пыли и не попадаться на глаза мингбаши, Мукими завернул в ворота ближайшего дома.

Скакавший на коне рядом с коляской стражник заметил поэта и, склонившись в седле, шепнул Орифхану-тура:

— Поэт Мукими увидел, что вы едете, и спрятался.

Орифхан-тура остановил коляску и заорал:

— Господин Мукими!

Поэт вышел из ворот и, сделав несколько шагов в сторону коляски, поклонился. Мингбаши сурово смотрел на него. Прохожие начали останавливаться и с любопытством ждали, что будет дальше. Мингбаши хрипло проговорил:

— Почему это вы от меня прячетесь, господин поэт?

— Чтобы ваша пыль не обсыпала мою одежду и не ударила мне в нос...

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что сначала прикажите полить улицу, а потом и гоняйте коляску во весь опор. Вы то грязью забрызгиваете прохожих, то поднимаете пыль — просто не продуманешь! Вот я и хочу сказать: смилуйтесь, пожалейте народ!..

Вокруг коляски столпилось много народу. Возгласа-

ми одобрения они поддержали поэта. Тогда Орифхан-тура приказал поэту:

— Садитесь на извозчика, поедем ко мне в канцелярию, там поговорим!

— У меня нет времени! Говорите здесь то, что вы намереваетесь мне сказать!

— Вон как! Не хотите по-хорошему ехать... поедете по-плохому...

По знаку Орифхана-тура стражник спрыгнул с лошади и пошел к Мукими. Но толпа не пропустила его. Стражник остановился. Орифхан-тура со злостью крикнул кучеру:

— Погоняй!

Стражник поскакал вслед за коляской. Поблагодарив народ, Мукими продолжил свой путь.

Вечером, когда Мукими возвращался домой, около медресе к нему подошел Мухи:

— Господин Мукими?

Мукими остановился:

— Вы что-то хотели мне сказать?

— Если у вас есть время, зашли бы ко мне. Надо поговорить кое о чем.

— Хорошо! Зайду попозже.

В своей худжре он разделся, заказал Абдулле шавлю, только не очень крутую, и направился к Мухи.

Он еще ни разу не был у попечителя медресе. Худжра была богатой. На колышке висела шуба на меху из лисьих лапок и чалма из кашемировой шелковой кисеи. Вокруг сандала были постелены шелковые курпачи, а на них лежали четыре подушки из лебяжьего пуха. На почетном месте красовался напоказ дорогой молитвенный коврик с изображением каабы. На стене в большой рамке висела фотография Мухи.

Мухи встретил гостя чтением своих стихов, написанных камышовым пером на пергаментной бумаге:

Достигнул вершины познания Мухи,
Венец совершенства отняв у других.
Его и «Мухи», и «хаджи» называли,
И славой его увенчали стихи.

От подобного бахвальства Мукими покорило, но он сделал вид, что ничего не заметил. Мухи велел своему слуге Аскару идти готовить плов, а сам стал накладывать в пиалу мед из жестяного бидона.

— Мед привезли в прошлом году из Арсланбоба,— сказал Мухи.— И я угощаю им только дорогих гостей.
— Спасибо!..

Мухи суетился так, словно к нему пришел самый дорогой задушевный друг. Он вытаскивал узелки со сладостями, яствами, принесенными из байских домов, где ему посчастливилось побывать на свадьбах, поминках, обрезаниях. Мукими знал, что вслед за сладостями, которые хозяин высыпал на дастархан, посыплются ядовитые слова, но сделал вид, что любезное обращение принимает за чистую монету.

Взяв из рук хозяина пналу, Мукими обмакнул в мед кусочек лепешки. Вначале беседа была слаще меда. Мухи начал речь издали — вспомнил газель Мукими, в которой тот намекал на то, что Мухи является пришельцем. Мухи лицемерно прослезился, ссылаясь на следующие строки:

Я удостоился бы славы,
из заморской будь страны,
Виновен в том я, Мукими,
что родом я — из Ферганы.

— Мы живем с вами в одном медресе,— сказал он.— Но люди, ненавидящие меня, завидуют, что я приобрел известность и уважение своими творениями, наговаривают на меня, чтобы посеять рознь между нами. Вы их слушаете, верите им и даже в своем стихотворении намекнули, что я пришелец. Но я на это не обижаюсь. Ваши стихи не понравились досточтимому господину Юнусхану, они очень обиделись! Ведь их отец прибыл в Коканд из Индии. А мы-то живем под их покровительством! А что если его светлость вызовут и скажут: «Освободи худжру!» Куда мы пойдём? Я говорю вам, потому что имею на это право. Если вас будут притеснять, то и мне тоже достанется.

— Но ведь писал-то я,— возразил Мукими.— Если станут гнать из медресе, то меня. При чем здесь вы?

— Разве могу я стоять в стороне? Если в вас вонзится колючка, то и мое сердце испытает боль!

Мукими засмеялся:

— Если в меня вонзится колючка, вам будет больно? А кто же отнес и прочел вот эту газель господину минг-башни?

— Должно быть, какой-нибудь каверзник...

— Не вы ли сами?

Побледнев, Мухи схватился за воротник:

— Велик аллах! Кто вам так сказал?..

— Говорят, что у стен тоже есть уши! Когда господин мингбаши, прослушав газель, погрузился в молчание, один «достопочтенный» господин вставил свое слово: «Надо выгнать Мукими из худжры!» И это сказали вы, господин Мухи!..

— Это ложь!

— Завтра же я устрою плов, приглашу господинна мингбаши и в его присутствии опять прочту это стихотворение. Если надо будет освободить худжру, освобожу! Вы рады?

— Вы, Мукими, создаете себе лишние огорчения. Зачем вы расстраиваете сами себя? Если задаться целью освободить худжру, устроить это легко. Надо будет только сказать господину мингбаши: «Мукими стало стыдно, что доставил вам огорчение, и он переселился из медресе Хазрат в другое место!» Хорошо? Не так ли?

— По-вашему, это хорошо, а?!

— А что? Разве лучше будет, если вас выгонят силой?..

— По-вашему, мингбаши совсем неразумный человек. Но это не так. Вы забыли, что моя худжра принадлежит Миёну Сотыболдыхану. Я получил ключ не от вас и не от святейшего, а от Миёна Сотыболдыхана. И я готов освободить худжру в любое время, едва только она ему понадобится!..

— Говорят, что мингбаши хочет, чтобы вас здесь не было. Он на вас обижен.

— Ай, молодец, Мухи! Вот вы и подошли теперь к цели!

— Не годится поэту быть таким грубым! Если вы поклонитесь, голова у вас от поклона отвалится?

— Это уж вы сами, Мухи, кланяйтесь господину мингбаши, а я на такое не способен!

— Значит, вы хотите, чтобы все неприязненно смотрели на вас!

— Почему все? Если я кажусь плохим, неприятным вам — значит, только вам я и кажусь скверным, дурным. А завтра я хочу показаться неприятным вашему другу Ашурбаю-хаджи.

— Вы сказали, что покажетесь неприятным Ашурбаю-хаджи?

— Да! Ашурбаю-хаджи! Уж очень он разбогател! От жира лопается. Дома три жены сидят взаперти, а он шатается по Ходабазару, по публичным домам. Позавчера в полночь он пьяный забрался к своему соседу, бедному сторожу, и хотел изнасиловать его жену, хорошо, соседи сбежались, поймали развратника и вывели на улицу. Позор! А за него вступился ваш мингбаши. Ашурбай дал взятку, и мингбаши замял дело. Я написал про них сатиру и передал ее кое-кому. Пусть почитают всему народу!

— Нехорошо вы сделали!

— Почему?

— Вы живете с Ашурбаем-хаджи в одном городе. Оба правоверные мусульмане...

— Значит, по-вашему, нужно закрывать глаза на непристойные поступки богатеев? Пусть что хотят, то и делают. Так, что ли? Если бы к жене сторожа полез бедняк в рваном халате, ваш мингбаши приказал бы связать хулигану руки за спину, надавать тумачков и отвести в участок. Но бедняки с жиру не бесятся, так не безобразничают. Они рады раздобыть себе на пропитание и поесть досыта!..

Заварив чай, мулла Аскар занес чайник в худжру и слушал. Хаджи Мухи крикнул со злостью:

— Иди! Делай свое дело! Не заходи, пока не позову!

Мулла Аскар многозначительно посмотрел на Мукими и вышел. Мухи, со злостью отодвинув стоящую перед ним пиалу, уставился в лицо Мукими:

— Ну, это чересчур!.. Вы забыли о приличии, Мукими!

— Я или другие? Это решит народ!

— Кого вы называете народом? Черную кость, подобную моему Аскару? Неграмотных, босоногих голодранцев? Но ведь есть же улемы — духовенство, хозяева — баи, которые держат правило в своих руках!

— Я считаюсь с народом, с босоногими, неграмотными, с теми, кого вы называете черной. Мои стихи принадлежат труженникам, народу!

— Ваши газели всем надоели. Просто противно их слушать!

Мукими невольно усмехнулся:

— А вы скажите им — пусть поют ваши газели!

— У меня нет для них газелей!

— Вы не обидитесь, господин Мухи? Я хочу сказать вам одну вещь.

— Говорите.

— Поэзия и музыка — цветущий сад. Когда наступает весна, приходит пора цветения... Сад одевается в зеленый наряд, цветет пышным цветом. Но...

— Говорите!

— Но если народ, желая насладиться ароматом цветов, полюбоваться прелестью цветущих садов, пытается приблизиться к ним, ему преграждают путь господа вроде вас. Такие, как вы, лишили простых людей возможности пользоваться прекрасными плодами. Едва они входят в сад, вы набрасываетесь на них. Именуя себя «царем поэтов», вы защищаете жаждущих мести муфтия Хасанхана, казия Саадихана, Ашурбая Кривого. А за то, что я осмелился сказать правду в глаза мингбаши Орифхану-тура, вызвали меня в свою худжру и начали отчитывать... С простым народом вы не считаетесь...

— Продолжайте!

— Продолжит просыпающийся простой народ, новая эпоха...

Крупные капли пота выступили на лбу Мухи. Он схватился за голову и зажал виски ладонями. Воздев руки вверх, Мухими провел ладонями по лицу и, прочитав краткую молитву, встал:

— Разрешите мне идти, хаджи-ака. Пойду к себе в худжру.

— Плов уже закрыт, сейчас будет готов...

— Благодарю! В другой раз отведаю...

Мухими вышел в прихожую. За дверью стоял мулла Аскар и с удовольствием слушал все, что говорил Мухими. Пока Мухими надевал кожаные калоши, Аскар нагнулся, чтобы поправить подвернувшийся задник, и потихоньку сказал:

— Спасибо, ишан-ака! Здорово вы подсыпали соли и перца!

В беспокойстве мулла Абдулла и Гариби думали: «Мухими спорит с Хаджи Мухи, должно быть, придет расстроенный...»

Но вышло наоборот: поэт переступил порог худжры довольный, словно батыр-охотник, вышедший победителем из схватки с барсом.

— Приятное известие, уважаемый Мухими. Приходил Таджибай-хаджи. Мы с трудом выпроводили его отсюда, — сказал Гариби. — Явился пьяный, как свинья, вероятно, напился опийного настоя, еще вздумал спрашивать вас. Надо полагать, вы подшутили над ним, сказав, что напишете про него сатиру! С пьяных глаз он

все твердил: «Пусть напишет про меня. Я теперь только и гожусь на то, чтобы сочинять на меня сатиры...» Говорит, а сам навзрыд плачет, бедняга.

— Плохо, что вы не оставили его здесь! — сказал Мукими.— Волосок из его бороды я не сменяю на сто попечителей медресе, подобных Мухи. Таджикибай очень честный, бескорыстный, одинокий, безродный парень. Сколько добра он сделал мне! Никогда не забуду! Он щедрый бедняк! Он щедрее древнего Хатама! Но он обзавелся плохими приятелями. Водится с дурной компанией. Нет сомнения, что только от нее прилипла к нему зараза. Нехорошо, что вы его выпроводили!..

Мулла Абдулла извинился:

— Мы думали, что Мухи вас расстроит, вы будете не в духе, и поэтому постарались отделаться от Таджикибая.

Не успели выложить плов из котла на блюдо, как в дверь постучали. В худжру вошел мулла Аскар, неся закрытую сверху миску с пловом.

— Почтенный Мухи,— сказал он,— поделился с вами пловом. Велел отнести миску: «Мукими, говорит, ушел и даже не покушал. Отнеси-ка ему его долю». Вам оказал такую милость, а сам даже и не притронулся к плову, надел чалму и халат, скривился от злости и ушел — чтоб провалиться ему в могилу! — не знаю куда. Уж я постарался приготовить хороший плов, кушайте, а то остынет...

Чтобы не обидеть муллу Аскара, чашку с пловом приняли. Мукими задумался: «Мухи сразу оделся и ушел. Это он сделал неспроста, конечно, замышляет что-нибудь недоброе».

Из размышлений его вывел голос Гариби:

— Может быть, мне отнести этот плов прямо в миске и отдать тетушке Зиёде-биби. Сегодня и Акбарходжа почему-то не приходил, заодно я узнаю о нем и принесу вам весточку.

Мукими покачал головой:

— Нет, вы отнесите сй нашего плова. А плов господина Мухи отдадите кому-нибудь завтра. Я считаю, что нам не подобает есть его плов. Не годится он и для моего сына... Хотя сварил его мулла Аскар, но это... плов Мухи!

Гариби наложил плову в фарфоровую касу и, не теряя времени, понес его в дом пекаря. Вскоре он вернулся и сказал:

— Акбарходжа спит...

Хотя Зиёда-биби поступила неразумно: сделала несчастной свою родную дочь и осиротила внука при живых родителях, Мукими не бросал ее. Ей негде было добыть себе на кусок хлеба, она жила одна в опустелом доме с маленьким Акбарходжой.

После обеда Мукими в одиночестве перечитывал письма, полученные из Ташкента от Каримджана-кари и других друзей. Они усиленно приглашали его к себе. Но Мукими теперь не мог и мечтать о поездке в Ташкент и написал им в ответ, что «он не может думать о наслаждениях для своей души. Он не может оставить голодным ни сына Акбарходжу, осиротевшего при живой матери, ни несчастную бабушку Зиёду-биби, которой не на что больше рассчитывать, как только на еду из этого котла, ни безродного Исмаила Гариби, и даже его верного стража Кытмира, который ждет с нетерпением, когда ему принесут кости с дастархана из худжры!»

Не только все эти люди «ютились под сенью» бедняка Мукими, но и многие бедные, безродные, бездомные музыканты, певцы и поэты прибегали к его помощи.

Занятые своими житейскими заботами и хлопотами, родственники и друзья не часто вспоминали Мукими, но он не обижался на них. Взяв с собой Гариби, он отправлялся куда-нибудь то под предлогом навестить своих младших сестреночек к друзьям ремесленникам в махаллю Навбахор, то уходил в Найманчу и Барзанги. Посидев в веселом обществе в михманхане Ахмедали Бойбоя, послушав состязание аскиячей, он возвращался домой. Иногда Мукими играл в шахматы в михманхане у своего друга Мирзахида или отправлялся в Каратепа в гости к Закиру и, заночевав у него, лишь утром возвращался в свою худжру. Бывал он также в гостях у старого друга чайханщика Эгамберды на Шалдырамокском базарчике. Слушал там песни на свои стихи. Он ничего не говорил друзьям о своей нужде, не жаловался на нехватки и недостатки. И так, еле перебиваясь, проводил суровые дни зимы.

Но вот пришла весна, приятная пора. Чаше выпадали веселые радостные дни. Однако ежегодно весной Мукими мучили приступы малярии. Он выходил из худжры и грелся на солнце. Но случалось, что нужда заставляла его сидеть в тесной сырой худжре каллиграфа Мухаммеда Юсуфхана, хотя поэта бил озноб, болела голова, слабость подступала к сердцу.

Как-то запыхавшись от быстрой ходьбы, в худжру Мухаммеда Юсуфхана вошел аксакал Абдурашид, держа в руках какую-то бумагу. Этому аксакалу подчинялись все чаоторговцы на базаре. Отдышавшись, он обратился к Мухаммеду Юсуфхану:

— От белого царя приехал важный чиновник, чтобы выслушать жалобы кокандцев. Собрались баи города, поговорили и решили, что надо подать прошение. И вот меня послали к вам переписать его на узбекском языке...

Пробежав глазами прошение, Мухаммед Юсуфхан передал его Мукими. Поэт прочел и, посмотрев на аксакала Абдурашида, сказал:

— Простение написано от имени народа, но в нем говорится только о том, чтобы защитить интересы баев. Это неправильно!

Мухаммед Юсуфхан взглянул на аксакала поверх очков.

— Мы очень заняты,— сказал он,— давайте кому-нибудь другому, чтобы переписали.

Аксакал Абдурашид схватил бумагу и выскочил из худжры.

Спустя три дня помощник градоначальника вызвал Мукими в свою канцелярию:

— Мы решили предоставить вам службу.

— Пожалуйста! Если я сумею...

— Только не в самом Коканде...

— Ничего, можно и в окрестностях города! Чтобы была возможность вечером возвращаться в город.

Поэт подумал, что это предложение сделано по просьбе Сумаляка-кори, и поэтому обрадовался, что власти решили проявить заботу о человеке, который живет в нужде. Но Китаев вдруг переменял тон и, повысив голос, сказал:

— В Коканде вам делать нечего! Мы вас отправим на берег Сырдарьи в Акджар!

— Господин помощник! Что же я там буду делать? Ведь я поэт!

— Это ваше дело! Занимайтесь чем угодно. Так распорядился господин градоначальник Медынский. Вы сами поедете или отправить вас?

— Хорошо! Я сам поеду!

Выйдя из канцелярии, потрясенный Мукими направился к Мавлави. Друзья пошли к Сумаляку-кори и рассказали ему о высылке Мукими в Акджар.

Сумаляк всегда говорил друзьям, что он знает за-

коны и может многое сделать. Но на этот раз, узнав о случившемся, он растерялся.

— Если уж такое дело... сам градоначальник... — с трудом проговорил он, — бесполезно... Все равно ничего не добьешься. Если дадут там какое-нибудь место на государственной службе, придется и на том сказать спасибо. Попытаюсь поговорить с Медынским, чтобы позволил оставить вас здесь. Если же не согласится, попрошу, чтобы вам дали должность. Во всяком случае вам, Мукими, надо готовиться к отъезду.

Вышли они из дома Сумалаяка-кори расстроенные, не зная, что делать. Когда они подходили к медресе, стоявший у входа Мухи быстро юркнул во двор и прошмыгнул в свою худжру.

— Надо собрать друзей, — сказал Мавлави Юлдаш, — и рассказать им обо всем. — Не теряя ни минуты, он отправился к Миёну Сотыболдыхану.

Заглянув в свою худжру, Мукими обнаружил там незнакомого джигита, разговаривавшего с Гариби.

Поздоровавшись, Мукими сказал Гариби, чтобы он сходил за Эгамберды. Джигит сидел безмолвно напротив Мукими и не сводил с него внимательных глаз.

— Вам что угодно? — спросил Мукими.

— Если вас не затруднит моя просьба, я хотел бы сказать...

— Говорите, говорите!

— Меня зовут Захидходжа, по профессии пекарь.

— Ну?

— Разрешите мне рассказать, что у нас случилось?

— Я спешу. Сейчас я ухожу. Но так и быть, говорите, только покороче.

— Меня послала к вам моя жена Анбар-биби.

— Анбар-биби?

— Да, у нее отнялись ноги. Она лежит в постели и пишет стихи. Она уже давно просит меня: «Сходи к Мукими, передай ему мою просьбу, зашел бы он мимоходом к нам ненадолго, навестил бы меня, послушал бы мои стихи, я лежу за пологом. Мне так хочется побеседовать с Мукими, другого желания у меня нет!» Она много раз говорила мне, а я все не обращал внимания на ее слова. Сегодня опять она просила и плакала. Мне так жалко ее стало, что я немедленно отправился к вам.

— Очень хорошо сделали, я обязательно побываю у вас, но не сегодня. Зайдите ко мне завтра утром и проводите меня. Далеко вы живете?

— В махалле Бузрукходжа.

— Близко. Ну, вот так...

Парень поблагодарил и, пятась, вышел из худжры.

Как только он ушел, прибежал Акбарходжа. Ласкаясь, прижался щекой к щеке отца. Мальчик очень соскучился. Он болел, два дня лежал дома. Мукими прижал сына к груди. Разлука неминуема. Теперь он будет жить в степи, вдали от родного города, не будет видеть своего малыша, а он без отца будет сидеть голодный, скучать и плакать.

В худжру вошел Абдулла. Он вернулся из своего кишлака Каримдевана, куда уезжал на недельку.

Поэт обрадовался:

— Мы тут все глаза проглядели, ожидая вас, Абдулла! — сказал Мукими. — Как хорошо, что вы приехали:

Абдулла вынул из хурджуна сдобные лепешки, сузьму, кислое молоко и глиняную чашку сливочного масла.

Отец и сын, отломив лепешки, намазали маслом и принялись завтракать, а тем временем Абдулла развел огонь в очаге. В дверь постучали, и в худжру вошли Эгамберды-хаджи и Гариби. Эгамберды принес две лепешки и кусок вареной баранины. Отделив часть привезенных продуктов, Мукими попросил отвести Акбарходжу к бабушке и передать ей гостинцы.

За чаем Мукими рассказал друзьям, что произошло. Он не мог скрыть охватившей его тревоги за сына, ибо мальчик останется на руках у беспомощной бабушки. Что с ним теперь будет?

В ответ на это Эгамберды заявил:

— Не тревожьтесь за сынишку! Мы, ваши друзья, позаботимся о нем. Думаю, что лучше сдать дом в аренду. А старуху и мальчика я возьму к себе. Зиёда-биби будет помогать мне по хозяйству. Ежедневно утром я варю один котел рисового супа с мясом и кислым молоком и продаю посетителям чайханы. Теперь суп будет варить Зиёда-биби. Лишь бы она согласилась — вот и все! Сын ваш, пока вы не вернетесь, будет со мной.

Прощавшись, он ушел. Возле медресе Хазрат встретил Убайдуллу Завки, Зори, Ери, а с ними вместе Исмаила Гариби. Поодаль отдельной группой шли Мавлави Юлдаш, Миён Сотыболдыхан, Абиджан-аглям. Все они спешили к Мукими. Весь вечер в худжре Мукими шла серьезная беседа: предстояли большие хлопоты и печальные дни разлуки.

По словам Мавлави Юлдаша, градоначальнику Медынского была подана жалоба, подписанная видными духовными лицами во главе с Мухи. Они требовали удалить поэта Мукими из города! Почти одновременно в канцелярию градоначальника явился мнигбаши Орифхан-тура и тоже пожаловался на Мукими. Час спустя аксакал Абдурашид принес градоначальнику письменное заявление от баев, в котором они писали, что «поэт Мукими отказался переписать прошение на имя царского чиновника!»

После этого и последовало распоряжение Медынского — временно выслать поэта Мукими из города! Миён Сотыболдыхан узнал, что за Мукими вступился помощник градоначальника, который из уважения к поэту поднял вопрос о переезде его на жительство в Акджар: Акджар находится не так уж далеко от Коканда. На другом берегу Сырдарьи расположены таджикские кишлаки Гурумсарон, Чодак, жители которых постоянно бывают в Коканде на базаре и ездят через Акджар. Поэтому три раза в неделю в базарные дни Акджар переполнен проезжими. На дорогах не прекращается поток всадников, пешеходов, арб. С утра люди едут в Коканд на базар, а после полудня возвращаются с базара в свои кишлаки. Если Сумаяк выполнит свое обещание и Мукими дадут хотя бы небольшую должность, тогда еще ничего, можно будет жить.

Завки сказал, что раздобудет арбу, Мавлави Юлдаш обещал проводить Мукими до места. Гариби тоже решил поехать с поэтом. Сочли более удобным выехать завтра в полдень из дома Абидджана, ибо во всех отношениях неприлично отправляться из медресе. Договорившись, друзья разошлись по домам.

В худжре остались Мукими да погруженные в горестные думы мулла Абдулла и Гариби.

— Не падайте духом, друзья мои! — сказал им Мукими. — Жизнь — это трудности и борьба. Сегодня у них удача, но справедливость восторжествует! Сегодня моим врагам удалось добиться моего изгнания. Но друзей у меня в Коканде много. И они не оставят меня одного в пустынной степи судьбы. Не тревожьтесь! Позаботьтесь лучше сами, как добыть себе средства на пропитание. Лишь бы вы могли жить здесь в худжре — и все! Ну, хватит! Давайте отдохнем! Пора спать!

Гариби вышел в прихожую. Немного погодя оттуда донеслись всхлипывания и вздохи. Мукими, отобрав

нужные ему книги и бумаги, завязал их в платок. Услышав плач, громко сказал:

— Вот как! Вы, оказывается, собакопоклонник! Не знал...

— Что... вы... вы сказали?— спросил плачущим голосом Гариби.

— Не знал я, что лай каких-то паршивых собак приводит вас в трепет. Вы тут проливаете арык слез, достаточный, чтобы крутить жернова мельницы наших врагов. Ай, молодец! Слезы — это признак поражения. А мы ведь еще не потерпели поражения! Идите сюда, Гариби.

Вытирая полый халата глаза, Гариби зашел в худжу и присел на колени. Мукими дал своим друзьям поручения:

— Каждый день навещайте Акбарходжу, справляйтесь у Зиёды-биби, как она живет. Навещайте бедных, безродных старых музыкантов и певцов, живущих на окраинах в лачугах. Они знают, что Мукими отправили в ссылку, и тоже горюют. Друзья мои, поддержите их, утешьте, скажите, чтобы они не падали духом.

— Хорошо! Будем навещать,— сказал Абдулла.

Было уже поздно. Из махалли донеслось пение петоухов. Все в худжре улеглись, успокоились и сразу заснули.

Не успели они утром еще выпить чаю, как за поэтом пришел пекарь Захидходжа.

— Пока мои друзья еще не приехали, я схожу в одно место, — сказал Мукими и вышел вместе с Захидходжой.

* * *

Ткач Фарманкул, родом из Маргилана, был одним из внуков известной поэтессы Джухон Ойши Увайси. В годы своей юности в поисках заработка он переехал в Коканд и ткал грубую хлопчатобумажную ткань — мату. Потом Фарманкул женился на дочери бедного ремесленника. У них родилась дочь. Ее называли Анбар-биби.

Когда Анбар-биби подросла, ее учила грамоте образованная женщина, проживавшая в махалле Бешкавак. Девочка усердно учила наизусть стихи поэтов-классиков, в том числе газели своей прабабушки Увайси и поэтессы Надиры. Уменьем выразительно декламировать стихи Анбар-биби приводила в восторг многих, даже свою учи-

тельницу. Женщины махалли, узнав, как она хорошо читает стихи, часто собирались, чтобы послушать свою любимицу.

Когда Анбар-биби выросла, ее выдали замуж за ученика пекаря Захидходжу. Надо сказать, он никогда не имел дела со стихами, сам не мог читать и не понимал, что хорошего в стихах, какое удовольствие от них получают знатоки поэзии. Но молодая поэтесса не переставала писать стихи.

Однако несчастье подстерегало Анбар-биби. Она упала и расшиблась так, что лишилась возможности ходить.

В день, когда ожидали Мукими, Анбар-биби сидела в постели, опершись на подушку, и писала газели. В комнату вошел взволнованный муж.

— Мукими пришел! — сказал он. — Может быть, надо повесить посредине полог?

Анбар-биби засмеялась и покачала головой:

— Нет! Если вы разрешите... Мне хотелось бы приветствовать моего учителя не за пологом, а вот так, открыто. Накиньте мне на голову кисейный платок — вот и все!

Исполнив просьбу жены, Захидходжа привел Мукими. Пряча кончики пальцев в рукава платья, поэтесса прижала руки к груди и, склонив голову, приветствовала гостя. Лицо у нее было бледное, без кровинки. Сама она была молода, но в волосах уже поблескивала седина. Красное лицо ее освещалось приветливой улыбкой, и казалось, что из больших черных глаз струится свет.

— Мы рады вам, учитель! — сказала она.

— Доброго вам здоровья и радости! — ответил Мукими.

— Разрешите мне извиниться перед вами, что я беспокоила вас, глубокоуважаемый господин учитель!

— Я должен просить у вас прощения за то, что раньше не смог осведомиться о вашем здоровье.

— Ничего, учитель. Ваше положение нам тоже известно! Хотя я никуда не выхожу, но обо всем осведомлена! Тяжкий недуг сковал меня...

— Но тем не менее вы — воплощение высших человеческих достоинств. У меня такое впечатление, будто я обнаружил здесь сокровищницу, наполненную перлами поэзии.

Тогда поэтесса вынула из-под подушки лист бумаги и, придерживая его рукой, скрытой рукавом платья, подала Мукими:

— Говорят, что хорошие люди своим взглядом могут превратить простые камни в жемчуг. Окните же своим взглядом эти строчки, может быть, это действительно так. Мукими прочел стихотворение вслух:

Потомки, радости полны,
на смену мне в сей мир придут,
Где ныне пустошь — города
они воздвигнут, создадут.
Стихи, что написала я,
уста девичьи повторяют.
Во всех краях родной земли
сады науки расцветут.
От бед безводья навсегда
избавлен будет мой народ.
В пустыню повернет река,
сухие степи оживут.
Не будут женщины стонать
во мраке нищенских лачуг,
Нет, жара творчества полны,
стихи напишут и прочтут.
Была в неволе, взаперти
мать матери моей, Вайси,
В Коканд уехала она,
а дом пришел в упадок тут..
Настанет время, мой народ
увидит радостные дни,
Забудут женщины печаль,
веселье, счастье обретут.
Каким он станет, этот мир,
уж не узреть Анбар-биби.
Увы! Так роком суждено,
что жизни дни, как сон, пройдут!..

— Прекрасно,— заключил Мукими.— Вы написали такие пламенные строки! У меня нет слов, чтоб воздать вам должную хвалу! Еще ни одна женщина не осмеливалась писать так, как вы!..

— Вы видите, что получилось! — скромно отвечала Анбар-биби.— Из-за того, что я, слабая, беспомощная, лежу в постели, все обязанности женщины в домашнем хозяйстве, воспитание малолетних сынишек, уход за ними — все возложено на их отца, Захидходжу. Бедный, выполняет всю домашнюю работу. Что же мне остается делать?.. Или сказать всем родным последнее прости и

ждать смерти, или же цепляться за жизнь. Другого выхода нет. Я избрала второй путь. Теперь только поэзия связывает меня с жизнью...

Анбар-биби снова сунула руку под подушку и достала оттуда большую старинную книгу. Между страницами книги были заложены листочки с ее новыми стихами.

Взяв листки, Мукими стал быстро просматривать стихотворения. Но уже время было на исходе. Положив книгу, он посмотрел на Захидходжу, который слушал чтение стихов, и сказал:

— А теперь разрешите мне...

— Подождите. У нас готовится угощение.

— Извините,— проговорила тихо Анбар-биби,— я вместо дастархана расстелила перед вами бумагу. Кажется, я уже надоела вам своими стихами...

— Я просил бы вас не думать так. Напротив, я испытываю чувство гордости, читая ваши прекрасные стихи. Они даровали мне безграничную радость. Я считаю своим долгом и впредь навещать вас. А сегодня вы меня извините. По распоряжению кокандских властей меня высылают из города... Я должен уехать в полдень. Боязнь опоздать все время тревожит меня. Когда я вернусь, постараюсь почаще беседовать с вами. А вы, Захидходжа, идите вместе со мной в медресе Хазрат. Я вас познакомлю с одним человеком. Он знает умелого русского доктора, может быть, вы пожелаете пригласить его к своей жене...

Прощаясь, Анбар-биби несколько раз принималась благодарить Мукими за то, что он не отказался навещать ее.

Когда поэт в сопровождении Захидходжи вернулся в свою худжу, там уже все были в сборе. В числе ожидавших Мукими был также и Сумаляк-кори. Мукими рассказал своим друзьям, куда он ходил, с кем беседовал. Высказал сожаление, что такая талантливая поэтесса прикована к постели тяжелым недугом. Познакомив друзей с Захидходжей и обратившись к Сумаляк-кори и Мавлави Юлдашу, попросил привести к Анбар-биби русского доктора.

С помощью некоторых лиц, имевших доступ к помощнику градоначальника, Сумаляку-кори удалось получить письмо на имя начальника Акджарской переправы. В этом письме говорилось: «Просим предоставить Мухаммеду Аминходже Мирзаходже-оглы подходящую для него легкую службу на Акджарской паромной переправе».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НА БЕРЕГАХ СЫРДАРЬИ

Прошло три дня с тех пор, как Мукими приехал в Акджар, но все еще не мог найти себе места для жилья. Его приютил старик анашист. Он жил в шалаше в тени талов на берегу и обслуживал путников, переправлявшихся через реку: кипятил для них чай в кумгане. На третий день старик анашист показал на бородатого русского всадника, который приближался к переправе.

— Вот этот человек — начальник переправы, — сказал старик. — Отдайте ему письмо и расскажите о своем горе. Начальник — человек грамотный, хорошо знает наш язык, да к тому же он и обходительный.

Русский привязал лошадь к старому талу и подошел к шалашу.

— Салам¹, отец! Как дела? — Старик анашист поздоровался с ним. Начальник преподнес ему в подарок несколько коробок спичек и пачку чая. Старик поблагодарил и, показав рукой на Мукими, сидевшего поодаль, сказал:

— Этот мулла тоже привез мне пачку чая. Он приехал в Акджар, будет здесь жить...

Мукими встал, поклонился, затем, вынув из кармана письмо, подал начальнику. Теребя пальцами свою густую бороду, русский погружился в раздумье. Потом, повернувшись к Мукими, спросил:

— В Коканде вы знаете Степана Кузьмича?

— Знаю. Меня с ним познакомил Фуркат. К сожалению, русскому доктору запрещено общаться с местными жителями, поэтому мы были лишены возможности вести с ним беседы.

Начальник, многозначительно посмотрев на Мукими, усмехнулся:

— Кузьмич вчера говорил мне насчет вас. Не горюйте, что приехали сюда... А работу вам найдем...

Вынув из чемодана белую булку, сахар, начальник положил их на газету. Старик анашист принес чай. Позавтракали вместе. Мукими немного повеселел. Повидимому, начальник действительно хороший человек.

¹ Салам — здравствуйте; приветствие.

Акджарцы на переправе начали подтягивать к берегу большой паром.

Поманив к себе одного из паромщиков, начальник пристани сказал ему:

— Теперь вы с этим муллою вдвоем будете продавать билеты: ты на том берегу, а мулла Мукими — на этом. А сейчас мулла Мукими переедет с тобой на ту сторону и познакомится с порядком переправы.

Уже началось половодье, и воды в Сырдарье было много. Мутные весенние волны, шипя и пенясь, набегают одна на другую, неслись неудержимым потоком. Наматывая на подвижной блок два стальных каната, протянутые к противоположному берегу, паромщики изо всех сил тянули паром.

Паромщик много лет служил на переправе, но ни слова не знал по-таджикски. Таджики не могли объяснить ему, что им было нужно, старались втолковать жестами, мимикой. Часто дело доходило до скандала. Мукими начал охотно выполнять обязанности переводчика. Люди, ехавшие на базар, благодарили приветливого вежливого продавца билетов.

Первым днем своей работы Мукими остался доволен. Таджики, перед тем как проехать в город, поблагодарили Мукими. Услышав, что Мукими говорит по-таджикски, начальник переправы сказал:

— Наши пассажиры в основном таджики, а из нас никто не знает таджикского. Думаю, что вы теперь будете нести две службы: выполнять обязанности продавца билетов и переводчика. Я постараюсь изыскать средства, чтобы платить вам дополнительно как переводчику. Только с условием, чтобы вы меня научили говорить по-таджикски, господин Мукими.

Взяв Мукими под руку, русский повел его в шалаш. Старик акджарец жарил рыбу.

Русский начальник, кивнув в сторону убогих лачуг, неторопливо рассказывал:

— Подумайте только! Разве это жизнь?! Где вода, где хлеб?.. Живут на самом берегу реки, а томятся от жажды. У них в Акджаре нет воды!

Когда начальник сказал Мукими во время первой беседы, что он друг Кузьмича, поэт подумал, что этот русский что-то скрывает, а теперь, когда он повел речь о жалком существовании жителей Акджара, Мукими решил: это неспроста...

Наступил вечер. Паромщики бросили якорь и закре-

пили концы. Анашист вернулся с того берега с последними пассажирами. Подсчитав деньги и сдав их начальнику, ушел домой. Начальник вместе с двумя стариками и Мукими сел есть жареную рыбу. Поужинав, начальник поднялся:

— Время давать корм лошади. Я поехал, а вы идите за мной.

Он сел верхом на лошадь и уехал. За ним следом направились в Акджар рыбак и Мукими.

Мукими провел прошедшие две ночи один во дворе кишлачной мечети. Он спал на суфе, поросшей верблюжьей колючкой. И совсем затосковал в одиночестве.

Теперь настроение у него поднялось: он приобрел новых друзей. По дороге в кишлак седобородый рыбак рассказал ему о себе. Юным ушел из Акджара, бродил по свету, испытал радость и горе, многое узнал и многому научился. Жители Акджара уважали его за опыт и знания, считали мудрецом.

Подойдя к низкому глинобитному дому, рыбак пригласил Мукими войти во двор.

— Начальник тоже ночует здесь. Он сказал, чтобы я привел вас сюда. Передохните пока, а я схожу в мечеть и принесу вашу постель.

Жил рыбак в старом глинобитном доме. Часть айвана была отгорожена и приспособлена под небольшую михманхану для начальника пристани. Около террасы стояли два деревянных помоста, сбитых из грубых досок. Такие же нары были устроены и на айване. Над нарами был натянут полог из кисеи.

Когда они вошли в калитку, начальник задавал корму лошади.

— Раза три в неделю я буду ночевать здесь вместе с вами, — сказал начальник, — а остальные вечера будете коротать в обществе хозяина дома. Он хороший и интересный человек. В этом кишлаке, кроме него, нет ни одного грамотного.

Во двор вошел старик с одеялами в руках, а за ним мелкими шажками спешил местный муэдзин, неся хурджун Мукими. Хозяин дома положил постель на нары, потом, снимая хурджун с плеч муэдзина, посмотрел на Мукими и, усмехнувшись, сказал:

— На две ночи отдали вас, господин Мукими, на съедение акджарским комарам! А мы и не знали, что приехал высокий гость и ночует в мечети. Муэдзин нам ничего не сказал.

Начальник удивился:

— Как же так? Вы хотите сказать, что в мечети есть комары, а здесь их нет, что ли?

— Нет, я не хочу этого сказать, господин начальник! Я достал полог. Без полога разве уснешь?

В этом дворике было гораздо чище, чем во дворе мечети. Но в маленькой михманхане было душно, и Мукими охватило беспокойство. Здесь можно было буквально задохнуться, а выйти во двор значило отдать себя на съедение комарам. В этот момент хозяин принес из ичкарн две новые циновки и полог.

— У нас в Акджаре такая циновка ценится дороже ковра,— сказал он.— Я принес два таких акджарских ковра. Хочу постелить вам на террасе. А этот вот полог вам от комаров.

Начальник переправы уже заснул на полатах, надежно защищенный от комаров пологом. Устроив Мукими, хозяин подбросил коню охапку свежей травы, подпер ворота обрубком бревна и на цыпочках ушел в ичкарн.

На рассвете за завтраком явился продавец билетов— акджарец,— спросил:

— Пусть господин Мукими сегодня поедет со мной на тот берег, поможет мне. Сегодня будет много народу.

После завтрака Мукими с акджарцем прошли по сходим на паром. Рабочие отвязали веревку, закрепили стальные канаты, и паром двинулся.

На другом берегу у камышового шалаша собралась толпа таджиков. Как только паром остановился у берега, все кинулись к нему. Подняв руки вверх, Мукими громко заговорил по-таджикски:

— Уважаемые путники, не спешите, не суетитесь! Сидите на местах! Мы сами подойдем к вам и продадим столько билетов, сколько человек поместится на пароме. Кто приехал раньше, те и уедут раньше!..

Все обошлось без шума и скандала.

На следующий день, в четверг, люди возвращались с базара. На вырученные деньги от продажи кураги, сушеного тутовника, орехов они понакупили на базаре шерстяных тканей, чаю, сахара, посуды, набрали товарами полные хурджуны и, взвалив их на ослов, вместе с прялками, бешниками — деревянными колыбелями, медной посудой, поднимались на паром. Мукими встречал путников и как всегда в обхождении с ними был очень вежлив. Его все называли «вежливый мулла». Особенно

были довольны старики и женщины с детьми, которым Мукими давал билеты без очереди.

В пятницу начальник сделал подсчет, сличил сумму, поступившую на приход, с количеством оставшихся билетов. Потом он пообедал вместе с Мукими. Они разговорились. Начальник переправы рассказал, кто он и почему живет здесь, в глуши, на берегу Сырдарьи. Оказывается, он служил много лет на флоте и дослужился до чина капитана. Однако его обвинили в неблагонадежности и сослали в Туркестан без права жить в городах. С большим трудом он сумел получить разрешение на право жительства в кишлаке Дангара на окраине Коканда, где он снял небольшую комнату. Позже его назначили на должность начальника Акджарской паромной пристани на реке Сырдарье.

Старому капитану захотелось подбодрить Мукими:

— Господин поэт! Не огорчайтесь очень. Если вы позовете, друзья услышат вас и откликнутся! Возьмите в пример меня, я старик, семья моя далеко, очень далеко. Живу я один на свое маленькое жалованье. Здесь никто не знает, кто я. Даже хозяину, где я живу, обо мне ничего не известно. Надеюсь, этот разговор останется между нами. Да и вы сами будьте осторожны. Так будет лучше. Теперь от жалоб и сетований перейдем к практическим делам. Давайте договоримся — вы познакомьте меня со своей литературой, а я расскажу вам о великих русских поэтах!.. А сейчас спать!

Через несколько минут капитан уже спал сном праведника, а Мукими погрузился в думы.

Утром после завтрака на переправе старый капитан попрощался и, сев на лошадь, погнал ее рысью. Когда всадник скрылся с глаз, старик анашист открыл деревянный сундук, вынул из него что-то завязанное в платок и положил перед Мукими:

— Узелок оставили мне на хранение знакомые таджики из кишлака Ашт. Они приехали из Коканда вчера вечером. Я считал, что неудобно было отдать это вам при начальнике, и поэтому пока хранил у себя.

Когда Мукими развязал узелок, он увидел в нем рубаху и штаны из отбеленной бязи, немного денег и несколько писем. Это были письма от Гариби, Завки, Раджи и Мавлави Юлдаша.

Гариби писал, что Акбарходжа жив и здоров, Знедабиби не согласилась пойти работать в дом Эгамберды-хаджи. Эгамберды-хаджи приходит к ним каждый день,

приносит что-нибудь поесть, дает денег. Абдулла оказывает услуги каллиграфу Мухаммеду Юсуфхану в его худжере и с его помощью кое-как сводит концы с концами. Далее Гариби сообщал, что Абидджан-аглям, Мавлави Юлдаш, Завки и другие часто навещаются в худжеру. А сам он написал сатиру на Ашурбая-хаджи и ночью прилепил несколько копий к дверям лавки бая, на стенах махаллинской мечети, на калитке, а один экземпляр сатиры взял мастер Ковул.

Коротенькое, но весьма содержательное письмо написал Мавлави Юлдаш:

«По науськиванию ишанов, мулл, а также слепых летучих мышей вроде Мухи, один глупец ишан из Мингтепе по имени Мухаммедходжа Сафар-оглы, по прозвищу Дукчи, объявил себя «защитником ислама». Вооружив своих мюридов, ночью повел их в наступление на казармы, где находились царские солдаты. Много было пролито крови. В конце концов ишан потерпел поражение. Весть об этом дошла до нас позавчера и разнеслась по всему Коканду. Должно быть, вы еще не слышали об этом. Все, знающие вас, очень жалеют, что вас здесь нет. Они говорят: «Если бы Мукими был в Коканде, то давно сказал бы об этом свое мнение! Мы надеемся, что вы, находясь в Акджаре, напишете сатиру на Дукчи-ишана и порадуете нас...»

В письмах других друзей также были сообщения о бунте Дукчи-ишана.

До вечера Мукими просидел на берегу Сырдарьи в тени больших талов, глядя на волны реки. Плодом его раздумий была сатира в тридцать две строки.

Дошла к нам весть о подлеце,
чей пагубен ума изъян,
О драчуне Дукчи-ишане,
что встревожил Андижан.
Копье его — кухонный нож.
За веру встал он, тот ишан.
Священный коврик — флаг его,
припасы же — великий пост,
А луковица — провиант,
и зоб надутый — барабан.
Все думы — о войне за веру!
Саблей у него ребро.
Ну, а ружье — из камыша,
заряд к нему — песочный дан.

На следующий день утром поэт переписал сатиру на-бело, а во вторник вручил первому путнику, переправлявшемуся на другой берег. Он попросил отвезти письмо в Коканд, отыскать лавку Абидджана-агляма и отдать ему в собственные руки.

Начальник переправы приехал в Акджар во вторник. Он рассказал Мукими про бунт Дукчи-ишана.

— Господин Мукими! — спросил он наконец. — Как вы расцениваете этот бунт мусульманского духовенства?..

— Я расцениваю его как дикость!

— Они же восстали против властей, которые вас выгнали из родного Коканда и отправили в ссылку в эту степь?

— И все же я считаю, что эти слепые летучие мыши подняли бунт против народа, который принес нам новую культуру. Я даже написал сатиру на этого бунтовщика-ишана...

— Можно послушать?..

Мукими прочел по памяти несколько строк, а остальное обещал прочесть утром во время завтрака. Капитан от души поблагодарил Мукими:

— Уважили! Уважили! Спасибо на добром слове. У нас, русских, есть Салтыков-Щедрин. Сатирик что надо. Остер! Вы, Мукими, молодец! Узбекский Щедрин.

И капитан рассказал поэту много интересного о Салтыкове-Щедрине и даже продекламировал немало по памяти выдержек о городе Глупове.

Еще два вечера провели они в оживленной беседе. Мукими, в частности, познакомил капитана с удивительной историей своего племянника Рузимухаммеда, кокандского мальчика, ставшего москвичом.

Когда начальник переправы опять уехал, Мукими три дня был без дела. Он бродил по кишлаку, знакомился с аджарцами, с их жизнью.

Мукими вызвался было обучать молодежь грамоте, но, услышав об этом, молодые люди стали его избегать.

Было два Акджара: один на кокандском берегу Сырдарьи — узбекский Акджар, а на другом берегу — таджикский Акджар. Обитатели обоих Акджаров крайне нуждались в поливной воде, несмотря на то, что жили на берегу многоводной реки. Они распахивали только заболоченные паводками земли и сеяли на них просо, выращивали дыни, арбузы, тыквы. Они разводили коз, овец. Когда отрастал камыш, плели из него берданы — циновки, плетенки, камышовые мешки для зерна.

Жили акджарцы в убогих темных кибитках. На стены клали кривые жерди и ветки тала, сверху покрывали камышом, а потом насыпали земли и смазывали глиной. Летом под потолками таких лачуг днем слышно щебетание ласточек, а ночью раздавался писк летучих мышей.

Осматривая земли, покрытые зарослями верблюжьей колючки, поэт удивлялся, как жители кишлака до сих пор не подумали о том, чтобы вывести из реки воду на пустыри и обработать их. Ведь здесь можно было бы разбить сады и виноградники. Поэт задавал вопрос одному седобородому старцу:

— Почему вы не хотите провести воду из реки и заняться земледелием?

— Нам нужна верблюжья колючка для скота! — отвечал старик.

Смешно и грустно сделалось Мукими.

Таких беспечных, ленивых людей поэт еще не встречал. Никому в Акджаре не было охоты хлопотать, возиться, проводить воду. Никто не хотел трудиться. Никто не помышлял о том, чтобы улучшить свою жизнь. Все считали, что жить надо так, как жили отцы и деды. Перед мысленным взором Мукими возникали печальные картины жизни крестьян кишлака Хапаляк, описанные поэтом Махмуром в его сатирическом стихотворении. И он написал мухаммас, посвятив его кишлаку Акджар.

Широкая акджарская степь казалась Мукими тесной. Он буквально не находил себе места. Как объяснить им, беспечным акджарцам, что для них полезно и что вредно? Они совершенно были чужды поэзии. Едва Мукими заводил разговор о стихах, они тотчас же начинали говорить о своих козах.

Поэт часто вспоминал о Коканде, о медресе Хазрат. Какие приятные беседы вел он с друзьями. А стоило ему вспомнить, как маленький Акбарходжа ласкался и щебетал, словно птенчик, он сразу вздрагивал.

Мукими был вынужден отказаться от привычки сочинять по ночам стихи. Плавно и мерно струившийся поток его творчества вдруг был перекрыт плотиной разлуки. Перо и бумага выскальзывали из его рук, глаза поэта наполнялись слезами.

Так шли дни. По субботам он переправлялся на другой берег и продавал билеты. То же самое делал он по четвергам на этом берегу. Это дело доставляло поэту известное успокоение.

А вечером на айване велась беседа со старым капитаном переправы на различные темы.

— У меня есть намерение построить дом на берегу этой реки и жить здесь! — как-то сказал капитан. — Я не могу жить без воды, без людей. У меня есть сбережения. Мне уже шестьдесят восемь лет, а я не знаю, когда кончится ссылка. Я решил остаток своей жизни провести среди друзей узбеков и таджиков. Я лелею мечту посадить фруктовый сад здесь, в степи, и, если мне разрешат, обязательно сделаю это. Оставляю после себя наследство своим акджарским друзьям — сад.

Мукими воскликнул:

— Честь и хвала вам, господин начальник! Пусть же моя хвала дойдет до небес. Это прекрасная мысль. Но как вывести воду из реки, а без этого нечего и мечтать о саде. Трудно и даже невозможно выращивать деревья без воды.

— У меня есть план. Я написал прошение его превосходительству генерал-губернатору с просьбой разрешить построить за свой счет водокачку. Думаю, на днях получу ответ. А чтобы построить дом на берегу реки, на это никакого разрешения не требуется. Вы вот приехали сюда вовсе не для того, чтобы обосноваться здесь. У вас есть поважнее дела, чем продажа билетов на паромной переправе. Вас ждут большие дела! Вас ждет народ! Ни гнев, ни ярость проклятого полицейского миссионера Медынского не могут изменить вашу судьбу! Судьба ваша связана с судьбой народа! Все ясно, а?

— Конечно! Все понятно, кроме двух выражений. Вы сказали про «водокачку». Что это такое? А кокандского хакима назвали «проклятым миссионером». Растолкуйте, что это значит...

— Водокачка — здание. В нем будет установлена машина-насос. Машина будет поднимать воду из реки вверх. По этой части я специалист, дело это мне знакомое. Все сумею сделать сам. Вы говорите, что не поняли, что такое миссионер. Да! Это слово требует объяснения. Но сначала хочу вам задать вопрос. Вам известно, господин Мукими, в каких отношениях градоначальник Коканда с городским духовенством?

— Он часто навещает ученых улемов, беседует с ними на турецком, арабском и персидском языках, советуется. Поэтому-то все дела Коканда решаются в зависимости от настроения кокандского духовенства, по их велению и хотению.

— Теперь послушайте, что я скажу, господин Мукими. Этот Медынский несколько лет учился в одном из бухарских медресе, заявив, что он принял мусульманскую религию. Четыре года он был имамом кишлачной мечети в Бухарском ханстве. Вы должны знать, что в Петербурге существует специальное учреждение, которое посылает подготовленных людей — миссионеров — для пропаганды религии. Фактически они являются политическими агентами правительства. Каждый, кто пожелает стать работником миссионерского учреждения, обязан изучить язык, обычаи и религию страны, куда он поедет. Основная цель миссионеров проникнуть в какую-либо страну, жить среди народа, вести религиозную пропаганду против религии данной нации. Миссионеры проповедуют самые отсталые взгляды, реакционные обычаи, становятся преградой на пути прогресса, ведут страну и общество к упадку, помогают богачам и правительственным чиновникам держать народ в кабале и подчинении. Вот и Медынский, который выгнал вас из города в степь, как раз из числа этих проклятых миссионеров. Я русский, но таких русских не люблю!.. Потому что эти люди всегда замышляют недоброе!

— Удивительно!

— Каждую неделю я езжу в город сдавать деньги в банк. У меня там есть друзья. Они рассказали мне всю подноготную господина Медынского. Однажды он пригласил в свой дом, что на улице Скобелева, видных руководителей духовенства города Коканда, крупных землевладельцев и купцов, устроил богатое угощение и обратился к ним с такой речью: «В вашем городе построены железнодорожные мастерские, хлопкоочистительный и маслобойный заводы и разные другие мастерские. Там работают русские рабочие. Если к ним поступят учениками рабочие из кокандцев, то они обучат их не только ремеслу, но и раскроют глаза на все, что творится в мире. Наслушавшись разных бредней, мусульмане начнут вам перечить, потребуют, чтобы им дали права и не захотят вам подчиняться. Берегитесь! Бойтесь этого сближения, бойтесь дружбы между русскими рабочими и кокандцами. Не допускайте, чтобы кокандская молодежь поступала на заводы и обучалась ремеслу!» Видите, господин Мукими, Медынский не только ваш враг, он лютей враг вашего народа.

Когда старый капитан заснул, Мукими долго еще лежал без сна, обдумывая слышанное.

Рассказ старого капитана произвел на Мукими сильное впечатление. Утром за чаем Мукими завел было разговор о хлопке, но капитан засмеялся и погрозил ему пальцем:

— Извините, господин поэт! Я принес с собой бумагу и карандаш для изучения таджикского языка. Давайте начнем, а насчет хлопка вечером...

Мукими продиктовал двадцать пять таджикских слов, наиболее употребительных в разговоре, и поспешил к переправе.

Таджики очень уважали Мукими. Сначала они дали ему прозвище Вежливый Кассир. Но вскоре, узнав поближе, стали называть поэт Мукими. Он вел большую переписку со своими друзьями в Коканде и посылал им письма с дехканами, ехавшими на базар. А когда те возвращались в свои кишлаки, то везли Мукими ответы на его письма.

Теперь Мукими другими глазами смотрел на мир. Он многому научился и многое понял. Он почувствовал, что помимо добросовестного выполнения обязанностей кассира и переводчика, перед ним стоит задача создать на переправе для своих новых друзей-путешественников все удобства. Дело в том, что в летние месяцы таджики вынуждены были частенько подолгу сидеть в ожидании переправы под жгучим солнцем, изнывая от жары, а зимой им негде было укрыться от снега и стужи.

— Надо на обоих берегах реки постронть помещения для путников,— сказал как-то Мукими.— Если бы вы согласились, тогда можно было бы начать работу. Я бы взялся за это дело. Прежде всего нужны камни. Если бы каждый дехкани привозил с гор по одному камню, сколько камней можно было бы собрать за один базарный день! Понятно?! Ну а насчет всего остального потом поговорим.

Однажды Мукими обошел кишлак и поговорил с молодыми людьми, которые сидели на завалинках и от нечего делать злословили, предложил научить их делать кирпичи. На следующей неделе вернулся старый капитан. Он привез с собой четыре формы для выделки кирпичей. Около шалаша сложили очаг, принесли из мечети большой чугунный котел, чтобы варить в нем шурпу. Тогда Мукими устроил хошар. Он созвал всех кишлачных джигитов на помощь. Начальник объяснил им, как нужно месить глину, и научил их формовать кирпичи. С тех пор дни хошара «кирпичников», как их называли,

превратились в народные праздники. На хошар приходили даже старики.

А неделю спустя таджики, ехавшие с грузом на базар, начали привозить по одному, по два камня. Они складывали их на противоположном берегу реки, а потом перевозили на пароме на кокандский берег. По совету Мукими, акджарцы таджики тоже стали изготавливать кирпичи. За две недели было изготовлено несчетное число кирпичей. Одновременно собрали достаточно булыжника для фундамента.

Видя, как старается народ, старый капитан почти ежедневно бывал на переправе. Вместе с Мукими они выбрали место для постройки здания. Оно должно было состоять из каморки для продажи билетов и большой комнаты для отдыха и ночлега путников. Мукими предложил построить также и чайхану. Теперь оставалось привезти из города доски, бревна, пригласить плотников, штукатуров.

Как-то под вечер Мукими и начальник, сидевшие у шалаша, вдруг увидели двух путников, подъехавших на ослах к переправе. С одного осла слез Мавлави Юлдаш, а с другого — Шадман-хаджи. Увидев их, Мукими очень обрадовался.

— Друзья мои приехали навестить меня... Друзья мои!.. — сказал он на ходу капитану.

Не успели гости еще привязать ослов, как к ним подошел Мукими и поочередно обнял их. Сняв с ослов хурджуны, все пошли к шалашу. Окинув взглядом штабеля кирпичей, Мавлави Юлдаш не преминул подшутить над Мукими:

— О, вы хотите построить новое медресе Хазрат в степи или чертог новой жизни?

— Чертог новой жизни!.. Нет! Дворец дружбы!..

— Об этом я услышал от людей, которым привозил письмо, и поспешил приехать. А Шадман-хаджи, узнав, что я еду к вам, решил сопровождать меня.

Указав на приближавшегося начальника переправы, Мукими сказал:

— Вот это мое начальство, о котором я писал вам в своем письме! Старый капитан стал моим другом. Будьте и вы его друзьями.

Начальник заговорил по-узбекски, а Мавлави на его приветствие ответил по-русски. Старый капитан удивился, что узбекский мулла без ошибок говорит по-русски.

— Господин начальник! — объяснил Мукими. — Оба гостя душевные друзья вашего покорного слуги. Шадман — талантливый музыкант, сочинитель прекрасных узбекских мелодий, а тот, что говорил с вами по-русски, Мавлави Юлдаш, мой школьный товарищ и единомышленник, образованный человек. Он знает пять языков.

Мавлави рассмеялся:

— Мой друг чересчур расхвалил меня!

Старый капитан обнял сначала Мавлави, потом Шадмана и повел их в шалаш.

— Мы, акджарцы, — сказал он, — гордимся тем, что у нас живет Мукими.

В убогом шалаше они сели на старенький, потертый домотканый палас, постеленный поверх циновки. Старик анашист принес черствые ячменные лепешки и положил их на скатерку. Сконфуженный Мукими боялся взглянуть в лицо друзьям. А тем временем Мавлави Юлдаш, покопавшись в хурджуне, извлек из него целую стопку сдобных лепешек и положил на дастархан. Из другого отделения хурджуна он достал около фунта зеленого чая и передал хозяину шалаша, потом развязал узлом стянутый платок и высыпал из него сушеные фрукты.

Взглянув на Мукими, Мавлави Юлдаш улыбнулся:

— Откровенно говоря, мы долго ехали, много проехали и... проголодались. Беседу можно пока отложить. Покажите нам, Мукими, где у вас котел! Мне давно хотелось сварить плов в шалаше на берегу реки. Пусть теперь исполнится мое желание!

— Пусть каждый день приезжают такие гости! Что вы скажете, господин начальник?

— Если бы у них не было достоинств и мудрости, разве приехали бы они издалека к Мукими в гости?.. Похоже, что у нас будет интересный вечер.

По просьбе начальника Шадман-хаджи вынул из футляров дутар и тамбур.

— Что вам сыграть? — спросил он.

— Для меня лишь бы раздавались звуки саза.

Извлекая из струн дутара нежные звуки, Шадман-хаджи сыграл сначала «Туя бузлов», затем он взял тамбур и, наигрывая «Нолшш», тихонько запел. Мукими весь превратился в слух и внимание. Когда поэт вытирал платочком слезы, у начальника защемило сердце.

Хотя имя Шадмана-хаджи и было широко известно, он не был профессиональным хафизом — певцом. И голос у него был небольшой. Но своей песней он смог за-

тронуть самые сокровенные струны человеческого сердца. Поэтому старый капитан, впервые встретившийся с ним, с увлечением слушал его песню. А Мукими истосковался по музыке, и немудрено, что его сразу же захватила музыка.

Затем Шадман-хаджи взял дутар и сыграл сначала песни «Илгар» и «Курт», а когда Мавлави Юлдаш стал выкладывать на блюдо плов, он с большим воодушевлением спел еще две песни — «Эшвой» и «Яланг даррон».

После плова они долго сидели в шалаше и тихо беседовали.

Утром, когда они пили чай на берегу реки, Мавлави Юлдаш заговорил о том, что сейчас в Чодаке самое прекрасное время года, хорошо бы поехать туда и пожить там с недельку. Он высказал пожелание взять с собой на прогулку и Мукими, если это возможно. Мукими молчал.

Начальник переправы засмеялся и сказал:

— Я уже пять лет слышу, как люди расхваливают Чодак, но никак не соберусь съездить туда. А когда у меня случается свободный денек, никак не найду спутника, который знал бы дорогу. А что если бы вы взяли с собой Мукими? Он посмотрел бы Чодак, а потом и со мной мог бы съездить туда. Что скажете, господин Мукими?

Очень хотелось Мукими поехать с друзьями в Чодак, но он отказался от приглашения:

— Во-первых, сейчас у нас много работы, нехорошо, если я уеду, во-вторых, я боюсь, господин начальник, если вы меня отпустите, не навлечет ли это на вас неприятностей? Пусть уж лучше они едут. Придет время — мы съездим с вами и посмотрим Чодак.

* * *

Проводив друзей в Чодак, Мукими с нетерпением ждал их возвращения. Прошла целая неделя, а их все не было. Но тут прибежали к Мукими паромщики и сообщили радостную весть:

— Какой-то глухой приехал на осле и привез с собой вашего сынишку!

Мукими бросился к переправе и с нетерпением ждал, когда же, наконец, отчалит от того берега паром. Но

вот он увидел начальника, который шел по берегу, держа за руку Акбарходжу.

Не прошло и часа, как паром остановился у берега. Акбарходжа побежал к отцу. Муками прижал ребенка к груди. Смахнув слезу, подошел Гариби. С печальной улыбкой смотрел старый капитан на отца и сына. Когда они поздоровались и расспросили друг друга о здоровье и жизни, он, указав на большую рыбу, висевшую в шалаше, сказал:

— Я сегодня рыбачил и поймал для маленького гостя вон какую рыбу. Хороша ведь! Почистите ее, ребята, и поджарьте!

Начальник ушел по делам, а Муками решил покатать Акбарходжу и Гариби напароме, который уже был готов к отплытию на другой берег. Они совершили чудесную прогулку по реке, ибо не только Акбарходжа, но и Гариби впервые в жизни увидел большую реку, паром и лодки.

Переправившись на другой берег, они уселись за чай, но едва успели выпить по пиале, как к ним подъехали Мавлави Юлдаш и Шадман-хаджи, возвращавшиеся из Чодака. С ними был и приятель Мавлави Юлдаша, чодакский табиб. Он дружески поздоровался с Муками. Вынув из одного отделения своего хурджуна плетеную клетку с двумя кекликами, он подарил ее Акбарходже.

— Я вез тебе в подарок птичек в Коканд, а мой путь оказался более близким! — В радостном настроении все сели на паром и вернулись на кокандскую сторону. Рыба по заказу начальника была уже зажарена. Сели за дастархан.

Мавлави Юлдаш удивился, увидев Гариби с Акбарходжой.

— Ведь вы должны были поехать после того, как мы вернемся, на тех же ослах,— сказал он, с недоумением глядя на Гариби.

— Акбарходжа очень тосковал по отцу. Тогда Эгамберды нанял другого осла и отправил нас вместе с дехканами, которые возвращались с базара,— ответил Гариби.

— А вы ни с кем больше не встретились, не поговорили, так и уехали?

— Я пошел к аглям в лавку и сказал ему на ухо, что мы уезжаем в Акджар.

— Если и аглям сказал вам на ухо хоть одно слово, то о вашем разговоре, должно быть, знает весь базар!..

— Аглям ничего не сказал, завернул чай в бумагу, повел меня к себе домой. Там он дал мне еще один полог от комаров, письмо и сказал: «Все это отвезите Мукими».

Акбарходжа играл с кекликами. Взрослые до наступления темноты беседовали в шалаше. Потом попросили Шадмана-хаджи сыграть и спеть.

На другой день за чаем Мавлави Юлдаш завел речь о том, что надо возвращаться в Коканд. Гариби поддержал его:

— Лучше будет, если мы тоже уедем.

— А меня оставите здесь одного?— печально спросил Мукими.

Гариби не мог вымолвить ни слова. Он не уехал бы от Мукими, если это зависело бы только от него. Мавлави Юлдаш заметил:

— Дорога дальняя. Тянется среди камыша, песчаных холмов. Хотя Гариби с Акбарходжой и благополучно доехали сюда, все же нехорошо опять отправляться в дорогу одному с малым ребенком. Как бы их не обидели в пути. Пусть они едут сегодня вместе с нами...

— Ладно...

Как только Мукими выразил согласие, гости стали готовиться в дорогу. В этот момент появился старый капитан. На лице у него сияла радость. Поздоровавшись со всеми, он сказал Мукими:

— Я был в Коканде. На мое прошение, посланное генерал-губернатору, пришел положительный ответ. Теперь уж мы наверняка построим в Акджаре водокачку, господин Мукими!

— Поздравляю вас, господин начальник! Вы меня обрадовали!

Сначала Мавлави Юлдаш и другие не поняли, что такое «водокачка». Им объяснили, и они от чистого сердца тоже поздравили старого капитана.

После этого, погрузив хурджуны на ослов, они стали прощаться. Акбарходжа повис на шее отца и плакал:

— Я вас одного не оставлю!

Долго его никак не могли утешить. Так он и уехал весь в слезах.

Поэт, не чувствуя, что слезы катятся у него по щекам, долго, очень долго смотрел на дорогу, по которой уехали в Коканд милые его сердцу друзья и маленький Акбарходжа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРОЩАЙ, АКДЖАР!

В те годы в Ферганской долине все более и более расширялись посеы хлопчатника. В Коканде обосновались торговые фирмы и банки. Чтобы заинтересовать дехкан, заставить их вместо зерна сеять хлопок, банки выдавали им деньги в кредит под вексель.

Дехкане обрабатывали землю деревянным омачом, погоняя быков, ходивших с утра до вечера под тяжелым ярмом, а потом до осени работали кетменем — делали грядки, проводили арыки, окучивали, поливали.

Воды для полива не хватало, земля была истощена. Дехкане не вылезали из долгов. Многие были вынуждены продать свою землю и идти в батраки или становились издольщиками. Зато процветали местные крупные землевладельцы — поместья их все расширились.

Крупные фирмы, торговавшие мануфактурой и другими товарами, вовлекали в свою торговую сеть местных лавочников, принимали их к себе на службу в качестве доверенных лиц в торговых делах, агентов, приказчиков, давали им в кредит товары и таким путем скупали весь урожай. Московское торговое промышленное общество, Андреевское торговое общество и другие русские и иностранные торговые фирмы, а также крупные капиталисты из местных евреев Вадьяевы, Потеляховы, Давыдовы сделались полновластными хозяевами ферганского хлопка. Немец Дуршмидт, занимавшийся скупкой сыромятных кож и кишечного сырья, прибрал к рукам кожевенную промышленность. Владелец фирмы Юргенс посредством своих прислужников, присланных из Германии, и местного галантерейщика Агзамджанбая захватил всю торговлю галантерейно-парфюмерными товарами. Владелец польской фирмы Мандалак построил в Коканде шелкоткальную фабрику. Другой богач — из армян — по имени Мады владел мукомольным предприятием. Толстосумы братья Коменские, Мухаммедов, Кинов, Абдуллаев, Мирмахмудов, Хаджимахмудов, Беклярянц, Ниязматов, Кверков также понастроили много маленьких заводов и мастерских и в них нещадно эксплуатировали несколько сот наемных рабочих.

Быстро разбогатевшие капиталисты воздвигали для себя в новом городе Коканде многокомнатные особняки, разбивали фруктовые сады, строили магазины, торговые

склады. На глазах вырастали десятки больших зданий, в которых разместились банки. Старинные торговые ряды в старом Коканде были расширены. Перекрыли крышами базарчики: Чалчикский, Новый Чорсу, Таракчилик—Гишиткуприк, Мискарлик, Дегрезлик, Ташкентский—Шейхислама.

Вокруг Большого Чорсу, Таракчилика и молочного базара выселились торговые конторы, склады промышленных товаров. Проходим, которые попадали на эти улицы, бил в нос резкий запах нафталина и рогожных кулей. Грузчики — русские, узбеки, таджики — снимали с арбы тюки и грузили на арбы.

Молодые мускулистые ребята, одетые в однообразные мешочные халаты с черными воротниками, в шлепанцах из сыромятной кожи, в тубстейках с кисточками, бегом втаскивали по крутым лестницам тяжелые кипы хлопка. Это были каратегинцы, бадахшанцы, всех их называли «маччои», приходившие с далеких гор на сезонные работы. На заработок они покупали промышленные товары, укладывали в мешки и, взвалив на спину, отправлялись в горы, через перевалы на родину.

Коканд занимает площадь в двадцать квадратных верст. В эпоху ханов он был обнесен крепостным валом. В город можно было въехать или выехать из него через двенадцать ворот. В административном отношении он был разделен на четыре части: Катаганскую, Маргилаанскую, Сармазарскую и Ходжентскую. На территории Катаганской и Ходжентской частей по обе стороны от линии железной дороги жили железнодорожные рабочие. Они охотно общались с узбеками, сами учились говорить по-узбекски, а узбеков учили говорить по-русски.

Со временем к русским рабочим и инженерам попадали в обучение подростки — сыновья ремесленников, крестьян, садоводов, проживавших в махаллях Гозуёглик, Давронбек, Авгонбек, Арзиктепе, а также в кишлаках, расположенных близко к городу. Они пополняли ряды местных рабочих.

В окрестных кишлаках больше сеяли американский хлопок, постепенно вытеснявший местную коротковолокнистую гузу. Малосильные дехкане брали весной в кредит под вексель деньги, зерно, семена, товары. Когда урожай был плохой, хозяин по суду взыскивал всю сумму, означенную в векселе, с процентами. Землю дехканина, быков, корову и все, что представляло ценность, продавали с молотка. Лишившись всего, что у него было,

дехканин уходил в город в поисках работы, занимался мардикером, грузчиком или шел в батраки. В те годы, когда налетала саранча, разоренных дехкан становилось еще больше.

В крупных кишлаках строились частнособственнические хлопковые заводчики, для заводчиков и баев, занимавшихся продажей хлопка, необходимы были умелые писцы, люди, знающие счетоводство. Грамотные молодые люди занимались к баям писарями, учились у русских специалистов, конторских служащих вести конторские дела.

Понадобились также и переводчики банкам и фирмам. Очень пригодились молодые интеллигентные татары, прибывшие из Казани. Местные баи поняли, что пришло время, когда вместо старых религиозных школ, которые не смогли уйти дальше «Хафтияка», религиозных сочинений «Суфи Оллояра», нужно открывать новометодные школы. Учителей для новых школ в то время в Коканде было мало. Из Казани и Оренбурга были приглашены опытные педагоги, такие, как, например Хабибулла Донской, домудла Нури и другие. Они приступили к занятиям в Коканде в светлых зданиях, где были расставлены парты, повешены классные доски.

Число детей, обучавшихся в новометодных школах, росло. Это очень не нравилось ишанам, особенно таким ярким исмаилитам, как Мухи. Они сеяли смуту, натравливали жителей против русских интеллигентов, которые несли в страну новую культуру, против их учеников, сторонников прогресса, здравомыслящих узбекских интеллигентов. Националистические элементы, доброжелательно относившиеся к религиозным фанатикам, столпам шарната, черносотенным улемам, пробравшись в новометодные школы под видом учителей, пытались отравить молодежь националистическим духом. Они старались всячески очернить и запятнать новометодные школы.

Молодежь училась в гимназии и на кратковременных вечерних курсах по подготовке специалистов, открытых в Новом городе. Приходилось платить за обучение большие деньги, что было под силу лишь сыновьям богатеев. Через несколько лет появились местные интеллигенты, хорошо знающие русский язык. Но труженики и их дети, составляющие большинство народа, оставались неграмотными. Бедняки не были в состоянии платить за обучение детей.

Новые веяния затронули и литературу. Хвалебные сти-

хи одописцев, таких, как Мухи и Хазини, были по вкусу лишь высшим духовным лицам, землевладельцам и купцам. Мукими, Фуркат, Завки и их последователи из числа подрастающих очень способных поэтов выражали в своих произведениях горести и печали, сердечную боль и душевные муки угнетенных труженников. Поэт Закирджан Фуркат, усердно изучавший русский язык, передовую русскую культуру, бросил свою лавку в торговом ряду на базаре и уехал в Ташкент.

А Мукими, автор любимых народом песен, переходивших по всей стране из уст в уста, от сердца к сердцу, все еще жил в ссылке на берегу Сырдарьи, среди песчаных дюн.

Похудевший, пожелтевший от малярии поэт жадно расспрашивал на переправе путников из Коканда о здоровье своих близких, друзей, знакомых, просил рассказать о том, что происходит в его родном городе.

Возвращавшийся из поездки в Коканд чодакский табиб как-то пожаловал к Мукими в гости и заночевал у него. Он рассказал о том, как некий циркач по имени Юпатов на берегу речки открыл цирк, а его дочь, кудрявая красавица, появлялась на арене верхом на лошади и своими акробатическими номерами приводила в восхищение зрителей.

Но сейчас Мукими было не до рассказов о цирке и циркачах. Поэт целиком был занят постройкой дома.

Мукими терпеливо слушал беспечного табиба. Вскоре тот уснул, а поэт еще долго ворочался с боку на бок, метался на одеялах и лишь под утро, наконец, забылся сном.

Поэта мучил кошмар. Он вздрогнул и проснулся. Душная, непроглядная акджарская ночь тянулась бесконечно. Все тело горело и ныло. Мукими хотел было разбудить сопевшего рядом с ним табиба и попросить у него лекарство, но подумал, что недомогание вызвано душевными тревогами из-за разлуки с друзьями и Акбарходжой.

Перед самым рассветом табиб разбудил поэта:

— Мукими! Мукими!.. Когда будет паром?

Открыв глаза, Мукими увидел, что уже рассвело. Он поспешно встал и оделся.

— Если побыстрей соберетесь, успеете на первый паром! — ответил он гостю.

Распрощавшись с Мукими, табиб отправился к переправе. Зайдя в шалаш, Мукими хотел выпить чаю, но

вдали показался старый капитан верхом на лошади. Забыв про все, Мукими поспешил к нему навстречу.

Капитан посмотрел на стены здания, поднявшегося уже в рост человека, тепло поздоровался с Мукими и сказал шутливо:

— Мы считали вас поэтом, а вы, оказывается, еще и инженер, господин Мукими!

— Горлинка, у которой сломаны крылья, тоже мечтает свить себе гнездо где-нибудь повыше! — смеясь, ответил Мукими.

Войдя в шалаш, начальник, как обычно, вынул из чемодана белые булки, сливочное масло в банке, кусковой белый сахар и, передав старикку анашисту пачку чая, велел заварить покрепче. Взглянув на бледное лицо Мукими, он спросил:

— Господин Мукими? Что с вами? Вам нездоровится?..

Мукими выпил две пиалы чая с сахаром, съел два кусочка булки и немного ожил, на лбу появились капельки пота. Старик анашист приготовил в шалаше для Мукими постель и уложил его. Сев около поэта, старый капитан рассказал ему наиболее важные новости:

— Простые жители Коканда послали прошение генерал-губернатору, в котором просили вернуть вас в город в канцелярию. Генерал-губернатор переслал это прошение Медынскому на усмотрение. Судя по словам вашего друга Кузьмича, Медынский рассчитывает на взятку, поэтому и тянет... Ваши друзья сразу сообразили, в чем дело, и принялись собирать деньги. К сожалению, еще немного не хватает, поэтому городские ремесленники тоже устроили сбор. Значит, вы, господин Мукими, в ближайшие дни вернетесь в город. Так оно и будет!..

Услышав эту весть, Мукими прослезился и покачал головой:

— Ведь мы же начали здесь доброе дело!.. Неужели я брошу все и уеду в город?..

* * *

Собранные деньги Сумаляк-корн передал Медынскому через его доверенного адвоката и теперь ждал результата. Неделью спустя адвокат, встретив Сумаляк-корн, преподнес ему радостную весть: «Я был принят господином градоначальником у них в доме. Меня пригласи-

ли к обеду. Тогда я и передал им вашу просьбу и деньги. Они приняли деньги и при мне отдали их своей супруге. Теперь ясно, что просьба принята. Но в тот момент говорить о том, чтобы отозвали Муками из ссылки, было неудобно. Это дело, конечно, будет улажено в канцелярии. Осталось только написать разрешение Муками вернуться в город. А что касается того, сколько уплатить мне за мои услуги, во всем этом я полагаюсь на ваши великодушные и щедрость». Надо было полностью удовлетворить адвоката. Иначе это дело он мог затянуть. Это было всем ясно. Поэтому друзья опять пошли по домам, собрали нужную сумму денег. Сумаляк-кори вручил собранные деньги адвокату и на другой же день получил у него письменное разрешение для Муками на возвращение в Коканд.

Довольные Мавлави Юлдаш, Завки, Абиджан наняли крытую арбу и, взяв с собой Акбарходжу, поехали в Акджар. В тот день Муками чувствовал большую слабость, но пошел на хошар. Надо было показать работавшим на постройке, как крыть крышу. Старый капитан стоял, покуривая трубку, около нагроможденных железных деталей и объяснял русским кузнецам, приехавшим из города, за что им братья. Начиналось строительство водокачки.

И только Муками подошел к старому капитану, как послышались приветственные возгласы и невдалеке остановилась крытая арба. С нее спрыгнули Мавлави Юлдаш, Абиджан и Завки. Мавлави снял Акбарходжу. Акджарцы, крывшие крышу, зашумели, закричали:

— Эй, эй! Радость нашему поэту! Из города гости приехали!...

Ошеломленный Муками приставил ладони ко лбу козырьком и увидел фигуры спешивших к нему людей, но не сразу узнал друзей. Зрение у него стало слабым. Без слов обнял он друзей, подхватив на руки Акбарходжу, прижал его к груди.

Мальчик был бледным, похудевшим. Он не ласкался, как прежде. Друзья рассказали Муками, что Зиёда-биби частенько поколачивала Акбарходжу, а с тех пор, как она ударила его по голове железными щипцами, мальчик сделался мрачным, молчаливым и все время испуганно озирался по сторонам.

Не выпуская из объятия мальчика, Муками тяжело вздыхал.

Мавлави Юлдаш пощупал пульс и испугался: сердце

билось слабо, с перебойми. Осторожно Мавлави посмотрел на Завки и поджал губы.

Весть о возвращении в Коканд не особенно его обрадовала. Он не сказал ни слова. Завки, захвативший продукты для плова, молча принялся чистить и резать морковь и лук. Абиджан, подозвав возчика, попросил его поставить котел на очаг. Вместе с Мукими Мавлави Юлдаш пошел в его временное обиталище, чтобы принести оттуда постель, книги, письменные принадлежности. Только теперь Мукими поверил, что и в самом деле он уезжает в Коканд. На губах у него появилась улыбка.

Тем временем подошли старый капитан и хозяин дома. Они не могли скрыть своего огорчения, что Мукими уезжает, но в то же самое время и порадовались за него. Последние недели Мукими вздыхал и охал, нарочно брался за непосильную работу — кладку стен, рытье котлована.

Они поздравили поэта.

После минутного молчания извиняющимся тоном Мукими заговорил:

— Итак, мне дано разрешение вернуться. Я бесконечно рад, что еду в Коканд, но не потому, конечно, что представлю перед моими духовными убийцами, которым в свое время удалось отправить меня в ссылку. Радостно у меня на сердце потому, что я увижу своих друзей, которые пали духом и согнулись, когда узнали, какая беда обрушилась на мою голову. Я должен ободрить их, чтобы каждый из них выпрямил свой стан. Больше я не буду писать стихи, закопавшись в хужре. Я пойду туда, где кипит жизнь, буду среди живых людей. Создам стихи и песни о жизни народа. Я хорошо понимаю, как мне будет тяжело вдаль от таких отзывчивых людей, как вы. Всегда я буду хранить вас в своей памяти и постараюсь приезжать к вам со своими друзьями, обязательно буду посылать вам письма.

За пловом долго еще разговаривали.

День клонился к вечеру. Возчик запряг лошадь в арбу. Услыхав, что Мукими уезжает, все акджарцы — и старые и малые — собрались на берегу реки. Прощаясь с каждым из них, Мукими просил их впредь не оставлять начальника переправы одного и помочь ему довести до конца начатые работы.

— Скоро водокачка будет пущена, — сказал Мукими, — и тогда по Акджару потечет речная вода. Вы сможете посадить сады и виноградники.

Обнявшись с начальником, Мукими горячо попрощался с ним и хозяином дома и забрался на арбу.

Кое-кто из близких друзей и знакомых выехали Мукими навстречу и ждали его в Дангаре. По дороге они присоединились к поэту и вместе с ним на трех арбах въехали после заката солнца в Коканд. По просьбе Мукими возчики поехали по глухим улицам в сторону худжры и ночью добрались до места. Друзья засиделись в худжре до полуночи.

Утром Мукими ушел в баню. Столько времени он лишен был этого удовольствия. Когда он вернулся, весь двор медресе был заполнен ремесленниками, жителями махалли, любителями и поклонниками поэзии. Поэт поздоровался с ними, обнимался, переходя из объятия в объятие. Поток хлынул в худжру друзья, родственники, знакомые, поклонники таланта Мукими.

Несколько дней подряд в худжру шли люди. Затем встречи с друзьями были перенесены в чайханы, расположенные в тенистых местах в окрестностях города.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЕЗДКА В ШАХИМАРДАН

Как только начались летние каникулы, Рузимухаммед решил поговорить со своим приемным отцом Мухаммедом Салихом Ерзиным. Сказал ему, что очень хочется повидаться с дядей и другими кокандскими родственниками, которых не видел вот уже девять лет.

Мухаммед Салих уважил просьбу Рузимухаммеда и проводил его в Коканд, дав на подарки сто рублей и написав письмо своему другу Джурабеку Арабову, который жил в Бухаре.

Рузимухаммеду купили билет до Нижнего Новгорода и посадили на поезд. Затем на пароходе «Фельдмаршал Суворов» юноша прибыл в Астрахань. На другом пароходе по Каспийскому морю через порт Петровский добрался до Баку. Там пересел на другой пароход. На Каспийском море, как всегда, была сильная качка. Проведя тревожную ночь, утром пассажиры благополучно прибыли в Красноводск.

Купив билет до Бухары, он сел в поезд. Его попутчиками оказались трое купцов — местные евреи. Из Москвы они выехали в европейских костюмах, а теперь, когда поезд стал подходить к Бухаре, надели свои темные халаты, подпоясались веревками, выпустили пейсы на висках,

надели черные островерхие тюбетейки. В ином наряде их в Бухару не пустили бы.

На закате солнца поезд остановился на станции Коган. Когда Рузимухаммеджан и его спутники добрались до Бухары, въездные ворота в город были уже закрыты. Пришлось просить стражников открыть ворота, а затем объяснять, к кому именно он направляется. Долго Рузимухаммед в темноте ходил по улицам, прежде чем разыскал дом Джурабеска Арабова.

Джурабек Арабов очень тепло встретил Рузимухаммеда, хорошо угостил и весь вечер беседовал с ним. На следующий день утром он велел своему слуге пройтись с Рузимухаммедом по улицам и базарам и показать ему Бухару. В тот же день Арабов посадил гостя на фаэтон и повез его на свою загородную дачу. Рузимухаммед гостил здесь несколько дней. Тем временем заказали портному сшить для него халат, и он надел его на себя поверх европейского костюма.

Прежде чем проводить Рузимухаммеда в Коканд, Джурабек попросил своего знакомого написать письмо начальнику города Самарканда: билеты на поезд от Самарканда до Коканда почему-то продавались не каждому пассажиру.

Приехав в Самарканд, Рузимухаммеджан остановился в привокзальной гостинице. Затем он отправился погулять по городу и с огромным интересом осматривал древние сооружения. На площади Регистан он познакомился со стариком в истрепанной одежде, который не мог давно достать билет до Коканда. Вместе они пошли к начальнику города в канцелярию, и Рузимухаммеду удалось получить разрешение на два билета до Коканда.

Дорогой старик рассказал о своих злоключениях. Он, оказывается, был одним из мюридов кокандского ишана Хакима Халфа. После мятежа Дукчи-ишана старик пешком добрался до Бухары. Теперь он возвращался в Фергану.

Рузимухаммеду такое знакомство не понравилось, и он решил расстаться с этим человеком. Доехав до станции Хаваст, он слез с поезда и через сутки другим поездом прибыл в Коканд.

Рузимухаммед хорошо помнил Шалдырамоксский базарчик, где он родился и провел раннее детство. Он ехал на извозчике и с волнением узнавал знакомые дома. «Вон там дом папиного учителя водоноса Уразбая! — думал он. — А вон тот папиного друга караульщика из тор-

гового ряда Мирзы Хамдама!... А вон еще один знакомый дом. Здесь живет мой товарищ Мухаммед Акрам! А что если зайти к нему?»

Он слез с коляски и постучал в калитку. Открыла старушка. Она не узнала юношу.

— Никого нет! — пробормотала она и захлопнула калитку.

Рузимухаммеду пришлось сесть на извозчика и поехать в гостиницу. Оставив свой багаж, он пошел на Шалдырамок разыскивать своего друга Акрама.

Отец Мухаммеда Акрама умер. Его матери Бибисаре было известно, что друг детства ее сына живет в Москве и учится в русской школе. «Пусть бы и мой сынок тоже учился в русской школе. Получил бы он хорошее образование, стал бы человеком», — думала она.

И Бибисара отдала своего мальчику на воспитание в семью городского нотариуса Фройберга. Когда пришло время, Акрама определили в русскую школу. Там и нашел своего товарища Рузимухаммед.

Друзья пошли в гостиницу и долго там сидели, вспоминая детство. Рузимухаммед рассказал о своем путешествии из Москвы в Коканд, об остановках, которые ему пришлось сделать в Бухаре и в Самарканде. Затем Мухаммед Акрам повел друга в махаллю Беквачча.

Из Акджара Муками приехал совсем обессиленным и долго не мог оправиться. А тут еще привязалась болезнь глаз. Поправлялся он медленно. У него болели руки и поясница, и он лежал, не выходя из худжры.

В день приезда племянника Муками получил из Ташкента письмо в стихах от Закирджана Фурката. Усевшись поудобнее в постели, он начал сочинять ответное письмо в стихах. В этот момент Гариби, подметавший двор, бросив веник, с волнением вбежал в худжру:

— Два джигита, — сказал он, — длинноволосяные, в русской одежде, стоят у входа в медресе и разговаривают по-русски. Из их слов я понял, что они говорят про Муками. Один из них не ваш ли племянник Рузимухаммед?

Муками радостно воскликнул:

— Ведите их сюда!...

Гариби поспешно бросился из худжры. Муками, держась одной рукой за поясницу, а другой ухватившись за полку, хотел встать.

В этот момент вбежал Рузимухаммед, обнял Муками и стал целовать его. Муками прижал его к груди и поце-

ловал в лоб. Потом поздоровался с Мухаммедом Акрамом, который с улыбкой смотрел на эту сцену.

— Неужели это ты? Мне просто не верится. Сон это или явь?

— Это я, дядя!..

— А твой товарищ тоже учится вместе с тобой в Москве?

Молодые люди, взглянув друг на друга, засмеялись, и Рузимухаммед ответил:

— Это мой друг из Шалдырамока Мухаммед Акрам. Я с поезда отправился прямо в Шалдырамок. Оказалось, Мухаммед Акрам тоже учится в русской школе...

— Прекрасно! Так и нужно! — сказал Мукими. — Этого требует новое время. Русский язык — это язык великих просветителей. Вон Закирджан Фуркат в своем письме из Ташкента написал, что сейчас он занимается переводами для газеты. Он все еще гонится за знаниями. Как это хорошо! Как вы думаете, Гариби? Подмести еще успеете, это никуда не убежит. Разведите огонь, поставьте кипятить чай да сходите на Кальвакский базарчик!..

Гариби быстро вернулся с базарчика. Тем временем вскипел чай. Постелив в худжре дастархан для молодых людей, Гариби ходил к Зиёде-биби и привел Акбарходжу. Братья, впервые встретившись, немного стеснялись друг друга. Рузимухаммед рассказывал про Москву, все слушали его. Акбарходжа не спускал восторженных глаз с брата. Под вечер молодые люди пошли в Шалдырамок навестить Эгамберды-ходжи и принести вещи из гостиницы.

Приезду племянника Мукими был очень рад. Он все думал, что гостя надо развлечь, помочь ему провести весело время летних каникул, и решил отправиться с племянником путешествовать по живописным местам и взять с собой Акбарходжу.

В воображении Мукими уже замелькали приятные картины: две новенькие крытые арбы выезжают из города: на одной из них сидит он, Мукими, со своими друзьями, на другой — Рузимухаммед, его шалдырамоцкий товарищ и еще два паренька. Кто бы это мог быть? Какие парни? Если бы они еще играли бы на дутаре и тамбуре и пели приятные песни, было бы совсем прекрасно! Чтобы не обидеть беднягу Исмаила Гариби, не оставить одиноким в худжре, его надо тоже взять с собой...

В это время Гариби растирал и массажировал его поясницу, руки.

— Гариби!..

— Что изволите?..

— Вы поедете вместе с нами в Шахимардан!..

— Как было бы хорошо! Но кто же будет здесь смотреть за Кытмиром?

Мукими расхохотался:

— Побежит вслед за арбой!

— А кишлачные собаки не покусают его?

— Странный вы человек, ходжа, поклонник собак! Кишлачные собаки еле бродят, опираясь на посох! Едва завидят городскую собаку, сразу же убегают, поджав хвосты.

— Так-то оно так, но ведь дорога дальняя, а теперь днем жарко, по дороге пыль. Бедный Кытмир ослабеет, выбьется из сил. Лучше будет, если вы съездите сами, да и худжра не останется пустая, без людей.

Мукими любил «потянуть за язык» своего простодушного ученика, этого добрейшего человека с чистым сердцем, не мог не подшутить над ним.

— Вы достаете пищу, кормите Кытмира, мулла Исмаил?..

— А как же! Я уже позаботился об этом, завел дружбу с двумя шашлычниками. Кроме того, повар Азават такой добрый. Едва я прохожу мимо, всегда дает мне немного костей.

— Если так, то ваш Кытмир не ослабеет от такой жизни, не так ли?

— Собаки из нашей махалли всегда приходят к калитке и ждут, не перепадет ли им косточка. Они уже привыкли к тому, что у Кытмира после еды остаются лишние кости. И я всякий раз выношу и отдаю остатки уличным собакам.

— Смотрите, чтобы об этом не пронюхал господин попечитель имущества! Не то лопнет от зависти!

Гариби расхохотался.

— Поэтому я и повесил на шею Кытмиру талисман от сглаза!..

— Значит, вы не можете поехать с нами в Шахимардан?

— Извините! У меня причина уважительная. Я должен быть на страже, охранять и худжру и Кытмира...

— Если вы сторожите, охраняя Кытмира, то что же охраняет Кытмир?

— Кытмир тоже все время на страже, сидит и поджидает, когда я ему принесу кости...

Мукими так и покати́лся со смеху:

— Значит, служба собаки состоит только в том, что она поджидает, когда вы придете с костями?

— Она стережет еще и голые стены...

Исмаил Гариби был родом из Афганистана. Его отец, лекарь, считался одним из видных поэтов Кабула. Кабульские фанатики обвинили его в неверии, назвали безбожником и хотели побить камнями.

Поэт бежал с маленьким Исмаилом в Туркестан и обосновался в Коканде. Здесь он стал заниматься врачеванием, но скоро умер.

Маленького Исмаила воспитал домолла Халил. Он дал ему образование и привил любовь к поэзии. Исмаил стал писать стихи, стараясь подражать Мукими. Вот этому самому афганскому юноше поэт и дал псевдоним Гариби.

Вполне оправдывая свой псевдоним, Исмаил Гариби был беден и одинок, как пришелец на чужбине. Он имел небольшую старую лачужку с маленькими нишами в стене, тесный дворик, на котором можно было постелить только четыре циновки, старую подстилку и одеяло, доставшиеся ему в наследство от отца, разбросанные, потрепанные книги. Вот все, что было у бедного Гариби. Он завел себе здоровенного пса Кытмира, кормил его, холил и в этом находил себе утешение.

Мукими он считал своей опорой, учителем и верным другом, которому можно было доверить все свои тайны. Вместе с Мукими он делил его обиды, горести и печали, а также мимолетные радости. Если Мукими вздыхал и охал, Гариби тоже, вторя ему, вздыхал, кряхтел и охал. Если Мукими смеялся, тогда и Гариби хохотал до упаду.

Закончив массажировать поясницу и руки Мукими, Гариби опять встал у двери, тоскливо поглядывая на учителя. Поэт поблагодарил его, затем улыбнулся и сказал:

— Отдохните немного, молла Исмаил. Потом сходите в Шалдырамок...

— Говорите, молла-ака! Сколько удастся отдохнуть, я уж передохну в дороге...

— Передохните уж лучше здесь, переведите дух...

— В худре совсем не душно, а раз нет духоты, то как же я могу дух перевести?

— Раз уж вы вознамерились что-нибудь сделать, вас отговорить трудно, упрямый глухарь! Идите уж. Подойдите к Эгамберды, помяните его в сторонку и скажите:

«Вы, конечно, сегодня будете варить плов для своего племянника Рузимухаммеда. А раз так, этот плов можно приготовить в худжре Мукими, а? Как вы думаете? Будет неплохо? Это я просто так пришел к вам посоветовать!»

Выслушав Мукими, Гариби, еле удерживаясь от смеха, сказал:

— А что если он скажет: «Разве ты можешь сам придумать такой разумный совет? Это не твой совет, такую мысль тебе подал Мукими».

— Что бы он там ни сказал, лишь бы перенес сюда угощение — вот и все!

— А это не затруднит его?

— Какие могут быть затруднения? Напротив, совет ваш ему понравится. Хоть сам он неграмотный чайханщик, но очень рассудительный человек. Он все понимает с первого слова. Другого выхода у нас нет. Ведь Рузимухаммед приехал из Москвы, соскучился по плову!..

Болезнь и приезд племянника всколыхнули все, что лежало где-то далеко внутри, и подняли всю горечь на поверхность души, не было даже силы подняться и пойти навестить достойных людей. Им не лучше. Сидят они, кутаясь в свои старые рваные халаты, в жалких темных лачугах где-то на окраинах города и предаются размышлениям о бренности мира.

«Я уже не мечтаю о доме с наружным и внутренним дворами, — думал Мукими. — Была бы у меня небольшая уютная худжра с двориком, в котором протекал бы арык, и был бы я доволен. Разбил бы я цветник, посадил райхон, розы. И не думаю я о том, чтобы у меня были четыре жены, как у наших баев. Была бы у меня верная подруга, целомудренная, прелестная не только лицом и наружностью, но чтобы и душа у нее была красивая. И, конечно, была бы она смышленная, рассудительная, добрая, чистоплотная, умела бы искусно готовить, а когда я усталый приходил бы домой, она встречала бы меня, снимала бы бережно с моих плеч халат, приветливо бы спрашивала о здоровье, о делах; делила бы со мной и горе и радость! Какое это было бы большое счастье!»

Затем мысль Мукими обратилась в другую сторону, опять он ехал бы куда глаза глядят. Где-нибудь попадетсЯ проточная вода, тенистые карагачи с густой шапкообразной кроной по берегам, развесистые талы. Привяжешь лошадь за повод к талу, сядешь в холодке и примешься заполнять тетрадь строфами, а в твоих строфах будут высказаны вздохи и стоны, горе и печаль дехкан. А

то напишешь сатиру на кого-нибудь из этих подлецов богачей, которые в погоне за наживой и званиями всячески угождают сильным мира сего, режут в честь их баранов, устраивают богатые угощения. Власть имущие всячески поощряют одописцев, восхваляющих знатных сановников. Превозносят таких писак до небес, называя их «великими поэтами». Такие «поэты», наживающие себе богатство на лести и угодничестве, очень нужны баям и духовным лицам. Поэтому-то городские певцы и музыканты ходят по богатым домам с одного праздничного угощения на другое. И поэты, и певцы, и музыканты пресмыкаются перед алчными баями, повергая к их ногам «святое искусство».

На память Мукими пришел известный в Ферганской долине певец Фарзинча. Был он родом из отдаленного селения Кишлак, расположенного в окрестностях Ташкента. Он давно приехал в Коканд. Состоял в услужении у известных певцов, исполнителей классических мелодий из макомов и сам сделался певцом.

Миниатюрный, с красивым лицом, подвижный, вежливый, обходительный Фарзинча обладал высоким звучным голосом. Однако заработка ему не хватало. Баи охотно поручали ему гостей на свадьбах и других торжествах, наблюдение за приготовлением пищи, за убранством дастархана и за подачей угощения. И часто на улицах Коканда можно было видеть такую картину: подгоняя маленького пегого иноходца, в махалле появлялся всадник, который стучал в калитки и звал людей на свадьбу, на пир по случаю обрезания в дом какого-нибудь богача. И каждый день Фарзинча, прекрасный поэт, музыкант и певец, превращался в прислужника, расстилая дастархан перед гостями, бегал с подносами, разжигал огонь под котлами, рассаживал толстенных, краснолицых баев на почетные места, подносил им блюда с дымящимся пловом. Так служил знаменитый Фарзинбек и тем кормил свою семью.

В Коканде в махалле Валихон жил бедный штукатур уста Кодиркул. По вечерам на торжествах он сидел рядом с Фарзинчой, извлекал из дутара торжественные звуки, а днем месил глину и размазывал лопаточкой штукатурку по стенам в домах горожан.

Иногда расщедрившийся хозяин хотел подарить Фарзинче халат, но он спешил отказаться от подарка. И в ответ на возмущение хозяина пытался растолковать ему, что искусство не продается, что тот, кто наживает себе бо-

гатство посредством искусства, никогда не станет настоящим певцом и музыкантом. И хозяин, и гости лишь пожимали плечами.

Создатель классической мелодии для тамбура и для дутара певец Шадман-хаджи не переносил шума, терпеть не мог, если кто-либо мешал ему. Обычно, когда он начинал играть, все умолкали. А если кто-нибудь продолжал жевать пищу или разговаривать, Шадман-хаджи прекращал игру. Прислонив дутар к стене, он начинал выщипывать волоски из бороды и бормотал: «Я забыл, что сижу в скотском хлеву». А если кто-нибудь заказывал ему какую-то песню, он выходил из себя, считая это оскорблением.

Иногда в базарные дни у входа в хлебные ряды можно было увидеть нищего, который сидел с закрытыми глазами и читал по памяти нараспев стихи Хафиза Ширази, Мирзы Бедиля или отрывки из поэмы Физули «Лейли и Меджнун». Те, кто знал нищего, кто понимал его душу, проходя мимо, невольно опускали руку в карман и клали ему серебряную или медную монету.

Это был один из лучших поэтов Коканда Дададжан, прославившийся прекрасным чтением стихов Бедиля, умелой игрой в шахматы, сочинением остроумной игры слов. Его стихи очень ценил Мукими.

И такой поэт ютился в нищенской худжре, спал без одеяла на циновке, подложив под голову связку книг. А утром он шел на свое место к входу в хлебные ряды и с закрытыми глазами, словно ни с кем не желая встречаться, просил милостыню. Друзья, стараясь, чтобы он не узнал их, молча клали ему монету и проходили дальше своей дорогой...

Горько и печально было жить таким людям в Коканде. Мукими вспомнил и еще об одном человеке. Занимавшийся торговлей в годы своей юности и путешествовавший по всему Востоку хаджи Ашраф всюду, в какую бы страну ни приезжал, принимался изучать язык того народа и его обычаи. Бывая в Москве, он обратил внимание на то, что русский народ любит науку, тянется к знаниям. Хаджи Ашраф решил учиться в этом великом городе и овладеть знаниями. Он бросил торговлю, купил домик, нанял себе учителей. Спустя несколько лет он первым из узбеков поступил учиться на медицинский факультет университета, успешно окончил его, женился на дочери своего профессора и остался жить в Москве.

В те годы, когда Фергана еще не была присоединена к

России, многие русские не знали, что существует узбекский народ, и даже имени такого не слыхали. Впервые в истории в одной из московских больниц начал свою службу доктор, вышедший из среды узбекского народа. Весть об этом дошла до Коканда. Духовенство подняло шум, обвиняя хаджи Ашрафа в том, что он гяур — безбожник.

Молодой узбекский доктор хотел поехать в Коканд, чтобы оказывать медицинскую помощь своему народу, но узнав о яростных нападках духовенства, потерял всякую надежду на то, что он когда-нибудь сумеет вернуться на родину. Ашраф Нормухаммедов остался жить в Москве. У него родилась дочь, которой он дал имя Муслима. Достигнув школьного возраста, эта чернокудрая девочка с голубыми глазами поступила учиться в одну из московских гимназий.

Хаджи Ашраф продолжал учиться. Он окончил еще философский факультет.

Однажды зимой хаджи Ашраф поехал со своими сослуживцами на санях в Петербург. Когда они переезжали через речку, лед треснул и сани провалились в воду. Пассажиры, в том числе и хаджи Ашраф, с большим трудом были вытащены из-под льда и отправлены в одну из петербургских больниц. После излечения хаджи Ашраф вернулся в Москву. Но ледяная ванна оставила свой пагубный след на его здоровье: он испытывал мучительные боли в ногах. Врачи посоветовали ему переселиться на юг. Взяв с собой жену Софью и дочку Муслиму, он отправился в Коканд.

«Времена Худоярхана прошли, Фергана подчинилась России, — думал он, — найдутся в Коканде разумные люди. Они защитят меня от козней духовенства». Молодой доктор надеялся, что ему дадут спокойно работать. Но все получилось не так. Узнав, что в Коканд приехал врач узбек, окончивший медицинский и философский институты, Медынский настроил местное духовенство против него.

Улемы собрались в соборной мечети и пригласили туда хаджи Ашрафа. Доктор выступил с речью. Говорил он вначале по-арабски. Но убедившись, что господа улемы его не понимают, перешел на персидский. Он говорил, что для изучения наук не надо менять веру, что настало время, когда для детей народа широко открыты двери просвещения, что русская интеллигенция всегда готова помочь всем, кто стремится к культуре. В заключение доктор сказал, что надо пользоваться поддержкой и помощью

русской интеллигенции, которая зовет всех на путь прогресса и культуры.

Медынский, выступивший довольно красноречиво, внешне поддержал перед лицом собравшихся хаджи Ашрафа. В то время Мукими находился еще в Бухаре. Когда Мукими вернулся, Мавлави и Миён Сотыболдыхан как-то вечером пригласили его с собой к хаджи Ашрафу, который жил в своем доме в махалле Дехконнон.

Доктор был одет по-европейски. Несмотря на летнее время, на нем были суконные наутюженные брюки и жилетка. Это был высокий чернородый мужчина средних лет. Он тепло принял гостей, приветствовал их на фарсидском языке, пригласил гостей в большую комнату посредине которой стоял стол и стулья.

— Муслима! — позвал доктор. В комнату вошла девочка лет четырнадцати с голубыми глазами. Ее густые черные волосы были заплетены в одну косу. Сделав реверанс, она поздоровалась с гостями и вопросительно посмотрела на отца. Хаджи Ашраф сказал ей что-то по-русски. Снова присев, девочка выбежала из комнаты.

Немного спустя на столе уже стоял кипящий самовар. Голубоглазая Муслима расставила вазочки со сладостями, вареньем, принесла тарелки с булочками, сдобными лепешками и пиалы.

За чаем хозяин расспрашивал Мукими о жизни кокандских поэтов и сам рассказывал о Петербурге, Москве, о русской культуре. Незаметно пролетело время. Гости засиделись. Мукими остался очень доволен, что его познакомили с таким интересным человеком. Вскоре после этого стало известно, что кокандское духовенство по почину Мухи сочинило жалобу градоначальнику Медынскому на доктора хаджи Ашрафа, который будто бы сеет среди кокандцев неверие и распространяет вольные мысли. Этого доноса оказалось вполне достаточно, чтобы радетель культуры Медынский подал официально распоряжение:

«Не разрешать хаджи Ашрафу выходить из дому для посещения пациентов в течение тридцати лет или выпроводить его вместе с женой и дочерью назад в Москву». Однако русские врачи, проживавшие тогда в Коканде и в других городах Ферганской области, не остались безучастными. Они решительно запротестовали против неслыханного произвола Медынского и выступили в защиту докторских прав хаджи Ашрафа. Просьба врачей была частично удовлетворена: за хаджи Ашрафом сохранили

право лечить больных, его рецепты наравне с другими стали принимать в аптеках и по ним выписывали лекарства. Доктору было разрешено посещать больных в пределах своей махалли и один раз в год выезжать за город на срок не свыше месяца.¹

Искренне болел душой Мукими, слыша о притеснениях и страданиях, которые причиняют злобные, невежественные всякие там «мухи» и Медынский таким прекрасным людям, как доктор хаджи Ашраф. «Надо мне вместе с Рузимухаммедом пойти как-нибудь навестить хаджи Ашрафа», — подумал он.

В этот момент открылась дверь и в худжру вошли в отличном настроении Исмаил Гариби и Эгамберды.

— Вот тебе и на!.. Ну и ну!.. Заходите, Эгамберды! Уж вы извините, никак не могу встать. Спину разломило.

— У вас боль в пояснице? — удивился Эгамберды. — И откуда она только взялась?!

— Вы посмотрите на меня!.. Похудел я и отошал. И нужно было этому случиться в такое время, когда приехал Рузимухаммед!.. Лежу вот и даже не могу пошевелиться!

— А где ваши джигиты? Еще не пришли?.. Когда ко мне пришел Исмаилджан, они только что отправились в Новый город. Совет, придуманный Исмаилджаном, мне очень понравился. Мы с ним вдвоем немного замешкались на базаре.

За дверью послышался шум. Пришел Гариби с охапкой щепок. Ухмыляясь, он сказал:

— Вы долго спали?

— Какой уж там сон! Лежа в постели, я мысленно бродил по городу и беседовал с бедняками, с бесприютными скитальцами. И, сказать вам по правде, я ничуть не проголодался.

Эгамберды принялся чистить и резать морковь, а Гариби разводил огонь под котлом.

— Было бы очень хорошо, — сказал Мукими, — снарядить две крытые арбы и поехать в Шахимардан. По пути остановиться в Зохидане, Акъере. Можно погостить два дня в Рашидане у моего друга садовода Мирзы Шарифа. Мы с ним вместе учились. У него прекрасный сад, виноградник. Человек он гостеприимный. Но как достать две арбы?

¹ Хаджи Ашраф с радостью встретил Октябрьскую социалистическую революцию. Он умер в 1920 году. При жизни его навещала дочь Муслима, приезжавшая к нему несколько раз в летние месяцы.

— У вас столько друзей. Они с удовольствием дадут вам арбы,— заметил Эгамберды.— Вы уж предоставьте мне это дело. А пока можно съездить с Рузимухаммедом на прогулку в окрестные сады. Сейчас в Коканде есть два молодых певца! Ремесленники часто устраивают веселые сборища на окраинах города и обязательно приглашают их. Я хочу пригласить их на завтра.

— Очень хорошо! Надо будет и в Шахимардан взять с собой этих молоденьких петушков.

— Вы говорите, что нужно две арбы... Разве так много людей отправится путешествовать?!

— Конечно. Разве можно устроить веселую прогулку без друзей?... Молодежь — со своими приятелями, а мы — со своими... Вот о чем я хочу сказать. Эх, был бы с нами Таджибай непутевый! Да, Таджибай очень подходит для таких прогулок. Бесценный он человек! Жаль, что его затянули в свою компанию богомольцы. Под их влиянием он совсем потерял человеческий облик. Сам он простодушный, добрый и честный человек, но очень слабохарактерный. Слабоволие и привело его на край темной ямы. Нам надо вызволить его из беды. Он сделал мне много доброго, и я об этом не забуду!..

Исмаил Гаринби, резавший мясо на плов, вставил свое слово:

— Вы еще подшучивали над ним, говорили, что напишете на него сатиру...

— Написать на него сатиру? Да он не понимает толком, что такое сатира. Но все-таки, пожалуй, стоит написать на него что-нибудь за то, что он теперь обзавелся деньгами, разбогател, забыл про нас, поддался ишану и превратился в дервиша. Попробуем сначала позвать его к себе и наставить на путь истинный.

— Если на самом деле он отрекся от мира и потерял облик человеческий, тогда уж пусть пеняет на нас за сатиру! Что вы скажете, Эгамберды?..

— Правильно!

Когда пришла пора класть рис в котел, за дверью послышался смех. Вошел Рузимухаммед с чемоданом в руках и за ним Мухаммед Акрам и Акбарходжа. Молодые люди рассказали, как бродили они по улицам Нового города, потом решили войти в городской сад около Урды, а сторож не пустил Акбарходжу за то, что на нем был халат, а на голове тубетейка. Тогда Рузимухаммед пригрозил пожаловаться на него, после чего сторож снял с головы фуражку, поклонился и пропустил Акбарходжу в сад.

После плова Эгамберды и Мухаммед Акрам пошли в Шалдырамок. А Гариби, собрав в глиняную плошку куски лепешки и кости, отправился домой кормить своего верного пса Кытмира. Акбарходжа не хотел расставаться с Рузимухаммедом и решил заночевать в худжре. Он побежал домой, чтобы предупредить Зиеду-биби. Дядя и племянник остались вдвоем. Рузимухаммед вынул пачку денег, положил их перед Мукими и сказал:

— Когда я собрался ехать, отец дал мне сто рублей денег. Рублей тридцать я истратил на дорогу. На обратный путь понадобится столько же. А остальное тратьте сами на прогулку и другие расходы...

Мукими отодвинул от себя эти деньги:

— Доброго здоровья и благополучия уважаемому Ерзину! Деньги на прогулку мы найдем. А те, что у тебя остались от дорожных расходов, потрать на подарки своим москвичам.

На следующий день Рузимухаммед и Акбарходжа отправились с визитом к ближним и дальним родственникам, дядюшкам и тетушкам. К третьему намазу перед самым закатом солнца они, наконец, возвратились в худжру. Там их ждали с нетерпением.

Не мешкая, Мукими, Мавлави Юлдаш, Эгамберды-хаджи и Абидджан-аглям сели на одну арбу, а Рузимухаммед, Гариби, Акбарходжа, Мухаммед Акрам и два молодых певца с шутками, смехом набились в другую арбу.

Доехав до базарчика Навбахор, арбы свернули направо, проехали мимо крупорушки, затем, миновав ворота сада, принадлежавшего скототорговцу Мукимджанбау, покатали по берегу Анхора. Привал устроили в чайхане возле густого, тенистого сада близ городской крепости.

— Вот прославленное прохладой место, Замбар Чорсу, рай для любителей тени и песни,— объявил Мавлави Юлдаш.

В чайхану можно было пройти по двум бревнам, перекинутым через канал Анхор. Ступив на мостик, Мукими попятился и многозначительно поглядел на друзей.

В чайхане кто-то пел маком, аккомпанируя себе на тамбуре. Пока музыкант не закончил маком, все стояли и молча слушали. Мавлави Юлдаш, узнав певца по голосу, прошептал на ухо Мукими:

— Поет Насыр-ахун из соседней махалли Тоглик,

высокообразованный человек, хороший певец, страстный игрок в шахматы. Я уже два раза встречал этого выдающегося человека у хаджи Ашрафа; один раз застал его за игрой в шахматы, в другой — за чтением стихов Бедиля.

Пение закончилось. Раздались громкие возгласы одобрения. После этого Муками пошел через мостик. Увидев, что Муками идет за своими гостями, Ахмед приготовил для них место на глиняном возвышении. Сидевшие на суфах молодые ремесленники, любители и знатоки музыки и пения, поднялись, чтобы поздороваться с поэтом и его друзьями. Была пятница. Ремесленники в этот день не работали, поэтому в чайхане народу было больше, чем в обычные дни.

Коканд славился своими чайханами. Но жители города особенно хвалили четыре — Абдуллахонходжи, Хамширы, Мамаджана и Ахмеда.

Ахмед каждое лето переезжал со своими самоварами сюда, к Анхору, где возле большого кургана был разбит сад. В нем плодовые деревья чередовались с декоративными. Возле арычков росли розы — «садбарг», столепестковая «хусниюсуф» — Иосиф Прекрасный. Аллеи тщательно поливались и подметались. В саду были поставлены низенькие «сури» — широкие полаты, застеленные чистыми циновками и паласами. Прирученные скворцы и галки свободно разгуливали по чайхане, клевали с рук лепешечные крошки. Попугай в клетках, повешенных высоко над дорожками, приветствуя посетителей, беспрестанно бормотали: «Добро пожаловать!..», «Мы рады вам!..»

В конце аллеи стоял особый помост. На нем можно было покурить кальян, для любителей позабавиться табаком были тыквянки — табакерки для наса — особо приготовленного табака в виде мелких зеленых горошинок, закладываемых под язык. Там же стоял большой кальян с опрокинутой на землю головкой для курения анаши. По желанию наркоманов время от времени устраивалось курение гашиша. Когда начинали курить, раздавались чиханье, надрывный кашель. Некоторые боялись тянуть гашиш через трубку кальяна и устраивались в сторонке и тянули дым через камышинку или соломинку.

Заняв выделенную для них суфу, Муками и его друзья пригласили к своему дастархану муллу Насыра-ахуна, сидевшего поодаль с группой стариков. Это был чернобородый мужчина высокого роста с продолговатым лицом и киргизским разрезом глаз. Одежда на нем была

хоть и старая, но опрятная. Он сидел, не снимая с головы конусообразной шапки дервиша.

Насыр-ахун понравился Мукими. Усадив его рядом с собой, поэт выразил ему уважение и радость, что ему довелось познакомиться с ним. Но сейчас же просить его спеть счел неудобным и обратился с просьбой к двум молодым певцам, сидевшим в окружении молодежи на соседней суфе.

Одни из них, портной по имени Азимджан из махалли Таракчилик, всегда пел под аккомпанемент дутара. А его друг, симпатичный стройный джигит по имени Абдулладжан Махсум, как выяснилось, приехал из Шахрихана и учился в медресе Есаул, расположенном в махалле Чалчик. Певцы с радостью приняли приглашение Мукими, перебрались к нему на суфу и начали петь его газели «Сад на улице», затем «Дервиш». После них не заставил себя ждать мулла Насыр-ахун: он спел один за другим два макама и вскоре ушел. Образованный человек, искусный певец и музыкант, мулла Насыр-ахун был хорошим садоводом. С утра до поздней ночи он трудился — ухаживал за деревьями. Ежегодно с наступлением весны он ходил по садам, прививал деревья. Летом же многие ремесленники и дехкане наперебой приглашали его к себе на вечеринки, желая послушать макамы прославленного певца. Мулле Насыру приходилось скрывать от религиозных фанатиков и от набожных стариков своей махалли, что он играет на тамбуре и поет классические мелодии.

На самой окраине Коканда в махалле Тоглик в местности Тегирман-боши находилась мечеть с вакуфом — участком земли. Священнослужители в мечети Тегирман подолгу не задерживались, так как доход был ничтожным.

Жители махалли в конце концов решили избрать на должность имама своей мечети Насыра-ахуна. Мулла Насыр не возражал, ибо помимо вакуфной земли он стал владельцем уютной худжры с паласами, одеялами и домашней утварью. Теперь у него было постоянное жилье, что его вполне устраивало. Хоть ему и исполнилось сорок лет, он не был женат: не было средств уплатить за невесту калым.

Согласившись стать священнослужителем, Насыр-ахун затаил мысль поработать как следует на поле. «На двух танапах вакуфной земли в кишлаке Кырк посею рис, два танапа вакуфной земли в кишлаке Якка-мулла

отведу под пшеницу и под кукурузу. Выращу хороший урожай, продам зерно и осенью женюсь...»

Уже давно он заприметил одну черноглазую в своей махалле, но держал это в секрете. Это была Алламахон, дочь ремесленника Мамазакира, первая красавица махалли, прекрасно игравшая на бубне.

Когда девушки весной заводили свои веселые игры на кургане, плясали и пели песни, Насыр-ахун различал в хоре звонкий, как колокольчик, голос Алламахон. Однажды Насыру-ахуну, возвращавшемуся вечером из кишлака Якка-мулла, мимо кургана, удалось увидеть издали Алламахон, которая в кругу подружек играла в бубен, пела песню. Насыр-ахун спрятался за деревья и долго слушал. Сердце у него вдруг будто провалилось в бездну. В своей частушке лукавая певица помянула его имя. Девушки громко засмеялись.

«Моя красавица, наверное, заметила, что я прячусь за деревом и захотела малость подурчиться. Ну а может быть, она вспылала ко мне чувством... Как бы то ни было, хорошо бы получить с вакуфа урожай побольше. Тогда бы девица пела у меня на дворе...» Обуреваемый сладостными надеждами, Насыр-ахун трудился в поте лица своего. Махалле не стоило большого труда вызнать о намерениях своего муллы. Об этом стало известно мастеру Мамазакиру. Он улыбнулся и подумал: «У меня одна дочь! Но если бы их было даже десять, я не пожалел бы отдать их всех за такого трудолюбивого и добронравного человека...»

Словом, через стариков махалли он дал согласие выдать свою дочь замуж за Насыра-ахуна, о чем те поспешили ему рассказать.

Все лето мулла Насыр-ахун ходил то в кишлак Кырк узнуть, как растет рис, то в кишлак Якка-мулла, где обрабатывал и поливал посевы. Однажды, когда он возвращался домой, около Чорсу путь ему преградили его знакомые.

— Где вы ходите, мулла-ака?— воскликнули они.— Ищем вас везде. Нет уголка, куда бы мы не заглянули.

— Идемте с нами. Тут наши собрались повеселиться,— поддержал его другой.

— Я очень устал, иду с поля, работал весь день. К тому же скоро наступит час третьей предзакатной молитвы. Я имам, меня ждут богомольцы в мечети.

— Далеко вам идти не придется. У Хасанбая на старости лет большая радость: родился сын! И вот по этому

случаю ремесленники махалли устраняют угощение. Не пойти вам никак нельзя.

— Тамбур у меня, в худжре. Петь без тамбура я не умею. Вы же обязательно заставите меня спеть что-нибудь. И я не удержусь, хоть мои старики богомольцы строго запретили мне петь в гостях.

— Все равно зайдите! Если даже петь не будете, так посидите с гостями!..

— Раз уж вам так хочется, ладно. Сейчас я схожу в мечеть и прочитаю третью молитву. Потом попрошу совершить четвертую вечернюю молитву без меня, а к хуфтану — к пятой молитве — я сам успею прийти.

Он так и сделал. Старики отпустили его до хуфтана, и он, прихватив маленький тамбур, пошел к Хасанбау, который на радостях устроил обильное угощение в своем саду для родичей и знакомых. Перед Насыром-ахуном расстелили особый дастархан, принесли миску с супом, положили еще теплые лепешки и поднесли ему полную пиалу молодого мусаласа. Насыр-ахун отлично знал запрет пить вино, но чтобы не обидеть счастливого отца, выпил весь мусалас до капли. Затем, засучив рукава, принялся за шурпу.

Едва убрали дастархан, Насыр-ахун не стал ждать, чтобы его упрашивали, а принялся настраивать тамбур. С большим подъемом он спел под свой аккомпанемент несколько макамов. Между тем ему опять преподнесли полную пиалу мусаласа, он осушил ее. Вино подействовало. Несколько молодых ремесленников, подхватив ахуна под руки, провели его по мостику, сделанному из жердочек, и, попрощавшись, вернулись в сад.

Чувствуя себя бодрым и свежим, Насыр-ахун поспешил в свою махаллю. Он торопился в мечеть к пятой молитве. Стараясь тверже держаться на ногах, он неестественно огромными шагами вошел в мечеть, где в ожидании его сидели на своих молитвенных ковриках верующие. При виде торопливо входящего имама прихожане благоговейно поднялись.

А старичок муэдзин, чтобы созвать тех, кто еще не пришел в мечеть, надтреснутым голосом еще раз протяжно провозгласил призыв: «Время молитвы!..»

Молча пройдя к возвышению, с которого читается молитва, — михрабу, — Насыр-ахун опустил на колени и попытался воздеть обе руки вверх, чтобы, согласно правилам, установленным для всех имамов, возгласить: «Об-

лоху акбар!»—«Аллах велик!...» В мечети воцарилась молитвенная тишина. Но...

Но мулла Насыр тщетно хотел поднять руки — мешал тамбур, спрятанный им в рукаве халата.

В раздражении он выхватил тамбур из рукава и с шумом приставил к нише михраба и лишь тогда протянул во всеуслышание: «Облоху акбар!..»

Коснувшись пола головой, застыл в такой позе.

А молящиеся ждали молитвы. Прошла минута-другая. Насыр-ахун не шевелился. Не поднимая головы, старники поглядывали исподтишка на своего пастыря, некоторые умилились:

«Какое благочестие! Наш имам дает нам понять, что надо глубоко почитать аллаха всемогущего». Но время шло, а Насыр-ахун оставался все в той же застывшей позе. И вдруг в мечети послышались странные звуки. Все подняли с испугом головы: мулла Насыр спал, похрапывая, и от михраба тянуло запахами вина.

Разгневанные прихожане не слишком бережно вытащили Насыра-ахуна из мечети и несколько раз окунули его в глубоком арыке. Затем принесли его в худжру и оставили мокрого, грязного на постели.

На следующий день богомольцы Тегирман-боши собрались в мечети и единогласно отстранили Насыра-ахуна от должности имама. На его место они подыскали другого домуллу и передали в распоряжение нового имама весь урожай пшеницы, кукурузы и риса, на выращивание которого потратил столько сил и времени наш певец.

Весть о неприятности Насыра-ахуна дошла до слуха ремесленников. Они подыскали для муллы Насыра худжру, принесли туда паласы, ковры и всякую утварь. После чего переселили туда своего любимца.

«Мы виноваты, что вас отстранили от должности настоятеля мечети Тоглик,— извинялись ремесленники.— С каким лицом мы будем смотреть на вас?!»

Беспечно махнув рукой, мулла Насыр ответил:

— Вы сами знаете, должность нужна была мне до поры до времени, пока я не женюсь. И вовсе я не обиделся, что меня выгнали! Я сам виноват с этим мусаласом! Обидно, что мой дехканский труд пропал. Пшеница, кукуруза, рис — все пошло прахом. А я так надеялся на урожай!.. Теперь все мои надежды обзавестись семьей лопнули!

После такой неудачи мулла Насыр решил развеяться и совершить вместе с Муками путешествие.

Слухи о поездке Мукими в Шахимардан быстро распространились по городу, привели в возбуждение любителей и знатоков поэзии. Оказалось много желающих ехать вместе с поэтом. Но Мукими согласился взять еще только книготорговца Сали Чакалака и певца Ахмедджана. Дададжан Ходжи и Насыр-ахун сказали, что поедут вместе с хаджи Ашрафом до Рашидана. Но Мукими заявил, что он охотнее остался бы в Рашидане, нежели поехал бы без этих интересных людей дальше в Шахимардан. Ибо для избранных ценителей искусства лучшим развлечением было чтение стихов знаменитых поэтов, слушание классических макамов, исполняемых певцами под аккомпанемент тамбура, игра в шахматы, состязания остроловов.

Наутро арбы двинулись из Замбар-Чорсу в путь.

До кишлака Ултарма лошади шли спокойно, ровным шагом. Потом пошли быстрее. Арба с молодежью шла сзади. Когда выехали на простор, молодые певцы запели песню. Настроение у Мукими было хорошее. Он то и дело оглядывался и посматривал на арбу, где с молодыми джигитами ехали его сын и племянник. Он смотрел на веселые, радостные лица ребят и не мог сдержать улыбки.

Ехали не спеша, ведя приятную беседу и слушая песни. В полдень арбы въехали в селение Багдад. Возчики остановились около чайхан, расположенных у линии железной дороги. После небольшого отдыха отправились дальше и вскоре проехали Рашидан. Миновав Алтыарык и Маргилан, возчики, по желанию друзей, остановились в Ермазаре.

Ермазар — благоустроенный кишлак, выросший на развалинах древнего города. По берегам говорливой речки, которая течет в сторону Маргилана, в тени деревьев были расположены чайханы, прекрасный приют для путешественников.

Едва наши путники слезли с арб, Атаджанбек, засучив рукава, стал готовить кайнатма — заварную шурпу.

Поев и отдохнув, Мукими с друзьями отправились дальше.

Вскоре начались прямые, ровные улицы города Скобелева, по обеим сторонам которых вытянулись в два-три ряда молодые чинары и развесистые тополя с густолиственной кроной. Миновав этот город, арбы выехали на степную дорогу, ведущую в кишлак Вуадиль. Арбакеши принялись нахлестывать лошадей нагайками, кинулись наперегонки, кто вскачь, кто галопом. То первая

арба, вырвавшись вперед, обгоняла вторую, то вторая, обойдя по обочине галопом, оставляла первую арбу позади.

Шум, грохот колес, крики, ржанье разгоряченных коней быстро утомили Мукими.

Но где же молодежь? Он растерянно смотрел на дорогу, стараясь увидеть арбу, на которой ехали его племянник и сын.

Когда они, наконец, приехали в кишлак Вуадиль, возчики выпрягли разгоряченных лошадей, покрыли их спины попонами и стали водить по улицам, чтобы они остыли после скачки. А усталые путешественники выбрали себе помещение для ночлега и, передохнув немного, отправились на берег реки. Шумный поток, тенистые берега им очень понравились. Они искупались, погуляли, хорошо отдохнули.

Кишлак Вуадиль, расположенный у подножья Шахимарданских гор на берегу горной речки, считается прекрасным местом отдыха на пути в Шахимардан. Едушие в Шахимардан обязательно отдыхают здесь обычно целый день. Все чайханы и почти все дома, где ютятся с семьями жители кишлака, всегда заняты путешественниками, торговцами и всяким проезжим людом. Ежедневно к вечеру кишлачный базарчик превращается в место своеобразного народного гуляния.

Из чайхан, из караван-сараяв — отовсюду несутся звонкие, веселые песни, исполняемые многими певцами. До рассвета не смолкает шум, говор, смех молодежи, на улицах раздаются звуки бубна, тамбура, дутара.

Проведя, как и его спутники, ночь без сна, Мукими утром вышел на берег речки и принялся записывать в тетрадь свои дорожные впечатления. Тем временем из-за высоких вершин гор выглянуло солнце и озарило верхушки тополей Вуадила. Заполнив две страницы тетради, Мукими вернулся в караван-сарай. Молодые люди спали вповалку. Атаджанбек был занят приготовлением рисового супа. А возчики усердно скребли скребницами своих лошадей.

Опустившись на циновку, постеленную на берегу речки, Мукими с удовольствием отхлебнул несколько глотков чая из пиалы, которую подал ему Атаджанбек, и спросил:

— Что означает слово «Вуадиль»?

— Вуадиль — чистое сердце. Кто бы ни был тот, кто дал это название кишлаку, надо сказать, что он придумал его очень удачно...

В этот момент подошел Мавлави Юлдаш с букетом пахучей мяты в руке и с полотенцем, перекинутым через плечо.

— Наша молодежь еще не доехала до Шахимардана, а уже получила столько удовольствия! — сказал он.

— А что будет, когда молодые приедут в Шахимардан! — воскликнул Мукими. — А обо мне и говорить нечего! Как прекрасна наша родина! Ездишь, ходишь и никогда не можешь наглядеться ее красотой.

Суп уже сварился. На берегу речки расстелили палас. Позавтракав, отправились в путь.

Арбу, на которой сидел Мукими, из уважения к нему пропустили вперед. А следом за ней двинулась вторая арба, и вскоре они углубились в ущелье. Гора, мимо которой проехали, носила название «Хур кызлар» — «Райские девы». С арб слышались возгласы: «Хур кызлар!» И как бы в ответ им по горам разнеслось эхо: «Ху!..»

Арбы тем временем свернули влево и поехали по деревянному мосту, висевшему над речкой. Путники даже зажмурили глаза, настолько этот мост всем показался опасным. Но все обошлось благополучно, арбы свернули направо и тихонько поехали вдоль берега шумной реки.

В Шахимардан они приехали вечером; народу было много. Под тенью величественных карагачей и развесистых тополей было особенно тесно. Всюду стояли арбы, лошади.

Нищенствующие дервиши в рубищах из разноцветной материи, с сосудами продолговатой формы на поясе для сбора подаяний, опираясь на суховатые посохи кизила, выстроившись в ряд, так причитали и зывали к богомольцам, что буквально всех оглушили. На каждом углу нищие с протянутыми руками кланчили, выпрашивая подаяние у прохожих.

Поэта будто кто-то цепкой пятерней схватил за горло. Потянув Атаджанбека за рукав, он отказался идти дальше, сказав сдавленным голосом:

— Поскорей найдите спокойное место, где можно свободно отдохнуть!

Пошли искать дом для ночлега. Трудный вопрос легко разрешился сам по себе. В одном из домов около большой дороги уже целую неделю жили знакомые маргиланцы, которые собирались в тот день уезжать домой. Услышав, что из Коканда приехал поэт Мукими, они хотели пригласить его к себе.

— Вы, кажется, сегодня хотите ехать в Маргилан? Было бы очень хорошо, если бы вы уступили свое помещение Мукими и его друзьям!

— Мы так и хотели сделать! — сказал один из маргиланцев. — Только с условием, чтобы поэт Мукими сегодня вечером был нашим гостем. А еще вот что надо сказать: хозяин нашего помещения — бывший шейх, очень привередливый человек. Поэтов он не любит.

Вечером за угощением поэт попросил одного из своих спутников сходить за 'джигитами, которые гуляли где-то внизу среди народа возле речки. За дастарханом исполнялись песни маргиланскими ремесленниками, кокандцами Азимджаном и Абдулладжаном-махзумом.

Торговцы уехали, и помещение опустело. Мукими и его друзья прошли в беседку, стоявшую около речки, и наслаждались там шумом и плеском бурного потока. Рано утром выехали в урочище Ердон-азиз. Здесь, недалеко от Шахимардана, в цветущей зеленой долине, раскинулся небольшой кишлак. Путники до позднего вечера гуляли там и к закату солнца вернулись в Шахимардан.

Утром следующего дня, по совету Атаджанбека, они решили позавтракать внизу, на берегу речки, около моста. Мукими, боявшийся опять попасть в сутолоку толпы паломников, все же на этот раз, чтобы угодить друзьям, отправился вместе с ними. Но сегодня народу было мало. Расположились у пенистого потока. В речку вливались с двух сторон притоки. С одного склона сбегала мутная вода, стекавшая со склонов гор, где таяли снега, а с другого вливалась чистая родниковая вода. Прозрачная вода на большом расстоянии не сливается с мутным потоком, и Мукими долго любовался красивым зрелищем.

После завтрака молодежь принялась готовиться в поход к озеру Кули-Куббон. Мукими боялся утомительного пути. Вместе с Мавлави он пошел по улице в сторону гор. Поднявшись повыше, они увидели кладбище, куда шли на поклонение толпы паломников.

Вдруг послышались шум и крик. Оказывается, в ханке, расположенной на этом кладбище, дервиши устроили раденье. Обезумевшие мюриды шейха носились по кругу, прыгали, рвали на себе воротники, с пеной у рта издавали дикие вопли и, дойдя до экстаза, падали без сознания на землю. В другой стороне паломники, простые люди, бросали на могилу серебряные монеты, вознося молитвы всевышнему о ниспослании им милости, просили осчастливить бездетных ребенком. Тут же шей-

хи в больших чалмах выкрикивали магические слова, заклинания, заговаривали.

Очень скоро терпение у Мукими лопнуло. Он посмотрел безмолвно на Мавлави и направился к выходу с кладбища. По дороге Мавлави Юлдаш, вспомнив одну сатирическую газель Алишера Навои о шейхах, стал потихонку ее напевать:

В ханаке в кругу раденья шум и гам поднял ты, шейх,
Только время дорогое у людей отнял ты, шейх.

Услышав это, Мукими, не задумываясь, продолжил бессмертную газель Навои:

Были то силки с приманкой, чтоб приворожить народ,
Всюду с четками раденья, всюду колдовал ты, шейх.

Так по пути в караван-сарай они вспомнили всю газель про шейхов и бейт за бейтом пропели ее до конца.

Войдя в помещение, Мукими бессильно опустился на курпачу, а Мавлави вышел во двор, чтобы развести в очаге огонь и вскипятить чай. Возясь около очага, он все еще бормотал что-то про шейхов. Мукими тогда сказал громко, чтобы услышал Мавлави:

— Если бы не прогулка наших джигитов на озеро Кули-Куббон, я уже отправился бы в обратный путь.

— Придется подождать их!

— Конечно! Впервые в жизни мой сын свободно взмахнул крыльями, а вместе с ним и я сам словно парю в вышине. Но нам надо возвращаться не позднее завтрашнего дня. В Рашидане нас с нетерпением ждут друзья. Вы должны показать им свое искусство игры в шахматы, а Атаджанбек — свое поварское искусство. Я хочу, чтобы вы сразились с Севарханом-турой! Там будет и хаджи Ашраф.

Порывшись в хурджуне, Мавлави вытащил две черствые сдобные лепешки, затем кандалят — белые шарики, изготовленные из муки, сахара и масла, начиненные абрикосовыми ядрышками, и другие сласти. Все это он положил на дастархан.

— Хаджи Ашрафу, — продолжал Мукими, — дано право выезжать из города только раз в год не более чем на месяц, и этот месяц он ежегодно проводит в Рашидане в период созревания дынь. Вы же сами сказали мне об этом. А вы знаете, насколько интересна беседа с таким

человеком. По словам муллы Ахмеда, человек, который удостоился беседы с доктором Ашрафом, готов за один этот день отдать целый год своей скучной, безрадостной жизни.

Мавлави Юлдаш принес чайник и пиалы. Повернувшись к речке, он долго всматривался в противоположный берег, а затем сказал:

— Садоводы Шахимардана сбивают созревший урюк. А сейчас август. Выходит, урюк здесь поспевает на два месяца позднее, чем у нас! Надо бы достать где-нибудь хоть небольшое блюдо спелого урюка.

— Если удастся, то завтра в Рашидане полакомимся урюком. Ни в одном саду мира нет такого урюка, какой созревает в садах Рашидана. Я говорю о самых лучших сортах урюка — «муллагадой» и «мирсанджами».

После чая Мавлави Юлдаш уснул. А Мукими смотрел на речку и горные склоны. Его взгляд следил за козочкой, которая бродила с двумя козлятами по склону горы и щипала травку. Козлятки прыгали на склоне и незаметно себя очутили на краю обрыва. Встревоженная коза, почуввав опасность, перестала жевать и поспешила к своим козлятам. Она стала вертеться вокруг них, бодала их, чтобы отогнать от обрыва...

Незаметно Мукими уснул.

На следующий день ждали друзей, ушедших на озеро Кули-Куббон, зная, что они вернутся усталые и голодные. Поджарив лук, морковь, мясо, они положили рис, налили воды. Все в котле перекипело, плов закрыли, поставили преть, друзья все еще возились около очага.

И тут во двор с шумом, со словами приветствий ворвались сначала Рузимухаммед, Мухаммед Акрам и Акбарходжа, затем, бренча на тамбуре, уста Азимджан. Остальные подходили по улице с песней «Куча богы». У всех в руках были букеты цветов, кизилловые палочки, которые они нарезали в зарослях.

Увидев плов в котле, Атаджанбек облегченно вздохнул.

Прогулка прошла весело, но дорога туда очень трудная. По узким и горным тропинкам еле-еле проходил осел. Мукими был рад, что не пошел с молодежью.

Наутро пустились в обратный путь. Отдохнувшие за три дня лошади рванулись вперед и так стремительно, будто соскучились по кокандской белой кукурузе.

Вскоре прекрасный Шахимардан, расположенный у подножия высоких гор, остался позади. Арбы

проехали опасный мост и покатались по дороге в кишлак Вуадиль. На арбах не смолкали веселые песни. В кишлаке Вуадиль позавтракали и оттуда двинулись дальше.

В Алтыарыке далеко за полдень остановились отдохнуть и покормить лошадей. Мукими обратился к друзьям и попросил их выслушать его:

— Мы, то есть Мавлави, Атаджанбек и ваш покорный слуга, останемся неподалеку от Рашидана в кишлаке Туда. Вы же поезжайте в Коканд. Пока мы не вернемся, вам, Эгамберды, придется позаботиться о Рузи-мухаммеде.

Эгамберды сказал, что он с удовольствием выполнит возложенную на него обязанность. Долго ехали через степь. Наконец начались плодородные земли кишлака Туда. По обочинам дороги в мелких арычках торопливо бежала мутная вода. Арбы покатались мимо домов, на крышах которых громоздились огромные стога соломы гузапан — сухих стеблей хлопчатника, потом свернули к базарчику, где росли развесистые талы и джидовые деревья.

Арба Мукими остановилась около низенькой мастерской веретенщика. Поэт высунул голову из-под тента и спросил:

— Далеко ли до усадьбы Севархана-туры?..

Веретенщик, сидевший на крыше своей мастерской и прибавивший доску, прыгнул на землю и сказал:

— Пожалуйте! Слезайте! Вот здесь их усадьба! Сынишка Севархана-туры со вчерашнего дня сидит у ворот, поджидает вас.

Не успели еще Мукими, Мавлави Юлдаш и Атаджанбек слезть с арбы, как из усадьбы выбежал мальчик с кошичкой на голове, спускавшейся до шен. Вслед за ним вышел человек средних лет в рубахе из плотной маты, очень похожий на муллу. Он приветливо поздоровался с гостями, которые уже слезли с арбы. Это был слуга Севархана-туры Бутабай. Бывалый и много повидавший на своем веку слуга сразу заметил, что остальные путники не слезают и, значит, хотят уехать в Коканд. Он взял лошадь второй арбы под уздцы и сказал:

— Поворачивайте арбу, заезжайте в усадьбу, вы все должны быть гостями. Такой наказ дал мне мой господин. Он велел нам караулить вас, сидеть у дороги! Если вы не зайдете в дом, мой таксыр обидится на вас.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ШУМНЫЕ ДНИ

Погостив у Севархана, Мукими и его друзья решили возвращаться в Коканд.

По дороге они оживленно беседовали. Речь шла о судьбе муллы Насыра-ахуна. Ему уже перевалило за сорок, но он все еще не имел своего пристанища и жил как бездомный сирота.

— Завтра же, и не позднее, мы пойдем в Тоглик к мастеру Мамазакиру сватать его дочь за муллу Насыра,— вдруг решительно заявил Мукими.— Как только получим согласие отца, начнем ломать голову, где и как достать денег на свадьбу.

— Прежде чем устраивать свадьбу, надо подумать насчет жилья! — возразил кто-то.

— И в самом деле, у бедняги нет даже крыши над головой! Это дело трудное! Если бы найти где-нибудь небольшой дворик, брошенный хозяином. Ремесленники устроили бы хошар, слепили бы комнату и прихожую!..

— В махалле Тоглик брошенных, бесхозяйных развалюх сколько угодно!.. Этим делом займусь я сам!.. Найти деньги на свадьбу гораздо труднее!..— сказал Атаджанбек.

Горькая усмешка покривила губы Мукими:

— Я напишу стихотворение и пойду собирать по теньге среди друзей! Да буду подставлять полу халата и наберу полную! Вот вам и польза от возвышенного искусства поэзии.

Днем арба въехала в Коканд. Атаджанбек и Мавлави Юлдаш слезли по пути. Когда арба, наконец, остановилась в махалле Беквачча у медресе Хазрат, сидевший на берегу хауза Исмаил Гариби подбежал к арбе и поддерживал под руку Мукими, слезавшего по спицам колеса.

— Как прошло ваше путешествие? Ребята хорошо погуляли?

— Спасибо! Наша прогулка была удачной. Ну а ребята хорошо доехали?

— Приехали веселые, довольные. Вчера отправились в Каратепа к вашему приятелю Закирхадже на праздник урожая. Дыни поспели! Погуляют, полакомятся и сегодня к вечеру собирались приехать назад.

Движением головы Мукими указал на арбу, а сам пошел к себе.

А на арбе лежал мешок с дынями и стояла плетенная из прутьев корзина с виноградом. Все это дали друзья в подарок поэту. Гариби и Бутабай перенесли груз в худжру. Мукими отобрал две дыни и велел отнести в дом к Мавлави Юлдашу, дыню и поднос с виноградом — к Знеде-биби. Выбрав еще две дыни, сказал Гариби:

— Отдохну немного и схожу навестить бедняжку поэтессу. Снесу ей дыни и немного винограда. Абдулла все еще не вернулся из Каримдевана?

Лицо у Гариби вдруг скривилось, и слезы подступили к горлу. Молча уставился он в землю.

— Почему вы не отвечаете? — с удивлением повернулся к нему Мукими. — Что случилось?..

— Хорошо, что Абдулла не вернулся! Когда он уезжал, он так торопился, что не оставил нам ни гроша.

— Вот тебе и на!.. Получается, что вы здесь голодали?..

— Я не голодал... Выходил каждый день на базар, работал грузчиком. А вы думаете, я из-за этого обиделся?

— Извините меня. Я думал только о том, как бы лучше отдохнуть, а про вас совсем забыл. Вы можете за то ругать меня. Полное имеете на это право! Значит, и Кытмир у вас тоже голодал?..

— Кытмир околел!

— Что?!

— Кончился мой Кытмир... Есть тут у мингбаши один стражник, служит у него на побегушках. Вот он скакал верхом на лошади по улице. А Кытмир караулил дом, сидел на крыше. Не выдержал, прыгнул и цапнул его зубами, крепко укусил... Стражник застрелил бедного Кытмира. Из револьвера...

— Жалко, жалко! Знаю — собаки грызутся, дерутся. Часто те, что посильнее, убивают ту, что послабее. Но чтобы собака застрелила другую собаку, об этом я слышу впервые...

Сказал все это Мукими печальным тоном, вполне серьезно и так горестно вздохнул, что Гариби не выдержал и засмеялся. Мукими почувствовал облегчение и улыбнулся.

— Не горюйте, поклонник собак! — утешал поэт. — Мы ходим по городу, поищем и найдем еще не одного Кытмира. Вставайте! Сбегайте на базар и принесите лепешек, и чтоб были они пышные, с пухлыми краями. Пока вы ходите, я порежу дыню.

Взяв у Мукими серебряную теньгу, Гариби отправился на базар. Выбирая дыню, Мукими окидывал взглядом

худжру: котел опрокинут, в чайнике на доньшке грязноватый настой, на подносе ни крошки. В худжре душно, пахнет сыростью.

Покачав головой, Мукими разрезал дыню на дольки, нарезал ее мелкими ломтиками. Вскоре вернулся Гариби с лепешками под мышкой.

Вдвоем они съели дыню. Позавтракав, Мукими прилег на постель и задумался. Скоро надо провожать Рузимухаммеда в Москву. Заранее следует купить все, что нужно на дорогу, и подарки приемным родителям. Самому Ерзину хорошо бы купить халат, тубетейку. Его жене — черного атласа на платье. Остальные деньги не забыть вернуть племяннику перед отъездом.

— Кажется, арба наломала вам бока. Утомились вы за дорогу, — сказал Гариби. — Дайте-ка я разомну вам малость спину.

— Спасибо. На арбе было хорошо: постелили много соломы, а сверху еще постлали курпачей. Мы ехали отлично. Вы идите, сходите по делам, я тем временем навещу Анбар-атын. Молодежь приедет, конечно, попозже. Придется варить плов.

Прихватив две дыни, Мукими пошел к дому Анбар-атын. Когда он поступал кольцом в калитку, сынишки Анбар-атын выбежали один за другим из комнаты и приветливо поздоровались с гостем. Взяв из рук Мукими дыни, они убежали. Спустя минуту они вернулись и повели Мукими в дом. Анбар-атын сидела в постели. Приложив к груди свои худые, прозрачные руки, она склонила голову.

— Ассалам алейкум, уважаемый учитель!..

— Ваалейкум ассалам!..

— Пожалуйте!

Опустив голову, Мукими сказал:

— Не смог я выполнить обещание навестить вас. Ко мне приехал из Москвы племянник Рузимухаммед, и я уезжал вместе с ним в Шахимардан.

— Слышала я об этом, хоть и лежу без движения. Бесконечно рада за вас. Вы вправе, учитель, гордиться племянником, который воспитывался в Москве.

— Племянник у меня заслуживает доброго слова...

— Я слышала, что вы хорошо съездили в Шахимардан, и рада за вас. Говорят, что Шахимардан живописное место с чистым горным воздухом и прозрачной ледяной водой.

— Вы правы. Однако меня огорчило то, что там свили гнездо жадные шейхи. Они грабят, обирают народ!

Мальчики постелили дастархан, принесли лепешки, чай. Мукими спросил:

— Должно быть, вы уже сочинили немало новых стихов?..

— В этом ведь я только и нахожу утешение. Ими только и живу!..

— А вот ваш покорный слуга, к сожалению, уже не тот, что был. У меня нет прежней смелости. Очень мало пишу!

— Не говорите так, учитель! Чем меньше перл, тем выше его ценность. А что такое ваши газели? Разве каждая ваша строфа не духовная пища для народа?..

— Увы, это не совсем так. Если можно, удовлетворите желание моего сердца, доставьте мне наслаждение вашими остроумными философскими произведениями, ибо я однажды послушал их и до сих пор ощущаю изящный вкус и сладость этих стихов.

Пошарив рукой под подушкой, Анбар-атын извлекла тетрадь и подала ее Мукими.

— Ваша оценка вызывает у меня еще большее желание писать.

— Вот это то, что я желаю...

Мукими стал перелистывать тетрадку. Внимательно пробегая глазами каждую страницу, с лаской и жалостью поглядывал на поэтессу.

Прижав обе руки к сердцу и опустив голову, Анбар-атын с волнением ждала его оценки.

— Прекрасно! — воскликнул Мукими. — Ваши бунтарские строки разят беспощадно насильников и притеснителей. Вы так смело разоблачаете их подлые замыслы!

— Остаток моей короткой жизни требует, чтобы я написала именно об этом. Пусть народ узнает про черные дела своих мучителей!

— Такая смелая поэтесса, как вы, не станет горевать, что жизнь коротка. Жизнь поэтессы, которая пишет такие строки, вовсе не коротка, а вечна! Ваши редкостные жемчужины бесценны. — Помолчав, поэт добавил: — Если можно, Анбар-атын, разрешите мне идти. Беседу мы еще продолжим. А сейчас я спешу к себе.

— Учитель, вы оказали мне великую честь. Но у меня к вам убедительная просьба: господин Мукими, пишите! И как можно больше! Ради тысяч обиженных женщин, томящихся в темных, развалившихся лачугах. Пишите ради любящих правду, ради жаждущих увидеть

свет зари. Пишите побольше! Пишите ради простых людей, стонущих в ярме тяжелого труда, ради голодных и нагих. Ради них пишите побольше, учитель!...

— О да! Требование ваше справедливо. Пусть будет так!

Распрощавшись с Анбар-атын, поэт вышел во двор. В глубоком раздумье направился он в сторону махалли Беквачча.

Подойдя к худжре, он увидел в приоткрытую дверь молодых людей, вернувшихся с праздника урожая. Рузимухаммед прищивал пуговицу к своему студенческому мундиру, затем, побрызгав водой, стал разглаживать потные брюки. Войдя на цыпочках в прихожую, Мукими повесил халат на колышек. Но юноши заметили поэта, выскочили из худжры и поочередно обняли.

— Ну, как съездили?— спросил Мукими.— Закирджан угощал вас дынями?

— Объелись! Объелись! И дынь, и винограда! А еще каким нас супом из цыплят угощали! А шавля с фасолью! Нас дядя Закирджан закормил. Да, кстати, он завтра приедет сюда сам.

Мукими остался доволен видом молодых людей. Рузимухаммед загорел, поправился. Семидневное путешествие прекрасно подействовало и на Акбарходжу. Он пополнил, на лице его появился румянец.

Вскоре ребята ушли в Шалдырамок за Мухаммедом Акрамом.

— Пригласите и Эгамберды,— предложил Мукими.

Рузимухаммед осторожно постелил разглаженные брюки под тюфяк и, сделав знак Акбарходже, сказал:

— Пошли!

Мукими прилег на тюфяк, под которым лежали брюки.

Гариби не преминул удивиться:

— Э! Ведь под тюфяком, на котором вы лежите, Рузимухаммед постелил брюки!

Мукими усмехнулся:

— Для того-то, чтоб их разгладить, и нужна тяжесть! А вы и не догадались. Эту хитрость придумал наш дорогой племянник. Ловко!

— Уж какая там в вас тяжесть!

— Но я же не воробей!

— Я хочу сказать, что вы безгрешный человек, а в безгрешном нет и золотника весу. Или вы потяжелели на десять батманов за последние дни от добрых дел, тогда другое дело.

— Какие уж там у меня добрые дела!

— Вот вы навестили калеку, беспомощную поэтессу. Побеспокоились о ее здоровье. Тем самым вы совершили доброе дело, огромное, как гора!

— Хорошо, что эта огромная гора добрых дел не придавила меня самого своей тяжестью!

Полежав немного, Мукимин почувствовал некоторое облегчение, поясницу уже не ломало от усталости. Тогда он занялся своими рукописями. На память ему пришло стихотворение в несколько бейтов, и он решил его записать, чтобы не забыть.

Но закончить его он не смог, громко воскликнув:

— А какой конец, не помню!

И тут он увидел цирюльника Ковула, который, почтительно сложив руки на груди, стоял у порога.

— А! Салам! Это вы?! — воскликнул поэт. — Заходите!

Опустившись на колени около самой двери, цирюльник сказал:

— Я услышал от Гариби, что вы приехали. Дай, думаю, зайду.

— Если бы вы не пришли, все равно завтра утром я заявился бы к вам. И хоть вы и пришли ко мне, я все же пойду к вам. В Шахмардане вашего покорного слугу повели к парикмахеру, а на деле оказалось, что это был не брадобрей, а стригаль, которому нельзя доверить стрижку верблюда. Когда он брил меня, слезы катились из моих глаз. И я вспомнил вас и упрекал себя, что не взял вас с собой в путешествие... Как ваши дела?

— И не спрашивайте, Мукимин... Одноглазый Ашурбай обозлился на меня... Хочет со света сжить! В Коканде не осталось ни одной канцелярии, где бы мне не учиняли допроса. Вот привязался, окаянный!

В Коканде, близ хлебного базара, где пекари продавали лепешки, проживал богач, слепой на один глаз, по имени Ашурбай-хаджи. Он владел землями, мельницами, крупорушками, лавками. Права он был необузданного и блудливого. Как-то в прошлом году, возвращаясь подвыпившим в полночь из гостей, залез в дом своего соседа, ночного сторожа, и намеревался изнасиловать его молоденькую жену, которая давно уже ему приглянулась. Он полагал, что сторож охраняет лавки на базаре, что жена его одна. Пробравшись по крыше, он спустился во двор. Но сторож оказался дома. Он схватил бая и выволок на улицу. На крики сбежались пекари, жившие в

этой махалле. Всю ночь до утра издевались над пакостником. Шуму наделали столько, что весь город проснулся.

Еще до рассвета мингбаши поспешил к себе в канцелярию. Смотрит, а виновник скандала не кто иной, как его компаньон Ашурбай. При всем народе пришлось отчитать Ашурбая, пригрозить ему. Но пословица гласит: «Султан не позволит позорить свою кость». Мингбаши увел Ашурбая подальше от разъяренных горожан, устроил для него в своей михманхане небольшое угощение и отпустил домой. Пекари пошли с обиженным мужем в медресе Хазрат к Мукими пожаловаться на беззаконие. Тогда-то Мукими и написал знаменитую свою сатиру на Ашурбая и через Гариби распространил во многих списках по городу. Эта сатира не минула и мастерской брадобрея мастера Ковула.

Один из горожан, зашедший в цирюльню побрить бороду, услышал сатиру из уст мастера Ковула и рассказал о сатире Ашурбаю. Тот не стерпел и пришел к Ковулу якобы за тем, чтобы побриться, а сам обратился к Ковулу с вопросом:

— На кого Мукими написал сатиру? Кого он высмеивает? Вы не знаете?

Накинув платок на шею баю, уста Ковул смочил ему щетину, усердно растер череп и принялся брить. И только тогда заговорил:

— Извините. Я не расслышал. Вы, кажется, спросили, кого Мукими высмеял в своих сатирах?

— Да, я хотел это узнать.

— Говорят, что больше всего Мукими высмеивает бесстыжих, нечестных людей...

— Ну, а какие сатиры известны вам лично?

— Точнее?.. Ну, вот я знаю немного сатиру, которую он написал про одного бая по имени Ашурбай. Ее я знаю даже наизусть. Правда, не всю, а только часть. Соболаговолите послушать, я могу прочесть...

— Сейчас нет надобности! — разозлился бай. — Лучше вы перепишите стихи и своей подписью подтвердите, что эта сатира принадлежит Мукими... Я даже уплачу вам за эту услугу!

Помахав бритвой перед самыми глазами Ашурбая, цирюльник засмеялся:

— Неграмотный я человек и, может, выучил наизусть стишки неправильно. Почитаю вам, что знаю, а вы уж послушайте и скажите, правильно ли написано.

— Чего вы болтаете? Что я должен подтверждать?
— То событие, которое произошло ночью... Слушайте!

Во весь голос Ковул начал декламировать:

Мы удивительный народ! Событья дней —
Новинки редкие, одна другой чудней.
Про Ашурбая вы послушайте рассказ.
По всей он Фергане прославился, ей-ей...
Из дома сторожа в полночной тишине
Разнесся всюду страшный крик:
«Вай дод! Эй! Эй!..»

— Хватит! — воскликнул Ашурбай.

— Ой, ой! Не дергайтесь, голубчик! Или бритва затупилась. Потерпите! Сейчас начнется самое интересное:

От шума, криков вся проснулась махалля.
Народ — и стар и млад — столпился у дверей.
Ворвались в дом узнать, что это там за крик...¹

— Вай дод! Как мне избавиться от этого зла?! — вскричал Ашурбай. — Или уйти отсюда небритым?!

— Послушайте! Не вертите головой... Я прочту вам самое лучшее место в сатире. Эти слова так приятно ласкают слух. Тут раскрыты все байские проделки!

Со злостью Ашурбай вскочил, сбросил на пол платок, укрывавший ему шею, напялил чалму на недобритую намыленную голову и побежал из мастерской в канцелярию мингбашни.

Рассказ Ковула развеселил поэта. Он начал успокаивать друга:

— Не бойтесь! Всю вину сваливайте на вашего покорного слугу. Занимайтесь своим делом, уста! Эта сатира не клевета, а правда!

— Я многодетный человек. Брею людей и на заработанное кормлю шесть ртов. Еле-еле свожу концы! Бюсь, как бы не случилось чего-нибудь.

Мукими покачал головой.

— Мы еще напишем что-нибудь новенькое! Мы защищаем ни в чем не повинных бедняжек, которые в полночь издают страшные вопли и рвут на себе волосы, на-

¹ Перевод С. Паластрова.

пуганные взбесившимися Ашурбаями. Ради этих невинных женщин во весь голос читайте сатирические стихи. Вот об этом я и прошу вас!

Они оба многозначительно взглянули друг на друга и засмеялись.

— Если вас вызовут еще раз в канцелярию мингбаши или к судье,— добавил Мукими,— забегите ко мне, я пойду вместе с вами.

— Я боюсь, что они и вас могут обидеть!

— Кто боится воробьев, тот не сеет проса.

— Разрешите мне идти! Дверь цирюльни я оставил открытой. Приду вечером или завтра и тогда послушаю новые сатиры.

— Хорошо!

После ухода Ковула в худжру заглянул Гариби: глаза его многозначительно поблескивали из-за большущей охапки хвороста, которую он нес в медресе.

— Сейчас на берегу хауза вас спрашивал сам Миён Сотыболдыхан. Он разговаривает с одним человеком. Сейчас Миён Сотыболдыхан изволит пожаловать к вам.

Мукими поспешил встать с постели. Попросив Гариби положить поверх тюфяка новую курпачу, он поспешил навстречу другу. Миён Сотыболдыхан, шедший уже по крытому проходу в медресе, увидев Мукими, обнял его. Они поздоровались и прошли в худжру.

Недавно тесть Миёна Сотыболдыхана, главный мударрис медресе Хазрат Зуфар-махзум, вызвал Мукими и заявил ему о своем недовольстве. Упрекнул поэта за то, что он позволяет своему племяннику Рузимухаммеду приходить в медресе в русской одежде.

— Я налагаю запрет на посещение кяфиром священной обители,— раздраженно сказал Зуфар-махзум.

Об этом неприятном разговоре Мукими рассказал Миёну, и тот добился разрешения Рузимухаммеду ходить в медресе, но... в халате и тюбетейке. Поэт обиделся и после этого избегал Миёна.

Сейчас, войдя в худжру, Миён Сотыболдыхан стал расспрашивать Мукими о здоровье и делах. Затем он попросил извинения у Мукими за обиду, которую причинил ему Зуфар-махзум, и пригласил дядю и племянника к себе в гости.

— Я слышал, что Рузимухаммед уезжает. Это правда?— спросил Миён.

— Правда. Он должен выехать дня через три. Он едва успевает вернуться в Москву к началу занятий. Мы

поэтому лишены возможности принять ваше приглашение. Прошу считать это уважительной причиной. Быть может, в будущем году Рузимухаммеду предоставится возможность остановиться не в медресе, а в другом месте.

— Я вовсе и не представлял, что вы можете так обидеться!

— Если господин Зуфар-махзум скажет, что ты, мол, сам не имеешь права жить в медресе, потому что твой племянник учится в Москве, и потребует, чтобы я выехал из худжры, я могу уйти жить в свою старую лачугу, где я родился и вырос, или перейти к Гариби и жить вместе с ним в его курятнике.

Миён даже изменился в лице:

— У вас раньше не было привычки обижать друга, который соскучился и пришел навестить вас,— сказал Миён с жалкой улыбкой.

Мукими молча сел рядом с Миёном. После минутного молчания Миён, взглянув на Гариби, который, разинув рот, с шумовкой в руках стоял около очага, сказал:

— Готовьте! Готовьте, друг! Я проголодался!

Гариби посмотрел на Мукими, как бы спрашивая, что хочет сказать Миён. Воспользовавшись моментом, Мукими не удержался, чтобы слегка не задеть друга:

— Вы, Гариби, удивляетесь тому, что наш дорогой гость Миён говорит: «Я проголодался!» А вы не удивляетесь! Господин Миён просто посмеивается над вами.

Хихикнув, Гариби налил воды в котел, в котором уже с шумом, треском поджарилось мясо с луком и морковью, затем, повернувшись к Миёну, заметил:

— Раз, таксыр, соизволили удостоить нас своим посещением, пожалуйста, просим! Всегда рады видеть вас. Я поспешу отдать себя в залог ростовщику и хоть горсточку риса куплю, а все же сготовлю для вас плов. А то вы совсем забыли нас.

— Вот так-так! Еще не поспел плов, а вы оба угощаете меня одними упреками? Да, я действительно давно не был у вас, но это потому, что я ездил в Наманган. Ваш друг Ишан-бабахан Нодим передал вам низкий поклон. Я был у него в гостях, ночевал. В будущем месяце Нодим женит сына. Он намерен приехать сюда и лично пригласить вас и меня на свадьбу.

— Желаю Нодиму доброго здоровья! — сказал Мукими.— Я приму его приглашение. В тот вечер, когда я был у него в гостях, в михманхану были приглашены

старые и молодые певцы и музыканты. С удовольствием я послушал свойственные Намангану макамы. Декламация стихов тоже прошла очень хорошо. Особенно я был доволен некоторыми наманганскими молодыми поэтами. Если удастся, я, конечно, поеду вместе с вами, Гариби.

Натянутость, вызванная взаимными упреками, исчезла, и, как позже сказал Гариби, солнце искренней, бескорыстной дружбы озарило худжру. На душе сделалось светло и радостно. После плова Миён сказал:

— А сейчас разрешите мне идти. Завтра вы, Мукими, сами приведете Рузимухаммеда ко мне! За Мавлави я пошлю человека. Может быть, пригласить еще кого-нибудь, решайте...

— Я бы пригласил, если это не создаст для вас неудобства, Мухаммеджана из махалли Шахрисабз, а тамбур мы здесь достанем. Я слышал, что он сочинил прекрасные мелодии на мои газели.

— Великолепно! Послушаем с большим удовольствием!

Мукими проводил Миёна до главного входа в медресе и повеселевший вернулся в худжру. Пока не стемнело, он беседовал с ребятами. Затем он дал Акбарходже миску плова и велел отнести бабушке Зиёде-биби. Оставшись вдвоем с Рузимухаммедом, Мукими стал советовать насчет предстоящего отъезда в Москву. На другой день утром они пошли к Абидджану-агляму и купили у него в лавке отрезы шелковых тканей для подарков. А вечером отправились в гости к Миёну Сотыболдыхану.

Через день Мукими проводил племянника в дальний путь. Поэт вернулся в худжру и увидел там спавшего муллу Абдуллу. На колышке висел ватный стеганный халат, в прихожей стоял хурджун с овощами и рисом. Поэт недоумевал. Он вышел на цыпочках из худжры и столкнулся с Гариби, который держал под мышкой лепешки.

— Когда приехал Абдулла? — спросил Мукими.

— Очень он сконфужен. Бойтся вам на глаза попасть, — ответил Гариби. — Он боится, что вы рассердитесь на него. Ему нездоровится. Он совсем обессилел. Из Каримдевоны всю дорогу шел пешком и принес на себе столько груза: чтобы не прийти в худжру с пустыми руками, он две недели работал мардикером и кое-что запас.

Стараясь скрыть свое дурное настроение, Мукими посмотрел на вскочившего с постели Абдуллу.

— А я все беспокоился, почему вас так долго нет,— сказал Мукими.— Думал, уж не заболели ли вы? Ну, как там, все живы-здоровы? Как чувствует себя ваша матушка?

— Она прислала вам большой привет.

С этими словами Абдулла снял с колышка халат и, взяв его двумя руками, преподнес Мукими.

— Вам подарок. Сама своими руками сшила и выстегала!

У Мукими потемнело в глазах. Он и не заметил, что мулла Абдулла накинул ему халат на плечи, и, зажмурившись, долго стоял не двигаясь. На глазах его выступили слезы и медленно скатились по щекам и бороде.

Гариби и Абдулла безмолвно смотрели на поэта.

В худжре царила тишина. Наконец Мукими печально проговорил:

— Даже в таком далеком заброшенном кишлаке, несчастном Каримдевоне, бедная старушка проявляет заботы о несчастном Мукими. Почему я создан таким неспособным, неумелым, беспомощным!

Мукими вытер рукавом рубахи слезы. Подхватив последние слова, поэт Гариби в тон ему сказал:

— Позвольте мне присоединиться к вашей мысли. Если бы мы не были такими неспособными, разве умудрились бы мы родиться в такой несуразный век?

У всех на лицах невольно появились улыбки. Гариби вытер полой летнего халата пот, выступивший на лбу, и, запинаясь, продолжал:

— Зная, что меня ждут одни беды и неприятности, я упирался обеими ногами, но стоны и вопли бедняжки матери заставили меня уступить и появиться на свет...

Тут даже Мукими засмеялся, что случалось с ним в последнее время редко.

— Значит,— сказал он,— Гариби от рода такой отзывчивый и сердобольный. Вот оно что!

— Разве дело в отзывчивости и сердобольности?!— воскликнул Гариби.

— Мы, увы, еще зелены, незрелы. А почему? Да потому, что умелые и умные не рождаются так сразу, а выжидают, когда настанет подходящее для удачной судьбы время.

— Это,— сказал поэт,— поистине любопытная мысль, даже философская. Клянусь, ни один стихотворец до сих пор не высказывал подобное, да и не мог высказать. Значит, вы, Гариби,— философ и мудрец.

Почтительно Гариби вскочил и прижал руки к животу. — С давних пор Миён оказывает мне помощь и поддержку. Он моя надежная опора. Он позволил мне жить в этой худжре, хотя к медресе Хазрат я не имею никакого отношения. Благодаря его заботам и заботам друзей, мы никогда не были голодными, никогда не ходили голыми. Но почему так создан мир? Почему? Я ездил в Шахимардан и видел шейхов. В кишлаке Туда был в гостях у важных чиновников и баев. И шейхи и бан ведут царскую жизнь. На них трудятся сотни, тысячи тружеников. Чтобы далеко не ходить, мы можем и у нас в медресе Хазрат найти таких людей, которые устроили себе роскошную жизнь. Такие, как Мухи, ходят разодетые в шелковые халаты, полученные в подарок от богачей. А Мукими носит простой грубый халат, сшитый на деньги, полученные за кислое и пресное молоко старушкой, проживающей в далеком кишлаке Каримдевона. Гариби работает грузчиком. На теньгу, полученную за свой тяжелый труд, он покупает мне лепешки, халву. Мулла Абдулла работает в кишлаке мардикером на полях богачей. На заработанные деньги приобретает и тащит мне рис, морковь, лук. А я то благодарю всех, то гневаюсь, то смеюсь, то плачу. Смеюсь я открыто, но плачу тайком. Про эту тайну вы еще не знаете, мои дорогие! Об этом-то я и хочу вам сказать. Дорогие мои друзья, вы во всем выказываете мне свою преданность, всегда со мной. Вместе ютимся мы здесь, в темной худжре. Я благодарен вам за все. Но часто на душе у меня печаль. Я не доволен тем, что вы ради меня отказались от всех человеческих радостей и удовольствий, вся ваша жизнь проходит без отдыха, без наслаждений. Я благодарен за то, что удостоился уважения простых людей, что в их домах для меня всегда готово почетное место. Но я не могу отблагодарить этих людей за их уважение и преданность! Я насмехаюсь, когда слышу, как лицемерные хаджи мухи, зиевхан-тура хазини в своих напыщенных стихах восхваляют баев, богатых мулл, ишанов и казиев, когда вижу, что они готовы променять свою веру, свою совесть на шелковые халаты. Но мне хочется рыдать и стонать, когда я вижу, что многие несравненные талантливые поэты, певцы и музыканты ведут нищенскую жизнь, ютятся в темных закоулках, спят на грубых циновках, сплетенных из прутьев. Когда я, сидя на берегу Сырдарьи, поделился этими мыслями со старым капитаном, он сказал мне так: «Вот поэтому вы и радость свою, и смех, и печаль, и рыдания —

все отображаете на бумаге в стихах. Сами себе двигаете памятник в этих строфах. Когда-нибудь настанет радостный день, и этот памятник заговорит. Он обо всем расскажет хозяевам нового мира».

За вечерним чаепитием Мукими рассказал Гариби и Абдулле о своих планах. С утра он опять будет ходить к каллиграфу Мухаммеду Юсуфхану. На то, что он зарабатывает, они будут жить в хужре до весны. Стихи, которые были написаны до сих пор, он приведет в порядок, составит сборник, пополнит его новыми газелями, мухам-масами и сатирами. Весной вместе с Мавлави Юлдашем поедет в Ташкент. Там встретится с муллой Каримджаном Ками и другими поэтами. И с их помощью напечатает сборник своих стихов. Если ташкентские друзья не будут его выпроваживать, он проживет там около года. Когда напечатают сборник и он получит деньги, то отправит их на имя Эгамберды для Акбарходжи и для Гариби и муллы Абдуллы.

— На деньги, которые будут заработаны в течение зимы за каллиграфические работы, мы купим для всех троих ичиги с кожаными калошами, одежду, сделаем запас риса.

Гариби поблагодарил Мукими. Поэт по-прежнему с серьезным видом смотрел на Гариби и Абдуллу и продолжал уже другим тоном:

— Я говорю от полноты чувств, от искренней любви к вам. И думаю, что вы впредь не захотите ставить меня в неудобное положение, не заставите меня стыдиться и найдете себе работу полегче, займетесь, друзья, каким-нибудь ремеслом. Придется вам когда-нибудь жить без меня. Тогда у вас всегда будет возможность зарабатывать себе на пропитание. Не подумайте, что я говорю об этом, чтобы вы тоже отдавали свой заработок в общий котел! Нет! Котел будет кипеть по-прежнему, но не за ваш счет!

После непродолжительного молчания Гариби, лукаво взглянув на Мукими, сказал:

— Я нашел уже себе дело, но все стеснялся сказать вам об этом.

— Чего стесняться? Разве можно считать зазорным какое-нибудь ремесло?

— Ремесло-то хорошее, только название уж больно неприятное...

— Удивительно.

— Қори из махалли Шайхон, который обмывает по-

койников, уже сколько раз говорил мне: «Иди, говорит, ко мне в ученики!» А у меня все язык не поворачивался сказать вам об этом, и я каждый раз все придумывал отговорки.

— Вот это да! Ай да молодец! Очень привлекательная профессия! И в самом деле, хлебная профессия! Ведь обмыватель трупов необходим всем: и шаху, и нищему! Но имейте в виду: пока у меня не закроются глаза, я не желаю даже слышать об этом. Ибо стихи, которые я пишу,— это песни жизни! Если дело примет такой оборот, то вам придется жить в одной худжре с Хазини, потому что он в стихах воспеваает потусторонний мир, конец света, страх перед смертью и всякие ужасы!..

Абдулла, наливавший чай, посмотрел исподлобья на сжавшегося, притихшего Гариби и начал издавать странные звуки: он давился от смеха. Мукими тоже рассмеялся. Гариби вздохнул с облегчением. Абдулла встал и пошел мыть котел и прочую посуду, а Гариби начал разминать Мукими спину.

— Пропади пропадом мое несчастье,— говорил он,— ведь если бы я занялся каллиграфией, я давно уже имел бы на хлеб.

— Конечно, поэт должен писать красиво, каллиграфически,— сказал Мукими.— Вы давно охаете и стенаете, все жалуетесь на свой плохой почерк и каждый раз даете обещание исправить его и назавтра забываете об этом.

— Много наслушался я всяких разговоров!

— Вам неприятно слушать? Я вам мешаю? Если я причинил вам неприятность, тогда бросьте, не массируйте мне спину.

— Никакой неприятности не было. Я все проглотил, как масло. Все уже вошло в плоть и кровь.

— Значит, пойдете в ученики к гассолу¹, а?

— Это ремесло не хуже, чем сочинение нелепых, бессмысленных стихов. Раз уж я не умею писать стихи, которые кому-нибудь понравились бы...

— Зачем вы так себя унижаете? Вы выше, чем многие из тех, кто сами себя хвалят везде и всюду. Ведь говорят же, что среди песен, которые поют известные молодые певцы, уважаемый учитель, именно ваши газели очень нравятся народу!

— От кого вы это слышали?

¹ Гассол — обмыватель покойников.

— Только вчера мне хвалили ваши газели.
— Почему вы, большой мастер читать мои стихи, никому не показываете своих.
— Вы будете слушать?
— Да, конечно!
Гариби стал читать по памяти свою газель:

О любимая, в жажде свиданья с тобой,—
«Хоть приснись!»— я загадываю перед сном.

Коль предстала б глазам — я бы разум вернул,
Удостоенный чести с тобой быть вдвоем.

Соловью не подобны — ни ворон, ни суч.
Что отшельник перед тем, кто любовью влеком!

Ради бранных достатков обид не чини:
В мире верности нет, в этом каменном, злом!

Мне веселый певец вдруг наваял слова:
«Человечным будь с другом, будь сильным с врагом!»

Не успел он дочитать газель до конца, как Мукими задремал.

У Гариби пропало желание читать дальше. Он тихонько поднялся с места и многозначительно посмотрел на Абдуллу.

— Видите,— шепнул Гариби,— он упрекнул меня, что я не дал прочесть свое стихотворение, а когда я начал читать... Вы послушайте, как храпит этот поэт под декламацию стихов. Эх, жаль, что я читал! Все пошло прахом!

Утром следующего дня Мавлави Юлдаш и Атаджанбек пришли за Мукими. Все вместе пошли на Тогликский базарчик к мастеру Мамазакиру сватать его дочь.

Уста Мамазакир усадил дорогих гостей на почетное место и, как пишут в своих газелях старинные поэты, «кружился вокруг них, словно бабочка». Видно было, что душа его переполнилась радостью. Гости вели с хозяином оживленную беседу. За дастарханом Мавлави Юлдаш перешел к делу.

— Не обессудьте, уважаемый уста Мамазакир,— сказал он солидно,— если мы доложим вам, что пришли сватать вашу дочь за муллу Насыра-ахуна.

Торопливо Мамазакир вскочил с места, отвесил гостям низкий поклон и поблагодарил за высокую честь.

— Давно уже в беседах с друзьями из нашей махаллы я высказывал мысль, что такой брак был бы приятен моему сердцу. Я не возражал не потому, что мулла Насыр-ахун занимал пост имама, а потому, что он хороший человек — раз, хороший мастер — два, певец — три, музыкант — четыре. Я готов устроить свадьбу. Но должен сообщить вам, что взять зятя в дом, увы, не могу: у меня нет лишней комнаты. Я многолетний ремесленник. Если у муллы Насыра хватит сил построить хоть небольшой домик, я бы помог ему.

Сваты переглянулись. Атаджанбек сразу догадался, что хотят сказать ему друзья, и воскликнул:

— За месяц мы построим отличную михманхану с прихожей!

Уста Мамазакир, выйдя на минутку, вернулся, неся поднос с поясными платками и несколькими тюбетейками. И как Муками ни отказывался, надел ему на голову тюбетейку и подпоясал его платком. То же самое он проделал и со всеми гостями. Он поздравил их с невестой, а они поздравили мастера с женихом...

Жизнь Муками опять вошла в обычную спокойную колею. Днем он работал переписчиком, вечером писал стихи.

Однажды вечером в худжру заглянул уста Ковул. По лицу его было видно, что он чем-то расстроен. Вытащив из поясного платка сложенный вчетверо лист бумаги, он безмолвно протянул его Муками. Это было назидательное стихотворение, сочиненное Хаджи Мухи, в котором он, обращаясь к Ковулу, поучал мастера:

Я дам наставленье, чтоб ты не забыл, брадобрей.
Эй, друг нечестивцев и рвани, Ковул-брадобрей,
Безбожник, развратник, растративший пыл, брадобрей,
Наставлю тебя, чтоб разумней ты был, брадобрей,
Чтоб впредь с Муками ты бесед не водил, брадобрей.

А если ты станешь водиться опять с Муками,
И если слугой не пойдешь за святыми людьми,
И если гуляк будешь тешить, хваля их умы,
И если останешься верен исчадию тьмы —
То знай: свое горе ты сам сотворил, брадобрей!

Цирюльня твоя — лишь притон оскверненных людей,
Бездельник с гулякой торчат у тебя что ни день,
За ними — распутник с глупцом поспешают везде.
А ты с Мукими? Да дурней вас не сыщешь нигде!
И речь у обоих — что яда бутылъ, брадобрей!

Просматривая этот мухаммас, Мукими вдруг почувствовал сильное раздражение, руки у него задрожали, в глазах потемнело. Попросив мастера Ковула посидеть немного, Мукими отправился к Миёну Сотыболдыхану. Миён был дома.

— Извините, что я навестил вас в неурочный час. Я пришел к вам с просьбой. Один ни в чем не повинный бедняга сейчас ждет меня в худжре. И я надеюсь, что вы, прочитав эту бумагу, напичканную оскорблениями, завтра утром пойдете к святейшему Ишанхану. Вы прочтете ему эти грязные строки и попросите от имени оскорбленных бедняков, униженных и обездоленных людей, а также и от моего имени, так как и меня тоже оскорбляют, чтобы немедленно посадили на цепь взбесившихся собак, которые свободно бегают по городу!

Сказав все это срывающимся голосом, Мукими выбежал на улицу и поспешил к себе в медресе.

Ничего не поняв, Миён в недоумении смотрел ему вслед. Зайдя к себе в михманхану, он прочитал вирши Мухи.

— Дурак!.. — пробормотал Миён. Он не мог ждать завтрашнего дня и тотчас же отправился к Ишанхану.

Получивший после смерти своего отца звание духовного наставника, старший брат Миёна, святейший Ишанхан, только что вернулся после пятой вечерней молитвы и сидел один в своей михманхане, перебирая четки.

Войдя в михманхану, Миён приветствовал брата:

— Ассалам алейкум!

— Ваалейкум ассалам! Пожалуйте!..

Миён, опустившись на колени, поцеловал руку Ишанхану. Глаза у Миёна блестели, он дрожал. Заметив, что брат в возбужденном состоянии, Ишанхан с тревогой спросил:

— Что-нибудь случилось, Миён?

Достав из кармана лист бумаги, Миён прочел стихи вслух, а затем передал просьбу Мукими.

Надо сказать, что Ишанхан весьма равнодушно выслушал все, начиная от мухаммаса Мухи и кончая просьбой Мукими. Но, чтоб успокоить брата, решил слегка поругать Мухи:

— Посмотрите только! Видный мударрис! Преподаватель медресе, занимающий высокий пост! И вдруг вздумал вступать в спор с какими-то парикмахерами! Если бы он написал это про Мукими, ну тогда можно было бы подумать, что Мухи начинает тяжбу с Мукими из-за должности попечителя имущества медресе!

— И в мыслях Мукими не собирался на должность попечителя!

— А Мухи постоянно жалуется мне, что Мукими хочет отобрать у него эту должность.

— Клевета! Мукими, если даже его будут упрашивать, ни за что не согласится принять пост попечителя имущества!

— А чего же тогда Мухи тягается с Мукими?

— Он ненавидит Мукими. Завидует его таланту. Вот почему он везде и всюду принижает, умаляет достоинство Мукими, охаивает его стихи. Даже в цирюльника, который декламирует по памяти стихи Мукими, этот скорпион воизлил свое жало!

Чтобы утишить немного гнев распалившегося Миёна, Ишанхан взял лист бумаги с пасквилом Мухи, свернул его и положил под подушку.

— Когда мне иные говорили о недостойных поступках господина Мухи, я просто не верил!

Миён встал:

— Заявляю вам: я никак не могу согласиться, чтобы этот негодяй оставался на посту попечителя имущества в нашем священном медресе Хазрат!

Поправив чалму дрожащими руками, он попросался и поспешил домой.

Утром, когда Мукими переписывал бумаги в худжере каллиграфа Мухаммеда Юсуфхана, в дверь просунул голову запыхавшийся Гариб.

— Цирюльники со всего города,— зашептал он,— пришли к вашей худжере. Я попросил их подождать, а сам побежал сказать вам! Сегодня ночью мингбаши послал стражников в дом парикмахера Ковула. Они схватили его прямо в постели и отвели в тюрьму.

— Сейчас!

Поспешно накинув халат, Мукими вместе с цирюльниками и пекарями отправился в канцелярию мингбаши. Здесь они застали мингбаши, пившего чай в обществе Мухи. Когда толпа во главе с Мукими ворвалась во двор, перепуганный мингбаши вскочил и бросился к двери, вед-

ший во внутренние покои. Мухи замер с пнялой в руке и лишь открывал и закрывал безмолвно рот.

— Пожалуйте, заходите, господин Мукими,— проговорил мингбаши не слишком уверенно.— В чем дело? Чем могу служить?

— Вчера один ни в чем не повинный человек был арестован... по вашему приказанию.

Мингбаши, несколько успокаиваясь, сказал:

— Господин Мухаммед Аминходжа, разве вы не могли прийти сами, без толпы... Мы тогда спокойно выслушали бы вашу жалобу.

Мукими дрожал от ярости:

— Эти люди пришли к вам с просьбой освободить мастера Ковула и меня пригласили пойти вместе с ними просить... нет, требовать, чтобы несправедливость была исправлена.

— И это вместо того, чтобы поблагодарить нас за то, что мы не забрали в тюрьму вас вместе с этим бунтарем-парикмахером, а?.. Но с каким же лицом, господин Мукими, вы приходите сюда просить за преступника, виновного в распространении злостных пасквилей на лучших людей города Коканда, на баев и улемов!.. И тем более удивителен ваш поступок, что вы знаете, кто писал гнусные стихи.

— Писал их я. А раз это так, то почему вы арестовали не меня, а мастера Ковула?

— Я полагал, что Акджар был для вас хорошим уроком. А вы продолжаете гневить меня.

— Вы гордитесь своим гневом, а я горжусь своей сатирой.

— Чересчур уж вольно вы себя держите, господин поэт.

— А что? По-вашему, мне следует походить на господина попечителя имущества, который восседает на почетном месте в вашей михманхане и пишет хвалебные касыды о вашем гневе?..

— Вот если бы все поэты были похожи на уважаемого Мухи, никому не причиняли бы обид и огорчений. И никого не надо было бы сажать в тюрьму. Мухи вполне достоин уважения, и все достопочтенные люди его уважают. Но давайте короче! Вашего парикмахера я не могу освободить!

Народ поднял шум и двинулся к крыльцу. Мингбаши попятился. Городовые выбежали вперед.

Из-за спины мингбаши выглянул Мухи, лицемерно улыбаясь. С деланным удивлением воскликнул:

— О-о! Господин Мухаммед Аминходжа, почтенный поэт Муками среди черни?

Но как ни старался Мухи скрыть испуг, голос у него дрожал.

Муками гневно сказал:

— Вот теперь, господин Мухи, вы своими глазами видите, что я всегда среди людей... среди народа...

Видимо, мингбаши захотелось понздеваться над Муками, и он ухмыльнулся:

— Уж раз он их поэт, то, конечно, будет среди них! Во главе них и пришел сюда защищать злоязычного болтуна парикмахера! И в самом деле, господин Муками виноват в том, что мастер попал в тюрьму!..

Мухи прикинулся, что ничего не знает.

— Я слышал, что из-за этого клеветника Ковула достопочтенный Ашурбай и пройти по улице спокойно не может. Подумайте: человек немного выпил, растерялся, ночью не мог попасть к себе домой и по ошибке спутал ворота, вошел к соседу во двор. Так из-за этого столько шума, разговоров!

При этих словах Муками рассмеялся:

— Если бы это сделал простой человек, что бы с ним сделали? В муку бы смололи... на жерновах... Но дело в том, что сторож никогда в жизни не поступал так безобразно, как этот насильник Ашурбай, вместилище непристойностей.

— У нас нет времени скандалить с вами, господин Муками! — проскрипел Хаджи Мухи.

— Господин мингбаши, освободите мастера Ковула! Он многодетный человек, один работник на всю семью.

Эти слова Муками повторили в один голос все ремесленники. Видя, что от народа никак не отделаешься, хитрец Мухи стал юлить:

— О господин мингбаши, только в ваших силах судить справедливо! Поэтому и я, ваш покорный слуга, тоже прошу вас: простите все прегрешения этому многодетному парикмахеру, освободите его. Но поэт Муками здесь, перед всем народом должен дать подписку, что он больше никогда ни на кого не будет писать сатиры. А я как свидетель заверю его подписью, после чего подписка будет передана высшему начальству. И на этом дело будет кончено. Правильно? Муками?

Муками усмехнулся:

— Вот теперь-то вы как раз и подошли к самой сути, господин Мухи! Вы хотите, чтобы вас называли

«королем поэтов»! Оставьте эту затею! Продолжайте сочинять свои хвалебные касыды. А мне доставляет удовольствие сочинение сатир.

Взбешенный мингбаши ушел в михманхану. Следом за ним засеменял Мухи. В дверях он оглянулся и, посмотрев на Мукими, с притворной озабоченностью попытался его утешить:

— Мы это так не оставим. Парикмахера освободим во что бы то ни стало. Уж так и быть, попрошу мингбаши.

Прошло много времени. Толпа нетерпеливо ждала. Вдруг дверь распахнулась и на террасу вышел писарь мингбаши и огласил приказ об освобождении Ковула. Городовой вывел бледного, обросшего цирюльника из чулана и оставил посредине двора. Друзья взяли его под руки и повели к выходу. Писарь крикнул:

— Стойте! Пока еще нет разрешения уходить! Сначала он должен дать подписку.

С бумагой и чернильницей писарь спустился по ступенькам крыльца и с угрозой сказал:

— Пусть он своей рукой напишет подписку на имя начальника царской канцелярии, что впредь не будет собирать народ в своей парикмахерской и читать сатиры!

— Среди нас,— сказал один из цирюльников,— нет ни одного грамотного человека! Все мы кое-как умеем только припечатывать большой палец к бумаге!

Совершенно спокойно Мукими предложил писарю:

— Я напишу, и пусть мастер приложит палец.

Писарь протянул ручку и бумагу. Присев на ступеньку, Мукими быстро заполнил бумагу. Писарь, пробежав глазами написанное, поднял бумагу мастеру Ковулу. Парикмахер намазал чернилами дрожащий большой палец правой руки и приложил его к бумаге под текстом подписки следующего содержания:

«Я, парикмахер уста Ковул, сын уста Камила, даю настоящую подписку начальнику царской канцелярии в том, что впредь не буду собирать людей и читать им сатиры в своей цирюльне».

По дороге домой Мукими, стараясь ободрить мастера Ковула, говорил ему:

— В подписке сказано — «в своей цирюльне». Значит, в других местах вы можете, если хотите, устраивать чтение сатир.

Прошло еще несколько дней.

Как говорится, отказ от привычки — невозможная вещь. Уста Ковул каждый вечер устраивал чтение сатир в других местах, большей частью среди ремесленников.

Но разве только цирюльники или пекари любили стихи Мукими. И грузчик, сгибавшийся под тяжелым тюком, и сапожник, сучивший дратву, и пекарь, выпекавший лепешки в тандыре, и пахарь, погонявший волов, и возчик, усевшийся боком в седле, опершись ногами в оглобли арбы,— все пели на тот или иной мотив газели поэта.

Но сатиры, написанные Мукими, распространял среди народа только один цирюльник Ковул, доставляя всем большое удовольствие во время отдыха.

...Едва вспыхнет заря на востоке, а смотришь, солнце клонится к закату. Дни шли за днями. Иногда на смену хорошему настроению откуда ни возьмись вдруг нахлынут мрачные мысли, душу охватит невыразимая тоска, а потом вдруг в двери худжры опять постучится радость. Прошли жаркие летние дни, прошла и теплая осень. Приближалась зима. Опять по улицам Коканда заметался яростный ветер, принялся стучать и хлопать калитками, дверями, бесцеремонно врываясь во дворы и дома.

В такие ветреные холодные дни Мукими после работы у каллиграфа, кое-как добравшись до медресе Хазрат, подсаживался к жаркому сандалу. Несмотря на усталость, поэт старался говорить ласково со своими бедными учениками, которые вдвоем, сварив что-нибудь на ужин, сидели в ожидании его. Он вел с ними долгие беседы, чтобы разогнать гнетущую тоску.

Однажды в один из таких вечеров в худжру вошел дрожавший от холода мулла Абдулла с керосиновым бидончиком в руках. Уши его были завязаны бельбагом. Перешагнув порог, он взволнованно спросил:

— Наш учитель уже уснул! Гости идут!..

Не успел он присесть, как в худжру вошли Сали Чакалак и седой человек с густыми белыми бровями, свисавшими на глаза. Гости приветствовали присутствовавших. Старик был старый юзбаша — сотник из кишлака Бачкыр, известный устроитель «гапов».

— Меня все подмывала моя старая глупая бестактность. Вы уж извините, так уж мне хотелось повидать вас и я решился побеспокоить вас в столь неурочный час,— сказал юзбаша после поклонов и приветствий,—

такой уж я несообразительный, невоспитанный, забочусь лишь, чтобы доставить наслаждение себе. Захотелось мне отвести душу. Даже не посмотрел, что сегодня сильный ветер, пустился в путь. В душе моей одно желание — увидеться с вами. Так и потянуло меня к вам... Тут уж никакая буря не может быть преградой!..

— Почаще появлялось бы у вас такое желание! Надо, чтобы человек всегда чувствовал, что его тянет к друзьям. Нет-нет да и посидели бы с нами вечером и получили бы удовольствие от интересной беседы.

— Расскажу вам сначала о причине, которая заставила меня приехать. А другие разговоры позже. Дома у меня есть отборные хлопковые семена, семена лучших сортов дынь. Так старуха моя ухитрилась достать еще и льняного семени. И вот когда я давил масло на маслобойке, невольно вспомнил про вас: «Э,— подумал я,— если бы Мукими приехал к нам, развел бы я вечером огонь в очаге и на этом преотличном масле приготовил бы плов!..» Хранил я масло целый месяц, а вы все не едете! Вчера сын пошел на охоту. Смотрю — идет назад, а сбоку у него болтаются четыре утки. Ну, я положил их в хурджун, поставил кувшин с льняным маслом, которое берег для вас, и отправился в путь. Я мог бы сказать об этом и потом, в ходе беседы, но ведь прежде всего надо готовить плов!.. Гораздо приятнее вести беседу в ожидании плова.

Сали Чакалак вышел в переднюю и принес оттуда узкогорлый кувшин, отверстие которого было заткнуто тряпкой, уток и узел, в котором были завязаны рис, морковь, лук. Абдулле казалось, что в хурджу внесли целый хурджун удовольствий, наслаждений и радостей.

— Давно я уже не смеялся! — заметил Мукими.— Кажется, будто волна смеха смысла горе и печаль, скопившиеся на сердце! Игра слов, остроумные шутки полезны для здоровья человека. Остроумная шутка хорошо воздействует на развитие разума.

В этот вечер Мукими получил большое удовольствие и был очень весел совсем не потому, что неожиданно изготовили плов на льняном масле из уток юзбаши. И вовсе не из-за того, что целый час друзья смешили всех остроумными шутками. Нет, его обрадовало совсем другое — то, что среди простых людей сохранилось сочувствие и любовь к людям.

Кишлачный житель, седобородый старец, зная, что поэт живет в городе очень бедно, ютится в худжре при медресе, решил проведать его, привез ему в подарок очень редкостную для него вещь — льняное масло и дичь, справился о здоровье, о житье-бытье. Вот эта теплота чувств радовала поэта.

После плова Муками угостил своего гостя чаем, и юзбаши уехал в свой кишлак. Не успел Муками написать задуманный ранее мухаммас, как пришел слуга от святейшего Ишанхана.

— Святейший соизволили справляться о вас...

Никогда еще святейший не интересовался поэтом Муками. Поэтому приход его слуги вызвал в нем тревогу и сомнения.

Но когда Муками, мучимый тревогой и сомнениями, поспешил к нему в резиденцию, святейший принял его хорошо. Был приготовлен дастархан, подано угощение. Расспросив Муками о здоровье и о делах, Ишанхан сказал:

— Хаджи Мухи освобожден от должности попечителя имущества медресе. На этот пост мы хотели определить вас, Аминходжа.

Муками растерянно молчал.

— Хаджи Мухи,— продолжал святейший,— постоянно злословил, чтобы посеять между нами неприязнь, а я, ваш покорный слуга, верил ему. Я видеть вас не хотел и был против того, что вы живете в медресе. Выяснив, что Мухи стремился запачкать ваше имя, я счел необходимым пригласить вас к себе. Думаю, что вы примете пост попечителя имущества медресе.

Муками поднялся и поблагодарил святейшего.

Но он выразил благодарность не за то, что ему был предложен пост попечителя имущества, а за то, что Хаджи Мухи был удален с этой должности.

На самом деле святейший Ишанхан хотел передать наблюдение за всем имуществом медресе своему младшему брату Миёну Сотыболдыхану, но тот отказался и предложил на эту должность поэта. Вот чем объяснялось предложение Ишанхана. Святейший прекрасно понимал, что Муками ни за что не согласится стать попечителем имущества. Бессребренник, поэт никогда не гнался за наживой и не помышлял о том, чтобы разбогатеть за счет вакуфа.

Муками попросил извинения, что не может принять должность, и ушел. Он был рад случившемуся, но пло-

хо верил в то, что Мухи так легко уберется из медресе.

В последующие дни Мукими с интересом приглядывался и прислушивался, что делается во дворе медресе. И в самом деле, лишившийся большого дохода, Хаджи Мухи и не подумал оставить худжру, а принялся строить козни против святейшего Ишанхана. Собрав вокруг себя единомышленников из тех, кто был тоже недоволен святейшим, он уговорил их написать на имя градоначальника жалобу.

«Отец святейшего приехал из Индии в Коканд,— было написано в ней.— Он был духовным наставником Худоярхана. Сейчас Худоярхана нет, в стране власть великого русского царя. А на земле, которую хан подарил своему духовному наставнику, сейчас хозяйничают его потомки. Они живут в свое удовольствие. А разве подобает им властвовать в наше время, как они властвовали прежде?»

В то время, когда Медынский пригласил к себе святейшего Ишанхана и Миёна Сотыболдыхана, в Коканд приехал поэт Нодим, чтобы пригласить Мукими и других друзей на свадьбу.

Нодим был талантливым поэтом, получившим известность в Намангане. Известен он был в Намангане и как справедливый судья.

Услышав о том, что к Мукими приехал Нодим, в медресе Хазрат пришли Мавлави Юлдаш, Убайдулла Завки, Усманходжа Зори и другие. Поэтическое соревнование продолжалось до полуночи.

Через два дня Мукими, Завки, Мухаммеджан «Макайлик» и Гариби сели на крытую арбу и, следуя за арбой Нодима, отправились в Наманган.

К вечеру арбы добрались до полуразрушенных, запустелых кишлаков Кичик Бешсерка, Катта Бешсерка, расположенных среди камышей в пойме реки Сырдарьи. Здесь с давних пор осели каракалпаки. В летнее время жители плели из камыша берданы — грубые циновки, ловили в озерах рыбу, жарили ее и продавали на базарах в окрестных кишлаках. Помимо рыбной ловли они занимались также охотой.

Когда путники проезжали через каракалпакские кишлаки, огромные волкодавы выбегали из дворов и бросались на лошадей. Мукими рассказывал друзьям про эти места:

— В летние дни по дорогам, которые проходят через эти камыши, невозможно ехать спокойно: тучи кома-

ров палатают со всех сторон и безжалостно жалят путников. Но сейчас поздняя осень, камыши уже сжаты. Небольшие озерки и лужи, оставшиеся после половодья, пересохли, комаров нет.

Арбы запрыгали по ветхой плотине «Мусульманкула», сооруженной когда-то на древнем канале. Путники со страхом поглядывали на рытвины и провалы в плотине и облегченно вздохнули, когда арбы миновали ее и поехали к развалинам кишлака Момохан.

В те времена поблизости от него имелась паромная переправа. Подъехав к развалинам Момохана, возчики остановились. Все слезли с арб, решив здесь пообедать. Затем, переправившись через реку и поехав вдоль берега, продолжали путь среди холмов до Чуста и Туракурмана. В Наманган въехали, когда совсем стемнело и муэдзины призывали мусульман к пятой молитве.

— Дорожные муки — муки ада, — ворчал Гариби. — Мне не верится, что мы... в Намангане. Трясучая арба сильно измотала меня за эти два дня.

Для дорогих гостей была отведена отличная михманхана. Завки, Мухаммеджан, Гариби в Намангане были впервые. Днем они пошли осмотреть город. Хотя стояла поздняя осень, городской базар удивлял обилием фруктов, будто там была устроена выставка лучших плодов мира.

Наманган, окруженный горами и холмами, славится своими садами. По обеим сторонам улиц растут высокие деревья, в арыках весело журчит вода. Город утопает в зелени. Народ здесь простодушный, приветливый в обращении, занимается садоводством и ремеслами.

Как раз в те дни разнеслась приятная весть о том, что между Кокандом и Наманганом будет построена железная дорога. Местные бан, торговавшие хлопком, устроили сбор денег торговцев и промышленников, обратились также за денежной помощью к московским фабрикантам. Нужны были большие капиталы для того, чтобы соорудить мост через реку, прорезать холмистую степь полотном железной дороги.

Город быстро расширялся, прокладывались новые улицы. По двум сторонам этих улиц русские капиталисты строили для себя роскошные особняки. А фанатики-ишаны — ханаки для моления, чтобы обманывать и обирать простых людей. Там устраивались радения. Дервиши бесновались, бегая по кругу, издавали дикие вопли, своими криками и гамом надоедали людям, вызывая чувство отвращения.

Три дня ходили по городу гости-кокандцы. Возвращаясь в михманхану, они делились с Мукими своими впечатлениями.

А Мукими не отходил от Нодима. Чтобы доставить удовольствие гостеприимному хозяину, он должен был, сложив руки на груди, почтительно приветствовать знакомых и незнакомых гостей, занимать их разговорами. Все это очень утомляло Мукими. Поздно вечером, ложась спать, он говорил друзьям:

— Ну что это такое! Скорее бы кончилась свадьба... Уехать бы отсюда!.. Конечно, нельзя ответить неблагодарностью за гостеприимство, за почет и уважение! Но для меня моя худжра гораздо лучше и приятнее...

Не утерпев, Гариби вставил свое слово:

— Я уже привык к здешней жизни! Во рту одна сласть от жирной вкусной пищи! Что я буду делать, когда приеду в Коканд, в худжре? У нас там и приемы гостей бедняцкие, и угощение мелкое. А порой даже и того нет...

Посмотрев в открытую дверь на двор, Мукими зажал ему рот ладонью.

— Тише!.. Не срамите нас! Хорошо, что во дворе никого нет! А вы сами виноваты! Разве перевелись на свете баи да толстосумы? Подыщите кого-нибудь побогаче меня и идите к нему в подхалимы!.. Ну и человек вы!

— Извините, мулла-ака! Я увидел богатство вашего друга Нодима, и мне завидно.

— Когда из зависти у человека возникает желание добиться лучшего, склонность достичь чего-либо, интерес к чему-либо, это хорошо! Но когда человек завистливый, завидующий с жадностью смотрит на чужое добро, это уж плохо! Стоит позавидовать богатству Нодима. Но мы-то приехали к нему на свадьбу не потому, что он богат. Мы приехали почтить его поэтическое мастерство, которое повысило его достоинства во много раз больше, чем все его богатства. А теперь советую вам немножко вздремнуть. Да и мне спать хочется. Сегодня вечером должны прийти гости. Нодим пригласил старых и молодых поэтов Намангана...

Через час их пригласили в большую михманхану. Дастархан был обильно уставлен всевозможными яствами, сладями и фруктами. Вокруг уселись поэты, певцы и музыканты. Вечер песен и поэзии, устроенный в честь кокандских гостей, продолжался до полуночи.

На другой день состоялось свадебное торжество, а

еще через день — проведена церемония бракосочетания. Затем Нодим пригласил фотографа. Мукими усадили в середину. Некоторые из духовных лиц, выразив сожаление, отошли в сторону. Потом они говорили, что их взгляды не позволяют им сниматься вместе с таким безбожником, как Мукими...

Свадебные празднества кончились. В последний день многим гостям, в том числе и Мукими, Завки, Мухаммеджану, были преподнесены в подарок халаты. Возчик уже впряг лошадь в арбу. В полдень Мукими и его друзья, распрощавшись с наманганскими друзьями, двинулись в обратный путь.

Гариби, который раньше не выезжал за пределы Коканда, был в восторге от Намангана. Пока ехали до Коканда, он несколько раз повторил:

— Поехать бы нам туда летом!

Мукими пообещал будущим летом повезти Гариби в Наманган и обратился к Завки:

— Кажется, вчера ваше внимание привлек подросток, читавший стихотворения? Он сидел среди молодежи около дверей.

— Мне удалось даже поговорить с ним, когда все вышли во двор. Его зовут Мухаммед Шариф, сам он из города Чуста, а пишет под именем Суфизаде.

— В Суфизаде я подметил пылкость, пламенность речи, которая свойственна поэзии бессмертного Машраба. По словам поэта Нодима, наманганские фанатики не терпят ни его стихи, ни его самого. Кто еще из молодых поэтов понравился вам?

С усмешкой Убайдулла Завки ответил:

— В свадебной михманхане поближе к почетному месту сидел хорошо одетый красивый юноша. Он читал вслух свои стихи. Говорят, этот поэт из высших кругов — гордость Намангана.

— Прекрасно! Честь и хвала ему! Мое мнение о стихах этого молодого поэта точно такое же, как и ваше. Его имя Файзихан, псевдоним Файзи. Он до смерти любит поэзию, с большим удовольствием и много читает. Говорят, что, несмотря на молодость, он учится в Коканде в медресе Хан. Я предложил ему приходить ко мне и читать свои стихи.

Повернувшись лицом к сидевшему сбоку и внимательно слушавшему Мухаммеджану, Мукими сказал:

— Расскажите-ка нам, а что вы думаете о старых и молодых.

Мухаммеджан растерянно посмотрел на всех и спросил:

— Ну, что я могу думать?.. Не послушать ли нам сначала вас?..

Простой ремесленник, прекрасный сочинитель мелодий, Мухаммеджан известен был своей скромностью. Мукими улыбнулся.

— Говорите!

— Я очень обрадовался, что Наманган очень богат музыкантами, певцами, сочинителями мелодий. Много хороших, приятных голосов! Я уже не говорю про старых певцов, которые поют макамы. Скажу про молодых. Вот, например, пел здоровенный парень, ремесленник-гребенщик. Мне очень понравились и голос его и манера пения. Особенно хорошо он пел мелодию «Каландар» на вашу газель, а также на газели уважаемого Закирджана да еще макамы.

— Как зовут этого парня? — спросил Убайдулла Завки.

— Его имя Абдулла Файзулла-оглы, он по профессии гребенщик. Наманганские знатоки дали ему прозвище Абдулла Тарок¹, что значит Гребенщик.

Мукими засмеялся и похлопал по плечу Мухаммеджана.

— Это необычайно высокая оценка певцам и музыкантам Намангана, данная от чистого сердца! Хотя фанатики устраивают радения, все же Наманган — это богатый источник, где встречаются всякие диковинки, достойные подробного описания.

Переpravившись через Сырдарью, путники стали приближаться к каракалпакским кишлакам. Гариби обратился к Мукими с просьбой:

— Скажите возчику, пусть он немного попридержит лошадь, когда будем проезжать кишлак.

— Если бы вы попросили скорее гнать лошадь, другое дело. Вы забыли, какие здесь собаки?.. Каждая ростом с двухгодовалого ишака!

— Я вовсе не забыл об этом. Мне щенка бы от этих собак...

¹ Т а р о к — гребень. Позднее Абдулла Тарок уехал в город Ош и за свое высокое мастерство был удостоен звания народного певца Киргизии. В годы Великой Отечественной войны он переехал в Ташкент, получил звание народного певца УзССР. Он скончался в 1944 г., когда ему было 75 лет.

— Так бы и сказали, господин поклонник собак! А я-то и забыл, что перед вами в долгу. Верно, я обещал помочь вам достать щенка.

Проехали по улице Бешсерка тихим шагом и остановились, но чтобы слезть с арбы, нечего было и думать. Бешсеркенцы сбежались и окружили арбу. Они внимательно выслушали Мукими, который обратился к ним с просьбой достать щенка. Жители принесли головастого щенка с отрубленными ушами и хвостом. Щенка звали Коплон — Барс. Мать щенка, распластавшись около арбы, положила голову между передними лапами и, уставившись на арбу пристальным жалобным взглядом, не моргая и не издавая ни единого звука, тоскливо смотрела, что люди будут делать с ее детенышем.

Несмотря на протесты хозяина собаки, Мукими дал ему немного денег. Усевшись на арбу сзади всех, Гариби прижал щенка к груди. Щенок не спускал глаз со своей матери, которая долго бежала вслед за арбой, садилась на обочину дороги и, посидев немного, опять догоняла арбу.

Камышовые заросли остались далеко позади. Уже впереди замаячил купол мавзолея «Султан Баязид». Здесь возчики остановились в караван-сараяе, дали клевера лошадям. После непродолжительного отдыха путники отправились дальше.

«Вырастет Коплон и заменит мне Кытмира», — думал Гариби.

Путники сидели молча, покачиваясь на арбе. Щенок жалобно скулил. Гариби, стараясь его успокоить, говорил потихоньку:

— Ну, спи, бедняжка, спи! Вот приедем, и я накормлю тебя досыта, подстелю тебе мягкий тюфячок.

Полуоткрыв глаза, Мукими посмотрел на Гариби, усмехнулся и опять закрыл глаза. Он подумал о своей жизни в худжре. Перед его взором промелькнул Миён Сотыболдыхан. Ему уж не до того было, чтобы ехать на свадьбу. А все из-за интриг и козней, которые строил Мухи против Мукими. «Проклятый Мухи! Наглец! — думал Мукими. — Может быть, он теперь уже согласился уйти из медресе? А быть может, святейший Ишанхан, опасаясь его козней, опять вернул его на эту должность? В таком случае, как же мне жить в медресе? Ведь этот негодяй, бесчестный попечитель, раньше побаивался святейшего, а теперь совсем обнаглеет. Спорить и тягаться будет с ним теперь невозможно! Придется переехать

куда-нибудь. Тогда, может быть, перейти в отцовский дом? А почему бы и нет? Зиёда-биби тоже согласится жить вместе в одном доме! Ведь она теперь не прежняя сварливая Зиёда-биби, а убитая горем, измученная старуха, которой мое слово — закон. Пусть она с Акбарходжой живет в одной комнате, а я подправлю домик, который построил мой покойный отец. И со мной по-прежнему будут Абдулла и Гариби. Пусть относится к каждому из нас как к своему сыну. А мы будем ее обслуживать. Акбарходжа теперь будет всегда со мной. Какой-то он неловкий, вялый, нечувствительный, унылый, рассеянный! Мальчик должен расти веселым, жизнерадостным. Иначе и быть не может! Пусть так и будет!..»

А Гариби все успокаивал своего щенка:

— Ну, тише! Говорю тебе по-хорошему. А не замолчишь — сброшу тебя с арбы, тогда будешь знать! Ты же в Коканд едешь! Эх ты, глупыш!..

Мукими стал подшучивать над учеником:

— Зря вы сказали щенку, что везете его в Коканд, напугали его, беднягу. Вот он и скулит, думая, что ждет его в городе злая доля. Дни, проведенные с матерью на лоне природы, среди просторов Бешсерка, под чистым, безоблачным небом, вдали от интриг и козней, конечно, приятнее той жизни, которую вы уготовили бедному псу у себя в четырех стенах, в одиночестве, несчастным сироткой. Сами-то вы как живете? Может быть, в свое удовольствие? Может быть, вы много веселитесь? Вы порадайте бедного собачьего сына, когда мы приедем в Коканд.

Щенок сделался темой веселого разговора. Надолго затянулось состязание в островах. Остроумные шутки сменяли одна другую. Остаток пути промелькнул незаметно. Приехали в Коканд уже в темноте. Сначала арба по пути подъехала к дому Мухаммеджана, затем остановилась у ворот дома Убайдуллы Завки и покатила по улочке махалли Беквачча к медресе Хазрат.

Едва Мукими переступил порог худжры, он остановился у двери и, не снимая халата, задал вопрос мулле Абдулле:

— Ну, как в медресе Хазрат, Абдулла? Спокойно?

— Пока спокойно, Миён исполняет свои обязанности на посту попечителя имущества, но... и Мухи тоже здесь...

Из неуверенного ответа верного Абдуллы поэт понял, что склоки не прекратились, что Мухи так легко не усту-

пит свое место. Но он не мог долго и не хотел думать сейчас об этом.

Утром Мукими проснулся поздно. Попив чаю, поэт вышел на улицу, намереваясь идти к Миёну, но вдруг увидел Акбарходжу с маленьким ребенком на спине...

— Сынок, чей мальчик?

— Мой братишка!..

— Твой братишка?!

— Да, приехала мама. Это ее мальчик. Она лежит дома больная!

Мукими подумал: «Если Ойша заболела, значит, ее привезла сюда мать, чтобы ухаживать за ней».

Когда Мукими вернулся от Миёна, у порога его худжры сидела на корточках в парандже Зиёда-биби.

От второго мужа, торговца лошадьми, у Ойши было двое детей. Жилось ей тяжело. На ней лежала не только вся работа по дому, но и уход за лошадьми, которых держал на откорм барышник. Сам он ездил с базара на базар, и Ойша стонала и вопила, жалуясь на тяжелую жизнь. Мало того, ей надо было нянчить детей. Она чистила скребницей необъезженных лошадей, убирала навоз, в полночь вставала и шла в конюшню подложить корму. Когда кони были в теле, барышник, прежде чем вывести их на базар, подливал в корм бутылку водки. Опьяневшие животные плясали, что называется «на одном кирпиче», ржали, свирепели. Покупатели набрасывались на такой ходкий товар.

Продав лошадей за двойную цену, барышник снова покупал по дешевке пару тощих, обессилевших кляч, приводил домой и препоручал жене.

И вот одна из этих лошадей лягнула Ойшу-биби. Удар копытом в плечо причинил ей тяжелое увечье. Вернувшись на другой день, пьяный муж, вместо того чтобы пожалеть жену, обрушился на нее с дикой руганью... Не прошло и пятнадцати дней, как он женился на другой женщине.

— Мне нужна баба, которая умеет ухаживать за лошадьми. А ты проваливай, — заявил торговец.

Соседи сжалились над Ойшой и привезли ее с двумя детьми в Коканд. Правая рука молодой женщины была так изувечена, что работать она не могла...

Весть эта поразила Мукими так, словно на него вылили ведро ледяной воды. Сжав виски обеими ладонями, он не в силах был слушать рыдания Зиёды-биби, не мог собраться с мыслями. Картины прошлого проносились

перед его глазами. Перед его взором вдруг предстала, словно живая, ни в чем не повинная Ойша, жизнерадостная молодая жена, чуть свет поднявшаяся с постели после свадебной ночи, в белом платке на голове, прикрывавшем лицо. Она стояла у двери, почтительно склонив голову. Целомудренная Ойша считала для себя великим счастьем, что она стала женой Мукими. Затем в воображении Мукими возникла другая Ойша, обманутая, помимо своей воли разлученная с мужем, бедняжка, ставшая жертвой интриг подлых людей, которые сводили злобные счеты с поэтом!.. Но ведь за ней, за Ойшой, не водилось никакой другой вины, кроме того, что она ничего не понимала в поэзии! Ведь судьбу ее держала в своих лапах невежественная мамаша. Молоденькая, ничего не соображающая девушка, она была рада, что судьба ее связала с Мукими. Она верила искренне, что раз она положила свою голову на одну подушку с Мукими, то до конца жизни не расстанется с ним. Ей и мысли не приходило устраивать свою жизнь иначе. Ведь это же та самая Ойша, которая, очутившись с Мукими в брачном покое за белым шелковым занавесом, ему, первому мужчине, позволила впервые погладить себя по голове!.. Ведь не Мукими бросил Ойшу. Ее отдали в руки барышнику люди, понятия не имеющие, какое счастье, какую радость приносят людям жена, дети, материнская любовь...

Мукими поднял голову, посмотрел на Зиёду-биби, обесилевшую от плача, и сказал:

— Любезная мамаша! Чем я могу помочь? Говорите. Я слушаю. Если вам нужен доктор, я разыщу его.

— Пойдите к Ойше, моей доченьке, хотя бы за дверью постоите, спросите ее о здоровье!

— Нет, мамаша, я не могу к ней пойти!.. Это выше моих сил...

— С той поры, как Ойша приехала, здоровье ее несколько не улучшилось. Видно, душа у нее болит. Прижмет она к груди Акбарходжу и все плачет и плачет. Хочу, говорит, переехать в Шалдырамок, в дом покойного отца. Правда, дом очень стар, но Ойша все равно хочет переехать. А половину этого дома продать бы... Деньги пригодились бы на жизнь. Я пришла посоветоваться с вами. Разве найдешь покупателя на половину дома? Может быть, вы мне заплатите, и весь дом тогда останется вам... А может быть, вы женитесь?..

— Нет, не женюсь! Я так решил. Если найдется

покупатель, желающий купить весь дом, продайте. Поступите по совести — дадите мне немного денег... Если даже ничего не дадите, я и на то согласен. Расходуйте деньги так, чтобы ваша дочь поправилась. Вот и все!

Зиёда-биби разохалась и, вознося за Мукими молитвы, вышла из худжры.

Все, что задумал Мукими, пошло прахом. Мечта о спокойной жизни рухнула.

Он даже не притронулся к свежесваренному чаю, который принес мулла Абдулла, и пошел к Мавлави Юлдашу поделиться своими печальями.

Китайский доктор перед отъездом на родину оставил Мавлави Юлдашу много лекарств. Ежедневно к Мавлави стучали в калитку многие люди. Это были в основном больные, страдавшие базедовой болезнью, для которых Мавлави приготавливал лекарства против зоба.

Очень рад был Мукими, что дела у его друга идут хорошо.

Обменявшись приветствиями, друзья пришли в михманхану.

У порога ее сидел толстый человек. Приложив руку к животу, толстяк хриплым голосом взмолился:

— Лекарства! Прошу лекарства! Если я вылечусь, я вас одену с головы до ног, посажу верхом на коня. Это будет мой подарок за исцеление. Не отказывайте мне! Лечите! Избавьте меня от напасти! Да возблагодарит вас аллах за доброе дело! Совсем я измучился!

Слова вылетали из его горла со странным писком и даже со свистом. Под подбородком висел огромный зоб, величиной с молочный горшок. На нем сквозь кожу просвечивалось решетчатое сплетение синих жилок. Зоб мешал ему говорить. Огорченный Мавлави Юлдаш сказал:

— Болезнь запущена, боюсь, лекарства уже не помогут.

Но толстяк все стонал и умолял помочь ему. Тогда Мавлави, завернув в пакетик немного порошка, вручил его больному.

Когда толстяк вышел, Юлдаш тяжело вздохнул:

— Ох-х! Даже целый мешок моих лекарств не уменьшит этот зоб. Время упущено! Скажешь больному правду, он не соглашается. А когда лекарство не поможет, он же обругает и осрамит на весь кишлак. Я хорошо знаю этого человека. Это бай Ходжамкул из кишлака Чункайма. Он известен своей жадностью. Про него народ говорит: «Ход

жамкул хлеба не ест». Жадность и скупость его сгубили. Пожалел он денег на лекарство. Вот болезнь и схватила его за глотку.

— Вы, Мавлави, возводите поклеп на почтенного бая. Вы говорите, хлеба бай не ест,— в шутку сказал Мукими.— Если бы вы сказали, что бай от жадности не хочет глотать уже разжеванный хлеб и наполнил им целый хурджун у себя под подбородком, тогда было бы правильно.

Мавлави только усмехнулся.

— Скажите, уважаемый Мукими, вы будете кушать шавлю? Или сготовим плов?

— Благодарю! В другой раз! Я пришел к вам по делу.

— Нет-нет, не говорите так! Пока сготовим плов, вы расскажете про свои заботы и хлопоты и поделитесь впечатлениями от поездки в Наманган.

Не слушая возражений Мукими, Юлдаш ушел во внутренний двор.

Мукими прошелся по комнате. Машинально он остановился у алебастровой полочки и перебирал рукописи. Среди них поэт нашел чистую бумагу, взял чернильницу, камышовое перо и написал:

О досточтимый друг мой, Мавлави Юлдаш,
Будь ростом с гору я — и то б сказал: шабаш!
Мою нетерпеливость извинить молю,—
Но кончилось терпенье, пролилось из чаш!
Вам длинный счет известен горестей моих,
Взглянуть тайком на них не каждому ведь дашь.
Все вновь и вновь печаль терзает грудь мою,
Невольно слезы льет слуга покорный ваш.
Чтоб выслушанным быть, пришел к вам Мукими,
О сердобольный друг мой, Мавлави Юлдаш.

Не успел поэт закончить свою элегию, как в михманхану вошел Мавлави с подносом, на котором лежали лепешки, сласти, фрукты.

— Кажется, я заставил вас скучать? Пожалуйста, садитесь!

Не говоря ни слова, Мукими подал лист бумаги другу, который в это время разламывал лепешку. Мавлави стал читать. Мукими, усевшись поудобнее, ждал, что скажет друг. Положив бумагу на колени, Мавлави Юлдаш налил в пиалы чаю и вопросительно посмотрел на Мукими.

Когда Мукими рассказал о беде, которая свалилась

на голову Ойши, Мавлави молча уставился в лицо своего друга. Его взгляд выражал и огорчение, и жалость, и любовь, и сочувствие, и искреннее желание помочь ему.

— Год от года жизнь становится все сложнее, — проговорил, наконец, Мавлави. — С годами увеличиваются и наши заботы и хлопоты, тревоги и волнения. И ваши друзья, которые каждый день приходят к вам в худжру, тоже повседневно заняты своими делами. Каждый старается подгрести горячую золу к своим лепешкам. Но это вовсе не означает, что вы остались одиноким, Помимо ваших друзей весь народ с вами, вокруг вас! Народ не только поет, он дышит, живет вашими газелями! А затем вот что: жизнь заставляет всех так или иначе добывать средства на пропитание. Ваш покорный слуга тоже, вместо того чтобы перелистывать книги, вынужден по вечерам толочь снадобья в ступке и готовить лекарство от зоба. Ваш характер мне известен. Добродушие, уступчивость, добросердечность, чрезмерная любовь к людям привели к тому, что вы глубоко переживаете все горести и печали Ойши. Не задумываясь, вы готовы подарить ей даже дом, последний кров, который остался вам от отца! Вы всегда заботитесь о своих ближних. Но человек должен также заботиться и о своем здоровье, о своей жизни. А ваше здоровье для нас, ваших друзей, дороже здоровья любого человека!

— Не хотите ли вы сказать: «Знай себя, а до других тебе дела нет?»

— Вовсе не так! Я хочу сказать: пожалейте и себя, позаботьтесь и о себе! Вы свой дом преподнесли в подарок. Ну этого вполне достаточно! Ведь эта женщина — жена совершенно чужого вам торговца лошаадьми, барышника! Она уже давно забыла вас! А мать ее, Зиёда-биби, в свое время сколько зла причинила вам. А теперь, видите ли, они расканваются.

— Да уж каялась и жалела. А теперь переживает. Поэтому-то я и подарил им дом. Я и не помышляю о том, чтобы отомстить им. Нет, я готов протянуть им руку помощи. Помогите, мой друг, устройте, чтобы Ойшу осмотрели врачи. А расходы оплатит ваш покорный слуга!

Мавлави улыбнулся:

— Значит, за белым брачным пологом Ойша так глубоко ранила вас в сердце?

— Сейчас мне не до шуток! Поможете вы или нет? Скажите прямо!

— С удовольствием! Я так просто пошутил! Да если

бы можно было сеять семена вашей любви к людям, то я бросил бы все свои дела и стал бы сеятелем. Клянусь! Вы единственный в мире, кто создан для того, чтобы излучать живительное тепло и тонкий аромат цветов, чтобы доставлять удовольствие и быть приятным простым людям! Если бы ваш разум и здравый смысл, вашу пронизательность, сметливость, рассудительность можно было бы привить другим людям, я отказался бы от поэтического мастерства, не увлекался бы сочинением стихов, а стал бы садовником. Умереть мне, если я вру!

— Я очень благодарен вам за то, что вы чересчур расхвалили меня, намного превысили мне цену, мои достоинства! Между прочим, я совсем забыл: при продаже дома мне придется вместе со старухой идти к казию! А я терпеть не могу таких дел!

— Будьте спокойны, и в этом деле я вам помогу!

— Спасибо!..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ «ПОЛОЖИТЕ КЛЮЧ В КАРМАН»

Как всегда, поздней осенью в Коканде снова начались холодные ветры. Часто бушевала буря. Часто Мукими ленился ходить в Тарокчилик к каллиграфу Мухаммеду Юсуфхану. Целыми днями поэт сидел в своей худжре около очага, подкладывая в огонь побольше дров. В такие скучные дни, нагонявшие тоску на человека, никто не мешал Мукими сочинять стихи. Он с увлечением писал мухаммасы, увязывая их с газелями других поэтов, с большим удовольствием писал сатиры.

Со вчерашнего дня он написал две газели в ритме песен, которые пел Мухаммеджан, сатиру и мухаммасы на газели поэтов Ахтари и Алмаи.

Хотел переписать мухаммас набело, но ему помешал вернувшийся с базара мулла Абдулла. Сняв с лампы залепленное бумагой разбитое стекло, он заменил его новым.

— Уже темно, а вы все пишете?

— Да. А вы что-то очень задержались.

— Искал дыни «умырбоки» и ходил в Янги Чорсу.

— В такой холод, в такую даль ходили!

— Мне сказали, что у лавочников в Янги Чорсу хорошие дыни.

Мукими взглянул на дыню:

— И в самом деле, настоящая тонкокорая, душистая, зеленоватая дыня.— Собирая разбросанные листки бу-

маги, продолжал:— А что, если сейчас заявится в худжру дрожащий от холода Шадман-хаджи с тамбуром в руках или Мухаммеджан? Придется в таком случае отложить в сторону перо и бумагу, дать им передышку послушать музыку и пение.

— Еще не поздно! Я схожу разыщу кого-нибудь...

— Нет. Где вы его найдете? Сидит и дрожит где-нибудь в чайхане или курильне. Только зря измучаетесь и не найдете. Вместо этого лучше вытащите из дома нашего поклонника собак. Я целый день сидел дома, а спину ломит, словно в спине кол торчит. Позовите Гариби.

Гариби не заставил себя ждать. Узнав о жалобе Мукими, он стал растирать ему спину.

— Ну, как там Коплон поживает? Как спит? На мягком?— спросил Мукими, желая вызвать Гариби на разговор.

— Спит он как шах.

— А как он ест?

— Еда у него, как у бедного скитальца!

— А лает громко?

— Лает, как сам мингбаши!

— Значит, все собаки теперь, поджав хвосты, втихомолку проскальзывают по вашей улице?

— Каждый день к Коплону являются на прием собаки, лебезят, подлизываются, своими хвостами землю метут, стараются угодить! Завистливые, однако, не могут терпеть, видя, что Коплон покоится на мягкой подстилке, чуть не лопаются от зависти. И теперь они сидят у себя по углам и вьют веревки, чтобы повеситься!..

— Хватит!.. Вы уж нагородили всякого вздора. Ну и ну! Давайте поговорим о чем-нибудь другом.— После массажа Мукими попросил переписать на бело газели и сатиры и отнести в махаллю Шахрисабз Мухаммеджану — газели, а мастеру Ковулу — сатиры.

— По вечерам ремесленники приглашают его к себе то в ту, то в другую михманхану, где устраивается очередной гап и слушают сатиры. А в подписке, данной царским властям, об этом ничего не сказано. Но кто это... О, старый друг!

В прихожей стоял Таджикибай. Давно уже не приходил он к Мукими и сейчас застеснялся войти в худжру.

Здороваясь с поэтом, Таджикибай не мог смотреть ему прямо в лицо.

— В нашем городе, должно быть, не осталось битой посуды: вы всю ее починили,— сказал Мукими.

— Таких починщиков, как я, в Коканде сколько угодно. Лето и осень я провел в кишлаках. Недавно вернулся из Исфары. И там есть ваши почитатели. Мой рассказ о том, как мы бежали из Бухары, и про все наши приключения, они слушали с большим интересом.

— Вы рассказывали только о приключениях?

Поняв намек, Таджикибай невесело усмехнулся:

— Я не говорил им, что играю на бубне и пою. По правде говоря, свой бубен я оставил здесь, в вашей худжре.

— Говорят, что исфаринцы большие любители музыки и пения?

— Там есть певцы Ходжа Магруф, мулла Абдукахар. Они расспрашивали про вас и просили передать вам привет. Возможно, они сами приедут сюда и пригласят вас в Исфару. Исфара и Чорку — красивые кишлаки. Их можно сравнить только с кишлаком Суфи.

— Вот вы сказали «Суфи», и я вспомнил, что Хаким Халфа-ишан заманил вас на дервишеские радения. Как вы меня огорчили! И не только огорчили, но и рассердили! Это правда, что вы там прыгали и кричали?

Пряча глаза, Таджикибай едва слышно пробормотал:

— Правда. Но я бросил все. Ходить в мюридах ишана совсем для меня не подходящее дело!

— Если это правда, пусть сгорит в очаге сатира, которую я написал на вас!

— О, вы написали сатиру?! — воскликнул Таджикибай. — Дайте мне, я зашью ее в амулет, пришью к халату и буду носить до скончания дней моих.

— Но это же не хвалебная касыда, а самая настоящая сатира!

— Раз у меня нет добрых дел, я рад и сатире!

— Нет! Не говорите так! Вы мой спаситель.

— Ругайте меня! Я этого заслужил. Простите мне мою вину, будьте моим добрым, заботливым другом!

— Вы не преступник, а я не казий. И полно вам, Таджикибай, сокрушаться! Давайте поговорим о вашем житье! Вы все еще там, в медресе Чалпак?

— Да. Живу среди слепых в медресе Чалпак на кладбище. Во всем медресе один я зрячий, а остальные — и старые и малые — все слепцы. Они днем бродят по базарам, просят милостыню. Иные у могил на кладбище читают наизусть коран. Те, кто помоложе, бродят повсюду, ищут подходящую легкую работу. А к вечеру все возвращаются, раздобыв кое-что, разводят в очаге огонь и варят в общем

котле похлебку. После ужина начинается веселье. Среди слепцов есть замечательные певцы с сильными высокими голосами. Есть и очень бойкие на язык рассказчики, знающие всякую всячину. И хоть они слепые, от них ничего не скроется. Обо всем знают, что происходит в городе. Среди молодых есть один хороший певец. Я хочу, чтобы вы его послушали, ишан-ака! Приходите к нам в гости в медресе Чалпак!

— Если бы вы, Таджибай, даже и не пригласили меня, все равно пришел. Я не раз бывал там, навещая гробницу поэтессы Надиры. А там поблизости, оказывается, целый мир слепых!

В сандал положили много углей, в худжре сделалось тепло. Оживленная беседа затянулась. Уже перевалило за полночь. Таджибай вышел в прихожую, зажег фонарь и попросил разрешения идти домой. Мукими не хотел отпускать гостя. Ветер крепчал, но Таджибай попрощался и ушел.

— Как хорошо!— заметил Мукими.— Вот Таджибай было сбился с пути, блуждая во тьме, и все же выбрался на правильный путь. Рад за него. Человек он хороший— с чистым сердцем, бескорыстный скиталец, обошедший весь свет!

Сидя около очага, Абдулла стал латать свой чапан. А Мукими и Гариби занялись перепиской стихов. В худжре воцарилась тишина, нарушавшаяся треском жарко горевших урюковых дров. Немного погодя заклокотала вода в кумгане, стоявшем на огне. Гариби долго вчитывался в текст стихотворения, потом, протянув лист бумаги Мукими, спросил:

— Вот в этой строчке есть какая-нибудь ошибка?

— А ну-ка прочтите!

Гариби прочел бейт.

— Во второй строке не хватает одного слога!— сразу определил Мукими.— Сказать мне, чего не хватает, или вы сами догадаетесь?

Гариби долго думал, потом вздохнул с облегчением:

— Нашел!

— А именно?

— «Гам»—«Горе».

— А теперь вы добавьте в строку «гам»—«горе» и прочтите!

Если б утром на свиданье
Ты явился, как светило,
В келье мрачной от печали
Мне не так тоскливо было.

— Честь и хвала вам, учитель! Прекрасно! Вот вы и нашли мое потерянное «горе».

Положив под голову залатанный халат и свернувшись калачиком, Абдулла спал. Мукими и Гариби, закончив переписку стихов, легли около сандала и тоже уснули.

После чая Гариби ушел домой покормить своего Коплона и раздавать стихи. Мукими уселся около очага и занялся перепиской незаконченного мухаммаса. Но успел сделать мало. В худжру вошел раздраженный, злой Мавлави Юлдаш. Поздоровавшись, он сел и заговорил недовольным тоном:

— Вчера я договорился с одним доктором, но ваша Зиёда-биби не пожелала пустить его в дом. Говорит, что не покажет «русскому мужчине тело своей дочери». Пришлось искать по всему Коканду врача-женщину. Нашел. Но она согласилась пойти после того, как освободится в больнице. Я решил переждать у вас.

— Отлично!

— А вдруг Зиёда-биби снова закапризничает. Откажется показать свою дочь женщине-иноверке? Знаете что? Вы уж сами скажите ей.

Мукими вскочил и надел халат.

— Посидите здесь, а я схожу и сам поговорю с этой невежественной особой.

— Боюсь, что и вы уйдете от нее ни с чем. Давайте откажемся от такого доброго дела!..

— Постойте! Наберитесь терпения! Все же лучше довести «доброе дело» до конца. Вы начали — я закончу. Я быстро вернусь!

...Не постучав в калитку, рассерженный Мукими вошел во двор. Зиёда-биби под навесом тщетно пыталась тупой тешой разрубить суковатую ветку. При виде Мукими старуха застыла с тешой в руке.

— Пожалуйте, сын мой! — выговорила она с трудом.

— Скажите вашей дочери, пусть закроет лицо! Мне надо кое-что сказать ей! А потом я поговорю с вами.

— Хорошо! Сейчас!

Зиёда-биби вошла в комнату и тут же вернулась.

— Заходите!..

В холодной комнате у сандала сидела Ойша. Кутаясь в рваное одеяло, она укачивала плачущего ребенка. Молодая женщина очень похудела, глаза ее ввалились, волосы были растрепаны. Она не стала накрываться халатом и сидела с открытым лицом. По щекам у нее текли слезы.

Приложив обе руки к груди, Муками долго стоял посреди комнаты, опустив веки. Затем, бросив взгляд на все еще всхлипывавшую Ойшу, сказал:

— Поправитесь. Не плачьте! А когда вылечитесь, я сам поеду к вашему мужу просить, уговаривать его...

— Дай бог вам добра!

Все еще стоя у порога, Муками негромко окликнул:

— Мать!

Сидевшая снаружи на корточках у порога Зиёда-биби поднялась и вошла в комнату.

— Скоро придет женщина-врач!

— А будет ли какой-нибудь толк, сынок?

— Если вы хотите, чтобы дочь ваша выздоровела...

Если не желаете снова попасть в беду, вы с радостью встретите врача. Пожалейте больную дочь. А если нет, тогда уж на меня больше не рассчитывайте! Надеюсь, вы поняли меня? Причиной всех несчастий — ваше невежество. Раньше я об этом не говорил, а сейчас вынужден сказать.

Зиёда-биби уперлась в стенку лбом и запричитала. Ойша присоединилась к ней. Проснулся ребенок и тоже закричал, а за ним начал плакать и другой малыш, лежавший рядом с матерью.

У Муками помутилось в глазах. Он вышел из комнаты во двор. У калитки с букварем под мышкой стоял Акбарходжа, только что вернувшийся из школы. Услыхав в доме плач, он не осмелился войти во двор.

Из комнаты вышла Зиёда-биби и бросилась в ноги Муками:

— Сынок, не ссорьтесь с нами! Не обижайтесь на нас. Ради памяти вашего отца, ради вашего сына будьте нашим защитником! Наверное, я обидела Мавлави. Теперь я раскаиваюсь в этом. Пусть он приведет доктора.

— Вот так и должно быть. Встречайте доктора! Сейчас же пойдите в комнату, успокойте свою дочь. Дрова нарубит вам Абдулла. Я пошлю его сюда. Идем, Акбарходжа!

У Муками немного отлегло от сердца. С сыном он пошел в медресе Хазрат и упросил Мавлави пойти за женщиной-доктором.

Затем усадил Акбарходжу у очага, положил ему на тарелку фрукты и сласти, наказал, чтобы он никуда не уходил из худжры, а сам пошел в Тарокчилик.

Буря утихла. Однако солнце почти не показывалось, и слабые лучи его бессильны были смягчить мороз. Оголенные деревья целую неделю отбивались от яростных

порывов бушевавшего ветра и утомленные жестокими схватками, осыпанные белым инеем, погрузились в глубокий сон. Редкие прохожие торопливо семенили по узким улочкам. Важно переступая обутыми в теплые ичиги и блестящие резиновые калоши, навстречу размеренным шагом шел по краю дороги знатный бай с величавой осанкой. Он надел на себя четыре-пять стеганых халатов, на голову напялил преобладающую шапку с бархатным верхом и широкой оторочкой из лисьего меха. За баем тащился, еле передвигая ноги, в стареньких, рваных сапогах со сбитыми задниками и стертymi вконец железными подковками дрожавший от холода бедняк, уткнувший нос в воротник стеганого ситцевого халата, из дыр которого вылезали клочки ваты...

Не успел Мукими дойти до поворота в чайный ряд, как его нагнал запыхавшийся от быстрой ходьбы Абдулла.

— Приехали гости... из Исфары! Я их... уф... усадил в худжре... подал им чаю. А сам побежал искать вас!..

Весть обрадовала Мукими. Он отослал Абдуллу обратно в медресе, а сам поспешил в торговые ряды сообщить Абидджану о приезде исфаринцев.

— Друг мой, Абиджан! Пожалуйста, оповестите друзей, да и сами поторопитесь ко мне.

Через двор соборной мечети Мукими прошел прямо на Исфаринский базарчик, а оттуда вышел в махаллю Беквачча.

По улице бежали стайкой ребяташки. Издали увидев Мукими, они зашебетали, словно воробушки:

— Мукими идет! Вон Мукими. Домулла идет!

Едва Мукими подошел к ним поближе, зазвенели детские голоса:

— Ассалам алейкум!

Дети окружили поэта, Мукими достал из платка горсть сладких белых шариков, начиненных абрикосовыми ядрышками, раздал детям.

Не доходя до медресе Хазрат, на перекрестке он столкнулся лицом к лицу с эликбаши¹. Поздоровавшись с ним, Мукими, не останавливаясь, пошел дальше.

— Мухаммед Аминходжа! Постойте!— окликнул эликбаши поэта.

Мукими остановился.

— Мне сообщили, что к вам приехали гости и ждут вас. Поэтому я поджидаю вас здесь.

¹ Эликбаши — пятидесятник; административная должность в дореволюционном Туркестане.

С этими словами эликбаши извлек из кармана бумагу и вручил ее Мукими. Это был отпечатанный по-русски типографским способом небольшой листок. Под текстом стояли две подписи. Пониже красовалась большая синяя печать с двуглавым колючим орлом. Неприятно пораженный Мукими посмотрел на эликбаши. А тот хоть бы что, даже и не глядел на поэта.

— Вас вызывают в полицейское управление, — холодно объяснил эликбаши, — и на меня возложили обязанность привести вас туда.

— Когда?.. У меня же гости... вы сами знаете.

— Сейчас! А вы пойдите в худжру, успокойте гостей. Я пока здесь постою, подожду вас.

— А зачем меня вызывают? Должно быть, вам известно?

— Ничего не знаю! Вот пойдете к ним, быть может, они вам скажут. Да поспешите, господин Мухаммед Амин-ходжа. А то мне попадет!

Мукими и не помнил, как дошел до медресе, как приветствовал гостей, о чем с ними разговаривал. Под каким-то предлогом он вышел из худжры.

Как не хватало сейчас Мавлави Юлдаша. Он проводил бы Мукими, ободрил бы его.

Поэт отозвал в сторону Абдуллу, объяснил ему, как надо вести себя с гостями.

Отдав, словно в тумане, все распоряжения, Мукими вернулся в худжру успокоить гостей. Впервые в жизни он солгал:

— Вы, дорогие друзья, сейчас с дороги. У меня к вам большая просьба. Пока мы известим своих друзей, вы хорошенько отдохните. А затем уж мы будем беседовать с вами хоть до утренней зари. Разрешите вашему покорному слуге отлучиться!.. Скончался один из наших уважаемых улемов. Я схожу, прочту молитву и вернусь...

Успокоив гостей, Мукими вышел из медресе и столкнулся лицом к лицу с Абидджаном, который, сделав покупки на базаре, спешил с узлом в руках. Мукими сказал ему о вызове в полицию и просил никому не говорить об этом, кроме Мавлави. Затем Мукими в сопровождении эликбаши пошел в Новый город.

У больших железных ворот управления полиции, вытянувшись, стоял полицейский с саблей на боку. Указав на него, эликбаши сказал:

— Это здесь... Я теперь, с вашего дозволения, вернусь, а вы покажете ему эту бумагу и войдете в ворота...

Мукими показал часовому бумагу, и тот пропустил его в ворота, сказав что-то по-русски другому полицейскому. Полицейский повел Мукими по длинному коридору и, открыв одну из дверей, предложил зайти. В комнате сидели два человека. Они вежливо предложили Мукими сесть на стул и приказали подать ему стакан горячего чая и сахару на блюдечке.

Один из бывших в комнате, худошавый, угрюмый чиновник лет сорока с подстриженной бородой, возился с бумагами. Другому было уже за пятьдесят, но, несмотря на это, как видно, он следил за своей внешностью и сейчас тщательно расчесывал гребенкой единственную жиденькую прядь волос на голове. У него были красивые усы и густая окладистая борода. Он пристально смотрел на Мукими своими хитрыми глазами, спрятанными за стеклами очков. С лица его не сходила деланная улыбка.

— Господин Мукими!— заговорил он так приветливо, будто встретил долгожданного друга.— Извините, что мы побеспокоили вас в такой непогожий день! Выпейте горячего чая! А после чая мы побеседуем.

Полицейский неплохо говорил по-узбекски. Мукими был приятно удивлен его вежливым обращением и складной узбекской речью.

«Хотя он и большой чиновник,— думал поэт,— но, видимо, как и Кузьмич и начальник пристани, усердно изучает узбекский язык. Вероятно, этот важный чиновник из числа благородных русских людей...»

А чиновник продолжал:

— Слава о вас, господин Мукими, разнеслась по всей Фергане. Мы вправе гордиться такими поэтами, как вы. Лично я очень хотел бы поближе познакомиться с вами. Моя заветная мечта достичь такого совершенства в изучении узбекского языка, чтобы, как и уважаемый Кузьмич, читать в подлиннике произведения узбекских поэтов.

— Я очень благодарен вам за хорошие слова.

— Часто вы встречаетесь с Кузьмичом?

— Когда почтенный мулла Закирджан Фуркат жил здесь, благодаря ему я участвовал в приятных беседах то в михманхане самого Закирджана, то в моей бедной худжре при медресе, где я живу. Но с тех пор, как мулла Закирджан уехал, а также и по другим причинам, наши беседы с господином Кузьмичом прекратились.

— Вы сказали: «... а также и по другим причинам».

Мукими несколько замялся. Ему было трудно говорить. И все же пришлось сказать. После того, как царское

правительство запретило уважаемому Кузьмичу бывать среди... народа...

— Если и было запрещено, так это касалось врачебной практики доктора Кузьмича. А какое отношение имеют обычные разговоры и беседы к медицине, к его врачебным делам... Лично я часто встречаюсь с Кузьмичом. Я не ошибусь, если скажу, что именно Кузьмич научил меня говорить по-узбекски. Он очень гордится знакомством с вами, господин Мукими.

— Ваш покорный слуга тоже рад, что знаком с таким прекрасным человеком.

— А он не рассказывал вам, почему ему пришлось приехать в Туркестан? По всей видимости, он вам говорил, что правительство несправедливо сослало его.

Мукими невольно вздрогнул и изменился в лице. Стало понятно, что под видом беседы ему учиняют самый настоящий допрос.

— Об этом у нас и разговора не было. Кузьмич ничего мне не говорил.

— Надо полагать, он деликатно скрывал эту тайну, чтобы не огорчать вас? Но ведь и вы сами могли заинтересоваться, почему такой хороший врач вдруг приехал в Коканд и живет здесь в довольно-таки тяжелых условиях.

— А зачем нам было интересоваться? Какая Кузьмичу от этого польза? Такая ученая личность, благородная особа прибыла и живет в нашем городе. Для нас большая честь. А что же нам еще нужно, кроме этого?

Оба чиновника вынули портсигары и, пока закуривали папиросы, тихо обменялись замечаниями. Высокий молча стал подбрасывать спичечную коробку. Второй взял стакан, стоявший перед Мукими, и воскликнул:

— Чай-то у вас совсем остыл! Принести горячего?

— Благодарю! Пожалуйста, не утруждайте себя!

— Здесь казенное учреждение, потому мы лишены возможности подать вам вина. Мы пригласим как-нибудь вас в другое место и там уж побеседуем за бокалом вина.

— Благодарю вас за доброжелательство и заботу. Вина я не пью!

— А если мы соберемся у доктора в доме, вы тоже не будете пить? Вы же бывали у Кузьмича, и он угощал вас вином. Вы же не отказывались! Вы думаете, Кузьмич не говорил мне об этом? Я знаю даже и про ваши приятные беседы. Кроме вас, в гостях у него бывал также и старый капитан, с которым вы познакомились в Акджаре. Очень

сожалею, что как-то я пришел к Кузьмичу, но вас уже не застал: вы только что ушли.

Действительно, после своего возвращения из Акджара Кузьмич пригласил Мукими и Мавлави к себе. В тот день как раз приехал в Коканд и начальник пристани. Они перед обедом выпили по бокалу вина, и оживленная беседа затянулась. Вдвоем с Мавлави они слушали рассказы Кузьмича о великих русских поэтах, чтение вслух стихотворений Пушкина.

— Теперь вы, господин Мукими, наверное, вспомнили?— спросил тихо чиновник, и в его голосе поэт почувствовал угрозу.

— Да, вспомнил!— пробормотал Мукими.— В беседе с бескорыстными друзьями, когда читаются хорошие стихи, не мешает выпить глоток-другой вина. Оно доставляет радость человеку.

— Кузьмич прочел вам стихотворение. Не помните? Это стихотворение, адресованное Пушкиным своему другу Чаадаеву. Не так ли?

— Друзья мне объяснили так.

— Вам понятен был смысл стихотворения?

— Я, к сожалению, не знаю русского языка. Но все же, когда я слушал стихотворение, оно произвело на меня большое впечатление.

— Оч-ч-ень хорошо! Хотя вы и не знаете русского языка, все же стихи русского поэта произвели на вас впечатление, господин Мукими. Вот почему доктор старался познакомить вас с произведениями русских писателей.

— Мулла Закирджан Фуркат увлекался чтением гораздо больше, чем я, потому что он хорошо понимает по-русски. Поэтому-то, наверное, когда Фуркат жил в Коканде, такие чтения стихов устраивались не раз.

— Рассказывал вам доктор Кузьмич о жизни и деятельности писателей Чернышевского, Салтыкова-Щедрина? Говорил он вам, какие произведения они написали?

— Кузьмич дал высокую оценку моим сатирическим стихотворениям. Вот вы сейчас упомянули про... некоего Салтыкова э-э Щедрина, и я вспомнил, Кузьмич говорил мне: «Вы узбекский Салтыков-Щедрин!» Сожалею, но я совершенно не знаю, что это за поэт, какие произведения он написал...

Чиновники переглянулись.

— Скажите по правде, вы устали?— продолжал высокий.

— Нет-нет, я не устал. Но... меня ждут дорогие гости.

— Вы доставили нам бездну удовольствия. Задерживать вас не смеем. Пожалуйста, вы можете идти. Мухаммед Аминходжа Мирза ходжа-оглы Муками, так, что ли? Я не ошибся?

— Так!

Человек в очках взял большую книгу, в которую все время что-то вписывал, положил ее перед Муками и, обмакнув перо в чернильницу, сказал:

— В соответствии с правилами, наша беседа, проведенная с вами, записана в памятную книгу, а внизу под записью должна быть ваша подпись, господин Муками. После этого мы дадим вам пропуск, чтобы вас выпустили из ворот.

Пришлось Муками поставить подпись в книге, но предварительно он попросил прочитать вслух, что там записано. Затем оба чиновника с «почетом» проводили поэта по коридору и, вручив ему пропуск на выход из ворот, вернулись в канцелярию.

Выйдя из железных решетчатых ворот, Муками пошел по улице Розенбаха. В голове его вертелся вопрос: «Что сокрыто в основе этой беседы! Для чего нужна такая беседа? Если для того, чтобы очернить Кузьмича, тогда чиновники не обращались бы со мной вежливо, а вернее всего угрожали бы... Почему же они не поступали так?»

Погруженный в думы, Муками не заметил, как миновал Скобелевскую улицу и подошел к «Азиатскому банку». Тут дорогу ему преградил какой-то человек. Муками поднял голову и узнал его. Это был эликбаши.

— А я все сидел здесь, поджидал вас, думал, что вы скоро выйдете и мы пойдем с вами вместе. Долго вы там задержались! Долго вас там допрашивали, Мухаммед Аминходжа. Не обидели ли они вас?

Поэт порадовался, что эликбаши не ушел и ждал его. Эликбаши был закадычным другом Мухи. Если бы он ушел, не дождавшись, то при встрече с Мухи мог бы преподнести ему радостную весть. «Вот, мол, я отвел сейчас Муками в полицию».

Муками всячески старался показать, что очень доволен и даже весел.

— Сначала я взволновался и расстроился, а получилось наоборот. Меня господа чиновники приняли приветливо, обращались со мной очень вежливо, расспрашивали о здоровье, о жите-бытье, интересовались, что я пишу, угостили чаем — словом, отнеслись ко мне с большим уважением.

— Вот как?! Хорошо! Очень хорошо!..

У эликбаши перехватило дух от досады. Он ждал совсем другого... Так, разговаривая, они дошли до Гышт-куприка. Мукими решил спросить его про Мухи.

— Мы живем в одном медресе, а я давно уже не вижу почтенного Мухи. Вы встречаетесь с ним?

— После того как господина Мухи освободили от должности попечителя имущества, он был очень обижен на святейшего Ишанхана. Я слышал, что господин Мухи ночует то у одного приятеля в михманхане, то у другого. Нет, святейший Ишанхан плохо сделал, что отнял у господина Мухи должность попечителя! Все-таки святейший сменит гнев на милость. Более того, ему следует попросить извинения у Мухи. А то дело может кончиться плохо. Мухи доставит святейшему немало огорчений. Так это ему не пройдет.

Слушал Мукими, не произнося ни звука.

У самого медресе Хазрат он попросался с эликбаши и поспешил к себе. В худжере его ждали гости. Узнав, что в Коканд приехали Ходжа Магруф и Абдукаххар, у Мукими собрались друзья, знатоки музыки и пения.

Улучив момент, Мавлави шепотом спросил:

— Над кем вы читали заупокойную молитву? Кто умер?

— Никто не умирал, молитвы я не читал. Потом расскажу. А сами вы что делали?

— Привозил на извозчике женщину-врача. Она осмотрела больную и сказала. «Болезнь не опасна, вылечить можно. Надо только, чтоб в комнате было тепло. Это главное условие». Докторша обещала приезжать раз в неделю, навещать больную.

Было поздно, когда Абиджан-аглям увел исфаринских гостей к себе домой ночевать. На другой день вечером друзья собрались у него в михманхане. Пришли Дададжан Хаджи, Фарзинбек и штукатур Абдукадыр, вслед за ними Мухаммеджан Макайлик и Гафурджан, а также мулла Насыр. Сначала послушали приезжих гостей. Они спели маком. Затем Фарзинбек и штукатур Абдукадыр исполнили классическую узбекскую мелодию — «Гульер-шах-ноз». Дададжан-хаджи, Мухаммеджан Макайлик и Гафурджан спели газель Мукими.

Исфаринские певцы пробыли в Коканде три дня. Три вечера прошли интересно и оживленно. Состязания в острословии сменялись выступлениями лучших певцов.

Гости, собираясь уезжать, пригласили с собой Мукими,

Дададжана-хаджи, Абидджана, Мухаммеджана Макайлика, Гафурджана, а также муллу Насыра. Исфаринцы — люди настойчивые, упрямые. Не считаясь с желаниями, они забрали всех друзей и увезли их в свои горы.

Приезд Мукими с друзьями в гости к таджикам Исфары вылился в шумный праздник. Собралось столько любителей поэзии, музыки и пения, что люди не могли поместиться в самой большой михманхане кишлака. Поэтому во дворе вокруг большого айвана с крестообразно положенными в потолок балками, поддерживаемыми мощной резной колонной в середине, в четырех местах развели огромные костры из старых пней. На айване постелили кошмы и паласы так, чтобы все могли разместиться со всеми удобствами. Первыми выступили Ходжа Магруф и Абдукаххар. Под аккомпанемент дутаров они пели то газели Камали Ходжанди, то газели Мукими и Фурката. После них выступали кокандские певцы. Бурные рукоплескания не прекращались до поздней ночи.

Когда Мукими и его друзья вернулись в Коканд, их ожидала не очень приятная новость: Мухи опять захватили в свои руки должность попечителя имущества медресе. Оказывается, на этом настоял сам градоначальник Медынский по просьбе улемов и баев.

С того дня Мукими опротивели и медресе Хазрат, и его худжра.

Занимая много лет пост попечителя имущества, Хаджи Мухи прибрал к рукам все доходы, поступавшие с вакуфных земель, самолично распоряжался и пользовался ими. Вакуфные земли поручал обрабатывать первым попавшимся, ничего не смыслившим в дехканском труде людям. В результате земли истощились и медресе Хазрат лишилось многих доходов. Мударрисам и воспитанникам перестали выплачивать жалованье-пособие. Не на что было закупать дрова и уголь, и в медресе все сидели в холоде.

— Этот сыч Хаджи Мухи разорил все хозяйство медресе, а теперь его вновь назначили на должность попечителя имущества,— говорил своим друзьям Мукими.— Сколько слушателей уже ушли в поисках пристанища в другие медресе.

Несмотря на то, что многие худжры освободились и пустовали, Мухи всячески притеснял поэта в надежде, что он не выдержит и уйдет. За поэтом установили настоящую слежку. Проверяли, кто и когда ходит к нему в худжру, запретили игру на музыкальных инструментах. Мир стал тесен для Мукими. Два дня он никуда не выходил из худжры. Наконец он решил искать себе жилье

в одном из кокандских медресе. Но мударрисы других медресе, побаиваясь Мухи, не соглашались принять к себе поэта. Не было никакой возможности и уехать в Ташкент. Конечно, ташкентские друзья и родственники могли бы дать у себя поэту место пожить дня два-три. А потом куда идти? Где найти пристанище? Мукими мог только писать стихи, никакого ремесла он не знал.

Не было и подходящего покупателя на отцовский дом. Те, кто хотели купить, предлагали буквально гроши и к тому же ставили условие: «Как только мы отсчитаем и заплатим деньги, в тот же день вы должны освободить дом!»

В конце концов Мавлави с большим трудом сумел найти человека, предложившего терпимые условия.

— Сейчас покупатель заплатит вам, Мукими, одну четвертую часть стоимости дома, а остальные деньги отдаст весной, после того как дом будет освобожден. Но купчую крепость на дом надо написать на его имя теперь же. Я ходил к казию Саадиджану, он разъяснил, что еще нужно сделать. Оказывается, есть еще одна сложная сторона в этом деле!

— Я вас слушаю!..

— Чтобы продать дом, вы должны получить согласие от других наследников вашего покойного отца — пекаря Мирзаходжи. Оказывается, наследники должны дать вам доверенность!

В сильном раздражении Мукими ударил себя ладонями по коленям.

— Этой заботы еще не хватало! Пока мы управимся с этим делом, пять душ взрослых и малых умрут с голоду! Надо что-то есть, надо покупать дрова, уголь, надо платить доктору, надо нанимать извозчика!..

— Вы поговорите с сестрами — и все! А остальное я беру на себя!

В холодный зимний день, взяв с собой Акбарходжу, Мукими отправился сначала к своей сестре в Аччиккуль, а на другой день — к младшим сестренкам в Навбахор. Погостив у них, он привез документы для судьи. После этого на имя покупателя была написана купчая крепость. Дом был продан за четырнадцать золотых. Из них Мукими получил три червонца. Часть денег была уплачена судье за судебные издержки. Купили дров, угля, немного муки, риса, масла, мяса. Оставшиеся деньги Мукими вручил Зиёде-биби для уплаты доктору.

После этого он вздохнул немного свободнее и успокоился.

В том году зима стояла суровая.

Вдобавок ко всему всяческие придирки господина Мухи заставили поэта отослать Абдуллу в кишлак и согласиться на то, чтобы Гариби пошел в помощники гассола. А сам Мукими решил перейти к Мавлави Юлдашу.

Подойдя к дому Миёна Сотыболдыхана в неурочный час, Мукими постучал. Ждать пришлось очень долго. Положив на снег книги, которые держал под мышкой, он ладонью стал растирать занемевшую на морозе поясницу.

Никто калитку так и не открыл.

Забрав книги, поэт пошел в сторону Хаджибека. Но не успел сделать и десятка шагов, как его нагнал мальчик Миёна.

— Вернитесь, дядя! Я вам в михманхане устрою место. Вы ведь замерзли!..

— Вот ключ от худжры, который я хранил у себя. Отдайте папе, а я пойду.

— Отец лег отдыхать и уснул. Если бы вы зашли к нам, он проснулся бы...

Отдав ключ мальчику, Мукими, не оглядываясь, пошел вперед. Когда он вышел на перекресток, у него вдруг помутилось в глазах, он поскользнулся и упал. Книжки разлетелись в разные стороны. Прохожие подняли Мукими и повели его к Мавлави Юлдашу.

Было уже темно. В михманхане Мукими уложили в постель. Он долго лежал неподвижно, затем, повернувшись к Мавлави, спросил:

— Я вас напугал?

Сидевший у изголовья Мавлави Юлдаш грустно сказал:

— Да, это плохие шутки! Лучше бы их не было!

Мавлави налил в пиалу чаю и подал Мукими.

— На улице так скользко! Все заледенело!

— Кусочек лепешки покрошить бы в пиалу,— пробормотал Мукими.— А сверху положить бы два кусочка пиленого сахара и размешать! По правде говоря, я сегодня еще ничего не ел.

— Сейчас! Сами вы себя не жалеете! О других заботитесь, а о себе на думаете! Я вот сижу здесь, давно жду вас, и кушанье уж остыло!

Едва Мукими прикоснулся к еде, послышался стук в калитку. Мавлави вышел открыть калитку и вернулся с Миёном Сотыболдыханом.

— Вы ведь свободно могли войти к нам! Или вы получили высочайший указ вручить мне ключ от худжры именно сегодня вечером и никак не позднее?!

— Мне хотелось мимоходом вручить ключ лично вам, но вы отдыхали. И я подумал: зачем я буду еще и вас беспокоить.

Присев, Миён Сотыболдыхан продолжал:

— Я никогда не забуду, что нас с вами воспитывал и обучал один и тот же учитель. И поэтому нет нужды раскрывать тайники сердца, чтобы выказывать свои чувства!..

— Все это вы говорите только потому, что я в неурочный час не вошел в вашу михманхану?

— А зачем вы отдали мальчику ключ и ушли?

— Не хотел злоупотреблять вашей дружбой...

— Ну, разве это не обида?

— Что же я должен делать, когда этот Мухи издевается надо мной? Смирненно стоять на коленях перед ним и позволить ему колоть орехи у меня на голове? Он и так житья мне не дает. И что такое я, когда сам святейший Ишанхан да и вы, господин Миён, пали на колени перед подлецом. Что же я могу сделать? Уж если верблюда унес вихрь, то козу ищи в небе.

— Что вы равняете меня с братом! У нас с ним разная жизнь. И потом у вас одно дело, у нас — другое: с нами Мухи ведет тяжбу из-за медресе. С вами главная тяжба на поэтическом поприще!

Мукими молча слушал, что говорил его друг. Мавлави Юлдаш вмешался:

— Мухи не тягается, а дерется. Он пытается уничтожить Мукими и его последователей, потравить выращиваемые Мукими молодые ростки поэзии. А ваше поражение, господин Миён, разве не приведет к поражению нашей новой поэзии!

Незаметно положив на сандал ключ, Миён Сотыболдыхан сказал:

— Давайте вернемся к годам нашей юности. Разве нельзя снова пережить радости и наслаждение, которые мы получали в те дни, когда с увлечением сочиняли свои первые стихи? Ведь чтобы вновь собрать поэтов, знатоков и любителей поэзии, устраивать оживленные беседы, у вас, дорогой Мукими, есть Мавлави Юлдаш, Миён Сотыболдыхан, которые всегда с вами. Я хочу помогать молодым поэтам, хочу отомстить Хаджи Мухи!

При падении на льду Мукими сильно ушибся. Но

только на другой день он почувствовал боль в ноге. Мавлави целую неделю лечил поэта. Однажды во время завтрака к ним вошел Миён Сотыболдыхан:

— Извозчик у ворот!.. Пожалуйте в гости ко мне в худжру.

Втроем они сели на фазтон и поехали в медресе Хазрат. В худжре у очага уже хозяйничал, засучив рукава, Завки, во дворе Зори колот дрова. А Ери, Нусрат, Залили сидели в худжре вокруг сандала и с нетерпением поджидали приезда учителя.

Литературные беседы, возобновленные с помощью Миёна, день ото дня привлекали все новых и новых молодых поэтов. Собирались в худжре каждый вечер. В сандале тлели горящие угли. Тесно усевшись вокруг сандала, молодые поэты читали новые стихи, по-товарищески поправляли ошибки и промахи друг друга. Мукими охотно давал им советы. Мавлави Юлдаш рассказывал о жизни поэтов, образованных людей, живших в прошлые века. Иногда Миён объяснял трудные, малопонятные стихотворения классиков, написанные по-персидски и по-арабски.

Мукими остался жить в худжре. Запретив музыку и песни, Мухи не мог запретить беседы и диспуты. Приехал Абдулла из кишлака Каримдевона и взял домашние дела в свои руки. Поэт Гариби вновь проявил свой поэтический дар.

Незадолго до этих событий на должность преподавателя кокандского медресе был принят молодой мударрис и поэт Алмаи, приехавший из Ташкента. Он запросто приходил к Мукими в худжру читать вслух свои философские стихотворения. Он приводил всех в восторг своим замечательным талантом. Иногда Алмаи переходил к наставлениям, давал советы молодым писателям держаться подальше от лицемерных духовных лиц, не поддаваться их влиянию. Так, по приезде этот молодой ученый сошелся не с Мухи и прочими духовными лицами, а с Мукими, Мавлави, Миёном Сотыболдыханом.

Всем понравилась мысль Мукими проводить поэтические и музыкальные состязания каждую пятницу в новом месте. В первый раз поэты отправились к гробнице «Модари хан» («Матери хана»). Они смели снег с гробницы, а выйдя оттуда, пошли в медресе Чалпак навестить Таджибая.

Он очень обрадовался приходу Мукими и других гостей. За дастарханом выступили слепые певцы. Среди них был

Эрка Кори, пленивший всех своим приятным высоким голосом.

По дороге домой поэт с довольным видом посмотрел на своих учеников и спросил:

— Наш первый «выход в пятницу», кажется, оказался очень удачным, а?..

— Безусловно!— согласился Зори.

— А можно узнать, как вы намерены провести следующую пятницу?— спросил Завки.

— В следующую пятницу попытаемся устроить беседу в другом месте со старыми учителями, певцами, музыкантами, послушать, как Шадман-хаджи под аккомпанемент дутара и тамбура исполняет «Таджнис», «Яланг Даврон», «Нолиш», а потом попросим Исмаила Махрама сыграть на свирели «Наво».

Уже дома, лежа в постели, Мукими подумал:

«Осенние холодные, резкие ветры и бураны, а также очень продолжительные зимние морозы мы уж как-нибудь проведем! А ранней весной «старушечьи дни»— последняя холодная неделя зимы — тоже пройдут, а там и весна не за горами!»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Несмотря на суровость зимы, Мукими не испытывал в тот год больших лишений. Небольшие заработки обеспечивали все необходимое. Он жил полной, интересной жизнью. В худжре его почти каждый вечер собиралась молодежь. Среди известных поэтов Завки, Ери, Залили, Нусрата, Мухаира появились новые таланты.

Мукими не жалел ни времени, ни сил, чтобы помочь им. Обычно он усаживал гостей-поэтов на почетное место, а сам внимательно их слушал, высказывал свои беспощадные суждения о прочитанных стихах, помогал исправлять не доведенные до совершенства стихи, приводил примеры из произведений поэтов-классиков, чаще всего из стихов Алишера Навои или газелей Физули. Иногда играли в шахматы, устраивали состязания острословов и далеко за полночь расходились по домам.

С большой любовью относился Мукими к Завки, который выделялся среди сверстников своими прекрасными газелями и сатирами. В Завки поэт видел самого себя. Стихи Завки, особенно сатирические, народ знал и любил.

Хаджи Мухи никак не мог стерпеть нового соперника. Он опять стал строить козни. Он стал всюду охаивать вечера в худжере Мукими, называл их «сборищем гуляк и бездельников». У баев за богатым дастарханом, в канцеляриях царских чиновников Мухи с пеной у рта доказывал:

— То был один поэт-бунтарь — Мукими. А теперь у него в худжере подготавливается целая орава молодых злостных писак. Берегитесь! Они не пощадят почтенных улемов! Разве вы забыли, что Мукими получил образование у безбожников домоллы Халила и Нохуша? Теперь в том же духе безбожия обучает молодых поэтов!

Представители духовенства вняли словам старого кляузника и подняли шум:

— Едва мы избавились от безбожника мударриса кори Файзулло, который, прикрывшись званием кокандского улема, ученого, намотав на голову большую чалму, обучал молодежь безбожным наукам. Так в самом медресе, словно мать ребенка в лоне своем, выращиваем новых безбожников!

Мударрис кори Файзулло — это тот самый ташкентский поэт Алман, который и подружился с Мукими.

Алмаи, еще учась в ташкентском медресе Бекларбеги, писал неплохие стихи. Он не только основательно познакомился с арабской и персидской литературой, но и изучил теорию стихосложения. Он писал стихи даже на арабском и персидском языках. Его старый учитель не мог уже сам писать, у него сильно притупилось зрение. Однажды он попросил Файзулло написать ответ на письмо, полученное от кокандских друзей.

Уединившись в своей худжере, кори Файзулло написал ответ в стихах на арабском языке. Учитель был поражен.

Столь же поразились, прочитав письмо, кокандские улемы. Человек, который привез письмо, очень хвалил Файзулло Алмаи: «Этот молодой человек не только поэт, но и ученый! Все в Ташкенте так говорят!..» В кокандских медресе не хватало мударрисов. Кокандские улемы попросили прислать к ним кори Файзулло в медресе Хаким-айим. Не так-то легко было этого добиться. Назначение каждого мударриса утверждалось генерал-губернатором. В конце концов ташкентским улемам удалось получить разрешение на выезд в Коканд Файзулло Алмаи. В то время Алмаи был стройным, красивым молодым человеком. Ему исполнилось только двадцать пять лет. Молодой преподаватель вскоре снискал любовь учеников не только медресе Хаким-айим.

Уважение к Алмаи росло, но вместе с ним росла и ненависть к нему улемов, мулл, ишанов. За молодым преподавателем установили слежку. Однажды Алмаи нечаянно во сне положил вытянутые ноги на священную книгу коран, которая лежала у очага. Соглядатаи заметили это и подняли шум. Улемы потребовали кори Файзулло ответить им на вопрос: «Почему это вы уснули, положив ноги на коран»? Алмаи беспечно ответил. «Человек дороже не только одного корана, он дороже всего на свете! И коран, и хлеб созданы для человека!»

Улемы пришли в ужас и потребовали: «Изгнать этого мударриса!» Кори Файзулло Алмаи был изгнан из Коканда. Вернувшись в Ташкент, он поселился на окраине города и стал заниматься литературными переводами, чем и поддерживал свое существование. Он перевел с арабского языка «Калилу и Димну», с персидского — «Чор-дарвиш» — «Четыре дервиша».

Расправившись с Алмаи, взялись за Мукими.

«Запретить Мукими собирать в своей худжре молодых поэтов. Нам не нужны новые Мукими и Алмаи!» — вопили они.

Приближалась весна. Все сильнее пригревало солнце, на ивах набухли почки, и вскоре зазеленели первые листья. Из худжры вынесли сандал, а его место занял низенький столик. Пришла пора пахать землю и сеять зерно. Мукими решил прервать на месяц встречи в худжре. Беседы с друзьями были перенесены в сады Чорчамана к берегу Гальчасая. Поэты совершали прекрасные прогулки в дни цветения миндаля и урюка.

С согласия Мукими Абдулла уехал в кишлак, чтобы обработать свой участок земли.

Как-то после завтрака поэт, постелив палас на глиняной суфе, сел поудобнее и, греясь на солнышке, стал писать стихи. Внезапно он отложил калам: по всей махалле Беквачча разносился приятный запах пшеничной каши с мясом. Как раз в этот момент появился Гариби.

— Ваалейкум ассалам! — ответил на его приветствие Мукими. — Вы ни о чем не догадываетесь, мулла Исмаил?

— Нет!

— А вы попробуйте понюхать хорошенько, может быть, почувете, что творится в мире?..

— А это не запах ли сумальяка? А-а, узнал — варится пшеничная каша с мясом! Благодатное яство, особенно весной, считается редчайшей пищей, дарующей исцеление! Может быть, ее варят знакомые люди? Я схожу узнаю!..

Вскоре Гариби вернулся.

— Узнал, мулла-ака! Во дворе штукатура Батырходжи висит большой котел, и в нем варится пшеничная каша. Батырходжа — дядя вашего приятеля муллы Абдувахаба! Напишите-ка небольшое письмецо, подшутите над ним!

В тот же миг Мукими написал стихотворение в четыре строки. Взяв лист бумаги, Гариби пошел во двор Батырходжи и отдал стихотворение мулле Абдувахабу, который как раз пришел к своему дяде и выкладывал из котла кашу на блюдо. Абдувахаб прочитал вслух:

Абдувахаб и Ходжаджан-джигит,
Пусть каша из котла не убежит!
Побольше черпаком мне наложите:
Здесь, в келье, хворый Мукими лежит.

Все были очень довольны этим экспромтом и посмеялись от души. Абдувахаб сейчас же наполнил кашей полную миску для Мукими.

Каждую весну Мукими чувствовал недомогание: начинались головные боли, во всем теле ощущалась слабость. С наступлением жарких дней болезнь усиливалась. Восточные табибы называют эту болезнь «савдои» — меланхолией.

Все чаще Мукими хотелось остаться в одиночестве. У него пропал аппетит. Ему нравились лишь лапша с кислым молоком.

Отсыпав в платок муки и взяв несколько луковиц, Мукими пошел в дом покойного домоллы Халила и постучал в калитку.

— Шарафат! А, Шарафат! — окликнул он.

Девушка уже достигла совершеннолетия и закрывала лицо. Она не показывалась с открытым лицом даже Мукими, близкому ученику своего отца. Судя по тому, что рассказывала ее мать, покойный домолла Халил часто говаривал: «Рассчитывал я принять Мухаммеда Аминходжу зятем к себе в дом, но молчал, потому что Шарафат была еще маленькой...»

Когда Шарафат приоткрыла калитку, Мукими положил узелок с мукой и луком на порог и отошел. Девушка нагнулась поднять с порога узелок. Ее блестящие длинные волосы коснулись земли, и это не ускользнуло от поэта. Он тихо вздохнул. Вернувшись в худжру, поэт приоткрыл небольшое окошечко, выходившее на улицу, и сел у него. Каждый день Шарафат приносила и подавала в это окош-

ко миску с готовой лапшой. И сегодня, как обычно, он поджидал, когда появится девушка.

Но едва Муками расположился на подстилке, как в худжру вошел Эгамберды. После взаимных приветствий он дал «отчет» о начатом деле:

— Старую кибитку, доставшуюся Зиёде-биби в наследство от ее первого мужа — отца Ойши, соседи привели в надлежащий вид, устроив для вдовы хошар. Дом находится недалеко от чайханы, и Зиёда-биби может варить у себя рисовый суп с мясом для посетителей чайханы. Это раз! Женщина-врач, лечившая больную руку Ойши, отказалась от денег. Это два! Ойша дала обет — когда рука совсем заживет, вышить тубетейки Муками и Мавлави. Это три! Ну, хорошо я выполнил ваши поручения?

Муками принялся благодарить друга и поделился с ним своими огорчениями.

— Акбарходжа учится плохо. Видно, из него не выйдет человек. И я первый виноват в этом. Другая виновница — это, конечно, Зиёда-биби! Всю свою злость она срывала на мальчике. Такого малого, беспомощного ребенка она вечно колотила, измывалась над ним.

— Поручите мне учить и воспитывать Акбарходжу. Я взял бы мальчика у Зиёды-биби и отдал в ученики к толковому мастеру, постоянно присматривал бы за ним.

— Ваше предложение, Эгамберды, разумно. Благодаря вам он овладеет каким-нибудь ремеслом...

Беседу прервал тихий стук: Шарафат-ой принесла лапшу. Поставив чашку на подоконник, она ушла. Муками переложил половину лапши в касу и поставил ее на дастархан перед гостем, а сам принялся разламывать лепешку. За окном послышался шорох. Поэт поднял голову и увидел ухмыляющуюся физиономию Мухи, заглядывавшего с любопытством в худжру. Поэт раньше никогда не видел, чтобы Мухи смеялся, и удивился:

— Пожалуйте, господин Мухи! Заходите в худжру покушать с нами лапшу!..

— Спасибо! Кушайте сами! Хватило бы только вам! Слышал я, что вам, господин Муками, нездоровится, и очень встревожился, хорошо ли вы себя чувствуете, Мухаммед Аминходжа?

— Спасибо за заботу! Весной всегда повторяется моя болезнь. Уверен, что моя «савдон» скоро пройдет. Да и не такая это опасная болезнь, чтобы из-за нее беспокоиться, особенно таким занятым людям, как вы...

— Хорошо, что так! Когда будете одни, пожалуйста,

приходите в нашу худжру. Тоску и скуку человека может разогнать только человек.

— Конечно, господин Мухи, конечно!

Лицо Хаджи Мухи исчезло. Сомнения охватили Муки-ми: что значат его льстивые речи? Наверное, опять хочет устроить какую-то каверзу?

Вскоре Эгамберды ушел. Мукими прикрыл окошечко и лег подремать. Часа два спустя пришел Мавлави Юлдаш. Он принес в фарфоровой каше пшеничную кашу с мясом и лекарство.

— Моя старушка сварила вам кашу.

— Спасибо! Желаю вашей матушке доброго здоровья!

— А это вот пилюли от слабости, вялости.

— Тысяча благодарностей.

Пощупав у Мукими пульс, Мавлави Юлдаш заявил:

— Э, да вам непременно надо переменить обстановку и подышать свежим воздухом.

Не прошло и нескольких дней, как Мукими вместе с Завки отправился в Андижан. Он решил познакомиться друга с андижанскими поэтами.

Оба поэта долго гостили в Андижане, побывали в окрестных кишлаках. Но на душе у Мукими было неспокойно и тянуло в Коканд. Он даже в Маргилане не захотел остановиться. Когда они ехали в поезде, Мукими все извинялся перед Завки:

— Моя хворь — чтобы ей пропасть этой «савдон»! — помешала нам. Уехали мы раньше всех. Спешим, а зачем? Ну хоть бы меня ждали в Коканде важные дела!..

— Но все же неделю мы провели очень хорошо, — возразил другу Завки. — Вы удостоили меня чести беседовать с выдающимися людьми. А в Маргилан мы съездим в другой раз.

Завки сказал так, чтобы не огорчать Мукими. На самом деле, ему очень хотелось еще пожить в Андижане, а затем на несколько дней остановиться в Маргилане. Но теперь Маргилан остался позади, и утром следующего дня они вернулись в Коканд.

Едва Мукими вошел в худжру, как Гариби огорчил его пренеприятной вестью: «Мавлави и Миён с нетерпением ждут вас. Говорят, доктор Кузьмич и русский старик, тот, который был с вами в Акджаре, сосланы и куда-то очень далеко!..»

Мукими немедля пошел к Мавлави Юлдашу.

— Да! Отправили в ссылку в далекую Сибирь, — печально подтвердил Мавлави. — А начальника Акджарской

пристани услали куда-то в степи, которые начинаются за городом Алма-Ата и тянутся далеко в сторону Сибири.

— Ой-ой!.. Что вы говорите, Мавлави!.. Ах, как жаль!..

— В наше время нет жизни хорошим людям.

Именно эта неприятная новость заставила Муками поторопиться с давно задуманной поездкой в Ташкент. Поэт чувствовал, что в Коканде оставаться сейчас нельзя. Он нашел себе попутчиков — известного музыканта, тамбуриста Салиха-хаджи и певца Абдуллу-бульбулу.

Спутники Муками, кроме дутара и тамбура, везли каждый по маленькому красному хурджунчику и по туго перевязанному ремнями чистому мешку с постелью.

Багаж Муками был гораздо тяжелее. Кроме одеяла и подушки, завернутых в белую простыню и перевязанных веревкою, у него был еще хурджун, одно отделение которого было доверху наполнено книгами и бумагами, другое — лепешками. Был у Муками еще узел с одеждой и мешок с фисташками и миндалем. До отхода поезда Абдулла успел сходить за кипятком и заварил чай в большом чайнике. После третьего звонка поезд тронулся, и вагоны медленно покатались по рельсам. Среди провожавших стояла в парандже Зиёда-биби. А рядом с ней, вцепившись рукой в паранджу, тоскливо смотрел вслед уходящему поезду Акбарходжа. Провожать Муками вышли осиротевший Гариби, старые певцы и музыканты, несколько ремесленников и поэтов. Муками высунул голову из окна и все смотрел в сторону быстро удалявшегося вокзала.

Наконец он отошел от окна, незаметно вытер слезы концом рукава и сел на свое место. За чаем один из ташкентцев спросил:

— Уважаемый Муками! Образованные люди, живущие в Ташкенте, с гордостью говорят, что будто бы вы родом из Ташкента. Можно ли этому верить?

— Мой дедушка пекарь Мирфозиль жил в Ташкенте недалеко от Чорсу в махалле Эскинамозгох. Потом он переехал в Коканд. В то время мой отец Мирзаходжа был еще маленький.

В свою очередь Муками расспросил спутников про их поездку в Коканд. Оказывается, они приезжали в Коканд по просьбе чайханщика Ильхама, который держит чайхану в Ташкенте на Чорсу. Недавно в Ташкенте учреждено акционерное общество по продаже граммофонов и пластинок. Правление общества посылает своих людей в Бухару, Самарканд и другие города разыскивать из-

вестных узбекских певцов и приглашать в Ташкент для записи песен и макомов.

Грамофоны и грамофонные пластинки в то время уже появились в Коканде, но пока только в михманханах у баев. Мукими с большим интересом слушал эти разговоры. Он подумал: хорошо, если бы это чудо сделалось поскорее доступным простым людям. На пластинках будут записаны песни лучших певцов, и их услышат всюду.

В полночь поезд прибыл в Ходжент. Прошло много времени, пока происходила смена паровозов. Путники, попив чаю ходжентской заварки, улеглись спать. Перед рассветом поезд пришел на станцию Урсатьевскую и долго стоял, ожидая встречного из Ташкента.

Наконец поезд снова тронулся. За окнами тянулась безжизненная Голодная степь. Паровоз выбрасывал клубы дыма и сажи и лениво тащил вперед восемь вагонов. Стояла жара. На перронах маленьких станций томилась в ожидании по два-три пассажира. Но едва проехали по мосту через Сырдарью, как в окнах замелькали другие картины — и поля, и сады, и низенькие дехканские домики.

Наконец, еще через много часов, поезд прибыл на станцию Ташкент. Мукими, взвалив на спину тяжелый хурджун, словно странник, прибывший на чужбину, ступил на землю своих дедов. Спутники помогли Мукими, взяв половину его груза, но и то, что поэт взвалил на свою спину, было так тяжело, что он еле передвигал ноги. Извозчика брать не захотели. Все поехали на конке. Миновав куриный базар — Урду, конка, звеня колокольчиками, покатила по узеньким улицам к Шейхантауру и дальше в сторону Хадры.

В Новом городе улицы были вымощены круглым ровным булыжником. За Урдой шла мостовая из чересчур больших камней с острыми выступами. И лошади не могли проходить здесь спокойно, а ехать на арбе было мучением из-за неимоверной тряски.

— Зачем понадобилось делать такую дорогу? — удивился Мукими. Сидевший с ним рядом Салих-хаджи словоохотливо разъяснил:

— Улицы Нового города были вымощены камнями обычной величины. А для мощения Старого города привезли булыжник помельче. Баям и аксакалам это не понравилось. Пошли всякие разговоры. Было задето самолюбие почтенных людей. Баян написал жалобу генерал-губернатору: «Улицы Нового города вымощены крупными камнями, а для улиц Старого города привезли мелкую

гальку. Разве это не унижение для нас, мусульман? Что же касается наших достоинств и преимуществ перед новгородскими богачами, то они есть, а вот недостатков у нас нет! Чем же мы хуже их?»

Познакомившись с жалобой, генерал-губернатор приказал: «Выломать и выбросить всю мелкую гальку, которой вымощены улицы в Старом городе. Вместо нее уложить в мостовую крупные камни!» Глупость и самомнение баев привели к тому, что народ испытывал трудности и мучения.

Чтобы пройти в Кашгар Махалль, Салих слез с конки на Урде. Абдулле-бульбулю надо было выходить около Балян Мечети. Но ради дорогого гостя он проехал вместе с Мукими до Хадры и помог ему донести до чайханы одеяло и хурджун. Отдохнув немного, они взяли ташишку, который понес вещи в кибитку Абдуллы-бульбуля в махалле Алмазар. Абдулла-бульбуль был одинок. Это избавило Мукими от лишних забот и дало возможность спокойно отдохнуть после утомительного путешествия.

— Сколько бы вы ни жили здесь,— сказал Абдулла-бульбуль,— это меня не затруднит. Завтра я постараюсь разыскать вашего друга муллу Каримджана Ками.

— Значит, мы сегодня никуда не пойдём?

— Если вы желаете пройтись после отдыха, мы сходим на Чорсу, попьём чайку в чайхане у Ильхама, послушаем граммофон и вернёмся домой.

— В таком случае давайте уж сегодня не пойдём...

На следующий день в свободной чистой худжре Абдуллы-бульбуля Мукими встретился с муллой Каримджаном Ками. Вспомнили Закирджана Фурката, и Мукими пожалел, что его нет в Ташкенте. Под вечер Мукими и Ками сходили на Шейхантаур в надежде узнать что-нибудь о Фуркате, но им не удалось найти никого, кто бы знал, как и когда поэт выехал в Самарканд.

— Если вы согласны,— заметил Каримджан,— давайте съездим к одному очень интересному и образованному человеку. Имя его Саид Расуль Махзум. Он знаток богословия и философии. Состоит мударрисом в медресе Дегрез. Утром ведёт занятия со слушателями медресе, а с полудня преподаёт в русской гимназии узбекский язык. Он признанный знаток русского языка и даже пишет учебник русского языка для узбекских школ. Саид Расуль Махзум — друг Фурката и может много рассказать вам про него.

Уже стемнело, когда они на извозчике приехали в ме-

ресе Дегрез. Из окна худжры на кирпичные плиты падала светлая полоса от огонька лампы. Каримджан тихонько постучал. На стук вышел молодой человек, поздоровался с ними и ушел в худжру сообщить о пришедших.

И минуты не прошло, как молодой человек вернулся и любезно пригласил поэтов в худжру. Саид Расуль Махзум тепло приветствовал гостей.

— Не удивляйтесь, Махзум-ака,— сказал Ками,— что я привел вам гостя в неурочный час. Этот гость известный кокандский поэт Мукими.

— Какая честь! Какой почетный гость! Рад видеть вас! Пожалуйте к нам, брат мой Мукими.

Они обнялись. Саид Расуль Махзум пригласил гостей на почетное место.

— Когда мулла Закирджан Фуркат жил в Ташкенте он часто бывал у меня и всегда сидел на этом месте.

Они порасспросили друг друга о здоровье. Естественно, зашел разговор о Фуркате. Саид Расуль Махзум отозвался о нем как о человеке тонкой натуры.

— Поразительный талант! Свои стихи о гимназии, о русской школе, о музыке он написал вот здесь, в этой худжре.

— Жаль,— заметил Мукими,— теперь уж Фуркат не вернется в Ташкент!..

— Кто знает!.. А может быть, Фуркат приедет к вам в Коканд?..

— Вернее всего, нет. А где он теперь? В Самарканде?

— Нет, не в Самарканде... Есть слух, что Фуркат отправился путешествовать в дальние страны... И здесь есть секрет. Расскажу потом.

Махзум говорил как-то нехотя. И Мукими подумал, что неудобно спрашивать. Если Махзум захочет, сам скажет. Но и после угощения любезный хозяин ничего не сказал про Фурката. Поздно вечером Мукими и Ками распростились с Махзумом.

Ташкентские поэты, певцы и музыканты, а также и любители поэзии давно ждали Мукими и теперь, услышав, что он приехал, стремились в Алмазар, чтобы посмотреть на него и побеседовать с ним. Двери многих домов были открыты для поэта. Каждый вечер Мукими проводил в гостях, с интересом слушая стихи разных поэтов, часто устраивались вечера поэзии у Ками или Махмудхаджи и новых друзей, число которых быстро росло. Из молодых поэтов, которые прославились своими газелями среди ташкентских знатоков и любителей поэзии, постоянно

находились при Мукими Кушок Мискин и Хайбатулло Хислят.

Большую радость доставила Мукими встреча с поэтом Исамухаммедом Имам Мухаммед-оглы — Гульшаном, автором изяшных газелей и касыды на таджикском языке, посвященной приходу русских в Ташкент.

Благодаря стараниям друзей Мукими была представлена худжра в медресе Кукельдаш. К сожалению, она выходила окном на север и в ней было темно и сыро. Вдобавок ко всему в медресе жило много дервишей, ишанов, невежественных мулл, соседство которых не доставляло радости. Это нервировало его, нагоняло на него гнетущую тоску. В те часы, когда Мукими оставался один, он уходил в чайхану Ильхама.

Чайханщик Ильхам был неграмотным человеком, но в то же время смысленным, находчивым, много видевшим на своем веку, интересующимся новинками, наивно и искренне поражался чудесам науки и техники. Для поэтов и певцов он всегда отводил почетное место в своей чайхане.

Щедрость была отличительной и едва ли не главной чертой Ильхама. Всегда он приглашал кого-нибудь к своему дастархану разделить с ним обед, завтрак, ужин.

В переднем углу большой чайханы были расставлены маленькие столики на низеньких ножках, а около них постелены чистые курпачи. На другой половине чайханы стояли столы и стулья. Сюда часто заглядывали европейцы, приезжавшие посмотреть Старый город,

Посредине этой полувосточной полужуревпейской чайханы стояли широкие дощатые с перильцами полати. На них были постелены шелковые курпачи и стоял граммофон. Чайханщик Ильхам сидел здесь в кругу избранных посетителей и заводил граммофон. Здесь можно было послушать запись макомов и песен известных певцов Ташкента, Ферганы, Бухары и Самарканда.

У чайханщика Ильхама было два младших брата. Того, что постарше, звали Адыл Плешивый, другого, помоложе — Гулям Заика, Ильхам послал Адыла Плешивого в Петербург учиться на фотографа; младшего брата Гуляма Заику — определил в типографию изучать полиграфию. Он сделался мастером-гравером.

По соседству с чайханой Адыл Плешивый с помощью Ильхама открыл небольшую фотографию, а рядом в своей маленькой мастерской Гулям Заика изготавливал печати. Сам чайханщик Ильхам вошел в пай акционерной

граммофонной компании: приглашал в Ташкент певцов из разных городов и кишлаков для записи на граммофонные пластинки. В чайхане можно было встретить певцов из Ферганы, Бухары, Самарканда и Хорезма.

Вот почему Мукими часто посещал Ильхама и засиживался у него подолгу.

Поэт Каримджан Ками всюду сопровождал Мукими. Однажды он повез поэта в махаллю Арпапая в гости к писцу Шамураду. Как-то при встрече с писцом Шамурадом Каримджан Ками сказал ему, что в Ташкент приехал Мукими, и обещал приехать к нему вместе с ним, как только представится удобный случай. Встреча эта оказалась для Мукими приятной неожиданностью. Шамурад был не каким-то заурядным писцом, а образованнейшим человеком, искусным каллиграфом, прославившимся своим талантом не только на весь Ташкент, но и на весь Туркестан. В беседе за дастарханом он показал себя тонким знатоком литературы и признался Мукими, что он сделался искренним его приверженцем и поклонником его таланта. Когда речь зашла о стихах Мукими, Шамурад заявил, что он добьется того, чтобы напечатать в литографии сборник его произведений. Мукими и Ками переночевали в михманхане Шамурада, а утром втроем отправились в находившуюся в Сагычмоне литографию «Матбаи Гуломия» — «Литография Гуляма». Встретил их Гулям Хасан очень приветливо и выразил готовность принять к изданию сборник стихотворений Мукими. Подготовку сборника взял на себя каллиграф Шамурад. На вечер Гулям Хасан поставил одно условие:

— Чтобы вы сегодня были вместе с нами. У меня будет нарын. У меня мы спокойно обо всем поговорим.

Выйдя из литографии, каллиграф Шамурад попрощался и пошел в сторону Бешагача, а Мукими и Ками по кирпичным ступенькам поднялись в медресе Кукельдаш. Здесь у главного входа его ожидал молодой человек. Когда они вошли в худжру, юноша вынул записку от поэта Хильвати, который сообщил, что из Сайрама приехал певец Юсуф Саръеми. Хильвати просил оказать певцу честь — удостоить его своим посещением.

Прочитав записку, Мукими с улыбкой передал ее Ками:

— Сегодня, должно быть, мы с вами встали с правой ноги. За радостью новая радость! Если бы мы сегодня удостоились встречи с уважаемым Юсуфом Саръеми, это было бы большое дело!

Мукими и Ками спустились вниз и пошли в чайхану

Ильхама. Там они застали Салиха-хаджи и Абдуллубульбуля. Те сообщили им радостную весть о приезде из Коканда певцов Фарзинча и Абдукадыра.

Весна в Ташкенте принесла Мукими много интересных знакомств и встреч. Но с наступлением жарких дней знакомые разъехались по своим дачам. Оставшись один, Мукими скучал. Он сидел одиноко в темной, тесной, душной худжре медресе Кукельдаш и писал. В особенно душные дни он уходил в чайхану.

С наступлением вечера он уходил к себе в худжру, зажигал свечу и писал письма кокандским друзьям.

Так проходили вечера и ночи. Иногда поэт ходил в гости к своим родственникам, пекарям в махаллю Эскиномозгох.

Ташкент и в те времена был в несколько раз больше Коканда. По своему благоустройству город стоял на несколько ступеней выше, чем Коканд. Но «отцы города» вовсе не заботились о простых тружениках. Богачи жили в отлично построенных зданиях. Принадлежавшие им крытые торговые ряды, тысячи лавок и магазинов занимали чуть ли не половину всей территории города.

Заводов и всевозможных кустарных мастерских здесь было тоже несравненно больше, чем в Коканде. В них работали наемные рабочие. Жили они так же, как и пекари, — родственники поэта, — бедно, голодно, в глиняных кибитках. Ни у кого из них не было ни клочка земли за городом, куда они могли бы выехать на отдых в жаркое летнее время. Лето, с его знойными душными ночами, тянулось монотонно.

Очень обрадовал Мукими выход в свет сборника его стихотворений. Едва книга поступила в продажу, Мукими купил целую пачку своих книг и поехал в Коканд делать подарки друзьям. Прожив там две недели, он снова вернулся в Ташкент.

Постепенно Мукими привык к медресе Кукельдаш, к своей худжре. Приступы тоски, так угнетавшие его, прошли. Появление сборника стихов принесло Мукими известность и широкое признание. В худжру к поэту теперь часто приходили незнакомые люди. Музыканты и певцы сочиняли мелодии на слова его газелей и мухаммасов и повсюду их распевали. Сатиры Мукими передавались из уст в уста, переписывались. Многие приглашали поэта к себе в гости. Число почитателей росло с каждым днем. Из Коканда в Ташкент приехали Мавлави Юлдаш и Абиджан-аглям, доставив Мукими огромную радость.

Они гостили у Мукими целую неделю. Из Намангана прибыл поэт Нодим и остановился в худжере у Мукими. Вместе они побывали в гостях у Гуляма Хасана. И там удалось восстановить мухаммас, который выветрился у Мукими из памяти:

Я в ожидании, прелестница, томлюсь,
Как жду бесед твоих — на слезы я сошлюсь.
Услышать голос твой в разлуке я стремлюсь
И жду, когда вином с тобою поделюсь,
Я жду мгновений тех, когда с тобой сольюсь.

Но спутники твои — известный Шабарат
Да шах Джалиль, о ком, как о певце, твердят,
И благородны все, красавцы все подряд,
И каждый у тебя напироваться рад.
А я лишь с завистью вздыхаю и томлюсь.

Первые месяцы второго года жизни поэта в Ташкенте были отмечены важным событием — Мукими вместе с Каримджаном совершили поездку в Сайрам и несколько дней гостили у знаменитого Юсуфа Саръеми. Весной и летом Мукими три раза выезжал в Коканд и жил там по месяцу, по два. Когда Мукими вернулся из последней поездки, он стал свидетелем бурных общественных событий. В Ташкенте произошло настоящее восстание, получившее название «Ташотар» — «Швыряние камней». Народ обрушился с булыжниками на полицию, но был разогнан и подвергся беспощадным карам. Один из друзей Мукими — Инамходжа — в числе шестидесяти зачинщиков был брошен в тюрьму. От огорчения Мукими заболел. К тому же он простудился и его начали мучить приступы кашля. Он не выходил из худжры. Каждый день к нему приходили родственники-пекари и рассказывали городские новости.

Однажды они сообщили, что назавтра над участниками «Ташотара» состоится военный суд. Приговор был беспощаден и суров. Инамходжу приговорили к ссылке в Иркутскую губернию, а остальных — к различным срокам тюремного заключения.

Весть о дикой расправе тяжело отразилась на здоровье поэта. Болезнь его усилилась. Доктор, приведенный Каримджаном Камин, осмотрев Мукими, признал у него туберкулез легких. Он настойчиво рекомендовал поэту

весной уехать в Чимкент на кумыс. Когда доктор ушел, Мукими слабым голосом окликнул Ками и, грустно улыбувшись, сказал:

— Все равно сейчас зима, куда поедет? Если мне сделается полегче, отвезите меня в Коканд до весны, мой друг. Ведь у меня там все же родные, близкие. Лучше уж мне быть вместе с ними!

— Нет, Мукими, вы не отчаивайтесь так. Весной я сам поеду с вами в Чимкент. Поживем месяц-другой на прекрасных Чимкентских джайляу. Там кумыс, славащийся на весь мир своими целебными свойствами.

— Было бы так, мой друг! Кумыс — это замечательно. Ранней весной зарядили непрерывные дожди. В домишках у бедных вдов и сирот, которые не смогли залить крыши толстым слоем глины с саманом, было сыро. По кривым, длинным и узеньким улицам города бежали мутные потоки. Время тянулось нескончаемо. Поэт чувствовал себя в своей полутемной каморке все хуже. Но наконец рассеялись тучи, солнце согрело влажную землю, и сразу все изменилось, ожило. Зимней хандры и скуки как не бывало. Мрачное настроение у поэта рассеялось.

С нетерпением ждал Мукими наступления теплых дней. Он верил, что поездка в степь вернет ему силы, здоровье. Он мечтал о зеленых лугах, усеянных алыми брызгами тюльпанов, о чистом воздухе, о том, чтобы вволю попить целебного кумыса.

Нетерпеливо поэт прожил весь май. Но лишь в начале июня пришел Каримджан Ками и сообщил радостную весть, что послезавтра они в сопровождении друзей выезжают в Чимкент. И действительно, в назначенный день на рассвете путешественники пустились в путь. Степь напоминала бескрайний ковер тюльпанового цвета, раскинутый природой для дорогих гостей.

Гостеприимные жители Чимкента, узнав, что в числе гостей прибыл поэт Мукими, просто растерялись, не зная, где его поместить, куда посадить. Путешественники погостили в Чимкенте и затем выехали на горные пастбища, где как раз начинался кумысный сезон. Среди зеленого луга поставили две юрты.

Мукими в первые дни, пока не привык к кумысу, пил его понемногу, и лишь постепенно увеличивал дозу. Часто певцы и музыканты собирались не в юрте, а на зеленой лужайке, пели макамы, и звуки их песен летели ввысь. Полные до краев чаши с кумысом ходили по кругу.

Через две недели осунувшийся и пожелтевший за зиму

Мукими немного поправился. На щеках появился румянец. Как-то, выпив много кумыса, поэт, слегка опьяненный, вышел из юрты, распахнул халат и, подставив грудь степному ветру, громко воскликнул:

— Смерть преклонила колена перед настоящей поэзией! Выйдите, друзья, полюбуйтесь, как она раскаялась в содеянном! Смерть повела наступление против меня, но теперь отступила! Значит, сегодня можно сказать, что я победил смерть. С болезнями, горестями и печальями достиг я зрелого возраста. Но, прожив столько на белом свете, я до сих пор еще не знал, что такое настоящий отдых, подлинное удовольствие и наслаждение! И я хочу жить для того, чтобы испытать эту отраду, познать подлинное блаженство! Хочу писать касыды о жизни. И не одну, не две, а целые охапки! Кузьмич говорил: «О мой друг Мукими! Вы не очень-то горюйте! Уже близко то время, когда запылает над нами заря настоящей жизни...». И я, любящий жизнь, хочу удостоиться чести пожить в эти светлые дни!..

Выйдя из юрты, поэт Камн обнял своего друга.

Вернулся в Ташкент Мукими полный сил и энергии, но опять попал в тиски мелких неприятностей и неудобств. Пришлось жить под тем же мрачным, старым куполом в темной, сырой худжре по соседству с теми же черными пауками, как он называл заправил шарната. Вечера и ночи проводил поэт в тоскливом одиночестве. Голубое небо, зелень просторных пастбищ казались ему теперь сладким сном.

К осени поэт опять почувствовал себя слабым, вялым и боялся, что приступы кашля возобновятся. Тогда он принял решение вернуться на родину. В сопровождении Каримджана Камн Мукими уехал в Коканд.

Незадолго до того на должность попечителя имущества снова был назначен Миён Сотыболдыхан. Запущенное хозяйство он восстановил. Разбредшиеся воспитанники снова вернулись, и в медресе сталолюдно.

Миён вызвал Абдуллу из кишлака Каримдевана и передал худжру в его распоряжение. Сам он каждый день из уважения к отсутствовавшему Мукими приветливо принимал его друзей, устраивал читку стихов, выступление музыкантов. Но он и все друзья понимали, что поэта никак заменить нельзя. И все беседы так или иначе сводились к воспоминаниям о Мукими.

Весть о возвращении Мукими быстро разнеслась по Коканду. Люди группами и в одиночку потянулись к медресе Хазрат. Целый день в худжре толпился народ. Поэта радовало такое внимание людей, хотя он еле сидел от усталости. Мукими крепился, набравшись терпения, и говорил вежливо со всеми посетителями, снова и снова отвечая на многочисленные вопросы. Во время беседы ему то и дело приходилось вставать — приветствовать входивших людей и вновь садиться. Только через неделю поток посетителей схлынул и поэт мог свободно разлечься на одеялах в худжре и отдохнуть.

— Уважаемый учитель! — обратился к нему Гариби. — Вы, наверное, соскучились обо мне? Уж сколько времени я не растирал вам спину, не разговаривал с вами...

В ответ на вопрос Гариби поэт покачал головой и усмехнулся:

— С тех пор, как вы растирали мне спину, много воды утекло! Теперь при моей болезни я не перенесу таких нежностей! Но по беседе с вами я соскучился. Расскажите, как и чем вы живете? Чем занимаетесь?

Гариби быстро взглянул на Абдуллу и уставился в землю. Вместо него ответил Абдулла:

— Исмаил не захотел обмывать покойников, он пошел в ученики к могильщику с кладбища Шайхон.

Вздрогнув, Мукими поплевал за воротник рубахи: — Тьфу-тьфу!

Пытаясь найти выход из неловкого положения, Гариби постарался обратить все в шутку. Мукими сказал:

— Ничего, профессия неплохая, нужная.

Гариби оправился от смущения. Немного погодя он ушел домой.

В ту ночь Мукими хорошо отдохнул. После завтрака, взяв под мышку несколько своих книг, привезенных из Ташкента, завязав в платок лепешки, фрукты, он пошел навестить Анбар-атын.

Прошло три года с тех пор, как Мукими в последний раз видел Анбар-атын, но здоровье ее не улучшилось. Она все так же сидела в постели, разбитая параличом. Лицо ее осунулось, глаза ввалились. Единственным утешением ее были по-прежнему стихи. Утешало поэтессу и то, что оба сына ее обучились грамоте и могли красиво, выразительно читать. Своим приходом Мукими доставил поэтессе большую радость.

Попрощавшись с ней, он пошел в махаллю Элякбоп к больному другу Закиру-хаджи. Навестив его, Мукими

направился на базар в чайный ряд. Абидджан был в своей лавке. Когда они распивали вдвоем чай, к лавочнику подошел высокий худой нищий, обросший неряшливой бородой. Ноги его были обмотаны тряпками. Попросив милостыню, нищий буквально впился в лицо Мукими.

Удивленный и встревоженный поэт растерянно шарил в кармане, но нищий затряс головой и, подойдя вплотную, тихо заговорил:

— Не удивляйтесь! Вы меня забыли... Мы с вами вели беседу у пекарей в Ташкенте. Мое имя Инамходжа...

— Это вы? О! Вот как!..

Мукими протянул руки, но Инамходжа еще тише прошептал:

— За мной следят! Если вы мне назначите более удобное место, я вам все расскажу...

Растерянно Мукими сказал:

— Чайхана Эгамберды в Шалдырамоке. Завтра утром...

Нищий пошел своей дорогой. Мукими долго смотрел ему вслед. Убирая и складывая свой товар, Абидджан удивился:

— Кто такой? Он вроде вас знает.

Закрыв лавку на замок, Абидджан пошел вместе с Мукими в медресе Хазрат. По дороге поэт с волнением начал рассказывать:

— Сколько раз в Ташкенте я сидел с ним в гостях и приятно беседовал. Ведь он мой дальний родственник. А потом народ в Ташкенте поднял восстание, и Инамходжа в нем участвовал. Мои родственники, бедняки пекари, рассказали мне, что военный суд приговорил Инамходжу к ссылке в Сибирь. Как он попал сюда, не знаю. Чем ему помочь? Дорогой друг, никому не говорите...

Придя в худжру, Мукими и Абидджан занялись чтением писем, полученных от Рузимухаммеда, и долго разговаривали о Москве.

Приход Мукими в Шалдырамок немного удивил Эгамберды. Дело в том, что поэт накануне вместе с Абдуллой целые сутки гостил в михманхане, пристроенной сзади чайханы.

— Зайдем в михманхану и поговорим,— сказал Мукими.

В михманхане поэт спокойно поведал обо всем, что случилось с Инамходжой.

— Этот замечательный человек сейчас придет к чайхане. Выйдите на улицу, по стойте там... Как только он

появится, приведите сюда. Только чтобы никто не видел.

Сейчас же чайханщик вышел на улицу.

Инамходжа уже сидел под большим талом. Эгамберды позвал его в худжру.

Мукими тепло поздоровался с Инамходжой, пригласил его на почетное место, но тот отказался пройти вперед. Тогда Мукими сел с ним рядом около двери и принялся расспрашивать его о случившемся.

— Был суд,— тревожно озираясь, рассказывал Инамходжа,— меня приговорили к ссылке в Иркутск. Я был в отчаянии. Думал, что погибну в ссылке. В тех краях ужасные морозы. Не знаю, по какой причине, но вдруг приговор изменили, вернули меня из Сибири и выслали навсегда в Коканд. Но при этом строго предупредили, чтобы я не заводил знакомств, ни с кем не разговаривал и не лез туда, где собираются люди. За мной установлена слежка. Я часто замечаю, что за спиной у меня маячат доносчики. На работу меня нигде не берут. Увы, я, молодой парень, гибну во цвете лет! А что мне делать? Приходится таскаться по базарам и просить милостыню!

Мукими и Эгамберды-хаджи растерянно переглянулись. После непродолжительного молчания чайханщик предложил:

— Если не причинят мне никакой неприятности, то я мог бы кое-что предложить. У меня в чайхане найдется для вас работа...

Инамходжа печально опустил голову.

— Тысячу раз спасибо за вашу заботу!— сказал он.— По-моему, никто не причинит вам неприятности. Ведь это же черная работа в чайхане. А я вас не подведу.

За эту работу Эгамберды обещал подарить Инамходже одеяло, дать худжру для ночлега и кормить.

— Нет ничего удивительного в том, что суд может опять изменить приговор,— сказал Мукими.— Вот тогда дорога будет открыта, и вы вернетесь в Ташкент.

— Мое счастье, что я попал в Коканд. Особенно я рад, что встретился с вами. Это спасет меня от преждевременной смерти.

Успокоенный Мукими вернулся домой в свою худжру. Там его поджидал Мавлави Юлдаш. Мукими не скрыл от него, с какой целью он ходил в Шалдырамок. Мавлави Юлдаш, выразив восхищение его заботой о бедном ски-талце, тут же принялся укорять Мукими:

— Мы, ваши друзья, решили пореже приходить к вам, чтобы не беспокоить вас, чтобы вы не суетились и не теряли

силу. Кстати, вам надо поменьше писать и не утруждать себя хлопотами. Неужели вы не можете посидеть спокойно?..

— Зря, видно, я сказал вам об Инамходже, кажется, навлек на себя ваш гнев!..

— Чтобы гладить по голове бедных скитальцев, надо прежде всего самому быть здоровым!

— Теперь из худжры я совсем не выйду, брошу заботиться о людях, перестану писать стихи. И скажу, чтобы меня не называли больше Мукими!..

— Некоторые ваши поступки, ишан-ака, можно назвать ребячьими и даже больше того!

— Если я буду поступать так, как вы сказали, тогда какая будет разница между мною и малыми детьми?

— Разве это не детский лепет? Вы знаете, что у вас есть враги, которые только и ждут, чтобы ваша болезнь усилилась. Знайте также и то, что тысячи простых людей устремили свои заботливые взоры на эту худжру!

— Неужели моя болезнь так опасна?

— Пока еще опасности нет. Но нельзя допустить беспечности. Ухудшение не заставит себя ждать... Тогда если воскреснет сам Авиценна, он не сумеет вас вылечить!

— Вы хотите сказать, что я умру? Нет! У меня еще много дел, которые необходимо сделать, у меня есть интересные замыслы новых произведений!

— Вот поэтому-то и надо серьезно лечиться.

Зимой поэт перестал выходить из худжры. Вместо плова, к которому он привык в медресе, ему приходилось есть молочную рисовую кашу и молочный суп. Иногда, чтобы сорвать свою обиду на болезнь, Мукими терзал бумагу и камышовое перо. Порой вечерами ему хотелось послушать под аккомпанемент дутара мелодию «Сайкал», и он умолял муллу Абдуллу разыскать певца Шадмана. Абдулла отправлялся на поиски и приводил его в худжру.

Часто Мукими так мучили приступы кашля, что изо рта выступала пена. Выбившись из сил, он часами лежал в изнеможении. И лишь перед самым рассветом Мукими, усталый, измученный, засыпал.

Почти всю зиму Закир возил поэту из кишлака на лошади молоко. Дехканина очень заботило здоровье Мукими. И даже когда пришла весна, он продолжал приехать чуть ли не ежедневно, хоть и был очень занят полевыми работами. Иногда, поручив кому-нибудь в караван-

сараяе присмотреть за лошадей, Закир сам готовил обед для Мукими. В иные дни он оставался ночевать.

Много было у Мукими настоящих друзей, таких, как Закир-хаджи. Они часто навещали его. В первые дни июня Мукими вспомнил, что в это время в прошлом году он отдыхал на летних пастбищах Чимкента, и все жалел, что не может поехать опять на кумыс. Друзья не советовали ему ехать так далеко и уговорили Мукими, чтобы он согласился выехать в окрестности Коканда на несколько дней вместе с Мавлави Юлдашем. Закир-хаджи приехал к медресе на арбе. Для Мукими постелили толстое одеяло. В Каратепа в саду Закира они пробыли два дня, ночевали на открытом воздухе. Мукими чувствовал себя хорошо. Тут вдруг ему пришла в голову мысль поехать до Яйпана. Здесь в тот же день был базар. Мавлави Юлдаш и Мукими стали расспрашивать лавочника, торговавшего под балаханой:

— Нельзя ли нам найти где-нибудь подходящее укромное место, чтобы остановиться на отдых, всего на часа два? В чайхане шумно, а наш спутник нездоров.

Лавочник указал на балахану:

— Пожалуйста! Свободная чистая комната наверху! Сегодня я буду вам слугой.

Но вот пришел Закир-хаджи, тепло поздоровался с хозяином и познакомил с ним Мукими и Мавлави Юлдаша.

Оказалось, что лавочника зовут Абдурахим. Угощая гостей за дастарханом, он стал рассказывать про Закирджана Фурката. Выяснилось, что когда Фуркату было двадцать пять лет, он жил на этой балахане целый месяц. Абдурахим рассказал, что он учился с Фуркатом в Коканде в одном медресе и даже жил с ним вместе в одной худжре.

Он нашел у себя в бумагах один бейт газели, написанный Фуркатом, и прочитал гостям:

Чем с богачами пить вино в беседе-перебранке,
Достойней кровь лакать со псом из песьей же лоханки.

Оказывается, Абдурахиму было уже известно, что Фуркат уехал из Ташкента в Самарканд, а оттуда отправился за границу. Он совершил путешествие по Аравии, Греции и Индии. Из Индии через горы добрался в Кашгарию, в Яркенд, и решил обосноваться там на постоянное жительство.

Так друзья коротали время в рассказах и воспоминаниях. Поев плова, приготовленного на сливочном масле, гости вечером отправились в Коканд.

С тревогой Мукими узнал от Абдуллы, что Эгамберды днем куда-то ушел и до сих пор не вернулся, а его ташкентец Инамходжа тяжело болен и лежит в чайхане. Тревожные мысли не давали Мукими заснуть, и он долго метался в постели. А рано утром в худжру пришел Акбарходжа и сообщил, что Инамходжа скончался...

Попробовал Мукими встать и пойти на похороны, но у него не было сил подняться. Единственное, что он мог сделать,— это послать Гариби и Абдуллу во все махалли оповестить друзей, чтобы они с почетом похоронили изгнанника. Друзья собрались и устроили похороны. Носилки с телом Инамходжи понесли на кладбище для приезжих странников, скитальцев и там похоронили.

Когда все собрались в худжре, Мукими с глубокой скорбью прочел собравшимся друзьям стихотворение, написанное на смерть Инамходжи.

Волнения и тревоги повлияли на Мукими, силы покинули его. Изнуренный болезнью, лежал он в худжре. Длинных бесед не переносил, но с пером и бумагой не расставался. Написанные им в эти дни газели переходили из рук в руки. На слова его стихотворений сочинялись мелодии, и эти новые песни быстро распространялись среди народа.

Согбенный годами Мумин Хуноб, опираясь на посох, плелся по улочке махалли Беквачча мимо медресе к Кальваку. Он ворчал, кого-то браня или сетуя на что-то. И как обычно, поравнявшись с медресе Хазрат, Мумин Хуноб, насупившись, посмотрел в сторону медресе и выругался.

Стоявший у входа в медресе Мухи окликнул старика:
— Постойте! Я хочу у вас кое о чем спросить!

Еще больше нахмурившись, Хуноб посмотрел на Мухи:

— Что вам, таксыр?

— Во-первых, я хочу спросить: почему вы, проходя по улице, всегда ругаетесь? Во-вторых, кого вы ругаете? На кого ворчите?

— Не заставляйте меня ворчать, таксыр! Оставьте! Не задерживайте меня!

— Или вы ругаете Мукими? Скажите по правде.

Мумин Хуноб уставился глазами на Мухи. Потом покачал головой и заговорил:

— Это я-то ругаю Мукими?! С чего вы это взяли? О аллах! Что мне делать? Нет у меня прежней силы!.. Если бы я раньше услышал такое, да я бы с корнем вырвал

язык у любого, кто говорит такие слова! Эх, ты!.. Ну и святейший ишанхан!

— Ты, босяк, говори, да не заговаривайся!.. Невежда!

— Хотя ты и называешь меня так и ругаешь Мухаммеда Аминходжу, сам-то и мизинца его не стоишь! Да я один волосок его не сменяю на сотни бород таких вот, как у тебя!.. Понял?

— Хватит!..

— Ну и разнарядился! Одно восхищение! А чалма-то какая большая, просто прелесть! Красавец да и только. Смотри-ка, какой он вопрос мне задал, а?!

Стоило только задеть Мумина Хуноба — остановить его было трудно. Все это знали. Он шел своей дорогой и все ворчал и ворчал. Мухи ушел в медресе, со злостью захлопнув дверь худжры, дрожащей рукой взял перо и, задыхаясь от злости, стал что-то писать.

Опять подули резкие, пронизывающие осенние ветры. Тяжкий недуг приковал Мукими к постели. Опершись на подушку, он грустно смотрел в окошко. На макушках деревьев еще остались одинокие пожелтевшие листики. Один за другим они срывались и падали на землю. По улице торопливо прошел старик в старых кожаных калошах на босу ногу, с охапкой хвороста под мышкой. Закоченевшей рукой он поднял полу истрепанного халата и прикрыл багровое от мороза лицо. Затем прошли молодые ремесленники. Они вполголоса напевали песню и так увлеклись, что даже не обращали внимания на холодный ветер, который жег и щипал им лицо и уши. И теплое чувство согрело сердце поэта. Он узнал в песне свои слова.

Но не нашлось на улице человека, который сказал бы юношам: «Вот здесь, в худжре, за маленьким окошком, сам Мукими! Ваша песня — целебное средство от его болезни! Она исцелит его! А вы беспечно проходите мимо. Вернитесь, еще раз спойте эту песню!»

Никто, кроме самого Мукими, не знал, насколько тяжело он болен. Подозвав к себе Гариби, поэт попросил его:

— Сходите к своему могильщику и приведите его сюда. У меня есть к нему дело. Только никому не говорите об этом...

Простодушный Гариби подумал: «Должно быть, он хочет про меня сказать что-нибудь». Он сходил за могильщиком и привел его в худжру. Мукими отослал Гариби и сказал могильщику:

— Ну, как там красавец аргуван, что вы посадили на кладбище в Шайхане, хорошо растет? Теперь уже, наверное, выросло большое дерево?.. А?

— Да, это дерево уже выросло. Ветви его свесились как раз над могилой господина Джабали.

— Чтобы не затягивать нашу беседу, перейдем прямо к цели. Придется вырыть еще одну могилу около этого аргувана, только с другой стороны, чтобы была в ногах господина Джабали...

— Для кого? Кто умер?

— Вы сами видите, в каком я положении. Кому же еще надобна могила?..

— Ну, вы это оставьте!— испугался могильщик.— Не кличьте насчастье на свою голову!

Не желая слушать поэта, могильщик простился и поспешил уйти. Между тем прошло три дня. Муками попросил Абдуллу вывести его на солнце. Когда он лежал у порога прихожей, вошел в шубе на меху из лисьих лапок Мухи и стал расспрашивать о здоровье. Затем, сказав, что сегодня едет в Андижан, попрощался и вышел.

После его ухода около подушки Муками нашел свернутый лист. Это было стихотворение Мухи:

Эй, Муками с согбенной головой,— как можетя?

Ты пожелтел, и взор блуждает твой,— как можетя?

Ты немощен и хил стал в эти дни от бедности,

Ты стал ничтожней праха под ногой,— как можетя?

Сатирой я клеймлю, но дать ответ бессилен ты,

Ты в споре посрамлен перед толпой,— как можетя?

Здравши нос, москит, ты мнил себя вороною,

А нынче стал помельче мошки той,— как можетя?

Ты беспредельно нагл, стыда в тебе ни капельки,

Ты слышишь, как глумлюсь я над тобой?— Как можетя?

И ты-то притязал поэтом слыть и мастером?

Теперь среди гуляк лежишь больной,— как можетя?

Спешил ты умереть, чем жить, вот так, сын пекаря!

Ты пригвожден погибельной судьбой,— как можетя?

Когда же человеком станешь ты, презреннейший,

Гуляк наперсник, друг их дорогой,— как можетя?

Что в мире есть худого, средь того ты — худшее,
Осла и пса ты превзошел собой,— как можется?

Внизу под этим стихотворением Мухи приписал еще один бейт на фарсидском языке:

Эй, Мухи, стрелой сатиры супостата уничтожь,
Для того ни меч не нужен, и ни камень, и ни нож.

Сдавленным голосом Мукими позвал:
— Абдулла!..

Когда Абдулла вбежал в прихожую, он увидел, что губы больного шевелятся. Мукими силился что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

Наклонившись к самому изголовью, Абдулла скорее догадался, чем расслышал:

— Бумагу!.. Перо!

Абдулла бросился за бумагой, чернильницей и пером.

Дрожащей рукой с большим трудом поэт вывел две строчки, но ужасный приступ кашля не позволил ему продолжать.

В прихожую вошел Закир с кринкой молока, и в этот момент у Мукими пошла горлом кровь. На руках верного Абдуллы и старого друга Закира поэт и умер.

В руке его был судорожно сжат скомканный листок со словами:

Вразрез с Мухи, в укор ему,
скажи-ка слово, Мукими:
Мол, будет время — и меня
припомнят светлые умы!

ЭПИЛОГ

Горестная весть о кончине поэта мгновенно разнеслась по всему Коканду. Люди с чувством глубокой скорби, с глазами, полными слез, торопливо шли в сторону махалли Беквачча. И скоро у медресе Хазрат собралась большая толпа народа.

В крытом проходе, ведшем во двор медресе, люди оставались и стояли подолгу в полном молчании, склонив головы и молитвенно сложив руки на груди.

Из ближних кишлаков направлялись в Коканд дехкане, кто верхом, кто пешком,— все спешили на похороны поэта. Подпоясавшись поверх халата поясным платком,

Мавлави Юлдаш ходил среди народа и громким голосом объявлял:

— Похороны покойного назначены на завтра. Еще в течение одной ночи желающие могут один за другим войти и попрощаться с нашим дорогим другом.

Народ молча заходил в хужру. В прихожей вместе с близкими, друзьями и учениками поэта стоял, прислонившись к стене, оцепеневший от горя Акбарходжа. В ногах покойного сидела выбившаяся из сил, с распущенными седыми волосами Зиёда-биби и, не отрывая глаз от Мукими, со стоном и рыданиями причитала:

Моя надежда и опора,
О дитя мое!
Мой сад в плодоношенья пору,
О дитя мое!
Когда ты в мир пришел, мой дом
Стал полной чашей.
Нет, не тебе, а мне, сынок,
Мне умереть бы краше!
Покой не шел тебе навстречу,

О дитя мое!
Не знал ты юности беспечной,
О дитя мое!

Опираясь на посох, с лицом, мокрым от слез, пришел мастер, певец и музыкант Исмаил Махрам. Через плечи его был перекинут хурджун, а за поясом торчала свирель. Он сел рядом с Шадманом-хаджи, вынул из-за пояса свирель и заиграл мелодию «Наво» из «Шашмакома». Шадман-хаджи поманил к себе Гариби и сказал:

— Позовите Ковула...

Когда Гариби привел Ковула, Шадман обратился к нему с просьбой:

— Пошлите, пожалуйста, мальчика, пусть он принесет из вашей мастерской дутар и тамбур. Я должен играть для Мукими от зари до зари его любимые мелодии.

На землю спустилась вечерняя мгла, во дворе медресе постелили паласы, зажгли фонари. Толпы собравшихся в глубоком молчании, скорбя умершему, слушали мелодию «Наво», которую играл на свирели Исмаил Махрам. Около полуночи Шадман обратился с просьбой к Мавлави Юлдашу, Миёну Сотыболдыхану, Завки:

— Позвольте мне теперь сесть рядом с моим другом и спеть ему мое «Рыдание». Ведь Мукими при каждой

встрече со мной выражал желание послушать «Рыдание». Дайте же я в последний раз сыграю и спою для него.

Оставив тело покойного в худжре при свете свечей, друзья вышли во двор. А Шадман, опустившись на подстилку у ног Мукими, начал петь. Друзья не спали всю ночь до рассвета.

Утром тысячи простых людей пришли проститься с поэтом. В присутствии огромной толпы, собравшейся во дворе медресе перед выносом тела, Мавлави Юлдаш объявил:

— Неделю назад наш дорогой, наш любимый Мухаммед Аминходжа Мукими завещал вашему покорному слуге: «Если придет час мне умереть, если мне придется покинуть мир и вы понесете мое брэнное тело на кладбище, не идите молча. Пойте песни! Пусть играет музыка!» И я говорю: мы должны выполнить последнюю волю нашего дорогого друга!

Друзья подняли носилки с телом покойного и вынесли из медресе. Впереди понесли носилки Мавлави Юлдаш и Миён Сотыболдыхан, сзади — уста Ковул и поэт Завки. Через каждые десять шагов носилки с телом Мукими переходили из рук в руки. Впереди похоронной процессии шагали сорок старцев с посохами в руках. Вслед за ними двигались музыканты, игравшие на своих инструментах. В одном ряду с ними шли певцы. Они пели печальные мелодии под аккомпанемент свирелей и тамбуров.

Позади всех очень долго бежали с раздирающими душу воплями босые с непокрытыми головами Зиёда-биби и ее дочь Ойша. Их поддерживали под руки женщины, уговаривавшие не ходить дальше, так как женщинам не положено было провожать умерших на кладбище.

Могильщик, которого Мукими просил вырыть для себя могилу под деревом аргуван у ног гробницы Джабали, не мог своевременно выполнить последнего желания поэта. Шейх гробницы не позволял рыть здесь могилу.

В день, когда Мукими скончался, могильщик пришел в медресе и, отозвав в сторону Мавлави Юлдаша и Абиджана-аглыма, сказал им: «Чтобы я мог выполнить завещание Мукими, я прошу вас отложить похороны до завтра!» Но он не объяснил тогда, в чем дело.

Однако после полуночи на кладбище пришли с фонарем главный могильщик и Гариби. Они выбрали место у стены склепа под самым аргуваном и принялись рыть могилу. Когда тело Мукими принесли на кладбище, они все еще выбрасывали землю из ямы. Все кладбище было заполнено толпами народа. Всюду слышались рыдания,

им вторила музыка. Вздохи, стоны, вопли — все сливалось с печальным пеннем певцов, провожавших своего любимого друга. Тело Мукими сняли с носилок и передали в руки могильщика и его учеников. Из могилы доносились вопли Гариби:

Не в избытке ль страдалец страданье познал,
мой учитель?

Не в избытке ли, телом ссыхаясь, страдал,
мой учитель?

Нынче тысячу раз повторяю:
«Прощай, покровитель!»

Нынче тысячу раз повторяю:
«Прощай, мой учитель!»

Горестные слова затихли. Тело покойного положили в боковое углубление. Под рыдания, вопли и крики сотен людей в могилу посыпалась земля. Скоро над могилой вырос небольшой холмик, и на обширном кладбище на несколько минут воцарилась тишина.

Затем опять раздались печальные звуки мелодии «Наво» на свирели, «Рыдание» — на тамбуре, плач, вопли. Крики «прощай!» — разнеслись по всему кладбищу.

Поднявшись на холмик, Мавлави Юлдаш успокоил народ и взволнованно прочел наизусть написанное им самим на таджикском языке стихотворение, посвященное памяти Мукими. В последней строке были подобраны слова с такими буквами, числовое значение которых в общей сумме означало год, месяц и число смерти поэта:

Мухаммед Аминходжа
нас добрым нравом покорял,
Для себя и для стихов
он имя «Мукими» избрал.
Молчалив, спокоен, тих,
мыслью беспредельно чист,
Не прикрашивал добро,
а зло и скверну презирал.
В сердце слезный ток неся,
он путь свой жизненный свершил,
Семя горечи возрадив,
он горем сердце расширял.

По мусульманскому летоисчислению это был 1321 год, 27 сафара, или 25 мая 1903 года.

Сабир Абдулла

МУҚИМИ

(«Скиталец»)

РОМАН

Перевод с узбекского

Печатается по изданию: Сабир Абдулла. Скиталец.
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1970

Редактор Л. Казакова
Художник А. Мамаджанов
Художественный редактор А. Кива
Технический редактор Э. Саидов
Корректор Т. Красильникова

ИБ № 3807

Сдано в набор 03.04.87. Подписано в печать 30.12.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,16+0,42 вкл. Усл. кр.-оттисков, 21,42. Уч.-изд. л. 21,92+0,76 вкл. Тираж 60000. Заказ № 1022. Цена 1 р. 70 к. Договор № 33—87.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент—700129. ул. Навои, 30.